

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ

Э. Гартман

**СУЩНОСТЬ
МИРОВОГО ПРОЦЕССА,
ИЛИ
ФИЛОСОФИЯ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО**

Метафизика
бессознательного

Eduard von Hartmann
PHILOSOPHIE DES UNBEWUSSTEN

Э. Гартман

**СУЩНОСТЬ
МИРОВОГО ПРОЦЕССА,
ИЛИ
ФИЛОСОФИЯ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО**

**Метафизика
бессознательного**

Перевод
с четвертого немецкого издания
и предисловие
А. А. Козлова

Издание второе,
исправленное

URSS
МОСКВА

Гартман Эдуард фон

Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного. Пер. с нем. / Предисл. А. А. Козлова. Изд. 2-е, испр. — М.: КРАСАНД, 2010. — 440 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии.)

Вниманию читателей предлагается классический труд выдающегося немецкого философа Э. Гартмана (1842–1906), принесший ему мировое признание. Книга целиком посвящена проблеме бессознательного, которое, по мнению автора, выступает как неотъемлемый элемент человеческой психики, источник жизни и ее движущая сила. Автор отталкивается от эмпирических фактов и выводит из них свою основную гипотезу, от которой через ряд выводов и соображений приходит к метафизической сущности и ко всем главным положениям своего мировоззрения.

Настоящее издание, представляющее собой второй том книги, посвящено собственно метафизике бессознательного. Первый том, в котором проводится исследование бессознательного в явлениях телесной и духовной жизни человека, выходит одновременно со вторым в нашем издательстве.

Книга предназначена философам, психологам, историкам науки, всем заинтересованным читателям.

Издательство благодарит В. В. Васильева и Ю. И. Семенова за бесценную помощь, оказанную при издании этой книги.

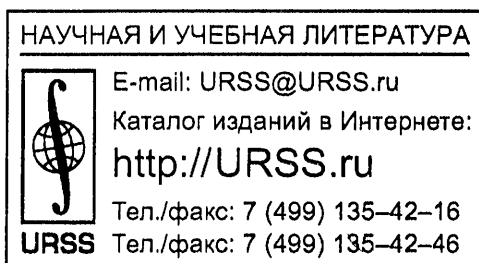
Издательство «КРАСАНД», 121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.
Формат 60×90/16. Печ. л. 27,5. Зак. № 3788.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

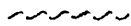
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00251-7

© КРАСАНД, оформление, 2010

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Здѣсь въ подлежащемъ выпускѣ окончена „Философія Безсознательнаго“ Гартмана. Теперь считаю нужнымъ высказать относительно моего труда нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Если первый выпускъ есть почти полный переводъ нѣмецкаго подлинника, то этотъ второй еще болѣе можно назвать таковымъ. Передѣлки и выпуски, за такимъ ничтожнымъ исключеніемъ, о которомъ не стоитъ говорить, оказались не удобными. На передѣлки я не рѣшался изъ боязни въ чѣмъ либо видоизмѣнить мысль Гартмана; боязнь же самая мотивировалась тѣмъ, что я имѣлъ въ виду какъ свою собственную критику „Философіи Безсознательнаго“, такъ и критику другихъ. Конечно, для критики важно имѣть дѣло съ подлинными не только мыслями, но и выраженіями разбираемаго автора. Выпуски же были невозможны, потому что нечего было выпускать. Въ первомъ выпускѣ еще можно было кой что выпустить безъ ущерба для мысли Гартмана, напр., нѣкоторые примѣры. Но во второмъ, ко-

торый, по преимуществу, составляет выводы изъ перваго, или же оригинальныя воззрѣнія автора съ точки зрѣнія его началъ на нѣкоторые общенаучные вопросы, напр., гл. III, IV, VII, VIII, или же оригинальныя воззрѣнія на собственно философскіе предметы, выпускать почти ничего не пришлось. Правда, во второмъ выпускѣ сдѣланы были два значительные выпуска, которые и оговорены въ своемъ мѣстѣ, но уже чисто изъ внѣшнихъ соображеній. Итакъ, читатель въ моемъ трудѣ будетъ имѣть дѣло не только съ мыслями самаго Гартмана, но и почти съ *ipsissimis verbis*. Это „почти“ я употребляю только (особенно для втораго выпуска) ради полной точности. Для знакомыхъ съ подлинникомъ это очевидно. Второй выпускъ переведенъ по 4 изданію подлинника. Въ пятомъ (теперь уже напечатано шестое и стереотипомъ), по моему мнѣнію, нѣтъ никакихъ такихъ прибавленій, о которыхъ стоило бы хлопотать.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о слѣдующемъ уже собственно моемъ трудѣ. По нѣкоторымъ соображеніямъ, о которыхъ я дамъ отчетъ читателю въ предисловіи къ нему, я долженъ видоизмѣнить планъ его такимъ образомъ. Въмѣсто одной книжки, въ которой я думалъ сдѣлать критическую оцѣнку системы Гартмана, я предполагаю выдать ихъ не одну, а, если позволятъ силы и обстоятельства, нѣсколько въ видѣ этюдовъ о разныхъ предметахъ, входящихъ въ область философскаго познанія. Но эти этюды не исключаютъ полной и всесторонней оцѣнки системы Гартмана, ибо по всѣмъ предметамъ, которые будутъ составлять содержаніе этихъ этюдовъ, я рассмотрю критически и

воззрѣнія Гартмана. Я даже считаю себя къ тому обязаннымъ, ибо личное мое міросозерцаніе не всегда совпадаетъ съ міросозерцаніемъ „Философіи Безсознательнаго“. Итакъ, прошу читателя не связывать тѣсно оконченаго мною труда съ послѣдующимъ и принять два изданные мною выпуска за то, что они суть въ отдѣльности, т. е., за полное изложеніе или почти переводъ „Философіи Безсознательнаго“ Гартмана.

А. К.

МЕТАФИЗИКА БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОГО.

ГЛАВА I.

Головной мозгъ и ганглии суть условія сознанія у животныхъ.

Сознательная духовная дѣятельность зависитъ отъ функцій мозга. Мозгъ предназначенъ болѣе для духовной жизни, чѣмъ для тѣлесной. Зависимость духовной жизни отъ состоянія мозга. Опроверженіе гипотезы безтѣлеснаго сознанія.

По мѣрѣ того, какъ распространяются въ образованномъ обществѣ знанія естественнонаучныя вообще и физиологическія въ частности, матеріалистическое міросозерцаніе становится преобладающимъ. Это зависитъ отъ простоты, ясности и бросающейся въ глаза очевидности фактовъ, на которые опирается матеріалистическое ученіе о душѣ животныхъ и человека. Эти факты столь наивно и непосредственно говорятъ въ его пользу, что спиритуалистической психологіи, которая строитъ свое ученіе о духѣ на трудныхъ тонкостяхъ дедукціи и теоріи вѣроятностей, а также нерѣдко на произвольныхъ предположеніяхъ или же на мистическихъ основахъ, весьма трудно бороться съ матеріализмомъ. Такъ какъ у огромнаго большинства людей во все нѣтъ какъ потребности къ спекулятивному мышленію, такъ и философскаго образованія, то матеріализмъ, обращаясь къ этому большинству, можетъ смѣло не задумываться надъ своимъ разногласіемъ съ фи-

лософіей. Не имѣя ни *потребности*, ни *способности* останавливаться на ея трудно понимаемыхъ отвлеченностяхъ, онъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, считаетъ праздными высшіе вопросы, которые ставитъ себѣ спекулятивная философія и быстро распространяется, опираясь на почти ежедневныя открытія въ естественныхъ наукахъ. Отсюда для философіи, если только она хочетъ серьезно бороться съ матеріализмомъ, нужно *вполнѣ принять въ расчетъ всѣ результаты естественныхъ наукъ* и безъ малѣйшихъ ограниченій *принять въ себя*, саму по себѣ вполнѣ правомѣрную, исходную точку матеріализма.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ игнорированья и пустыхъ словоизвитій отдѣлаться отъ основнаго положенія матеріализма: „всякая сознательная духовная дѣятельность можетъ происходить только при нормальныхъ отправленіяхъ мозга?“ Если же матеріализму скажутъ, что эта дѣятельность есть продуктъ не однихъ только функций мозга, а еще и другаго фактора, то, вѣдь, этотъ факторъ самъ по себѣ ни въ чемъ не обнаруживается и совпадаетъ съ дѣятельностію нормальныхъ функций мозга. Отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что нѣтъ ни малѣйшей надобности и принимать въ расчетъ этотъ другой-то факторъ, какъ ненужный, ничего не говорящій балластъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда мы знакомы съ бессознательною духовною дѣятельностію, когда мы знаемъ, что безъ ней, какъ первоначальной, была бы беспомощна и парализирована въ своемъ ходѣ сама сознательная дѣятельность. При этомъ знаніи, вышеупомянутое матеріалистическое положеніе сохраняетъ свою силу только относительно *сознательной* духовной дѣятельности и совершенно неприложимо къ бессознательной. Эта послѣдняя вполнѣ независима отъ функций мозга, слѣдовательно, не обусловлена матеріей.

Взглянемъ же вкратцѣ на факты, на которыхъ можно основать высказанныя сейчасъ положенія.

1) Мозгъ *) въ формальномъ и въ матеріальномъ отношеніи есть высшій продуктъ органической образующей дѣятельности. Ни одинъ органъ не можетъ сравняться съ мозгомъ въ нѣжности, удивительномъ разнообразіи формъ и тонкихъ особенностяхъ строенія. Ганглиозныя клѣточки мозга частію выпускаютъ изъ себя первичныя нервныя волокна, частію соединяютъ послѣднія съ другими клѣточками, частію окружены ими. Эти волокна, которыя суть трубочки шириною около $\frac{1}{100}$ линіи, наполненныя маслообразнымъ, способнымъ къ свертыванью содержимымъ, самымъ прихотливымъ образомъ переплетаются и пересѣкаются другъ съ другомъ. Относительно химическаго состава мозга мы знаемъ, что онъ сравнительно очень сложенъ, что въ разныхъ мѣстахъ мозга этотъ составъ различенъ, что въ немъ играютъ важную роль спеціальныя мозговые жиры съ содержащимся въ оныхъ фосфоромъ и что въ немъ же находятся вещества, не встрѣчающіяся въ другихъ тканяхъ, напр., церебринъ и лецитинъ.

2) Въ мозгѣ обмѣнъ вещества быстрѣе, чѣмъ въ какой либо другой части тѣла, а потому и притокъ крови къ нему несравненно сильнѣе. Ясно, что въ немъ сконцентрирована жизненная дѣятельность болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ тѣла.

3) Мозгъ не имѣетъ непосредственной важности для органическихъ функцій тѣлесной жизни. Изъ опытовъ Флуранса мы знаемъ, что животныя, если только мозгъ вынуть у нихъ осторожно и безъ большой потери крови, могутъ жить и безъ него цѣлые дни и мѣсяцы.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ заключаемъ, что мозгъ — этотъ цвѣтъ организма и очагъ самой живой дѣятель-

---

*) Разумѣется, большой головной мозгъ.

ности, предназначенъ для *духовной*, а не для *тѣлесной* жизни.

4) Съ повышеніемъ совершенства мозга или заступающаго его ганглія повышаются и духовныя способности животныхъ, между тѣмъ какъ тѣлесныя функціи совершаются среднимъ числомъ одинаково хорошо, не смотря на то, глупо или умно животное.

5) Духовныя задатки и способности стоятъ въ прямой зависимости отъ количества мозга, если только нѣтъ особыхъ уклоненій въ качествѣ его. „По измѣреніямъ англичанина Пикока вѣсъ человѣческаго мозга постоянно и быстро прибываетъ до двадцатипятилѣтняго возраста и остается на одной нормѣ до пятидесятилѣтняго и потомъ постоянно уменьшается. По Симсу мозгъ увеличивается въ массѣ до тридцатаго или сороковаго года, и достигаетъ только между сороковымъ и пятидесятымъ годомъ наибольшаго своего объема. Мозгъ стариковъ атрофируется, т. е., становится меньше и сморщивается, между отдѣльными его извилами, которые прежде лежали плотно другъ къ другу, образуются пустоты. При этомъ субстанція мозга становится гуще, цвѣтомъ сѣрѣе, бѣднѣе кровью; извивы становятся уже; и химическій составъ старческаго мозга по Шлоссбергеру приближается къ составу дѣтскаго.“ (Büchner, Kraft und Stoff 5 Aufl. § 109). Средній вѣсъ по Пикоку доходитъ у мужчинъ до 56, у женщинъ до 44 унцій, по Гофману разница доходитъ только до 2 унцій. Лоре изъ измѣреній 2000 головъ нашелъ, что какъ весь объемъ, такъ и поперечникъ, взятый въ различныхъ мѣстахъ черепа у женщинъ всегда меньше, чѣмъ у мужчинъ. У нѣкоторыхъ лицъ вѣсъ мозга значительно превышаетъ вѣсъ 3 — 3½ фунтовъ: у Кювье вѣсилъ онъ болѣе 4-хъ фунтовъ. У природныхъ идіотовъ мозгъ всегда поразительно малъ; и обратно особенно малая величина мозга всегда соединена съ идіотизмомъ. Пан-

гаппе указываетъ на 782 случая уменьшенія вѣса мозга при параллельной потерѣ ума въ умопомѣшательствѣ или въ глубокомъ душевномъ разстройствѣ. У всѣхъ кретиновъ мозгъ малъ, черепъ также малъ, асимметриченъ и уродливъ, особенно же полушарія. Мозгъ негра меньше, чѣмъ Европейца, лобъ закинутъ назадъ, черепъ мало-объемистъ, вообще живоотнообразенъ; у природнаго новозеландца поразительный недостатокъ въ верхнихъ частяхъ мозга. У европейцевъ строеніе черепа значительно усовершенствовалось въ историческія времена: именно, съ успѣхами цивилизаціи, выступаетъ передняя часть головы на счетъ задней, какъ то доказываютъ раскопки изъ различныхъ временъ. Тоже оказывается при сравненіи образованныхъ и низшихъ сословій, на что даже между прочимъ указываютъ и наблюденія шляпныхъ мастеровъ. Конечно, въ этомъ отношеніи доказательства могутъ быть даны только средними числами, а не отдѣльными случаями. Бываютъ уклоненія (напр., умные люди имѣютъ малый черепъ, а глупые большой), которыя объясняются частію толщиной черепа, частію различіемъ въ дарованіяхъ и развитіи оныхъ, частію фигурою извивовъ и качествомъ мозга.

О вліяніи качества мы знаемъ не многое. Напр. дѣтскій мозгъ киселеобразнѣе, водянистѣе, бѣднѣе жиромъ, чѣмъ у взрослога; различія между сѣрымъ и бѣлымъ веществомъ, а также микроскопическія особенности образуются только постепенно съ возрастомъ. Ясно обнаруживающаяся у взрослыхъ такъ называемая волокнистость мозга еще не различима у дѣтей: чѣмъ явственнѣе эта волокнистость, тѣмъ болѣе обнаруживается и духовная дѣятельность. Мозгъ зародыша заключаетъ весьма мало жира (а съ нимъ и фосфора), который и увеличивается ко времени рожденія, а у новорожденнаго вмѣстѣ съ ростомъ. У животныхъ также

среднимъ числомъ въ мозгу тѣмъ болѣе жира, чѣмъ выше стоитъ животное и чѣмъ меньше его мозгъ сравнительно съ умомъ, напр., у лошади. Этотъ жиръ, по видимому, весьма важенъ, ибо у голодающихъ животныхъ мозгъ не теряетъ части своего жира, а другіе органы теряютъ. Весьма важный также факторъ, могущій парализовать даже малый вѣсъ, есть величина поверхности мозга, которая зависитъ отъ числа, глубины и фигуры мозговыхъ извиловъ. Среднимъ числомъ извивы и борозды мозга тѣмъ многочисленнѣе, глубже и запутаннѣе, чѣмъ выше стоитъ видъ животныхъ или человѣческая порода.

Что касается до того, что нѣкоторыя низшія животныя, самыя большія въ наше время, имѣютъ большую массу мозга чѣмъ люди, то это кажущееся отклоненіе объясняется тѣмъ, что сквозь мозгъ этихъ животныхъ проходитъ множество толстыхъ нервныхъ пучковъ, а кромѣ того тѣмъ, что этотъ перевѣсъ относится къ тѣмъ частямъ мозга, которыя заправляютъ произвольнымъ движеніемъ, для котораго у большихъ животныхъ требуется, конечно, и значительное развитіе механической силы. Въ сущности же ни у одного животного не получаютъ такого количественнаго развитія переднія части мозга, преимущественно заправляющія функціями мышленія.

6) Подобно всякому другому органу, мозгъ укрѣпляется отъ упражненія, отъ сознательнаго мышленія, постоянно сопровождаемаго потерей вещества, дѣлается способнѣе къ мышленію и выигрываетъ какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ.

Альберсъ въ Боннѣ, анатомировавшій мозги многихъ лицъ, говоритъ что у людей, долго работавшихъ умственно, вещество мозга тверже, сѣрое вещество и извивы мозга чрезвычайно развиты. Тоже доказывается и различіемъ мозговъ образованныхъ и низшихъ

сословій; на то же указываетъ и приращеніе мозга европейцевъ въ слѣдствіе прогрессирующей цивилизаціи, приращеніе, накапливавшееся при помощи наследственности. Что касается до траты вещества, то оно доказывается съ одной стороны утомленіемъ мышленія, съ другой не только возбужденіемъ аппетита въ слѣдствіе духовной работы, но даже по измѣреніямъ Дери (Dery) и повышеніемъ животной теплоты. Извѣстно, что ремесленники, мало напрягающіеся физически и ведущіе сидячую жизнь напр., портные, сапожники, гораздо охотнѣе пристають къ религіознымъ или политическимъ партіямъ, чѣмъ работники много напрягающіеся физически. Никто не въ состояніи быстро бѣжать и въ то же время заниматься какими либо соображеніями, ибо запасъ живой силы въ тѣлѣ всецѣло превращается здѣсь въ мускульную силу, такъ что ничего ни остается для мышленія. Даже, идя шагомъ, мы произвольно останавливаемся, если сосредоточиваемся въ мысляхъ и впадаемъ въ глубокую задумчивость.

7) Всякое поврежденіе мозга производитъ разстройство сознательной духовной дѣятельности. Что касается до замѣны поврежденной части мозга другою здоровою, то она рѣдко возможна. Для этой замѣны нужно, чтобы больное мѣсто вовсе не имѣло никакихъ вліяній (напр. черезъ давленіе) на здоровыя части, а также, чтобы напр. больная половина мозга вовсе не функционировала. Если же функціи больной части продолжаются, то они отнимаютъ всякую цѣнность и у функцій здоровой части. Въ слѣдствіе этого прекращенія давленія больной части на здоровую или въ слѣдствіе полного прекращенія дѣятельности больной части послѣ долгаго помѣшательства наступаетъ вдругъ, особенно передъ смертью, удивительное явленіе полного духовнаго просвѣтленія, которое такъ поражаетъ людей не-свѣдущихъ.

Воспаленіе мозга производитъ помѣшательство и бѣшенство, изліяніе крови въ мозгъ—безпамятство и полную безсознательность, продолжительное давленіе на мозгъ (напр. мозговая водянка) — ослабленіе разсудка и идіотизмъ; переполненіе (напр., у пьяныхъ) или опустѣніе сосудовъ мозга производятъ обморокъ и безсознательность; болѣе быстрое кровообращеніе въ простой лихорадкѣ производитъ лихорадочныя фантазіи, которыя суть ничто иное, какъ временное помѣшательство; приливъ крови въ опьяненіи алкоголемъ производитъ всѣмъ знакомое духовное разстройство; опиумъ, гашишъ и другіе наркотики производятъ особыя свойственныя каждому состоянію опьяненія, которыя тождественны съ нѣкоторыми состояніями умопомѣшательства. Парри сдавливаніемъ шейной артеріи могъ прекращать припадки бѣшенства, а по опытамъ Флемминга тоже у здоровыхъ производитъ сонъ и бурныя сновидѣнія. Короткошейныя животныя и люди среднимъ числомъ сангвиничнѣе, чѣмъ длинношейные, потому что по близости къ сердцу въ ихъ мозгу живѣе обращается кровь. Въ слѣдствіе болѣзней мозга не рѣдко теряется память вполне, или же только отчасти для нѣкоторыхъ отдѣловъ знанія, напр. для языковъ однако безъ паралича органовъ языка (афазія) и при ясномъ разсудкѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, или же только для собственныхъ именъ, для прожитыхъ событій нѣкоторыхъ годовъ или событій жизни. Поразительные примѣры подобныхъ потерь и выздоровленій собраны въ психологіи Лессена.

Извѣстный фактъ, что ни одинъ родъ болѣзней не бываетъ въ такой высокой степени наследственнымъ, какъ душевныя болѣзни, указываетъ на то, что всякое разстройство въ духѣ (прямо или косвенно) зависитъ отъ разстройства функцій мозга: ибо наследственный переходъ аномалій въ центральныхъ органахъ

нервной системы путемъ рожденія (подобно туберкуламъ, скрофуламъ, раку и др. болѣзнямъ) легко можно представить, но о возможности перехода нематеріальныхъ психическихъ аномалій мы не можемъ имѣть никакого понятія. (см. I т. гл. III.)

8) *Не существуетъ никакой сознательной духовной дѣятельности внѣ или за функціями мозга*, ибо если мы, согласно съ предыдущимъ, примемъ, что разстройство нормальныхъ функцій мозга разстраиваетъ и сознание, то необходимо должны принять, что полное отсутствіе функцій мозга вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаетъ и всякую сознательную дѣятельность.

Это параллельное и лѣстнице-образное совпаденіе разстройства функцій мозга съ разстройствомъ сознания уничтожаетъ всякую вѣроятность для предположенія, что будто во время разстройства мозга сознание замыкается само въ себѣ и не обнаруживается только во внѣ. Кромѣ того при этомъ предположеніи становится излишнимъ весь естественный аппаратъ для возникновенія мозгового сознания, ибо послѣднее могло бы быть и безъ мозга. Наконецъ противъ этого предположенія говоритъ еще и отсутствіе воспоминанія о томъ состояніи сознания, когда оно замыкалось въ себѣ при бездѣятельности мозга. Нѣкоторые думаютъ спасти это предположеніе тѣмъ, что допускаютъ двойное индивидуальное сознание (значитъ, и двойную (!) личность въ каждомъ), именно, безтѣлесное и мозговое сознание, при чѣмъ первое остается для послѣдняго несознаваемымъ. Все что можетъ быть сказано истиннаго въ этомъ отношеніи, относится къ, извѣстному намъ въ видѣ Безсознательнаго, духовному фону мозгового сознания: это Безсознательное можетъ быть принято за другое сознание тѣми, которые принимаютъ одну только сознательную духовную дѣятельность. Всѣ же аргументы, которые приводятся въ пользу безтѣлеснаго *сознанія* соб-

ственно, весьма неудачны. Чаще всего указываютъ, какъ на безтѣлесное сознаніе, на сознаніе въ магнетическомъ снѣ, которое отличается отъ сознанія сновидѣнія въ обыкновенномъ снѣ только тѣмъ, что въ немъ сообщеніе съ внѣшними чувствами затруднено нѣсколько менѣе и что функционирующая часть мозга находится въ состояніи искусственной гиперестезіи (чрезмѣрной раздражительности). Эта гиперестезія производитъ во первыхъ то, что воздѣйствія Безсознательнаго могутъ легче проникать въ сознаніе, а во вторыхъ то, что размѣръ колебаній мозга, при одинаковой живости представленія, гораздо незначительнѣе, чѣмъ въ другое время и, слѣдовательно, оставляетъ незначительнѣйшіе слѣды въ памяти, которые также, какъ и въ большей части обыкновенныхъ сновъ по исчезновеніи гиперестезіи, хотя и остаются но на столько слабыми, что не могутъ войти въ сознательное воспоминаніе путемъ обыкновенныхъ раздраженій.

Еще менѣе опоры для гипотезы безтѣлеснаго сознанія представляетъ вышеупомянутое возвращеніе сознанія передъ смертью. Въ этихъ случаяхъ совпаденіе внутренней гиперестезіи мозга съ внѣшнею анестезіею производитъ то особое просвѣтлѣніе духа, которое, по его прорицаніямъ и остротѣ воспоминаній, похоже на состояніе сомнамбулы, а по блаженной безмятежности и по тихой, безболѣзненной ясности похоже на то сходное нервное состояніе (анельгезія), которое бываетъ при высшихъ степеняхъ пытокъ или при опьяненіи нѣкоторыми наркотиками. Анестезія относительно внѣшняго міра при этомъ есть естественный противовѣсъ внутренней гиперестезіи. Мы находимъ её и въ другихъ случаяхъ: при восторженныхъ самозабвеніяхъ мистическихъ аскетовъ, у сомнамбуловъ, при слабыхъ степеняхъ хлороформированія, при употребленіи наркотиковъ, напр., хашиша, а иногда она встрѣчается при со-

стояніяхъ умопомѣшательства. Во всякомъ случаѣ чувство свободы отъ тѣла вовсе не указываетъ на уменьшеніе, а скорѣе на повышеніе раздражительности мозга, значитъ, всего менѣе можетъ подкрѣплять мнѣніе о безтѣлесности сознанія.

Все, что здѣсь сказано о человѣческомъ сознаніи, имѣетъ силу и для гангліевъ, которые у низшихъ животныхъ замѣняютъ мозгъ позвоночныхъ, а также имѣетъ силу и для спеціальнаго сознанія каждаго самостоятельнаго ганглійнаго узла въ человѣкѣ, въ высшихъ и низшихъ животныхъ и наконецъ для тѣхъ веществъ, которыя у низшихъ животныхъ замѣняютъ центральную нервную систему; а если бы нужно было признать сознаніе у растений или у неорганическихъ веществъ, то то же имѣетъ силу и для нихъ.

Г Л А В А II.

Происхождение сознания *).

Отличіе понятія: сознание отъ понятія: самосознание. Матеріальное движеніе есть необходимое условіе сознанія. Сознаніе въ Безсознательномъ обязано своимъ происхожденіемъ волѣ: оно есть изумленіе воли передъ не желаемымъ ею представленіемъ, а потому сознание всегда связано съ недовольствомъ. Процессъ становленія сознательнымъ представленія. Удовольствіе и недовольство, какъ объекты сознанія. Вѣчная неознаваемость воли. Объясненіе самообольщенія, будто мы о волѣ знаемъ непосредственно. Сознаніе не имѣетъ различій по степенямъ. Отличіе сознанія отъ вниманія. Что такое вниманіе. Смѣшеніе сознанія съ самосознаніемъ. Различіе въ сознаніи низшихъ и высшихъ животныхъ. Единство сознанія. Оно обусловлено проводимостью нервной системы.

Сознаніе не есть спокойное состояніе, но процессъ, постоянное становленіе сознаніемъ (*Bewusstwerden*). Само собою разумѣется, что этотъ духовный процессъ, которому сознаніе обязано своимъ происхожденіемъ, не можетъ быть постигнутъ сознаніемъ самого наблюдателя, ибо то, что производитъ сознаніе, должно лежать позади сознанія, а потому и недоступно сознательному самонаблюденію. Слѣдовательно, до происхожденія сознанія нужно добираться окольнымъ путемъ.

Прежде всего должно опредѣлить понятіе сознанія точнѣе и рѣзче, чѣмъ это было нужно до сихъ поръ.

---

*) Глава эта переведена почти вполнѣ: ея содержаніе составляетъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ философіи Гартмана. А. К.

Сперва нужно отличить его отъ самосознанія. Мое самосознаніе есть сознаніе меня самого, т. е., сознаніе субъекта моей духовной дѣятельности: а подъ этимъ субъектомъ я разумѣю не лежащую во внѣшнемъ мірѣ часть цѣлой причины моей духовной дѣятельности; значить, внутреннюю ея причину. Слѣдовательно, самосознаніе есть только спеціальный случай приложенія сознанія къ опредѣленному объекту, именно, къ предполагаемой внутренней причинѣ духовной дѣятельности, которая обозначается названіемъ субъекта. Отсюда сознаніе, какъ таковое, по своему понятію, свободно отъ сознательнаго отношенія къ субъекту, ибо оно въ себѣ и для себя (*an und für sich*) простирается только на *объектъ* и становится самосознаніемъ только тогда, когда случайно его *объектомъ* становится *представленіе субъекта*. Слѣдовательно, нѣтъ самосознанія безъ сознанія, хотя сознаніе можетъ быть мыслимо и безъ самосознанія. Только для сознательной рефлексіи, по скольку она существуетъ въ головѣ философа, мысленно стоящаго внѣ процесса и разсматривающаго его объективно, выступаютъ одновременно и въ одномъ и томъ же отношеніи субъектъ и объектъ, для рефлексіи, а вовсе не для самого субъекта процесса. Конечно, субъектъ и объектъ по свойственной имъ, какъ понятіямъ, природѣ, обуславливаютъ другъ друга; они соотносительны: но это свойство ихъ сознаваемо только философомъ и чуждо не рефлектирующему ощущенію простаго человѣка, а потому для него, при интуитивномъ пониманіи конкретнаго объекта, остается несознаваемымъ какъ отношеніе этого объекта, какъ понятія, къ понятію субъекта, такъ даже и само понятіе субъекта. Еще менѣе *чѣмъ съ самосознаніемъ*, имѣетъ общаго сознаніе съ понятіемъ *личности*, или тождества всѣхъ субъектовъ моихъ духовныхъ дѣятельностей, понятіемъ, которое въ большинствѣ случаевъ разумѣется въ словѣ: самосознаніе,

чего и мы, простоты ради, при будущемъ употребленіи его будемъ держаться. И такъ сознаніе относится только къ одному объекту представленія (мышленія), т. е. не къ *внѣшнему* объекту или вещи соотвѣтствующей представленію, а къ самому представленію (мысли), по скольку это послѣднее, какъ предметный результатъ процесса представленія (мышленія), можетъ быть названо объектомъ представляющей способности.

Что же такое наконецъ сознаніе? Не состоитъ ли оно только въ формѣ чувственности такъ, что оба понятія тождественны. Нѣтъ, ибо и Безсознательное должно было мыслить форму чувственности, ибо иначе послѣдняя не могла бы быть создана имъ столь цѣлесообразною. Можно мыслить о возможности сознанія въ совсѣмъ другихъ формахъ, если бы міръ былъ устроенъ иначе, или если бы подлѣ и за нашимъ пространственно-временнымъ міромъ существовали еще другіе міры въ другихъ формахъ бытія и сознанія, что вовсе не заключаетъ въ себѣ противорѣчія: ибо эти (по моему, сколько бы ихъ ни было) міры не могли бы мѣшать и касаться другъ друга и для всѣхъ было бы только одно Безсознательное, совершенно свободное отъ всѣхъ этихъ формъ. Значитъ на форму чувственности нужно смотрѣть такъ, что она для сознанія не есть нѣчто существенно необходимое, а только привходящее, случайное. Но не состоитъ ли сознаніе въ воспоминаніи? Конечно, воспоминаніе есть приличный критерій для сознанія, ибо чѣмъ живѣе сознаніе, тѣмъ сильнѣе должны быть колебанія мозга, и чѣмъ сильнѣе эти послѣднія, тѣмъ неизгладимѣйшій отпечатокъ оставляютъ они въ мозгу, т. е., тѣмъ легче и, при одинаковомъ возбужденіи, тѣмъ сильнѣе возникаетъ воспоминаніе. Но все таки воспоминаніе есть только слѣдствіе, вытекающее изъ сущности сознанія, а не самая его сущность. — Точно также сознаніе не состоитъ въ возможности сравне-

нія представленій, ибо и эта возможность есть только слѣдствіе формы чувственности, особенно же времени: и кромѣ того еще сознаніе можетъ быть особенно яснымъ, когда духъ наполненъ только однимъ представленіемъ безъ всякаго объекта сравненія.

Затѣмъ мы имѣемъ только одну твердую точку, съ которой можемъ выйти на прямую дорогу, а именно, то вышепоставленное положеніе, что *conditio sine qua non* сознанія суть колебанія мозга, говоря общее, матеріальное движеніе. Даже еслибы предположить многіе другіе міры, то, если держаться параллелизма мышленія и бытія, и въ этихъ мірахъ должно бы было быть нѣчто соотвѣтствующее матеріи, а условіемъ сознанія должна бы была быть дѣятельность этого нѣчто, соотвѣтствующая движенію. Если мы такимъ образомъ видимъ сущность сознанія въ его матеріальномъ происхожденіи и если припомнимъ, что бессознательная духовная дѣятельность должна быть рассматриваема какъ нѣчто не матеріальное, то, по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, представляются два слѣдующіе случая: *или* мы можемъ принять „волю и представленіе“ общимъ началомъ какъ для бессознательнаго, такъ и для сознательнаго представленія и при этомъ форму Бессознательнаго принять за первоначальную, а форму сознанія за продуктъ бессознательнаго духа и воздѣйствія на него матеріи; *или* же всю область духовной дѣятельности подѣлимъ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ такимъ образомъ, что первому подлежитъ сознательный духъ, второму бессознательный, т. е., приемъ, что хотя бессознательный духъ и имѣетъ самостоятельное, независимое отъ матеріи бытіе, но что сознательный духъ есть исключительно продуктъ матеріальныхъ явленій безъ всякаго содѣйствія бессознательнаго духа. Не трудно выйти изъ этой альтернативы на основаніи нашихъ предшествовавшихъ изслѣдованій

о содѣйствіи Безсознательнаго при возникновеніи всяческихъ сознательныхъ процессовъ. Одно уже существенное тождество сознательной и бессознательной духовной дѣятельности дѣлаетъ не мыслимымъ основное различіе въ происхожденіи обѣихъ. По крайней мѣрѣ, такой подѣлъ духовной области и отнесеніе частей этого подѣла къ различнымъ основнымъ философскимъ міросозерцаніямъ былъ бы еще произвольнѣе, чѣмъ подѣлъ, сдѣланный Шопенгауеромъ относительно воли и интеллекта. Къ тому же ниже мы и самую матерію приведемъ къ волѣ и представленію, значитъ, установимъ *существенное тождество духа и матеріи* и такимъ образомъ не оставимъ матеріализму никакой законной точки опоры. И такъ, намъ остается только принять первую гипотезу вышеставленной альтернативы. Но конечно, мы, принявъ первую гипотезу, еще не уяснили сущности сознанія, мы знаемъ еще только его факторы: съ одной стороны духъ въ его первоначальномъ бессознательномъ состояніи, съ другой воздѣйствующее на него движеніе матеріи. Во всякомъ случаѣ возникновеніе сознанія можетъ только зависѣть отъ *рода и способа, какимъ* представленіе подходитъ къ своему предмету. О матеріи сознаніе ничего не знаетъ, значитъ, производящій его процессъ долженъ лежать въ самомъ духѣ, хотя бы матерія и давала къ тому первый толчокъ. Матеріальнымъ движеніемъ опредѣляется содержаніе представленія, но въ этомъ *содержаніи* не заключается сущности сознанія, ибо тоже содержаніе, за исключеніемъ формы чувственности, можетъ быть мыслимо и бессознательно. Если же сознаніе не заключается ни въ содержаніи представленія, ни, какъ мы видѣли ранѣе, въ его формѣ чувственности, то *вообще* оно не можетъ заключаться въ *представленіи*, но должно быть въ условіи, которое къ представленію привходитъ со стороны.

Вотъ первый важный результатъ нашего исследования, который съ перваго взгляда можетъ показаться нѣсколько противорѣчащимъ обычнымъ воззрѣніямъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла каждый наблюдатель согласится въ истинѣ и ясности этого результата. Обыкновенно ошибаются въ томъ, что по большей части считаютъ сознание за нѣчто связанное только съ представленіемъ и забываютъ о сознаваемости удовольствія и недовольства. Отсюда безъ всякихъ соображеній принимаютъ просто на вѣру сознание за нѣчто присущее представленію, особенно же когда не знакомы съ безсознательнымъ представленіемъ, а потому и не спрашиваютъ, кому же обязано представленіе привнакомъ сознанія, кто ему, такъ сказать, даетъ этотъ предикатъ (т. е. сознательное): а отвѣчая на этотъ вопросъ, скоро бы замѣтили, что само оно дать себѣ его не въ состояніи. Если же между тѣмъ процессъ, производящій сознание, не смотря на свой матеріальный поводъ, все таки долженъ быть духовной природы, то искомымъ производителемъ этого процесса никто другой быть не можетъ, какъ только воля. Въ послѣдней главѣ I-го тома мы видѣли, что въ Безсознательномъ воля и представленіе связаны въ неразрывномъ единствѣ, а позже увидимъ, что спасеніе міра виждется на эмансипаціи интеллекта отъ воли, что въ сознаніи то и дана возможность этой эмансипаціи и что весь міровой процессъ только на эту цѣль и мѣтитъ. Сознаніе съ одной стороны и эмансипація *представленія отъ воли* съ другой, какъ мы уже это знаемъ, стоятъ въ самой тѣсной связи. Стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ далѣе; и мы признаемъ тождество того и другого и тотчасъ же найдемъ разрѣшеніе проблемы о сознаніи, согласно съ только что полученными результатами. Сущность сознанія заключается въ томъ, что съ одной стороны представленіе оторвалось

отъ своей природной почвы, отъ воли, которая его осуществляетъ, а съ другой, что воля противится такой эмансипаціи. Сей часъ мы нашли, что предикатъ сознанія сообщается представленію волею, а теперь мы укажемъ и на содержаніе этого предиката. Оно заключается въ изумленіи воли *передъ не желаемымъ ею, а тѣмъ не меньше ставшимъ оцутительнымъ бытіемъ* представленія. Представленіе, какъ мы видѣли, въ самомъ себѣ вовсе не имѣетъ интереса въ своемъ существованіи, никакого стремленія къ бытію; отсюда, пока нѣтъ никакого сознанія, оно всегда вызывается волею. Слѣдовательно, до возникновенія сознанія духъ, по своей природѣ, не можетъ имѣть никакихъ другихъ представленій, кромѣ тѣхъ, которыя, бывъ вызваны къ бытію волею, и составляютъ содержаніе этой послѣдней. И вдругъ организованная матерія врывается въ этотъ миръ духа съ самимъ собою и создаетъ индивидуальному духу представленіе, которое какъ бы падаетъ передъ нимъ съ неба, ибо онъ не находитъ въ себѣ никакой воли для этого представленія и въ первый разъ для него „содержаніе созерцанія дано извнѣ.“ Такимъ то образомъ совершилась великая революція, первый шагъ къ освобожденію міра сделанъ, представленіе оторвалось отъ воли для того, чтобы въ будущемъ выступить передъ нею въ качествѣ самостоятельной силы, чтобы подчинить себѣ своего до сихъ поръ господина. Это изумленіе воли передъ сопротивленіемъ противъ ея до сихъ поръ признаннаго владычества, это смущеніе, которое является въ Безсознательномъ вслѣдствіе выдренія представленія, *и есть сознаніе*. Не говоря образнымъ языкомъ, я думаю объ этомъ событіи такимъ образомъ. Возникаетъ представленіе, занесенное извнѣ. Безсознательное поражено необычнымъ явленіемъ, что существуетъ представленіе, которое не желаемо. Это изумленіе не можетъ происходить отъ одной

воли только, ибо воля абсолютно безумна, а слѣдовательно, слишкомъ слѣпа, чтобы изумляться и поражаться; оно не можетъ происходить и отъ одного представленія, ибо извнѣ занесенное представленіе таково, какимъ слѣдуетъ быть представленію (*ist wie sie ist*), и не имѣетъ никакой причины удивляться самому себѣ. Всѣ же прочія представленія, исключая этого одного, какъ мы знаемъ, въ Безсознательномъ соединены въ неразрывномъ единствѣ съ волею. Слѣдовательно, во первыхъ изумленіе можетъ происходить отъ двухъ сторонъ Безсознательнаго, воли и представленія вмѣстѣ, а во вторыхъ, то, что въ изумленіи есть представленіе, можетъ существовать только отъ воли же, которой содержаніе *) оно образуетъ. Значитъ, нужно понимать это такъ, что занесенное извнѣ представленіе дѣйствуетъ на волю какъ *мотивъ*, который и вызываетъ именно *такую* волю, которой *содержаніе* составляетъ *отрицаніе* его (т. е. представленія). Ибо, если бы эта послѣдняя возбужденная воля относилась утвердительно къ представленію, то опять таки не было бы *никакой оппозиціи* и никакого сознанія. Слѣдовательно, возбужденная въ данномъ случаѣ воля должна относиться къ представленію отрицательно, и изумленіе есть моментъ возникновенія этой отрицающей воли, есть внезапное, мгновенное появленіе сопротивленія воли. И въ обыкновенномъ языкѣ слово—изумленіе не выражаетъ ничего болѣе, какъ ту мысль, что въ нашемъ человѣческомъ опытѣ этотъ процессъ заключается въ мгновенно наступающей оппозиціи между *сознательными* моментами, въ данномъ же случаѣ онъ имѣетъ мѣсто между *безсознательными* моментами. Вотъ, все, что слѣдуетъ сказать въ оправданіе часто употребляемаго выраженія. Употребляя часто это выраженіе—

---

*) Т. е. содержаніе изумленной воли.

изумленіе *воли*, я, конечно, разумѣлъ волю уже наполненную представленіемъ и имъ *опредѣленную*. Наконецъ нужно замѣтить, что воля, имѣющая сопротивляться извнѣ занесенному представленію, *слишкомъ слаба*, чтобы привести въ исполненіе свое отрицательное намѣреніе, значить, она безсильная воля, для которой нѣтъ удовлетворенія, а слѣдовательно, и соединена съ недовольствомъ. Отсюда всяческій процессъ сознаваемости *eo ipso* соединенъ съ нѣкоторымъ недовольствомъ, — онъ есть ничто иное, какъ гнѣвъ Безсознательнаго на вмѣшательство представленія, вмѣшательство, которое должно терпѣть и нельзя устранить. Онъ есть горькое лекарство, безъ котораго нѣтъ спасенія, и при томъ такое лекарство, которое каждый моментъ проглатывается въ такихъ микроскопическихъ дозахъ, что его горечь ускользаетъ отъ самоощущенія. *)

Противоположность между волею и представленіемъ усиливается еще тѣмъ, что представленіе дано не непосредственно матеріальнымъ движеніемъ, но только *законосообразною реакціею Безсознательнаго на это воздѣйствіе*, значить, дѣло въ томъ, что Безсознательное должно отвѣчать на это воздѣйствіе *длительностію*, которая у него какъ бы *вынуждена*. Такимъ образомъ возникаютъ прежде всего простыя качества чувственныхъ впечатлѣній, каковы тонъ, цвѣтъ, вкусъ и т. д.; далѣе изъ отношеній ихъ другъ къ другу строится цѣлое чувственное воспріятіе, а изъ него въ свою очередь путемъ воспроизведенія мозговыхъ колебаній происходятъ воспоминанія, а путемъ опусканія частей со-

---

*) Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что какъ это мѣсто, такъ и вообще глава о происхожденіи сознанія уступаетъ въ ясности другимъ предметамъ, о которыхъ трактуетъ Гартманъ. Причина этой неясности будетъ мною объяснена, когда приступлю къ критикѣ его философской системы. А. К.

держанія послѣднихъ происходятъ отвлеченныя понятія. Во всѣхъ случаяхъ сознательнаго мышленія мы имѣемъ дѣло съ *мозговыми колебаніями*, которыя воздѣйствуютъ на Безсознательное и вынуждаютъ къ законосообразной реакціи (а воздѣйствіе окажется вовсе неудивительнымъ, когда мы далѣе докажемъ существенное тождество духа и матеріи). Во всѣхъ случаяхъ результатомъ этой реакціи являются *чувственныя качества*, а изъ этихъ элементовъ слагается весь міръ сознательныхъ представленій. Если же только эти *элементы* всегда даютъ процессъ, производящій сознаніе, и посредствомъ этого же процесса становятся сознательными, то нисколько не удивительно, что и *комбинаціи* этихъ элементовъ участвуютъ въ сознаніи, хотя въ то же время *способъ комбинацій* нерѣдко обусловливается самою волею. Этимъ объясняется кажущееся противорѣчіе, что представленія, которыя вызваны волею, слѣдовательно, не стоятъ въ оппозиціи къ ней, могутъ все таки быть сознательными, ибо они также состоятъ изъ элементовъ, которые превратились въ представленіе путемъ вынужденныхъ реакціей Безсознательнаго. Воля, именно, можетъ вызвать сознательное представленіе только тѣмъ, что пробуждено надлежащее воспоминаніе, т. е., что воспроизведены прежнія колебанія мозга. Прежде чѣмъ появится сознательное представленіе, оно должно заключаться какъ содержаніе, конечно, не въ чувственной формѣ, въ безсознательной волѣ, ибо иначе воля не была бы въ состояніи возбудить *это* представленіе. Далѣе какъ средство для этой цѣли должна быть безсознательно представлена исходная точка въ мозгу, въ которой могли бы быть возбуждены надлежащія колебанія воспоминанія, а также и желаемое возбужденіе этой точки. Этимъ и ограничивается сфера дѣйствій безсознательной воли, ибо представленіе въ чувственной формѣ она можетъ произвести

только путемъ реакцій на эти колебанія. Наконецъ наступаютъ колебанія, и происходитъ реакція Безсознательнаго, всегда вынужденная закономъ реакцій; и затѣмъ уже появляется сознаніе представленія. Тоже самое имѣетъ силу и относительно содѣйствія Безсознательнаго въ появленіи чувственнаго воспріятія, какъ это было разсмотрѣно ранѣе, а также и тогда, когда сознательное представленіе становится содержаніемъ воли, называемой въ такомъ случаѣ сознательною, ибо сознательное представленіе уже должно быть въ сознательной формѣ прежде, чѣмъ воля можетъ его взять въ этой формѣ и сдѣлать своимъ содержаніемъ. Но если представленіе разъ обладаетъ сознательною формою, то уже не теряетъ ее въ силу того, что съ нимъ соединяется воля, не теряетъ потому что, пока оно существуетъ, его элементы должны воспроизводиться все снова и снова и воспроизводятся постоянно въ сознательной формѣ.

Если мы до сихъ поръ все говорили о становленіи сознательнымъ *представленія*, то тѣмъ самымъ вовсе не думали сказать, что представленіе есть единственный объектъ сознанія. Исключительною причиною для такого ограниченія было желаніе не затруднять входа въ эту и безъ того трудную область преждевременнымъ увеличеніемъ объектовъ и осложненіемъ точекъ зрѣнія. Только по этому побужденію мы вмѣсто общаго „объекта сознанія“ выбрали, въ видѣ примѣра, особенно характеристическій случай. Но если столь односторонне найденный принципъ возникновенія сознанія вѣренъ, то онъ долженъ годиться и для всякаго возможнаго содержанія сознанія. Онъ долженъ представлять возможность для логическаго заключенія объ элементахъ, какіе могутъ войти въ сознаніе, какіе нѣтъ, если мы ихъ будемъ вставлять одинъ за другимъ въ найденную формулу. Это мы и сдѣлаемъ теперь съ удовольствіемъ и недовольствомъ, которые, кромѣ представленія, оста-

ются единственно возможными объектами сознанія. Такимъ образомъ, то же самое, что мы à priori выведемъ какъ слѣдствіе нашего принципа, должно оказаться справедливымъ и à posteriori, на опытѣ. Это à posterior'ное подкрѣпленіе послужитъ для насъ пробнымъ камнемъ принципа; мы увидимъ, что все то, что опытъ представляетъ, какъ требующее объясненія, дѣйствительно вытекаетъ изъ принципа, между тѣмъ какъ самый принципъ мы первоначально добыли à priori путемъ исключенія неправильныхъ гипотезъ такъ, что послѣ этого исключенія изъ всѣхъ возможныхъ гипотезъ остается только одна. Но если бы захотѣли, кромѣ такого à priori'наго и à posterior'наго оправданія принципа, потребовать, напр., того, чтобы я показалъ, *какъ и какимъ образомъ* изъ вышеизложеннаго процесса выходитъ именно то, что во внутреннемъ опытѣ мы знаемъ, какъ сознаніе: то такое требованіе было бы столь же недобросовѣстнымъ, какъ требованіе отъ физика, чтобы онъ показалъ какимъ образомъ изъ воздушныхъ волнъ и изъ устройства нашего уха выходитъ то, что во внутреннемъ опытѣ мы знаемъ, какъ тонъ. Физикъ показываетъ и можетъ показать намъ только, *что* то, что субъективно ощущается, какъ тонъ, съ объективной точки зрѣнія есть процессъ, слагающійся изъ такихъ то и такихъ то колебаній: точно также и я могу только показать, что то, что въ субъективномъ пониманіи знаемъ мы какъ сознаніе, рассматриваемое объективно есть процессъ, строящійся такъ то и такъ то, изъ такихъ то и такихъ то членовъ и моментовъ. Болѣе того знать невозможно, а слѣдовательно, недобросовѣстно и требовать болѣе, ибо для того, чтобы понять какимъ образомъ объективный процессъ преобразуется въ субъективное ощущеніе, нужно бы имѣть возможность третьей точки зрѣнія, которая была бы ни субъективною, ни объективною, или что одно и то же, была бы заразъ и

тою, и другою. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ одно Безсознательное, между тѣмъ какъ сознание и есть, именно, распадение на субъектъ и объектъ.

Чувство можетъ быть только удовольствіемъ или недовольствомъ, удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ воли; все прочее въ немъ, какъ мы видѣли ранѣе (Т. I гл. VI) суть только опредѣленія, относящіяся къ области представленія. Неудовлетворение воли должно быть всегда сознаваемымъ, ибо воля никогда не можетъ хотѣть своего собственнаго неудовлетворенія, слѣдовательно, оно можетъ быть вынуждено у нея извнѣ, а слѣдовательно дано условіе для происхожденія сознанія, для изумленія воли передъ чѣмъ то, *исходящемъ не отъ нея*, а между тѣмъ реально существующимъ и дающимъ себя чувствовать. Это вполне подтверждается опытомъ, ибо нѣтъ ничего, что было бы столь настоятельно для сознанія, какъ боль, и притомъ боль, мыслимая въ ея отрѣшеніи отъ ближайшихъ, принадлежащихъ представленію опредѣленій.

Чувство *удовольствія* или удовлетворенія воли можетъ быть само по себѣ и для себя не сознаваемымъ: ибо, когда воля осуществляетъ свое содержаніе и тѣмъ производитъ свое удовлетвореніе, ничего не возникаетъ такого, что пришло бы въ оппозицію съ волею; а такъ какъ нѣтъ извнѣ никакого принужденія, и воля даетъ мѣсто только собственнымъ своимъ требованіямъ, то дѣло можетъ обойтись и безъ всякаго сознанія. Иное дѣло, когда уже установилось сознание, собирающее наблюденія и *опытъ* и *сравнивающее* ихъ. Это сознание изъ многихъ неудовлетвореній скоро знакомится съ препятствіями, которыя противопоставлены всякой волѣ во внѣшнемъ мірѣ, а также и съ *внѣшними условіями*, которыя необходимы для того, что бы *удалось* осуществленіе воли. Но какъ скоро эти внѣшнія условія удачи, а съ ними и удовлетворенія сознаніе должно при-

знать вполнѣ или отчасти обусловленными извнѣ, то появляется сознание и для удовольствія. Все это вполнѣ подтверждается опытомъ.

Прежде всего замѣтимъ мы у грудныхъ дѣтей, что они цѣлые мѣсяцы самымъ выразительнымъ образомъ обнаруживаютъ боль, и въ то же время въ ихъ минахъ и жестахъ нельзя подмѣтить ни малѣйшаго слѣда удовольствія. То же явно выступаетъ у изнѣженныхъ дѣтей, которыхъ воля постоянно выполняется и которыя вовсе не знаютъ, что такое было бы, когда ихъ воля вдругъ была бы неудовлетворена. Фактически эти дѣти не имѣютъ никакого наслажденія отъ удовлетворенія ихъ воли, ибо по большей части послѣднее остается безсознательнымъ. Единственное удовольствіе ощущаютъ они отъ чувственныхъ удовлетвореній (лакомство), ибо въ этомъ отношеніи заботы окружающихъ никакъ не могутъ предохранить ихъ отъ непріятныхъ сравненій. Что наше мнѣніе находитъ свое подтвержденіе и у взрослыхъ, съ тѣмъ, конечно, согласится всякій, знающій людей, ибо всякій родъ удовлетвореній, который продолжительно поддерживается, не прерываясь неудовлетвореніями, перестаетъ быть сознаваемымъ удовлетвореніемъ, т. е., сознательнымъ наслажденіемъ. Это наступаетъ именно тогда, когда начинаютъ думать, что это (т. е. постоянное удовлетвореніе) такъ должно быть и не можетъ быть иначе. Напротивъ самое незначительное удовлетвореніе тѣмъ живѣе входитъ въ наше сознание, какъ удовольствіе, чѣмъ яснѣе мы знаемъ, что обязаны имъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, ибо, не смотря на всегдашнее наше желаніе, мы такъ рѣдко могли его создать.

Что же касается до самой *воли*, то мы до сихъ поръ называли ее сознательною, когда она имѣла своимъ содержаніемъ сознательное представленіе, безсознательною,

когда она имѣла безсознательное. Но не мудрено увидѣть, что это не точное выраженіе, что оно относится только къ содержанію воли: сама же воля *никогда* не можетъ быть сознаваема, ибо она никогда не можетъ быть въ противорѣчій съ собою. Конечно, многія желанія могутъ быть въ противорѣчій другъ съ другомъ, но желаніе каждаго момента есть только равнодѣйствующая *всѣхъ* одновременныхъ желаній, слѣдовательно, можетъ быть только согласна сама съ собою. Если же сознание есть только нѣчто случайное (*accidens*), сообщаемое волею тому, чего причиною она не должна признать саму себя, а нѣчто чуждое, словомъ, что входитъ съ ней въ противорѣчіе: то она никогда не можетъ сообщить сознание самой себѣ, ибо здѣсь и то, что должно быть сравниваемо, и масштабъ сравненія суть одно и то же, слѣдовательно, никогда не могутъ быть различными и входить въ противорѣчіе другъ съ другомъ. Точно также никогда воля не приходитъ къ тому, чтобы признать своею причиною нѣчто иное; напротивъ иллюзія (*Schein*) ея самостоятельности неразрушима, ибо воля искони дѣйствующа, а все за ней лежащее потенциально, т. е. не дѣйствительно. Слѣдовательно, недовольство всегда должно быть сознаваемо, удовольствіе *можетъ* стать такимъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, а воля *никогда* не можетъ быть сознаваема. Этотъ послѣдній результатъ, пожалуй, покажется неожиданнымъ, а между тѣмъ вполне подтверждается опытомъ.

Мы уже видѣли (Т. I гл. III.), что одно сознательное представленіе въ состояніи возбудить безсознательную волю къ какому либо движенію или дѣйствию, хотя бы въ этомъ представленіи и не заключалось мотива въ собственномъ смыслѣ. Но если представленіе дѣйствительно заключаетъ мотивъ, настоящее основаніе для возбужденія, то безсознательное хотѣніе воспослѣдуетъ

испрямѣнно. Если же человекъ имѣетъ сознательное представленіе какого либо движенія и имѣетъ полную увѣренность, что, совершая это движеніе, онъ нисколько не принужденъ къ тому извнѣ, то инстинктивно онъ заключаетъ, что причина движенія лежитъ въ немъ и называетъ эту неизвѣстную причину волею. Что происходящее такимъ путемъ понятіе зиждется только на причинности, то столь же мало вредитъ инстинктивному убѣжденію въ его реальности, сколь мало вредитъ такому же убѣжденію въ бытіи внѣшнихъ объектовъ, которые для насъ суть только *неизвѣстныя внѣшнія причины* нашихъ чувственныхъ впечатлѣній или же убѣжденію въ субъектѣ представленія или я, о которомъ мы только и знаемъ, что оно есть *неизвѣстная внутренняя причина* представленія. Мы думаемъ, что и то, и другое мы постигаемъ непосредственно, ибо приходимъ къ убѣжденію въ томъ и другомъ не путемъ сознательнаго соображенія, а безсознательнымъ процессомъ, и только философскія размышленія научаютъ насъ, что всѣ эти понятія суть для насъ непостижимыя сущности, за которые наше мышленіе хватается только въ силу причинности и что, не смотря на это знаніе, нисколько не теряетъ своей силы инстинктивная увѣренность въ прямомъ обладаніи познаніемъ объ этихъ сущностяхъ. Это подобно вѣрѣ пишущаго, что онъ ощущаетъ непосредственно кончикъ пера, между тѣмъ какъ самое простое соображеніе скажетъ ему, что онъ имѣетъ это ощущеніе въ пальцахъ и что онъ такимъ образомъ строитъ безсознательныя умозаключенія о причинѣ ощущенія, а между тѣмъ такое соображеніе нисколько не можетъ исправлять безсознательную ошибку его чувства осязанія. Разница въ сравниваемыхъ случаяхъ только въ томъ, что въ послѣднемъ поправка (непосредственнымъ соображеніемъ) возможна легче и скорѣе, чѣмъ въ случаѣ тѣхъ

вышеизложенныхъ глубоко вкоренившихся психологическихъ ошибокъ.

Какъ скоро человѣкъ получилъ указаннымъ способомъ (конечно, въ безсознательномъ процессѣ мышленія) понятіе воли, то тотчасъ же онъ замѣчаетъ, что обыкновенныя представленія рѣдко влекутъ за собой явленія движенія. Напротивъ представленія заключающія въ себѣ чувство удовольствія или недовольства всегда влекутъ за собой, смотря по характеру того или другаго чувства, дѣйствія, имѣющія смыслъ самоотстаиванія, или влеченія, или же отвращенія. Отсюда человѣкъ эмпирически научается закону мотиваціи, по которому всякое представленіе удовольствія возбуждаетъ положительное влеченіе, всякое представленіе недовольства отрицательное или отталкивательное влеченіе. Этотъ законъ не имѣетъ исключеній, и все, что можно привести противъ него, основано на ошибкахъ, такъ, напр., когда мы представляемъ прошедшее наслажденіе, а между тѣмъ снова не желаемъ его возвращенія, то отсюда слѣдуетъ, что это наслажденіе теперь уже не могло бы быть таковымъ. Если появленіе какаго либо желанія подавляется другими противоположными желаніями, которыя возникаютъ одновременно, то для подавленія перваго послѣдними истрачивается столько силы, сколько они имѣли бы ея, еслибы возникли. Если же человѣкъ признаетъ этотъ законъ, какъ неподлежащій исключеніямъ, то онъ узнаетъ, что каждый разъ съ представленіемъ чувства удовольствія или недовольства соединено желаніе, и если только другія желанія или внѣшнія обстоятельства не мѣшаютъ выполненію соотвѣтствующаго желанію движенія, то оно и послѣдуетъ. Этотъ процессъ совершается опять таки безсознательно; и если прежде человѣкъ имѣлъ въ понятіи воли только причину дѣйствія, то теперь имѣетъ онъ въ немъ дѣйствіе причины, а съ тѣмъ вмѣстѣ

получаетъ возможность признать волю въ себѣ и тогда, когда ея дѣйствию или выполненію препятствуютъ другія желанія или внѣшнія обстоятельства. Далѣе видитъ человѣкъ отношенія по степени съ одной стороны между чувственною живостью представленія и величиною представляемаго удовольствія или недовольства и между порывистостью движенія, энергіей дѣствія, продолжительностью попытокъ къ дѣйствию съ другой, а отсюда заключаетъ, что и средній членъ обоихъ причинныхъ конечныхъ членовъ долженъ стоять въ степенномъ отношеніи къ каждому изъ обоихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ и критерій для *силы* воли. Всего вышеизложеннаго, конечно, достаточно для посредственнаго знанія о волѣ и для призрачнаго непосредственнаго знанія о ней, ибо эти пункты имѣютъ внѣшній характеръ; и самообольщеніе становится больше въ слѣдствіе другихъ сопровождающихъ явленіе обстоятельствъ. Именно, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ желаніе осуществить свое содержаніе въ моментъ своего возникновенія: протекаетъ болѣе или менѣе долгое время, пока оно выполнится. Въ продолженіи этого времени тянется, конечно, *услаждаемое надеждою чувство неудовлетворенія, непріятнаго ожиданія и лишенія* (напряженіе, нетерпѣніе, порывъ, тоска). Это чувство или продолжается до постепеннаго изчезновенія желанія или, путемъ убѣжденія въ невозможности дѣствія и разрушенія надежды, приводитъ за собой полное неудовлетвореніе и недовольство (а при неустанно продолжающемся жаркомъ желаніи отчаяніе) или же наконецъ переходитъ въ удовлетвореніе и удовольствіе. Таковыя чувства суть постоянные спутники или проводники желанія и могутъ возникать только въ слѣдствіе его. Они то и попадаютъ въ сознаніе и становятся въ немъ единственными и непосредственнѣйшими представителями желанія, которое мы, въ силу уже упомянутаго

самообмана, думаемъ понимать въ нихъ непосредственно, хотя мы и можемъ понимать его и въ собственномъ значеніи т. е. только какъ причину чувства. Какъ вообще желаніе узнается изъ таковыхъ чувствъ, такъ каждый особый родъ желанія узнается изъ особыхъ, специальныхъ сопровождающихъ его чувствъ. Постоянная связь желанія и рода чувствъ узнается изъ того, что особый родъ желанія опредѣляется для сознанія родомъ мотивовъ и родомъ послѣдующихъ дѣйствій. Въ этой связи и лежитъ возможность ошибокъ, именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда сопровождающія чувства (стремленіе и надежда вообще) суть *единственные* признаки существованія воли. Ошибка происходитъ тогда отъ того, что ищутъ неизвѣстное производящее это чувство желаніе въ какихъ либо другихъ уже знакомыхъ желаніяхъ, между тѣмъ какъ они рѣшительно не повинны въ данномъ случаѣ.

Такія чувства всего чаще встрѣчаются въ инстинктахъ, и яснѣе всего въ любви, гдѣ желаніе метафизической цѣли неизвѣстно для любящаго, гдѣ ошибочно безпредѣльное ожиданіе и надежда возлагается только на средство для цѣли (совокупленіе съ этимъ индивидуумомъ), а потому и предполагается въ этомъ совокупленіи особенное наслажденіе и потомъ испытывается столь непріятное разочарованіе. Что, не смотря на ошибку, безпредѣльное блаженство все таги можетъ состояться, въ томъ нѣтъ никакого противорѣчія, потому что бессознательное ясновидѣніе метафизической цѣли производитъ безпредѣльное стремленіе, которое въ свою очередь производитъ безпредѣльную надежду на безмѣрное наслажденіе, котораго сущность однако сознаніе никогда не можетъ выразить и которое никогда и не реализуется.

Тѣ чувства, которыми сопровождаются желанія, по большей части весьма специальны и характеристичны

и въ большинствѣ случаевъ совмѣстны съ тѣлесными чувствами, которыя посредствомъ извѣстныхъ аффектовъ мозга рефлективно вызываются въ сосѣднихъ тѣлесныхъ нервахъ. Вспомнимъ о вспыхнувшемъ гнѣвѣ съ его приливомъ крови, о страхѣ и ужасѣ съ ихъ замедленіемъ кровообращенія, затрудненнымъ дыханіемъ и дрожью; чувственную любовь съ ея струящимся пламенемъ, желаніе думать и напряженное соображеніе, или размышленіе съ его особенными рефлективными чувствами напряженія въ различныхъ мѣстахъ кожи головы и даже съ напряженіемъ частей мозга; твердую рѣшимость съ ея особеннымъ сокращеніемъ мускуловъ и т. д. и т. д. Кромѣ этой зависимости характера чувствъ, сопровождающихъ желанія, отъ примѣси чувствъ тѣлесныхъ, онѣ зависятъ еще отъ сопутствующихъ этимъ чувствамъ безсознательныхъ представленій, на что мы уже указали (Т. I гл. VI).

Если человѣкъ думаетъ, что онъ съ трехъ сторонъ непосредственно постигаетъ волю въ сознаніи: 1) со стороны ея причины, мотива, 2) со стороны сопровождающихъ и слѣдующихъ за нею чувствъ, 3) со стороны ея дѣйствія, поступка; и если, кромѣ того, онъ дѣйствительно имѣетъ въ сознаніи 4) ея содержаніе или предметъ въ видѣ представленія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что самообольщеніе, будто онъ сознаетъ непосредственно самую волю, очень упорно и поддерживается долгою привычкою; а потому и научному возрѣнію о вѣчной несознаваемости воли очень трудно проникнуть въ убѣжденіе. Но пусть только кто либо тщательно изслѣдуетъ дѣло на многихъ примѣрахъ, тотъ согласится съ этимъ возрѣніемъ. Тогда, при отчетливѣйшемъ наблюденіи, прежде всего онъ замѣтитъ, что вмѣсто самой воли онъ сознаетъ только *отвлеченное представленіе*: „Я хочу“, а вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе, составляющее содержаніе воли, и, при дальнѣй-

шемъ изслѣдованіи, онъ найдетъ, что представленіе: „я хочу“ всегда происходитъ отъ одного или отъ нѣсколькихъ изъ вышеприведенныхъ трехъ элементовъ; и *ничего* болѣе онъ не найдетъ въ сознаніи при самомъ строгомъ анализѣ. Если же изслѣдователь, раздосадованный (что со всякимъ случается) этимъ открытіемъ, которое принудитъ его перемѣнить прежнее убѣжденіе, скажетъ себѣ: „ну, а все таки я могу захотѣть, что бы и когда бы ни вздумалось, и знаю, что могу хотѣть и теперь, напр. хочу“... Въ такомъ случаѣ это его послѣднее якобы прямое воспріятіе воли окажется ничѣмъ инымъ, какъ рефлексивными *тѣлесными чувствами*, неопредѣленными по мѣсту, именно, чувствами упрямства, своенравія или же только рѣшительнаго твердаго намѣренія. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, возникаетъ призракъ сознанія самой воли изъ втораго элемента, т. е., изъ сопровождающихъ ее чувствъ, въ чѣмъ въ концѣ концовъ и можно убѣдиться, конечно, если только потрудишься обратить на это должное вниманіе. Наконецъ я приведу послѣднее важное основаніе въ пользу несознаваемости всяческой воли, основаніе почти прямо рѣшающее вопросъ. Всякій человѣкъ *прямо знаетъ, чего онъ хочетъ, только въ той мѣрѣ*, въ какой онъ обладаетъ *познаніемъ* собственнаго характера и психологическихъ законовъ, а также знаніемъ о сопринадлежности мотива съ желаніемъ, чувства съ желаніемъ и о силѣ различныхъ желаній и уже изъ всего этого можетъ заранѣе рассчитать *результатъ* ихъ борьбы или ихъ равнодѣйствующую, т. е. волю. Идеаль мудрости и заключается въ томъ, чтобы *вполнѣ* сдѣлать этотъ расчетъ, ибо только идеальный мудрецъ знаетъ всегда, чего онъ хочетъ, прочіе же знаютъ это тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе они привыкли изучать самихъ себя и психологическіе законы и сохранять свое сужденіе свободнымъ отъ вліянія аффектовъ, од-

нимъ словомъ, жить по указаніямъ сознательнаго разума. Потому то человѣкъ знаетъ тѣмъ менѣе о томъ, что онъ хочетъ, чѣмъ болѣе онъ отдается Безсознательнымъ внушеніямъ чувствъ; женщины и дѣти знаютъ о томъ рѣдко и то въ простѣйшихъ случаяхъ, а животныя, вѣроятно, очень рѣдко. Если бы знаніе о волѣ было не косвеннымъ выводнымъ расчетомъ, а прямымъ даннымъ въ сознаніи, какъ при удовольствіи, недовольствѣ или представленіи, то было бы рѣшительно непонятно, почему же это такъ часто человѣкъ въ твердой увѣренности, что онъ хочетъ одного, при наступленіи дѣла видитъ, что онъ хотѣлъ совсѣмъ другаго (см. Т. I Гл. VI). Относительно такой ошибки въ чемъ либо прямо попадающемъ въ сознаніе, напр., въ боли, не можетъ быть и рѣчи: въ этомъ случаѣ, что въ себѣ знаешь, то на самомъ дѣлѣ и имѣешь, ибо здѣсь оно прямо дано въ своемъ существѣ.

Такъ какъ воля сама по себѣ и для себя при всѣхъ обстоятельствахъ несознаваема, то становится понятнымъ, что въ отношеніи къ сознаваемости удовольствія или недовольства сама воля относится совершенно одинаково, будетъ ли оно соединено съ сознательнымъ или безсознательнымъ представленіемъ. Для сознаваемости недовольства, которое уже во всякомъ случаѣ стоитъ въ оппозиціи съ волею, само собою ясно, что все равно, сознательное или безсознательное представленіе составляетъ содержаніе воли; если гдѣ еще это обстоятельство можетъ казаться важнымъ, такъ развѣ въ отношеніи къ сознаваемости удовольствія. Если сознательное представленіе составляетъ содержаніе воли, то возможность сознаваемости ея удовлетворенія ясна сама собою; но также и въ случаѣ безсознательнаго представленія все таки существуетъ эта возможность въ силу сопровождающихъ ея удовлетвореніе чувствъ и ощущеній. Если, положимъ, изъ *n* слу-

чаевъ эти сопровождающія чувства и ощущенія имѣли своимъ послѣдствіемъ недовольство *m* разъ, а *n—m* случаевъ оставались безъ всякихъ послѣдствій, то мы *инстинктивно* заключаемъ, что эти чувства и ощущенія были признакомъ безсознательной воли, которая *m* разъ была неудовлетворена, т. е., производили недовольство, а отсюда прямо слѣдуетъ, что она *n—m* разъ должна была быть удовлетворена. Значитъ это удовлетвореніе, т. е., удовольствіе можетъ прійти къ сознанию и при волѣ, которой содержаніе навсегда остается безсознательнымъ, если только она сопровождается правильно возвращающимися признаками, которые, становясь на мѣсто представленія, составляющаго ея содержаніе, могутъ фигурировать какъ представители вѣчно самой по себѣ безсознательной воли. (ср. Т. I гл. VI).

Наконецъ нашъ принципъ можетъ получить оправданіе еще въ одной и послѣдней пробѣ. Если, именно, вѣрно наше положеніе, что сознание есть явленіе, котораго сущность состоитъ въ оппозиціи воли противъ чего то такого, что исходитъ не отъ нея, а между тѣмъ становится ощутительнымъ, что, слѣдовательно, только тѣ элементы представленія или чувства могутъ быть признаны, которые касаются воли, стоящей относительно ихъ въ оппозиціи, т. е., воли, которая ихъ не хочетъ или отрицаетъ: то изъ этого положенія слѣдуетъ, что сознание можетъ столь же мало имѣть различія по степенямъ, какъ мало имѣетъ его ничто или отрицаніе. Въ сознаниі дѣло идетъ только о чистой альтернативѣ: „стать сознаваемымъ или остаться безсознательнымъ (чему либо).“ Если воля относится утвердительно, то бываетъ послѣднее, если отрицательно, то наступаетъ первое. Отрицаніе не бываетъ слабѣе или сильнѣе, ибо отрицаніе есть положительное, а не сравнительное понятіе. Конечно, бываетъ полное или частное отрицаніе; но это не есть различіе въ отрицаніи, но въ от-

рицаемомъ объектѣ, слѣдовательно, не даетъ понятія о степени въ самомъ отрицаніи. Частное отрицаніе въ нашемъ случаѣ можетъ имѣть послѣдствіемъ сознаваемость одной части (объекта) и несознаваемость другой, но никакимъ образомъ изъ него не можетъ выйти различія по степенямъ сознанія, какъ таковаго.

Значить, указывать на болѣе или менѣе, можетъ только то, *что* сознается, объектъ или содержаніе сознанія, но само сознаніе можетъ только быть или не быть; и никогда не можетъ быть большимъ или меньшимъ. Конечно, воля, которая своимъ отрицаніемъ объекта обуславливаетъ его сознаваемость, можетъ показывать различія по степенямъ, быть слабѣе или сильнѣе, но сила этой воли рѣшительно не имѣетъ никакого вліянія на альтернативу: „стать сознаваемымъ или нѣтъ (объекту.)“ Относится ли ея *содержаніе* къ объекту, подлежащему сознанію, утвердительно или отрицательно, — только это и рѣшаетъ альтернативу, а потому изъ силы сопротивляющейся воли не можетъ быть выведено различіе по степенямъ въ сознаніи: что либо можетъ быть только сознаваемымъ или несознаваемымъ, но никакимъ образомъ болѣе или менѣе сознаваемымъ. Возьмемъ примѣръ. — Если я хочу что либо дать нищему, то, конечно, я хочу болѣе, если даю ему талеръ, чѣмъ если даю ему грошъ; но это болѣе или менѣе есть болѣе или менѣе содержанія, которое вовсе не касается силы воли, какъ таковой, ибо воля въ обоихъ случаяхъ можетъ быть одинаково сильна, намѣревался ли я дать талеръ или грошъ. Напротивъ при одномъ и томъ же содержаніи воля можетъ быть не одинаково сильна, напр., если изъ двухъ людей каждый хочетъ дать нищему по грошу, то можетъ случиться, что воля одного могла бы быть отвлечена отъ этого поступка самымъ неважнымъ поводомъ, между тѣмъ какъ воля другаго, могла бы побороть весьма

сильные противоположные мотивы. Въ этомъ заключается различіе въ степени воли, какъ таковой. Такимъ образомъ различіе въ степеняхъ содержанія мы имѣемъ въ сознаніи, и напротивъ по а priori'ному выводу изъ нашего принципа не должно быть различій по степенямъ сознанія, какъ такового. Если бы это а priori'ное послѣдствіе принципа не подтверждалось опытомъ, то это было бы косвеннымъ ударомъ и для самого принципа.

Что главнымъ образомъ затрудняетъ эмпирію въ признаніи нашего положенія—это смѣшеніе понятія сознанія съ двумя другими близко стоящими къ нему понятіями: во первыхъ вниманіемъ, во вторыхъ самосознаніемъ. *Вниманіе* уже не разъ раньше встрѣчалось намъ. Мы видѣли въ немъ то рефлективно, то произвольно производимый нервный токъ, который пробѣгаетъ по чувствительнымъ нервнымъ волокнамъ отъ центра къ периферіи и служитъ для того, что бы повысить проводимость нервовъ особенно для слабыхъ раздраженій и для слабыхъ различій въ раздраженіи. Значитъ, вниманіе состоитъ въ матеріальныхъ нервныхъ колебаніяхъ. Когда послѣднія проходятъ отъ центра къ периферіи, то возможно, что эти токи отражаются и отъ периферіи къ центру, даже и въ томъ случаѣ, когда они не попадаютъ на воспріятіе. Кромѣ того, черезъ вниманіе приходитъ въ напряженіе для каждой области чувствъ множество мускуловъ для того, чтобы органъ сталъ способнѣе къ полнѣйшему воспріятію и наконецъ рефлективно напрягаются нѣкоторые другіе мускулы, именно, мускулы кожи головы. Эти три обстоятельства вмѣстѣ путемъ матеріальныхъ колебаній привносятъ органу сознаніе ощущенія, т. е., *вниманіе, какъ таковое, есть предметъ воспріятія, а слѣдовательно и сознанія*. Въ этомъ можно легко убѣдиться тому, кому нужно въ тихую ночь внимательно выслушивать какой

либо сигналъ, или высматривать на горизонтъ, не взлетитъ ли ракета. Если для простого мышленія и нѣтъ, конечно, надобности въ напряженіи мускуловъ чувственныхъ органовъ, то рефлективное напряженіе мускуловъ кожи головы (отсюда слова: ломать голову) и также и дѣйствіе нервныхъ колебаній, сами по себѣ, все таки имѣютъ мѣсто. Отсюда также ясно чувствуетъ ся и такое вниманіе, которое направлено не на внѣшнее чувство, но только на внутреннюю жизнь мозга, на мысли, что всякій легко можетъ замѣтить на себѣ, когда онъ вспоминаетъ забытое слово. Вниманіе повышаетъ раздражительность частей, на которыя оно направлено, и тѣмъ облегчаетъ какъ выплываніе представленій, хранящихся въ памяти, такъ и воспріятіе слабыхъ раздраженій и различій раздраженія. Нельзя опредѣлительно утверждать, что оно увеличиваетъ амплитуду колебаній, потому что сила ощущенія (напр. сила тона) при усиленномъ вниманіи, повидимому, не увеличивается. Однако это можетъ быть только повидимому (по моему, это весьма вѣроятно), потому что увеличеніе силы уже можетъ быть вычтено безсознательно, подобно тому, какъ увеличеніе предмета не легко воспринимается черезъ придвиганіе его и сравненіе двухъ одинаково удаленныхъ отъ глаза круглыхъ дыръ существенно не легче, чѣмъ двухъ не равно отдаленныхъ. Но какъ бы то ни было, вѣрно только одно, что мы при всякомъ ощущеніи имѣемъ двойную оцѣнку какъ въ силѣ ощущенія, по скольку оно зависитъ отъ раздраженія, такъ и въ степени приложеннаго вниманія, и что, слѣдовательно, посредствомъ колебаній мозга отъ вниманія присоединяется къ воспріятію составная часть, которая дѣлаетъ цѣлое воспріятіе богаче и обширнѣе (не говоря уже о томъ, что всѣ чувственные ощущенія безъ извѣстной степени рефлективнаго вниманія повсе не доходятъ до мозга и сознанія). Тоже имѣетъ

силу и для простыхъ мозговыхъ представлений, да еще въ высшей степени.

Что касается до выплывающаго изъ памяти представленія, то и оно черезъ вниманіе становится богаче и ярче. Правда, оно не измѣняется въ его общемъ содержаніи: но какъ при представленіи, къ которому нѣтъ вниманія, все туманно и слито, блѣдно и безцвѣтно, неузнаваемо какъ бы издали, такъ чѣмъ выше степень вниманія, тѣмъ опредѣленнѣе, живѣе, какъ бы ближе становятся очертанія, цвѣта и подробности предметовъ. Это объясняется тѣмъ, что всѣ наши представленія основаны на чувственныхъ впечатлѣніяхъ; и посредствомъ ихъ только блѣдные призраки понятій одѣваются въ плоть и кровь, и что чувственыя воспріятія тѣмъ живѣе, и образнѣе, чѣмъ большая часть центральнаго органа спеціальныхъ чувствъ и нервовъ чувствъ втянуты въ дѣятельность, чѣмъ обширнѣе проэктирована периферія представленія. Слѣдовательно, при чувственномъ воспріятіи является обогащеніе содержанія черезъ усиленіе вниманія только въ той мѣрѣ, въ какой посредствомъ повышенной проводимости (нервовъ) даже незначительнѣйшія сопровождающія воспріятіе подробности достигаютъ до сознанія мозга, а притомъ само воспріятіе колебаній вниманія становится интенсивнѣе: а при представленіи изъ памяти кромѣ этихъ моментовъ привходитъ въ дѣло и повышеніе чувственной живости и опредѣленности. Къ этому во всѣхъ случаяхъ присоединяется еще до сихъ поръ не упомянутая помѣха, — это нарушеніе вниманія вслѣдствіе другихъ воспріятій, которое весьма важно. Обыкновенно въ бодрственномъ состояніи есть извѣстный тонъ вниманія во всей чувствующей нервной системѣ, который, конечно, слабъ для cadaго отдѣльнаго ея пункта и только рефлексивно вслѣдствіе сильнѣе дѣйствующаго раздраженія повышается въ какомъ нибудь данномъ направленіи. От-

сюда обыкновенно возникает большое раздѣленіе и разсѣяніе вниманія, такъ что сознание находитъ въ себѣ безконечно смѣшанное содержаніе изъ однихъ слабыхъ воспріятій. Но если возникаетъ сильное напряженіе вниманія въ опредѣленномъ направленіи, слѣдовательно, напр., къ сферѣ одного какого чувства, или на мозгѣ только, то это, при ограниченности силъ организма, можетъ произойти только на счетъ вниманія ко всѣмъ другимъ направленіямъ, а потому всякое односторонно возвысившееся вниманіе есть *сосредоточеніе* его, составляющее противоположность съ разсѣянностью. При этомъ сосредоточеніи вмѣсто безконечно многихъ слабыхъ воспріятій сознание находитъ въ своемъ содержаніи одно энергичное представленіе, а сумма всѣхъ остальныхъ ощущеній сведена на *минимумъ*. Тогда ясно, что содержаніе столь существенно измѣнилось, что этого совершенно достаточно для объясненія переменны въ состояніи; и нѣтъ ничего такого, что указывало бы на степенную переменную въ самомъ сознаніи. Съ другой стороны очевидно, что недостаточное различеніе вниманія отъ сознанія можетъ легко повести къ мнѣнію, что сознание подобно вниманію имѣетъ степени; и весьма часто встрѣчается, что говорятъ о сознаніи, а думаютъ о вниманіи. Вниманіе можетъ имѣть степени, ибо оно состоитъ въ нервныхъ колебаніяхъ, въ которыхъ всегда величина амплитуды колебаній обуславливаетъ силу ощущенія: сознание же не можетъ имѣть степеней, ибо оно есть не матеріальная реакція, которая либо наступаетъ, либо нѣтъ, и если наступаетъ, то всегда однимъ и тѣмъ же образомъ.

Что касается до различія между сознаниемъ и *самосознаниемъ*, то конечно, послѣднее не можетъ быть безъ перваго, между тѣмъ какъ сознание мыслимо и безъ самосознанія. Хотя весьма сомнительно, чтобы можно было констатировать полное отсутствіе сознанія въ дѣй-

ствительности, ибо оно зарождается прежде всего инстинктивно въ видѣ темнаго самоощущенія: но за то вполне вѣрно, что очень часто весьма ясное сознание совпадаетъ съ микроскопическимъ minimum'омъ самосознанія; а наконецъ вышнее сознание у одного и того же лица тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе исчезаетъ самосознаніе. Никто не можетъ истинно наслаждаться художественнымъ произведеніемъ, если онъ истинно не забудеть о самомъ себѣ. Точно также почти совершенно прекращается самосознаніе, если кто углубляется въ чтеніе научнаго произведенія; если кто въ какомъ либо трудѣ впадаетъ въ глубокое размышленіе, то становится столь чуждъ не только къ окружающему, но и къ самому себѣ, что теряетъ всякое воспоминаніе о своихъ важнѣйшихъ интересахъ: такое состояніе можетъ дойти до того, что будучи вдругъ названъ, онъ долженъ сперва припомнить свое имя. Между тѣмъ въ такіе то моменты сознание всего яснѣе, ибо оно вполне занято своимъ предметомъ, т. е., вниманіе достигло высшей степени сосредоточенія. Такое погруженіе сознания въ предметъ необходимо, когда процессъ мысли долженъ дать въ результатъ что либо важное, за исключеніемъ практическихъ вопросовъ собственнаго интереса, потому что здѣсь всѣ цѣли цѣлой жизни должны быть приняты въ соображеніе по степени ихъ важности, а слѣдовательно главную роль играетъ тождество я въ различныя времена, иначе говоря, личность. Потому то исключительно практическія натуры, которыя никогда не могутъ забыть о себѣ и многообразныхъ своихъ цѣляхъ и интересахъ, обыкновенно лишены сколько нибудь высшихъ способностей къ наукѣ и искусству.

Итакъ, ясно, что сознание и самосознаніе очень различныя вещи; тѣмъ не менѣе они обыкновенно смѣшиваются. Говорятъ, напр., о сомнамбулѣ, что онъ въ этомъ состояніи безъ сознания, тогда какъ его дѣйствія

(разсказы, письменныя работы) указываютъ на чрезвычайно ясное сознаніе. Но несомнѣнно онъ безъ полного самосознанія, ибо его вниманіе, сосредоточенное на одномъ предметѣ, чуждо ко всѣмъ другимъ воспріятіямъ, не стоящимъ въ связи съ этимъ предметомъ, а потому въ немъ и не появляется никакихъ воспоминаній обо всѣхъ его другихъ дѣляхъ и интересахъ, которыя не касаются этого предмета. Съ другой стороны, говорятъ о потерѣ самосознанія при обморокахъ, при потери памяти отъ ударовъ и пр. Однимъ словомъ, оба понятія смѣшиваются.

Такимъ образомъ ясно, что самосознаніе имѣетъ степени, ибо оно наименѣе полно въ то время, когда оно обнимаетъ только я настоящей дѣятельности духа и тѣмъ полнѣе, т. е., степень его тѣмъ выше, чѣмъ болѣе оно обнимаетъ я прошедшихъ или будущихъ дѣйствій. Самосознаніе не есть, подобно сознанію, одна только пустая форма, оно есть сознаніе *вполнѣ опредѣленнаго содержанія*, именно сознаніе самого себя, а такъ какъ это опредѣленное содержаніе относится къ своему *понятію*, то и степень самосознанія должна подниматься или опускаться съ степенью этого *содержанія*. Сознаніе же напротивъ вовсе не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, оно только требуетъ вообще содержанія, если ему должно стать явленіемъ, дѣйствительностью, по своему понятію, оно есть *одна форма*, а потому его понятіе не можетъ заключать различій по степени, такъ какъ для него вполнѣ безразлично выпадаетъ всякое содержаніе. Если же такое различіе между сознаніемъ и самосознаніемъ не выяснено, или по крайней мѣрѣ не выяснено въ этомъ отношеніи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что при частомъ смѣшеніи обоихъ понятій незамѣтно привыкаютъ и самому сознанію приписывать различія по степенямъ. Еще извинительнѣе стано-

вится заблужденіе, когда самосознаніе совпадаетъ съ вниманіемъ.

Послѣ изложенія этихъ обыкновенныхъ заблужденій въ человѣческомъ самонаблюденіи уже не будетъ казаться парадоксомъ мнѣніе, что такъ называемое высшее и низшее сознаніе т. е. человѣческое и низшихъ животныхъ само по себѣ совершенно равно и различается только по представляющему для него содержанію. Мы видѣли, что простыя чувственные качества, изъ которыхъ складывается всяческое чувственное воспріятіе, суть реакціи Безсознательнаго на матеріальныя колебанія центрального органа (мозга, ганглія, животной и растительной протоплазмы). Само собою разумѣется, что реакціи направляются по роду колебаній и сказываются тѣмъ сильнѣе и тѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе колебанія, и тѣмъ опредѣленнѣе разчленены, тѣмъ яснѣе отличаются отъ другихъ подобныхъ ощущеній, чѣмъ опредѣленнѣе и богаче переменны въ формѣ самихъ колебаній и чѣмъ незначительнѣйшія различія внѣшнихъ раздраженій становятся посредствомъ ихъ въ центральномъ органѣ явленіемъ.

Теперь очевидно, что глазъ улитки, который, по точнымъ наблюденіямъ, буквально замѣняетъ всѣ пять чувствъ, хотя она имъ можетъ различать не болѣе, какъ свѣтлое отъ темнаго вообще, что этотъ глазъ возбуждаетъ въ центральномъ органѣ, колебанія, которыя не даютъ для зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія, такихъ большихъ различій, каковы у животныхъ съ обособленными чувственными органами а также и не способны къ сколько нибудь значительному разнообразію въ предѣлахъ каждой изъ этихъ особыхъ областей ощущенія. Но что даетъ различимость воспріятію въ противоположность другимъ воспріятіямъ, то рассматриваемое само по себѣ сообщаетъ имъ *опредѣленность*, а потому воспріятія тѣмъ неопредѣленнѣе, чѣмъ

ниже мы спускаемся въ царство животныхъ. Эту неопредѣленность мы должны мыслить такъ, что въ воспріятіи недостаетъ подробности, которою обуславливаются различія при высшей организаціи. Если эту подробность взять изъ воспріятія, то оно станетъ *бѣднѣе содержаніемъ*: тогда въ немъ остается только *общее*, которое *еще одинаково въ различномъ*. Значитъ, всякая неопредѣленность въ воспріятіи обусловлена бѣдностью его содержанія, опредѣленность же и различность его богатствомъ этого содержанія. Теперь мы можемъ высказать, въ чемъ заключается отличіе, по видимому, низшаго сознанія: *въ меньшей напряженности и бѣдности предстоящаго ему содержанія, въ матеріальномъ недостаткѣ какъ отдѣльныхъ воспріятій, такъ и суммы доступныхъ ему представленій*. Когда я вижу одинъ свѣтящій пунктъ въ темной ночи, то я вижу его рѣзко очерченнымъ въ опредѣленной степени ясности на фонѣ опредѣленной степени темноты: и точку, и фонъ я вижу въ точно опредѣленномъ цвѣтѣ—что и составляетъ богатство этого простаго воспріятія. Улитка же не видитъ этой точки, или если она очень свѣтла, то видитъ только слабое мерцаніе передъ собою и ничего не видитъ въ остальномъ: въ этомъ и заключается бѣдность ея представленія.

Кромѣ того улитка видитъ съ меньшею *напряженностью*, ибо она видитъ съ меньшимъ вниманіемъ. Ослабленіе вниманія во всѣхъ другихъ направленіяхъ при сосредоточенности въ одномъ указываетъ на ограниченную общую величину его для какого либо существа, которая явно стоитъ въ связи съ суммою его нервныхъ силъ. Ничто такъ не ясно, какъ то, что общая величина внимательности понижается со степенью цѣлой нервной системы въ животномъ царствѣ, слѣдовательно, улитка, при возможно большемъ напряженіи внимательности на какую либо свѣтящую точку едва можетъ обратить на нее столько же вниманія,

сколько и я, когда я вовсе и не думаю объ этой точкѣ, ибо центральный органъ улитки гораздо ниже, чѣмъ мое четвероходіе, воспринимающее и задерживающее впечатлѣнія зрѣнія, когда мозгъ занятъ въ какомъ либо другомъ направленіи. Таково сознание низшихъ животныхъ въ отдѣльномъ воспріятіи: а все таки оно есть одно и то же сознание, что и у высшихъ; только представляющееся ему содержаніе слабѣе и бѣднѣе.

Это отношеніе обнаруживается еще рельефнѣе, если мы возьмемъ въ соображеніе весь матеріаль представленій, который лежитъ въ основаніи сравненія, отвлеченія и сочетанія. Тогда мы увидимъ, что сравнительно съ неопредѣленностью и неясностью единичнаго представленія еще ничтожнѣе оказывается бѣдность всей суммы опыта, доступнаго низшимъ животнымъ, и неспособность центрального органа достаточно удерживать въ памяти разъ сдѣланный опытъ или переработывать его въ сподручныя общія представленія (понятія). Въ результатѣ этихъ изслѣдованій оказывается подтвержденіе выведеннаго изъ нашего принципа положенія, что сознание вездѣ одно и то же и различается только по предстоящему ему содержанію, ибо нигдѣ не находимъ мы повода приписывать различіе по степенямъ самому сознанію, какъ это мы должны дѣлать относительно воли, не смотря на ея содержаніе. Слѣдовательно, общій принципъ нашъ подтверждается и относительно сознанія.

Въ заключеніе представляется намъ вопросъ: „что есть единство сознанія?“ Сообразно съ нашими основными положеніями, мы можемъ, конечно, рассмотреть вопросъ только съ эмпирической стороны, а потому не должны, напр., ссылаться на единство лежащей въ основѣ индивидуальнаго существа души, ибо мы о существѣ души, ея индивидуальности и ея единствѣ еще ничего не знаемъ; и напротивъ узнать что либо мо-

жемъ, только отвѣчая на вышеставленный вопросъ. Кромѣ того приверженцы единыхъ индивидуальныхъ душъ должны согласиться, что даже единство сознанія можетъ распасться на множество строго обособленныхъ и независимыхъ сознаній, а они все таки должны признавать единство души, лежащей въ основѣ этихъ различныхъ сознаній. Я напому только о примѣрѣ, который приводитъ Лессенъ въ своей Психологіи, о дѣвушкѣ, которая послѣ сна, походившаго на оцѣпенѣніе, потеряла *всѣ* воспоминанія безъ ослабленія душевныхъ способностей и возможности учиться: она должна была снова начать учиться азбукѣ. Припадки повторялись, и послѣ каждаго память о послѣднемъ передъ припадкомъ періодѣ жизни исчезала, между тѣмъ какъ предпослѣдній снова появлялся невредимымъ въ памяти такъ, что она постоянно начинала свое ученье съ того, на чѣмъ остановилась передъ предпослѣднимъ припадкомъ. Этотъ примѣръ представляетъ намъ только въ поразительной и новой формѣ явленія, которыя въ болѣе слабомъ размѣрѣ и отчасти можно наблюдать на каждомъ шагу. Только тамъ можемъ признать мы единство сознанія между *прошедшимъ и настоящимъ моментомъ*, гдѣ въ настоящемъ на лицо воспоминаніе о прошедшемъ моментѣ, или гдѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ препятствій для возможности этого воспоминанія. Строго говоря, о дѣйствительномъ или наличномъ единствѣ сознанія можетъ быть рѣчь только при дѣйствительномъ воспоминаніи, тогда какъ, при только возможномъ воспоминаніи, и само единство сознанія есть только возможное или потенциальное.

Единство сознанія между отдѣленными временемъ моментами главнымъ образомъ состоитъ въ *сравненіи* настоящаго и прошедшаго представленій. Возможность этого сравненія обуславливается тѣмъ, что изъ двухъ *настоящихъ* представленій одно представляетъ нѣчто на-

стоящее, другое прошедшее, а это возможно вслѣдствіе того, что я настоящее представленіе (инстинктивно) признаю въ причинной связи съ бывшимъ, прежде ему подобнымъ. Отсюда, если изъ двухъ представленій одно представляетъ прошлое, то сознание въ одномъ актѣ сравненія соединяетъ въ одно цѣлое представителей и настоящаго и прошедшаго сознанія; и вмѣстѣ съ тѣмъ сознается единство сознанія для этихъ представленій: и прошедшаго, и настоящаго. Если я, именно, имѣю два сознательныхъ представленія, то въ личности находятся какъ сознание одного представленія, такъ и сознание другого; и я никогда не имѣлъ бы права заключать объ единствѣ этихъ сознаній, если не могъ бы доказать этого. Но если я эти оба представленія соединяю въ сравненіе, то я снимаю оба эти сознанія въ третьемъ, въ сознаніи сравненія и такимъ образомъ привожу ихъ единство къ непосредственному созерцанію. Слѣдовательно, сравненіе и есть тотъ моментъ, которымъ единственно обуславливается мысль о единствѣ сознанія, и съ возможностью сравненія прекращается и возможность единства сознанія.

Сейчасъ мы видѣли, что сравненіе рѣшаетъ вопросъ о единствѣ сознанія прошлаго и настоящаго, т. е., временно раздѣленныхъ представленій; точно также оно же рѣшаетъ его и относительно представленій, раздѣленныхъ пространственно, т. е., такихъ, которыя возбуждены различными матеріальными частями. Человѣчeskій мозгъ имѣетъ извѣстную величину, и представленія, возникающія на одномъ концѣ его, на нѣсколько дюймовъ отстоятъ отъ возникающихъ на другомъ концѣ: а все-таки мы не сомнѣваемся въ единствѣ сознанія большого мозга. Основаніе этого заключается въ томъ, что въ здоровомъ бодрственномъ состояніи каждое гдѣ либо въ мозгу всплывающее представленіе можетъ быть *сравниваемо* съ другимъ всплывающимъ какъ ли-

бо иначе. Напротивъ представленія спинного мозга и ганглиевъ, которыя необходимо должны существовать, напр., при рефлексивныхъ движеніяхъ и т. д., при поврежденіи внутренностей и т. п., вообще не имѣютъ вовсе единства сознанія съ представленіями головного мозга; скорѣе всего каждый изъ нихъ имѣетъ свое *обособленное* сознательное существованіе, потому что они не могутъ быть примирены въ одномъ общемъ сознательномъ актѣ сравненія. Только для очень сильныхъ ощущеній низшихъ нервныхъ центровъ наступаетъ эта сравнимость, а съ нею и единство сознанія въ той мѣрѣ, въ какой оно заявляетъ себя въ общемъ чувствѣ. Если для различныхъ нервныхъ центровъ организма, при болѣе сильномъ возбужденіи того или другаго, появляется это единство сознанія, то для нервныхъ центровъ различныхъ индивидуумовъ оно не появляется никакимъ образомъ, за исключеніемъ развѣ сращеній частей двухъ организмовъ въ случаяхъ уродства или же между матерью и зародышемъ, гдѣ также для сильныхъ возбужденій являются отзвуки такового единства сознанія.

Причина этихъ явленій очевидна. Въ головномъ мозгу, кромѣ специальныхъ спаекъ, черезъ всю его массу проходятъ безчисленные нервныя волокна и образуютъ разнообразную внутреннюю связь одной частички съ другой. Спинной же мозгъ имѣетъ только сравнительно несовершенную связь съ головнымъ, а симпатическая нервная система соединена съ мозгомъ только однимъ *nervus vagus*; у сросшихся индивидуумовъ могутъ быть только болѣе или менѣе случайныя сращенія подчиненныхъ нервныхъ стволовъ, у раздѣльныхъ индивидуумовъ исчезаетъ всякая связь. Чѣмъ совершеннѣе *проводимость* между функционирующими центрами нервной системы, тѣмъ меньшее возбужденіе въ нихъ нужно для того, чтобы передать отъ одного къ другому это воз-

бужденіе; чѣмъ несовершеннѣе и длиннѣе пути — проводники, тѣмъ болѣе препятствій для проводимости, тѣмъ сильнѣе должны быть возбужденія для того, чтобы достигнуть до другихъ центральныхъ мѣстъ, и тѣмъ смутнѣе и спутаннѣе они достигнуть туда. Кто привыкъ къ безконечному сопроникновенію явленій, зависящихъ отъ физико-колебательныхъ процессовъ такъ однако, что они не мѣшаютъ другъ другу, для того, конечно, не будетъ нисколько страннымъ это возрѣніе на нервныя процессы, возрѣніе, по которому всякая мысль въ одномъ мѣстѣ мозга одновременно телеграфируется во всѣ другія мѣста его. Иначе, какъ съ этой точки зрѣнія, невозможно понимать анатомическое строеніе мозга съ его безчисленными волокнистыми соединеніями. Слѣдовательно, если чѣмъ обусловлено единство сознанія, такъ это, именно, проводимостью нервовъ: одно прямо пропорціонально другой. Итакъ, мы ставимъ слѣдующее положеніе: *отдѣльныя матеріальныя части представляютъ отдѣльное сознаніе*, положеніе, которое говоритъ за себя столько же à priori, сколько отдѣльныя индивидуумы подтверждаютъ его эмпирически. Пока австралійскій муравей одно животное, до тѣхъ поръ передняя и задняя часть его тѣла дѣйствуютъ съ единымъ сознаніемъ: какъ скоро мы разрѣжемъ его, тотчасъ же уничтожается и единство сознанія; и обѣ части нападаютъ другъ на друга и борятся. Далѣе мы принимаемъ, что сравненіе двухъ возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ представленій возможно только потому, что колебанія одного мѣста проводятся къ другому безъ ослабленія и безъ помѣхи; только черезъ сравненіе обоихъ представленій становится возможнымъ примиреніе ихъ обоихъ сознаній въ единое сознаніе акта сравненія и, можемъ мы еще прибавить, въ немъ то оно *eo ipso и дано*. Сіамскіе близнецы отказывались играть другъ съ другомъ въ шахматы, думая, что это

было бы все равно, что правая рука играла бы съ лѣвой. Если мы представимъ себѣ возможность связи между мозгами двухъ человѣкъ посредствомъ такого же проводящаго моста, какой есть между двумя полушаріями одного и того же мозга, то стаетъ понятною возможность единого общаго сознанія, которое обняло бы мысли двухъ мозговъ и двухъ до сихъ поръ отдѣльныхъ сознаній обоихъ лицъ такъ, что каждое изъ нихъ свои мысли не могло бы отличить отъ мыслей другаго, или, иначе говоря, они оба не знали бы себя уже двумя я, а только однимъ я, подобно тому, какъ мои оба полушарія знаютъ себя только, какъ одно я.

ГЛАВА III.

Безсознательное и сознание въ растительномъ царствѣ.

Безсознательная психическая дѣятельность растений: органическое образованіе, цѣлительная сила, рефлективныя движенія, инстинктъ и влеченіе къ прекрасному. Сознаніе у растений. Невозможность провести рѣзкую границу между животнымъ и растеніемъ, ибо они произошли отъ общаго корня—существовъ, въ которыхъ свойства животныя и растительныя неразрывно связаны. Основанія, по которымъ можно приписать растеніямъ ощущеніе и сознаніе. Оно обусловлено въ растеніи протоплазмой. Единство сознанія у растений не вѣроятно.

Вопросъ объ одушевленности растений старъ; въ послѣднее время онъ лучше всего затронутъ въ сочиненіяхъ: Фехнера (*Nanna, oder über das Seelenleben der Pflanzen, Leipzig 1848*), Шопенгауера (*Über den Willen in der Natur; Cap. Pflanzenphysiologie*) и Аутенрита (*Ansichten über Natur und Seelenleben*). Мы конемся его въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

1. Безсознательная душевная дѣятельность растений. Растеніе, подобно животному, обнаруживаетъ органически—образующую дѣятельность, цѣлительную силу, рефлективныя движенія, инстинктъ и влеченіе къ прекрасному. Если эти дѣйствія животнаго объяснялись безсознательною духовною дѣятельностью, то нѣтъ причины такія же дѣйствія растений не объяснять тою же дѣятельностью тѣмъ болѣе, что растеніе, имѣя дѣло съ неподатливымъ неорганическимъ веществомъ, претво-

ряетъ его въ органическое, животное же пользуется уже готовыми матеріалами. И такъ, мы рассмотримъ всѣ отправления растений по порядку и отдѣльно.

а) *Органическое образованіе*. Оно также, какъ и у животного, работаетъ по типической идеѣ породы, по опредѣленнымъ законамъ относительно формы листа, цвѣта и внутренняго строенія, хотя и съ большимъ противъ животныхъ просторомъ въ числѣ вѣтвей, листьевъ и пр. Въ соблюденіи морфологическаго типа растеніемъ мы замѣчаемъ большое постоянство и неизмѣнность, хотя и не видимъ въ томъ полезнаго приспособленія къ борьбѣ за существованіе. Это постоянство соблюдается скорѣе изъ бессознательнаго влеченія къ оформленности (*Gestaltungstrieb*). Въ этомъ случаѣ растенія, подобно низшимъ животнымъ, антиципируютъ стремленіе къ формѣ, которая обнаруживаетъ свою цѣлесообразность только въ высшихъ животныхъ. Такъ, напр., ростецъ высшихъ водорослей является съ расположенными по сторонамъ его въ нѣкоторомъ порядкѣ наростами, что не свѣдущими можетъ быть принято за стволъ, корень и листья, между тѣмъ какъ для ботаника водоросли не имѣютъ ни корней, ни листьевъ.

Растенія дѣлимы также, какъ и низшія животныя; каждая часть имѣетъ способность возстановить свой типъ, хотя также, какъ и у животныхъ, эта способность не безгранична. У растенія также всѣ части находятся во взаимнодѣйствіи: низшія его части вырабатываютъ матеріалъ для питанія высшихъ, именно, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ быть полученъ высшими для дальнѣйшаго переработыванія: корень дуба никогда не питалъ бы букъ, и луковица тюльпана не станетъ питать гіацинтъ.

Если зимою отъ стоящаго на волѣ дерева провести въ теплицу вѣтку, то она разовьетъ листья и цвѣты,

между тѣмъ какъ все дерево остается окоченѣлымъ. Наблюденія показываютъ, что необходимая для вѣтви вода всасывается корнями дерева, значитъ, повысившаяся жизненная дѣятельность вѣтви побуждаетъ корни дерева къ усиленному всасыванію (Декандоль, Физиологія Растеній I, 76).

Такимъ образомъ связь и взаимное содѣйствіе частей растенія очевидны, но какъ далеко она можетъ идти и до какой степени существуетъ проводимость между частями—это мы столь же мало знаемъ, какъ и у животныхъ. Что касается до воспроизведенія у растеній, то оно на тѣхъ же началахъ, какъ и у животныхъ: клѣточное дѣленіе, размноженіе спорами или почками и половое рожденіе. Сходство въ обоихъ царствахъ, особенно въ первыхъ стадіяхъ рожденія, столь поразительно, что одни и тѣ же основанія побуждаютъ принять безсознательное психическое воздѣйствіе при происхожденіи какъ растеній, такъ и животныхъ.

То же, что у животныхъ, видимъ мы и въ развитіи растеній—это постоянную борьбу организующей дѣятельности съ стремленіемъ матеріальныхъ элементовъ къ разложенію, возвратному образованію и разрушенію формы. Въ этой борьбѣ, цѣль которой есть осуществленіе типа породы, принимаетъ участіе каждая клѣточка, становящаяся, такъ сказать, химическою лабораторіею для приготовленія различныхъ органическихъ соединеній. Дѣленіе и срастаніе клѣточекъ суть единственные средства для созданія внѣшняго вида организма. Раздѣленіе труда между клѣтками такое же полное, какъ и у животныхъ: какъ тамъ однѣ клѣтки становятся костью, другія мускулами и т. д., такъ и здѣсь однѣ становятся древесиной, другія лубомъ и т. д. Какъ въ животномъ клѣточки питаются черезъ кровообращеніе въ кровяныхъ сосудахъ, такъ въ растеніи процессъ питанія клѣточекъ происходитъ черезъ кругооборотъ

восходящаго и нисходящаго сока; и притомъ каждая клѣточка всасываетъ только тѣ вещества, какія ей пужны.

Въ органической цѣлесообразности растительное царство также выдерживаетъ сравненіе съ животнымъ, при чемъ для многихъ отправленій, о которыхъ у животныхъ заботится инстинктъ, растенія, въ слѣдствіе ихъ неподвижности, снабжены органическими механизмами, которые сами могли быть созданы только безсознательною психическою дѣятельностью. И здѣсь есть такія переходныя ступени, что мы не можемъ строго отличить, что должно назвать механизмомъ, что инстинктомъ.

Взглянемъ прежде всего на примѣры приспособленій, которыми растенія приобрѣтаютъ для своего лучшаго питанія разлагающіяся животныя вещества. Разросшіеся листья обыкновенной ворсянки, *Dipsacus fullonum*, образуютъ около стебля чашу, которая наполняется дождевою водою и въ которой часто находили многихъ случайно утонувшихъ насѣкомыхъ; тоже встрѣчается у одного тропическаго паразитнаго растенія: *Fillandsia utriculata*. Мухоловка (*Dionaea muscipula*) имѣетъ на каждомъ листѣ лопасте-образный, раздѣльный придатокъ, который снабженъ многими желѣзками, шестью иглами и по краямъ щетинистыми рѣсничками. Какъ скоро насѣкомое, привлеченное сокомъ, садится на лопасть, онѣ тотчасъ же захлопываются и открываются только тогда, когда насѣкомое мертво. Росянка, *Drosera*, имѣетъ щетинообразныя пунцовыя волоски на листьяхъ, оканчивающіеся желѣзкою, изъ которой въ теплую погоду выпотѣваетъ маленькая, липкая капля сока. Этотъ сокъ приклеиваетъ маленькое насѣкомое; волоски быстро загибаются надъ нимъ и цѣлый листъ постепенно свертывается своею оконечностью вкругъ основанія. Что таковыя растенія дѣйствительно растутъ роскош-

нѣе, въ слѣдствіе всасыванья листьями продуктовъ животнаго разложенія, доказано опытомъ надъ мухоловкою.

Но всего удивительнѣе у растений тѣ приспособленія, которыя служатъ для полового размноженія. У прямо стоячихъ цвѣтковъ тычинки обыкновенно длиннѣе плодника, у висячихъ наоборотъ. Гдѣ сѣмянная пыль не можетъ прямо падать на рыльце и гдѣ тому не помогаетъ вѣтеръ, тамъ средствомъ къ оплодотворенію являются насѣкомыя. Для того существуютъ и привлекательныя яркія краски цвѣтовъ, для того ихъ далеко распространяющійся запахъ, который всегда сильнѣе днемъ, когда летаютъ насѣкомыя, для того же и сладкій сокъ на днѣ цвѣтка. *Aristolochia clematidis* имѣетъ бутылкообразный цвѣтокъ съ узкимъ входомъ, который посредствомъ торчащихъ внизъ волосковъ не даетъ выхода заплзшимъ туда маленькимъ мошкамъ. Онѣ ползаютъ въ своей тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока своими усиками не стронутъ и не скинутъ цвѣточной пыли на рыльце: но какъ скоро оплодотвореніе совершилось, то волоски отсыхаютъ и опадаютъ и насѣкомыя выходятъ на свободу.

Мокрая погода вредна для опыленія, ибо когда крупинки цвѣтени становятся мокры, то разбухаютъ и лопаются: оплодотвореніе становится невозможнымъ. Приспособленія, посредствомъ которыхъ цвѣтки предохраняются отъ мокроты, разнообразны. У однихъ (винограда, колокольчиковъ) оплодотвореніе совершается подъ защитою сросшихся концами лепестковъ; у другихъ (бобовые) подъ защитою паруса; у третьихъ цвѣтокъ передъ дождемъ закрывается (это уже инстинктъ) и т. п. *Impatiens noli me tangere* ночью прячетъ свой цвѣтокъ подъ листья. Большая часть водяныхъ растений зацвѣтаютъ не прежде, какъ ихъ стебель поднимется надъ

поверхностью воды. Чилимъ, *Trapa natans*, до цвѣтенія растеть подъ водою, а потомъ черешки верхнихъ его листьевъ наполняются воздухомъ и поднимають всё растение на поверхность воды, такъ что цвѣтеніе и оплодотвореніе совершается на воздухѣ. Какъ скоро оно кончилось, то воздушные пузыри наполняются водою и плодъ созрѣваетъ подъ водою. У пузырчатки (*Utricularia*) сильно разчлененные корни снабжены множествомъ круглыхъ мѣшечковъ (*utriculi*), которые имѣють нѣчто въ родѣ подвижной крышки и наполнены слизью, которая тяжелѣе воды. Во время цвѣтенія этотъ слизистый балластъ вытѣсняется газами, отдѣляемыми растеніемъ; растеніе медленно поднимается на поверхность воды, гдѣ совершается цвѣтеніе и оплодотвореніе, а, по окончаніи послѣдняго, корни снова выдѣляютъ слизь, которая въ свою очередь вытѣсняетъ воздухъ изъ мѣшечковъ и т. п.

Что касается до сѣмянъ, то мы видимъ, что они многообразно приспособлены къ ихъ возможно дальнему распространенію и разсѣванію. Одни снабжены летучками, крыльями и пр. для наилучшаго перенесенія вѣтромъ; другія колючками, крючками, чтобы прицѣпляться къ проходящимъ животнымъ и съ ними переноситься въ отдаленныя мѣста. Зрѣлые орѣшки геранія въ слѣдствіе упругости завившихся столбиковъ отпрыгиваютъ отъ растенія на 3—4 фута. Многія сѣмяна защищены крѣпкою скорлупою, а кромѣ того вкуснымъ мясомъ: они съѣдаются животными, которыя далеко переносятъ ихъ и выбрасываютъ вмѣстѣ съ изверженіями, въ которыхъ сѣмяна находятъ для себя удобреніе. Сѣмяна водяныхъ растеній обыкновенно тяжеле воды и падаютъ на дно; сѣмяна большей части высогихъ деревьевъ легче, а потому плаваютъ на водѣ и переносятся вѣтромъ и теченіемъ далеко отъ мѣстъ ихъ происхожденія.

Подобныхъ примѣровъ множество; но приведенныхъ достаточно, чтобы показать удивительную психическую способность растений къ устройству цѣлесообразныхъ механизмовъ, которыхъ цѣль довольно отдаленна.

б) *Цѣлительная сила.* Такъ какъ идеею растенія допускается численно неопредѣленное повтореніе одного и того же органа и такъ какъ частная потеря органовъ не угрожаетъ существованію цѣлаго, то растенію нѣтъ надобности возстановлять потерянные части на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ, какъ то необходимо для животнаго. Однако есть достаточно оснований для убѣжденія въ существованіи цѣлительной силы и у растений. Стоитъ только отнять у растенія цѣлый классъ органовъ, необходимыхъ для его существованія, напр., всѣ корни, то, оно тотчасъ пуститъ новые корни или же, если для того нѣтъ достаточныхъ силъ, умретъ. Точно также процессъ заживленія ранъ или разрѣзанныхъ поверхностей вполне аналогиченъ съ тѣмъ же процессомъ у животныхъ. Въ концѣ концовъ какъ у растений, такъ и у животныхъ вся жизнь есть безконечная сумма безконечно многихъ актовъ цѣлительной силы, ибо каждую минуту должны быть парализуемы и преодоляемы разрушительныя физическія и химическія вліянія.

с) *Рефлективныя движенія.* Физиологи различаютъ рефлективное движеніе и простую раздражимость сокращающейся ткани, что и справедливо, какъ скоро вопросъ касается мѣста, гдѣ происходитъ рефлексъ на раздраженіе въ видѣ движенія, именно, находится ли фокусъ реакціи въ самомъ раздражаемомъ мѣстѣ, или же въ другомъ. Но это различіе не справедливо, если хотятъ обозначить имъ различіе въ принципѣ. Сущность рефлекса въ обоихъ случаяхъ состоитъ въ превращеніи подѣйствовавшаго раздраженія въ реактивное движеніе, при чѣмъ реакція никогда не сосредоточивается абсолютно на раздражаемой точкѣ: различіе же въ прин-

ципъ не можетъ быть основано на томъ, дальше или ближе распространяется реакція. Тогда только реактивное движеніе получаетъ въ нашихъ глазахъ характеръ рефлективнаго дѣйствія, когда для объясненія появленія этого движенія оказываются недостаточными общіе законы природы. Только тамъ, гдѣ мы можемъ удовольствоваться послѣдними, мы можемъ отрицать рефлективное дѣйствіе, корень котораго заключается въ бессознательно-психической, инстинктивной реакціи. Обусловленъ ли рефлексъ нервами и мускулами или другими замѣняющими ихъ механизмами—это нисколько не даетъ основаній для принципиальнаго различія, ибо собственно дѣйствующая матерія есть все таки протоплазма, будетъ ли она въ свободномъ состояніи, или заключена въ различнаго рода клѣточки.

Если привести въ сотрясеніе воду, въ которой живетъ полипъ, то онъ свертывается въ клубокъ—это всякій назоветъ рефлексомъ, независимо отъ того, откроется ли у полипа со временемъ или нѣтъ что либо аналогичное съ нервами или мускулами; а если у *Mimosa pudica*, сотрясенной ногой прохожаго, съжимаются листья, то это не рефлексъ? Если раздражаемый *penis* приходитъ въ состояніе эрекціи черезъ перемѣну кровообращенія, то это будетъ признано за рефлексъ; почему же бы перемѣна въ сокообращеніи не могла быть достаточнымъ средствомъ для рефлективнаго движенія у растеній. Вѣдь, растеніе не нуждается въ непрерывныхъ быстрыхъ движеніяхъ, для которыхъ животное пользуется своими мускулами, значить, они были бы для растенія излишнею роскошью. Признакомъ рефлекса у животнаго считается то обстоятельство, что почти одна и та же реакція наступаетъ, какое бы раздраженіе мы ни приложили—механическое ли, химическое, термическое, гальваническое или электрическое, между тѣмъ какъ мертвые механизмы обыкновенно отвѣчаютъ

только на вполне определенное раздраженіе. Но то же есть и у растений. Сильные электрическіе удары уничтожаютъ какъ животную, такъ и растительную раздражимость. Если проткнуть стебель барбарисоваго цвѣтка иглою, соединенною съ положительнымъ полюсомъ гальванической батареи и соединить проволоку отрицательнаго полюса съ лепесткомъ посредствомъ тихо вложеннаго мокраго куска бумаги, то въ моментъ замыканія цѣпи наклоняется къ пестику соединенная съ лепесткомъ тычинка. Если же переменить полюсъ, то токъ окажется менѣе дѣйствительнымъ, вполне подобно животнымъ препаратамъ, которые сильнѣе реагируютъ, если отрицательный полюсъ соединенъ съ периферическимъ концомъ. При размыканіи цѣпи, точно также, какъ въ лягушечьихъ лапкахъ, нѣтъ никакого движенія. По Блондо постоянный токъ, (какъ возбужденіе къ движенію) при принятіи нужныхъ мѣръ предосторожности, дѣйствуетъ на *Mimosa pudica* столь же мало, какъ и на животные мускулы, тогда какъ перемежающійся индуктивный токъ оказывается весьма сильнымъ раздражителемъ. Раздраженная животная часть, при удаленіи раздраженія, приходитъ медленно въ свое прежнее положеніе; такъ раздражаемая устрица или полипъ съеживается быстро, а расправляется медленно. Повтореніе раздраженія притупляетъ раздражимость, покой снова восстанавливаетъ. Далѣе раздражимость обнаруживается различно, сообразно съ состояніемъ здоровья, съ возрастомъ, поломъ, временемъ года, погодой и другими внѣшними обстоятельствами. Все это у растений одинаково съ животными.

О рефлективныхъ движеніяхъ мухоловки я уже упоминалъ выше. Если садится ей на листъ насѣкомое, то тотчасъ задерживается загибающимися волосками и потомъ листъ постепенно заворачивается. Въ этомъ случаѣ имѣемъ мы не простое раздраженіе въ одномъ мѣ-

ствѣ, но частію одновременное, частію цѣлесообразно слѣдующее одно за другимъ участіе въ движеніи многихъ мѣстъ листа совершенно въ томъ видѣ, какъ мы привыкли видѣть у животныхъ; только здѣсь, вмѣсто монархическаго приказанія отъ одного центра, мы видимъ республиканское соучастіе многихъ точекъ въ гармоническомъ согласіи. Но уже болѣе централизовано, а потому и болѣе животнo-образно происходитъ то же явленіе во всѣхъ листьяхъ, тычинкахъ и т. д., когда фокусъ реакціи нужно искать въ колѣнцахъ, которыми эти части прикрѣплены.

У многихъ цвѣтовъ зрѣлыя тычинки сами собою постепенно наклоняются къ пестику, у нѣкоторыхъ же образуется колѣнце, которое, вслѣдствіе раздраженія какимъ либо насѣкомымъ, приближаетъ тычинку къ рыльцу. У другихъ внутрь согнутый пестикъ, вслѣдствіе раздраженія, выпрямляется, при чемъ разсыпаетъ сѣмянные крупинки изъ пыльниковъ. *Mimosa pudica* имѣетъ двояко-перистые листья; ея листочки, ребра листа, листовой черешокъ и даже самыя вѣтви имѣютъ свое особое движеніе. Если осторожно, избѣгая всякаго сотрясенія, капнуть на листочекъ довольно сильной кислотой, то всѣ близъ находящіеся листья одинъ за другимъ свертываются. По Дютроше доходитъ скорость распространенія этого движенія отъ 8 до 15 миллиметровъ въ секунду въ черешкахъ, а въ стеблѣ только отъ двухъ до трехъ миллиметровъ. Здѣсь очевидна проводимость раздраженія. Тоже обнаруживается если тихонько жечь листокъ; листочки свертываются гораздо далѣе, чѣмъ можетъ достигать теплота. Брюкке и позднѣе Берть доказали, что у этого удивительнаго растенія нужно отличать самопроизвольныя движенія, которыя состоятъ въ подниманіи и опусканіи листового черешка, сообразно съ временемъ дня, отъ движеній, слѣдующихъ за раздраженіемъ, потому что способность ра-

стенія къ послѣднимъ парализуютъ парами эфира, которые дѣйствуютъ также и на животную нервную систему, а между тѣмъ, не смотря на эфиръ, первыя движенія неизмѣнно продолжаются. Несомнѣнно, что эти продолжающіяся цѣлый день поднятія и опусканія обусловлены законосообразными переменами въ сокообращеніи. Чѣмъ обуславливается происходящая послѣ раздраженія переменна въ упругости сидящихъ на черешкѣ верхнихъ и нижнихъ узловъ, это для *timosa pudica* еще не установлено, но вполне извѣстно для вышеупомянутыхъ тычинокъ *Berberis Vulgaris*. Здѣсь, именно, (какъ и въ большинствѣ растительныхъ частей) выступаетъ въ дѣло противоположно направленная упругость различныхъ тканей, потому что верхняя кожица стремится укоротить тычинку, а лежащая подъ нею протоплазма удлиннить. Если раздражается внутренность тычинки, то протоплазма сжимается; тогда равновѣсіе упругостей нарушается въ пользу верхней кожицы, которая, слѣдовательно, можетъ реализовать свою тенденцію къ укороченію, чѣмъ и наклоняетъ тычинку. Такимъ образомъ здѣсь фактъ, вслѣдствіе котораго связанныя силы освобождаются для дѣятельности, состоитъ въ сокращеніи протоплазмы, точно также какъ то же дѣлается посредствомъ сокращенія той же протоплазмы у низшихъ, или мускуловъ у высшихъ животныхъ.

Невозможно не признать полной аналогіи между рефлективными движеніями растений и животныхъ. Различія существуютъ только въ той мѣрѣ, въ какой различны какъ устройство цѣлыхъ организмовъ, такъ и особія цѣли, ради которыхъ происходятъ реакціи. Слѣдовательно, если мы разъ признали въ послѣдней инстанціи за рефлективными дѣйствіями животныхъ психическій характеръ, то нельзя отказывать и растениямъ въ бессознательно-психической дѣятельности точно также, какъ должно признать таковую за всякой жи-

вотной частью, которая оказывается еще способною къ рефлексивнымъ движеніямъ.

d) *Инстинктъ*. Уже въ животномъ царствѣ мы видѣли неразрывную связь инстинкта, рефлексивныхъ движеній и органическаго образованія; но еще менѣе можно отдѣлить ихъ въ растительномъ: ибо съ одной стороны въ слѣдствіе недостатка въ средствахъ къ движенію органически-образующая дѣятельность растенія должна выполнять посредствомъ цѣлесообразныхъ механизмовъ многое такое, что у животныхъ совершается инстинктивнымъ движеніемъ (вспомнимъ объ оплодотвореніи животныхъ и разсѣваніи сѣмянъ), а съ другой сознаніе растенія такъ тупо, что у него разница между раздраженіемъ для рефлексивнаго движенія и мотивомъ для инстинктивнаго дѣйствія доходитъ до *minimum*'а. Тѣмъ не менѣе мы все таки найдемъ у растеній обильные и несомнѣнные слѣды того самого, что у животныхъ мы называемъ инстинктомъ. Полицъ инстинктивно направляется отъ отѣненной стороны своего сосуда къ освѣщенной солнцемъ, а когда тоже дѣлаютъ дрожалки, когда подсолнечникъ почти вывихиваетъ себѣ шею, такъ это не слѣдуетъ называть инстинктомъ? Вотъ что говоритъ Дютроше: „когда верхнюю поверхность листа стоящаго на воздухѣ растенія покрюють маленькою дощечкой, то листъ старается освободиться отъ этой покрывки не всегда одинаковыми, но всегда такими средствами, которыя всего легче и скорѣе ведутъ къ цѣли: то путемъ отклоненія въ сторону листоваго черешка, то наклоненіемъ черешка къ оси“.

Найтъ (Knight) видѣлъ, что виноградный листъ, котораго нижняя поверхность была освѣщаема солнцемъ и которому онъ преградилъ всѣ пути прійти въ естественное положеніе, дѣлалъ всевозможныя попытки для того чтобъ обратить къ свѣту надлежащую сторону, которою онъ долженъ дышать. Послѣ того, какъ онъ въ

продолженіи нѣсколькихъ дней старался приблизиться къ свѣту въ извѣстномъ направленіи и, поворачивая свои лопасти покрылъ ими почти всю свою нижнюю сторону, онъ расправился снова и удалился отъ оконнаго стекла, для того чтобы уже съ противоположной стороны приблизиться къ свѣту. (Treviranus, Beiträge 119). Въ послѣднее время Франкъ (Die naturl. wage-rechte Richtung und s. w. Leipzig 1870) подтверждаетъ это явленіе и распространяетъ на множество другихъ растений. Онъ находитъ что это движеніе всегда выполняется *кратчайшимъ путемъ*: листъ то поднимается, то опускается, то оборачивается направо, то налево. Дютроше покрывалъ концы листьевъ трехсложной фасоли (*Phaseolus vulgaris*) дощечкой. Такъ какъ малая длина особаго листоваго черешка дѣлала для листка невозможнымъ отклоненіе, то оно совершенно было *наклоненіемъ общаго черешка*, между тѣмъ какъ въ темномъ мѣстѣ растеніе не избѣгало дощечки. „Если, говоритъ этотъ изслѣдователь, посмотришь, сколько средствъ употреблено въ этомъ случаѣ, чтобы достигнуть одной цѣли, то, пожалуй, подумаешь, что здѣсь тайно дѣйствуетъ умъ, избирающій наисообразнѣйшія средства, для достиженія цѣли. „Такъ высказываетъ истину изслѣдователь, движимый одной силой фактовъ, истину, которая непостижима для него только потому, что онъ не знакомъ съ бессознательною душевною дѣятельностью. Что здѣсь не просто рефлексивное дѣйствіе на раздраженіе, видно изъ того, что напротивъ дѣло идетъ объ *устраненіи недостатка* въ необходимомъ раздраженіи.

Извѣстны явленія сна растений, когда листья или нагибаются, или складываются, цвѣтки или наклоняютъ свои головки или же закрываются. Мы уже отчасти упоминали объ этихъ явленіяхъ и видѣли ихъ цѣль въ защитѣ сѣмянныхъ ядеръ отъ росы. Что опусканье цвѣ-

точной оси происходитъ не въ слѣдствіе простаго усиленія растенія, въ томъ не трудно убѣдиться, ибо она въ этомъ наклоненномъ состояніи, пожалуй, напряженнѣе и эластичнѣе. *Malva peruviana*, поднимая листья вокругъ стебля или кончика вѣтви въ спящемъ состояніи, образуетъ родъ воронки, которою защищены молодые цвѣтки или листья. *Impatiens noli me tangere* изъ опустившихся верхнихъ листьевъ образуетъ сводъ для молодыхъ побѣговъ; нѣкоторыя другія растенія закрываютъ цвѣтки, складывая листочки своихъ сложныхъ листьевъ. Время для сна и бодрствованія также различно, какъ и у животныхъ. Нѣкоторыя изъ нашихъ растеній обращаются къ солнцу; другіе совершаютъ свои привычныя движенія въ опредѣленное время, не смотря на климатъ, въ который они перенесены, и не смотря на то, будетъ ли то осенью или зимою. Изъ всего этого видно, что такія періодическія движенія только отчасти зависятъ отъ внѣшнихъ раздраженій и опредѣляются болѣе внутренними условіями самого растенія; — это движенія, направленные инстинктомъ. Во многихъ растеніяхъ для оплодотворенія тычинки наклоняются къ пестику, высыпаютъ свою пыль и возвращаются опять въ прежнее положеніе, у другихъ же оба органа обоюдно ищутъ другъ друга. (Treviranus, Физиологія растеній II 389.) У *Lilium superbum*, *Armaryllis formosissima* и *Pancreatum maritimum* приближаются пыльники къ рыльцу одинъ за другимъ; у *Fritillaria persica* наклоняются къ столбику поочередно. У *Rhus coriaria* двѣ или три тычинки поднимаются вдругъ, описываютъ четверть окружности и подносятъ свои пыльники къ самому рыльцу. У *Saxifraga tridactylites*, *muscoides*, *aizoon*, *granulata* и *cotyledon* двѣ тычинки съ противоположныхъ сторонъ наклоняются надъ рыльцемъ и, рассыпавши свою пыль, снова выпрямляются, чтобы очистить мѣсто для другихъ. У *Parnassia palustris* мужскіе органы подвигаютъ

ся къ женскимъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ созрѣваетъ цвѣтень. У *Tropaeolum* прежде нагнувшіяся въ сторону тычинки при полномъ цвѣтеніи вытягиваются одна за другою вверхъ и снова нагибаются чтобы дать мѣсто другимъ послѣ того, какъ пыльники высыпали свою цвѣтень на рыльце. Нельзя требовать чтобы инстинктъ выступалъ яснѣе, чѣмъ въ этихъ примѣрахъ: ибо здѣсь мотивъ есть присутствіе рыльца и зрѣлость цвѣтени, а порядокъ, въ которомъ, и родъ и способъ какими тычинки двигаются туда и сюда, представляетъ такую же иллюзію произвола, какъ это можетъ являться только въ иномъ животномъ движеніи.

Удивительны инстинктивные движенія вьющихся растений (см. Mohl-Über das Winden der Ranken.) Растеніе сперва вытягивается немного въ высоту перпендикулярно, потомъ нагибаетъ свой стебель горизонтально и описываетъ кругъ, отыскивая около себя опоры точно также, какъ слѣпая личинка описываетъ кругъ своею переднею частью для того, чтобы найти новый листокъ. Конечно, чѣмъ длиннѣе вырастаетъ стебель, тѣмъ болѣе становится кругъ, т. е., если растеніе не находитъ вблизи опоры, то ищетъ ее далѣе. Наконецъ стебель не можетъ поддерживать своей собственной тяжести; тогда онъ падаетъ на землю и ползетъ далѣе по ней. Если же растеніе находитъ опору, то могло бы быть, что оно ее вовсе и не замѣтило бы, или могло бы быть ему удобнѣе расти далѣе по землѣ, чтобы не взбираться на высоту: но, на самомъ то дѣлѣ, оно тотчасъ ухватывается за опору и лѣзетъ на нее спирально. Но и въ этомъ случаѣ оно руководится выборомъ: повилка (именно, въ молодомъ возрастѣ) не вьется около неорганическихъ или мертвыхъ органическихъ подпоръ, но только около живыхъ растений, за которыя она жадно прицѣпляется, ибо ея корни, находящіяся въ землѣ, быстро умираютъ; и она лишается пищи, кото-

рую потомъ высасываетъ посредствомъ сосочковъ изъ обвитаго растенія. Если она тѣмъ убьетъ послѣднее, то снова начинаетъ свои извивы для того, чтобы схватить новое растеніе. Всякое вьющееся растеніе, по природѣ, вьется или направо, или налѣво. Если отпутать молодой *convolvulus* отъ его подпорки и завить снова въ противоположномъ направленіи, то онъ или возвратится въ прежнее спиральное направленіе, или погибнетъ въ этой борьбѣ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ животнымъ инстинктамъ. Если же два такихъ растенія, отнявъ постороннюю опору, спустить для того, чтобы они обвивались другъ около друга и взлѣзали другъ на друга, то одно изъ нихъ мѣняетъ добровольно направленіе своего вращенія для того, чтобы стало возможнымъ взаимное обвиваніе (*Farmer's Magazine, wiederholt in der Times vom 13 Juli 1848*). Слѣдовательно, что бы не подчиниться насильственной перемѣнѣ растеніе жертвуетъ жизнью, между тѣмъ какъ оно же добровольно подчиняется этой перемѣнѣ тамъ, гдѣ она цѣлесообразна. Здѣсь мы, къ своему удивленію, встрѣчаемъ такую же видоизмѣняемость инстинкта, какъ и въ животныхъ.

е) *Влеченіе къ прекрасному* растеній можно оставить безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Къ растеніямъ также вполнѣ приложимо положеніе, что всякое существо созидаетъ себя въ той мѣрѣ красивымъ, въ какой то не противорѣчитъ цѣлямъ его существованія и въ какой оно можетъ одолѣть упорное вещество. Взглянемъ ли мы на великое или на малое въ царствѣ растеній, на величественный дубъ или микроскопическій мохъ, посмотримъ ли на цѣлое или на частности, на роскошный первобытный лѣсъ или на еловую шишку, вездѣ увидимъ подтвержденіе истины этого положенія.

Такимъ образомъ мы нашли у растеній тѣже пять моментовъ, въ которыхъ у животныхъ мы признали дѣятельность Безсознательнаго. Слѣдовательно, мы не

имѣемъ права отрицать у растеній безсознательную волю и безсознательное представленіе. Что мы не замѣчаемъ у растеній никакихъ другихъ высшихъ духовныхъ явленій, тому нечего удивляться, ибо цѣль растительнаго царства, взятаго вообще и въ цѣломъ, состоитъ только въ томъ, чтобы приготовить для животнаго почву, пищу и атмосферу, хотя при этомъ нельзя не признать, что въ то же время созидающее начало въ растительномъ царствѣ дѣйствуетъ все-таки въ извѣстномъ отношеніи самостоятельно.

2. Сознаніе въ растеніи.

Чтобы предвидѣть вышеизложенные результаты, не нужно было особаго остроумія: гораздо труднѣе вопросъ о томъ, есть ли у растенія сознаніе.

Споръ о растительныхъ или животныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ существъ также старъ, какъ и естествовѣденіе; онъ и въ наше время столь же мало разрѣшенъ, какъ и во времена Аристотеля, ибо въ видѣ альтернативы онъ вообще не разрѣшимъ. У растенія и животнаго, какъ органическихъ существъ, нѣкоторыя свойства общія, а другія, сообразно съ ихъ различнымъ значеніемъ въ экономіи природы, различныя. Если же всѣ явленія жизни сводятся къ такой простой формѣ, что свойства, по которымъ отличаются царства, болѣе или менѣе исчезаютъ и остаются только одни общія обобщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны исчезнуть и различія между животнымъ и растеніемъ; тогда недѣло поддерживать споръ, который, по самой своей природѣ, не можетъ привести ни къ какому результату. Прогрессъ въ микроскопическихъ наблюденіяхъ на столько великъ, что отъ изслѣдователей не могли бы ускользнуть прочныя критеріи растительныхъ или животныхъ свойствъ существъ, если бы таковыя критеріи существовали, и споръ уже давно бы прикончился; но на самомъ то дѣлѣ ни одна изъ спорящихъ партій не дала

общепризнаннаго критерія, изъ чего слѣдуетъ, что то, о чемъ спорятъ, вовсе не ясно для самихъ спорящихъ. Если бы относились къ фактамъ безпристрастно, то увидали бы только то, что область свойствъ, общихъ обоимъ царствамъ, очерчена очень узко, что разница между растеніемъ и животнымъ гораздо меньшая, чѣмъ до сихъ поръ думали, и что эта разница только въ самыхъ развитыхъ формахъ становится столь поразительною, что никто не можетъ не признать ея. Въ новѣйшее время такое мнѣніе все болѣе и болѣе укореняется въ кругу ученыхъ; и всего строже провелъ его Геккель въ попыткѣ установить царство протистовъ, какъ третье царство впереди растительнаго и животнаго. Впрочемъ, кажется, онъ слишкомъ расширилъ границы этого царства; а его критерій бесполоваго размноженія оказывается несостоятельнымъ уже потому, что *общность* половаго рожденія у животнаго и растенія указываетъ на *общее начало*, т. е., на существованіе его уже въ царствѣ протистовъ. Вообще попытка дать твердыя опредѣленія для текучихъ, по самой природѣ, границъ между царствомъ протистовъ съ одной стороны и растительнымъ и животнымъ царствами съ другой, должно быть, будетъ столь же бесплодна, какъ были тщетны прежнія стремленія относительно двухъ послѣднихъ царствъ.

Наконецъ наше воззрѣніе есть единственное, которое можетъ быть оправдано геологіей. Въ настоящее время всѣ созданія земли обусловлены равновѣсіемъ въ произведеніяхъ животнаго и растительнаго царствъ, но очевидно, что краугольный камень органической природы долженъ былъ быть заложенъ такими существами, которыя содержали *въ себѣ* это равновѣсіе и стояли на точкѣ безразличія между растеніями и животными. Новѣйшими изслѣдованіями глубины морской выставлено на свѣтъ божій одно изъ самыхъ важныхъ изъ

этихъ удивительныхъ существъ: оно названо Батибіею и ему, кажется, исторія земли, обязана цѣлою мѣловою формаціею. Какимъ образомъ при отсутствіи единого луча свѣта, питается и процвѣтаетъ этотъ, наполняющій морское дно и выдѣляющій въ себя множество микроскопическихъ мѣловыхъ раковинъ (кокколитовъ) слизистый, студнеобразный клубокъ съ вкрапленными зернами протоплазмы—это до сихъ поръ остается загадкою. Только отъ такого незамѣтнаго начала могло съ теченіемъ времени пойти развитіе въ различныя стороны; и когда возникли морскія животныя (полипы и т. д.), которыя питались этими безразличными протистами, то, какъ противовѣсь имъ, стали возможными первыя ступени рѣшительно растительныхъ образованій. Чѣмъ болѣе населялись оба царства, тѣмъ болѣе питательныхъ средствъ находилось въ распоряженіи высшихъ классовъ животныхъ, тѣмъ болѣе могли жить на счетъ продуктовъ жизни и смерти этихъ животныхъ еще высшіе классы растений. Такимъ образомъ, какъ учитъ геологія, развитіе въ обоихъ царствахъ шло параллельно, между тѣмъ какъ внутри cadaго царства низшія ступени вообще предшествовали высшимъ. Но изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что растительное и животное царства, взятые въ цѣломъ, не суть субординированныя (т. е. одно въ зависимости отъ другаго), а координированныя (т. е. сопряженные) области творенія и что животное царство, опираясь на высшее развитіе сознанія, только въ силу этого сознанія и можетъ казаться стоящимъ выше растительнаго. Но и послѣднее, въ свою очередь, стоитъ выше животнаго въ органическомъ отношеніи, ибо приготавливаетъ для него вещества, даровому потребленію которыхъ оно обязано своимъ высшимъ сознаніемъ. Если же потребленіе матеріала, который образованъ чужимъ организмомъ, есть достаточный признакъ для опредѣленія понятія парази-

тизма (ибо жилище паразита безразлично, вспомнимъ, напр., о комнатномъ клопѣ), то животное царство въ его цѣломъ можно назвать *паразитомъ растительнаго царства*. Въ этомъ отношеніи животное царство стоитъ рядомъ съ большимъ классомъ грибовъ, которые, хотя по морфологическимъ аналогіямъ и причисляются до сихъ поръ къ растеніямъ, все таки могутъ быть названы растительными паразитами, ибо имъ не достаетъ растительнаго „философскаго камня“, того таинственнаго элемента, съ помощью котораго растеніе неорганическую матерію превращаетъ въ органическую, именно *хлорофилля*, а потому имъ, подобно животному царству, предоставлено жить потребленіемъ уже образовавшейся органической матеріи.

Но эту противоположность образованія и потребленія нельзя брать строго въ томъ смыслѣ, что растеніе *только* производитъ, а животное *только* потребляетъ. Напротивъ въ каждомъ животномъ мы видимъ отчасти процессы высшей переработки воспринятыхъ веществъ (напр., образованіе мозговыхъ жировъ), отчасти преобразованія ихъ безъ перемѣны, отчасти разложенія и новаго сложенія во время актовъ пищеваренія и усвоенія. Съ другой стороны въ каждомъ растеніи видимъ мы въ одномъ мѣстѣ потребленіе продуктовъ, которые оно же само произвело въ другомъ мѣстѣ (вспомнимъ о процессѣ возвратнаго образованія въ цвѣтахъ, ихъ вдыханія кислорода и выдѣленія углекислоты). У дрожжей, грибовъ и другихъ одноклѣточныхъ растеній встрѣчаемъ мы даже замѣчательный, такъ сказать, гермафродитизмъ такого рода, что они нужны для ихъ органическихъ произведеній азотъ могутъ получать изъ амміака, а углеродъ только изъ высшихъ тройныхъ соединеній. Значитъ съ обѣихъ сторонъ можетъ идти рѣчь о *болѣе или менѣе*: всякое животное имѣетъ отчасти растительную природу, всякое растеніе отчасти

животную; гдѣ одна сторона (т. е. растительная или животная) явно господствуетъ надъ другою, тамъ справедливо назвать и цѣлое по этой сторонѣ, гдѣ же обѣ стороны въ равновѣсіи, тамъ трудно, даже неразумно называть цѣлое по одной сторонѣ. Теперь мы не должны болѣе удивляться тому, что одно и то же существо одну часть своей жизни обнаруживаетъ преимущественно растительныя свойства, а другую часть преимущественно животныя: такого рода метаморфозы, случающіяся на той близкой къ точкѣ безразличія ступени вовсе не суть большія метаморфозы, чѣмъ тѣ, какія есть у насѣкомыхъ, лягушекъ, рыбъ. Конечно, того, кто смотритъ на животныхъ, какъ на одушевленные организмы, а на растенія, какъ на просто бездушныя пустые ящики, того должна привести въ отчаяніе вышеупомянутая текучесть границъ обоихъ царствъ и нечувствительный переходъ изъ одного въ другое. Мы же въ тѣхъ фактахъ, которые можемъ присовокупить къ приведеннымъ уже соображеніямъ этой главы, видимъ только еще лишнее доказательство того, что растеніе и животное имѣютъ гораздо болѣе общаго, чѣмъ привыкли принимать въ наше время.

Что касается общей внѣшней формы, то растенія на низшихъ ступеняхъ теряютъ свой листованный типъ и принимаютъ простыя членосоставныя или кругловатыя болѣе или менѣе замкнутыя формы (напр. нитчатыя, грибы). Съ другой стороны мы встрѣчаемъ поразительное сходство высшихъ растеній съ низшими животными. Нѣкоторыя (коралловыя) растутъ въ видѣ навившихся другъ на друга, подобныхъ кочнямъ капусты, листьевъ, другіе состоятъ изъ нѣжныхъ, завившихся, не правильно расположенныхъ листочковъ. Поверхность каждаго листа покрыта цвѣтками полиповъ, въ слѣдствіе роста и выдѣленій которыхъ произошелъ и самый листъ. Не менѣе также сходства у этихъ живот-

ныхъ съ вѣтвями дуба, асanthus'a, съ грибами, мхами и лишаями „(Дана Schleiden's und Fror. Not. 1847, Juni Nr. 48)“—Химическими веществами, конечно, не можетъ быть обусловлено различіе. Еще Линней думалъ, что многія богатые известью морскія растенія, напр. кораллиніи, нужно считать за животныхъ, потому что онъ въ образованіи извести видѣлъ какъ бы монополию животнаго царства. Кремневая оболочка есть какъ у растительныхъ (Діатомей), такъ и у животныхъ организмовъ (Инфузорій). Сходство растительныхъ и животныхъ протеиновыхъ веществъ извѣстно; именно, грибы богаты соединеніями, подобными животнымъ соединеніямъ; въ мантии асцидій и другихъ сальпообразныхъ туникатовъ есть клѣтчатка; существованіе хлорофилля у турбелларій (Strudelwurmer) *) и инфузорій доказано.

Часто различные виды одного рода причислялись частью къ растительному царству, частью къ животному, напр. всѣ виды *Alcyonium* въ главномъ столь похожи своими свойствами, что Линней былъ правъ, включая ихъ въ одинъ родъ. Не смотря на то, нѣкоторые изъ нихъ суть настоящія *animalia ambigua* (по Палласу), которыя однако удобно помѣщаются въ порядокъ *amorphozoa*, напр., *Alcyonium cidaris* (Donati) *cydonium* (Leba) и *ficiforme* (Solander, Ellis и Marsigli). Другіе вообще причисляются къ растительному царству, именно, напр., многіе виды включены, въ чрезвычайно синонимный **) и богатый видами родъ *Reziza*. Другіе же виды не только животныя, но столь ясно опредѣленные полипы, что они отчислены отъ губокъ къ полипамъ съ

---

*) Кажется, по русски эти животныя называются *кружилками*, лат. *Volvox*. А. К.

**) Это значитъ, что виды разными учеными были различно классифицированы и различно называемы. А. К.

присовокупленіемъ втораго даннаго имъ родоваго имени такъ, что *Lobularia digitata*, *palmata*, и *arboorea* изъ алціоній коралловыхъ животныхъ синонимны съ *Alyconium lobatum*, *palmatum* и *arboeum*. Геологическій видъ *Manon reziza* составленъ изъ одного имени относящаго къ животному и изъ другаго къ растительному царству. Таковыя же явленія встрѣчаемъ мы и въ другихъ областяхъ животнаго царства, гдѣ, напр., одни *Rotatoria* причислены къ червямъ, другія къ инфузоріямъ, одинъ видъ *Cercaria* къ червямъ, другіе виды того же рода къ сперматозоидамъ. (?)

Маленькіе пузырьки, изъ которыхъ состоитъ окрашивающая снѣгъ въ красный цвѣтъ матерія (*Protococcus nivalis*), были принимаемы за водоросли Агардтомъ, Декандоллемъ, Гукеромъ, Унгеромъ, Мартенсомъ, Гарвеемъ и Эренбергомъ. Последній даже сѣялъ ихъ на свѣжѣмъ снѣгѣ и наблюдалъ ихъ размноженіе; молодыя растеньица представляли мелкозернистую скважистую ячейку и корешокъ, но ни малѣйшаго слѣда животнаго характера. Позднѣе Фойтъ и Мейенъ нашли, что это окрашивающая въ красное матерія скорѣе представляетъ видъ и движенія инфузорій и наконецъ Шутлевортъ различилъ въ нихъ частію растенія, а частію инфузорій. Эти противорѣчія выясняются послѣ тщательныхъ наблюденій Флотова надъ совершенно родственномъ живущимъ въ дождевой водѣ растеньицемъ или животнымъ (*Haemato-coccus pluvialis*). Оно сначала обнаруживало только растительный характеръ, но въ настоѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, превращалось, послѣ ясно отмѣчаемыхъ различныхъ промежуточныхъ ступеней, въ инфузорію (*Astasia pluvialis*) съ хобото-образнымъ, иногда тоже вилообразно раздѣленнымъ щупальцемъ и со всѣми признаками самостоятельнаго движенія. Эта инфузорія оказалась родственною съ *Astasia nivalis* Шутлеворта въ красномъ снѣ-

гу. Кютцингъ (Uber die Verwandlung der Infusorien in niedere Algenformen, Nordhausen 1844) наблюдалъ, что инфузорія *Chlamdomonas pulvisculus* превращается даже разнообразно, напр., въ двѣшительный видъ водорослей, *Stygeolcomum stellare* и въ другія формы характера водорослей, которыя, впрочемъ, по виду походятъ на формы неподвижныхъ инфузорій (*Tetraspora lubrica* или *gelatinosa*, *Palmella botryoides*, виды *Protococcus* и *Gyges*). Онъ же говоритъ о превращеніи инфузоріи *Enchelys pulvisculus* въ *protococcus* и наконецъ въ дрожалку. Въ цѣломъ ряду водорослей (*Zoospermae*) и еще другихъ низшихъ растений (грибы, *Nostok*) зародышныя крупинки споры или споридіи имѣютъ инфузоріеобразный видъ и движеніе посредствомъ рѣсничекъ или жгутообразныхъ органовъ; и между ними, какъ извѣстно, были формы, которыя Эренбергомъ были признаны за инфузорій. Точно тоже замѣчается и у эмбрионовъ многихъ полиповъ и медузъ; есть время, когда и они посредствомъ рѣсничекъ производятъ круговое и въ то же время поступательное движеніе, пока не устанавливаются для дальнѣйшаго развитія; въ это время они имѣютъ видъ инфузорій и никакихъ слѣдовъ рта. Унгеръ („die Pflanze im moment der Thierwendung“) наблюдалъ надъ споридіями одной маленькой водоросли (*Vaucheria clavata* или *Ectosperma clavata*), что онѣ, освободившись изъ материнской клѣточки, прежде всего стремились въ воду и неоднократно производили въ ней быстрыя движенія, на подобіе инфузорій, при чемъ произвольно мѣняли движеніе на покой и удивительнѣйшимъ образомъ тщательно избѣгали всяческихъ препятствій, весьма ловко изворачиваясь между отпрысками Вошеріи и постоянно двигались въ такомъ направленіи, что никогда двѣ споридіи не сталкивались другъ съ другомъ.—Нѣкоторыя растенія *) (Мухомусетен)

*) Должно быть, нитчатые грибы.

выпускаютъ отдѣльныя слизистыя нити, снова потомъ переплетающіяся, что составляетъ также характеристическій признакъ низшихъ животныхъ.—Одинъ маленькій нитеобразный родъ водорослей, при нѣскольکو усиленномъ ростѣ обнаруживаетъ тройкое движеніе: въ самой вершинѣ нити спиральное, въ верхней части нити отчасти маятникообразное, отчасти эластическое наклоненіе то въ ту, то въ другую сторону и наконецъ постоянное поступательное движеніе.“ Эти движенія представляютъ что-то странное, даже, такъ сказать, таинственное, говоритъ Шлейденъ (Grundzuge II 549). Дрожалки и блуждающія споры многихъ родовъ водорослей (напр. *Vaucheria sessilis*) также какъ и полипы, стремятся къ освѣщенной сторонѣ сосуда, другія же блуждающія споры (напр., *Ulothrix speciosa*) избѣгаютъ этой стороны, а нѣкоторыя другія (изъ семейства *Strophosaura*) избѣгаютъ какъ яркаго свѣта, такъ и темноты и собираются въ полуосвѣщенныхъ мѣстахъ. Пандорина, водоросль, живущая въ прѣсноводныхъ болотахъ, представляетъ примѣръ изъ рода *Volvocinea*: она состоитъ изъ 16 пирамидальныхъ клѣточекъ, которыя обращаясь основаніемъ къ внѣшней сторонѣ и тѣсно соединяясь другъ съ другомъ, образуютъ овальное цѣлое. Всякая клѣточка имѣетъ въ основаніи безцвѣтное мѣсто, на которомъ сидитъ множество рѣсничекъ, посредствомъ которыхъ организмъ плаваетъ. Въ этой подвижности уже давно видѣли всецѣло животную природу, и Эренбергъ принималъ за глазъ красную пигментную крупинку, которая находится подлѣ мѣста, покрытаго рѣсничками.

Мы видимъ, что частная или общая подвижность, произвольное движеніе, морфологическія и химическія различія, ротъ и желудокъ—всѣ признаки, которые могли бы быть выставлены съ разныхъ сторонъ какъ критеріи, оказываются не состоятельными. Что касается до

рта, то у *Rhizostoma Cuvieri*, доходящей въ Средиземномъ морѣ до 2 футовъ въ поперечникѣ акалефы, ротъ вмѣняется многочисленными отверстіями и каналами въ ея осьми щупальцахъ. Далѣе рта совершенно нѣтъ у многихъ внутренностныхъ червей, церкарій, инфузорій и эмбрионовъ. Грегарины, которыя массами встрѣчаются, въ качествѣ паразитовъ, въ пищевомъ каналѣ насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, не имѣютъ не только вовсе рта, но и никакихъ рѣсничекъ, вообще никакихъ органовъ—это простыя клѣточки съ видимымъ ядромъ. Говорить же о желудкѣ тамъ, гдѣ нѣтъ рта, нелѣпо, ибо иначе пришлось бы внутренность каждой клѣточки называть ея желудкомъ.

Всѣ приведенныя соображенія къ разрѣшенію вопроса о сознаніи растений относятся слѣдующимъ образомъ: Мы видѣли, что растеніе и животное имѣютъ нѣчто различное, нѣчто общее и что все это общее становится для насъ почти очевиднымъ, какъ скоро мы спустимся по лѣстницѣ организмовъ въ обоихъ царствахъ до такихъ образованій, гдѣ различія исчезаютъ и на лицо остается одно только общее. Но если мы находимъ, что въ этомъ общемъ включено ощущение и сознаніе, что, слѣдовательно, ими обладаютъ самыя низшіе растительные организмы, то мы должны обратить вниманіе на матеріальныя условія, съ которыми здѣсь, т. е., на этихъ низшихъ ступеняхъ, по видимому, связано ощущение и сознаніе. Далѣе, предполагая, что тѣже матеріальныя условія оказываются и у высшихъ растений въ той же или еще высшей степени, мы будемъ имѣть право и высшимъ растеніямъ также приписать ту же или высшую степень ощущенія и сознанія, сравнительно съ той, какую мы могли допустить у низшихъ. Такъ какъ мы непосредственно не знаемъ, что чувствуетъ растеніе и знаемъ только, что чувствуемъ мы, то, при помощи аналогіи, мы спустимся по лѣстницѣ

животныхъ до пункта безразличія между животнымъ и растеніемъ, связующаго собою оба царства, и потомъ, все-таки при помощи аналогіи, опять поднимемъ вверхъ уже по лѣстницѣ растеній.

Далѣе вспомнимъ (гл. II), что какъ скоро возникаетъ ощущеніе, возбужденное посредствомъ матеріальнаго движенія, то оно возникаетъ съ сознаниемъ; тогда какъ, если матеріальное движеніе находится подъ порогомъ раздражимости *), то не появляется не только нивакого сознательнаго, но и вообще никакого ощущенія. И такъ, до какихъ предѣловъ мы можемъ прослѣдить признаки ощущенія, возбуждаемаго матеріальнымъ раздраженіемъ, до тѣхъ же предѣловъ и должны мы признавать ощущеніе сознательнымъ, слѣдовательно, заключать о существованіи сознанія, не смотри на то, что содержаніе его могло бы быть крайне бѣдно.

Здѣсь еще разъ мы обратимся къ уже указанному нами (см. Т. I гл. III) предразсудку, будто первы суть *conditio sine qua non* ощущенія. Конечно, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что они суть форма матеріи наиболѣе пріиноровленная для порожденія ощущенія, но изъ того не слѣдуетъ, что они суть единственная форма. Напротивъ множество фактовъ указываютъ на то, что они могутъ быть замѣщены другими формами. Осязательныя сосочки кожи на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла находятся на довольно значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга (что доказывается величиною эллипсисовъ, внутри которыхъ два прикосновенія чувствуются какъ одно), а между тѣмъ каждое мѣсто кожи одинаково чув-

---

*) Гартманъ принимаетъ Фехнерово ученіе, по которому чувственныя раздраженія только извѣстной силы или величины производятъ ощущенія. Эта величина называется *порогомъ раздражимости*. Значитъ, могутъ быть движенія (психо-физическія по Фехнеру) лежащія *подъ порогомъ* раздражимости, т. е., не дающія ощущенія и сознанія, и *за порогомъ*. А. К.

ствительно даже въ термическимъ и химическимъ раздраженіямъ, когда эту чувствительность нельзя считать за слѣдствіе простаго продолженія механическаго давленія или теплопроводимости. Бурдахъ допускаетъ, что и лишенныя нервовъ части человѣческаго тѣла могутъ быть чувствительны, какъ скоро повышается жизненность ткани черезъ приливъ къ ней крови и ея размягченіе. Такъ, напр., образующееся въ заживающихъ ранахъ молодое мясо очень чувствительно безъ всякихъ нервовъ; а воспаленіе лишенныхъ нервовъ хрящей и сухожилій гораздо болѣзненнѣе, чѣмъ воспаленіе самихъ нервовъ. Вундтъ свидѣтельствуетъ (Beitragе s. 392—395), что эта боль постоянно сопровождается специфическимъ чувствомъ органовъ. Конечно, въ этихъ случаяхъ боль становится сознаваемою человѣкомъ только въ мозгу, но тѣмъ то и доказывается способность этихъ частей къ проводимости, которая похожа на нервную, т. е., къ способности продолжать токи молекулярныхъ колебаній, похожей на способность нервовъ. Но гдѣ существуютъ состоянія колебаній, похожія на первныя, тамъ они возбуждаютъ и ощущенія, похожія на возбуждаемыя нервами, предполагая, что они лежатъ не подъ порогомъ раздражимости. О послѣднемъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, ибо прошедшая черезъ столь большія въ мозгу препятствія часть движеній производитъ еще столь сильную боль. Далѣе мы нерѣдко видимъ, что душа дѣйствуетъ на тѣло и безъ нервовъ, напр. въ зародышахъ прежде образованія нервовъ, въ дѣйствіи нервовъ дальше ихъ границъ — въ мускулахъ, въ отдѣлительныхъ оболочкахъ, гдѣ всегда масса самихъ этихъ органовъ должна принимать на себя проводимость по послѣднимъ линіямъ движенія, въ случаяхъ, когда внезапно сдѣются волосы отъ потрясеній и т. д. Если же душа можетъ дѣйствовать на тѣло и безъ нервовъ или за границею ихъ, то, при всю-

ду проходящемъ взаимодѣйстви въ отношеніяхъ тѣла къ душѣ, и тѣло съ своей стороны можетъ безъ нервовъ или за границею ихъ дѣйствовать на душу, т. е., вызывать ощущенія.

Но извѣстно, что низшія животныя (полипы, инфузоріи, нѣкоторые внутренностные черви) не имѣютъ вовсе нервовъ: ибо нервы идутъ всегда рука объ руку съ мускулами; а по Дюжардену и Еккеру эти животныя не имѣютъ мускуловъ; вмѣсто мускульнаго фибрина и нервной субстанціи у нихъ есть только фиброинъ Мульдера. Это вещество играетъ роль неоплазмы ранъ, а потому въ настоящее время называется вообще протоплазмой. Все яснѣе и яснѣе становится, что собственно носитель жизни въ каждой клѣточкѣ есть заключающаяся въ оной протоплазма и что протоплазма клѣточекъ сѣраго мозгового вещества, выполняющихъ высшія функціи мышленія, отличается отъ таковой же самыхъ низшихъ организмовъ не типомъ, а степенью. Эта протоплазма, называемая азотистымъ, бѣлковымъ веществомъ, и составляетъ собственно то вещество, въ которомъ органическіе и двигательные акты воли животной души выполняются сообразно съ ихъ цѣлями. Значитъ только въ ней можемъ мы искать такой составъ органической матеріи, который способенъ быть условіемъ непосредственнаго вліянія матеріальныхъ дѣйствій на душу.

Къ этому присоединяются относительно высокія психическія явленія у этихъ животныхъ. Вѣдь, прѣсноводный полипъ уже на разстояніи нѣсколькихъ линій отличаетъ живую инфузорию отъ растительнаго существа или мертваго и неорганическаго предмета; изъ нихъ посредствомъ водоворота, произведеннаго своими щупальцами, онъ притягиваетъ къ себѣ только первую, нисколько не заботясь о послѣднихъ; а если случайно и схватитъ что либо изъ нихъ, то тотчасъ же выпуститъ. Значитъ,

полипъ долженъ отъ всѣхъ этихъ различныхъ вещей имѣть различныя воспріятія, которыя могутъ быть даны только какъ ощущенія за порогомъ, т. е., какъ сознательныя ощущенія. Далѣе, этотъ полипъ движется изъ тѣни къ освѣщенной солнцемъ сторонѣ сосуда; и часто два полипа борются за свою добычу. Это послѣднее возможно только тогда, если полипъ сознаетъ, что другой хочетъ отнять у него добычу. Значитъ, если лишенное нервъ животное обнаруживаетъ явленія столь высокаго сознанія, то мы не должны удивляться, что явленія сознанія ближайшей низшей ступени животнаго царства, инфузорій находятся на одномъ уровнѣ съ явленіями сознанія многихъ низшихъ растений. Но конечно, никто не захочетъ утверждать что ощущеніе и сознаніе оканчиваются съ *предпоследней* ступенью животнаго царства. И почему бы, въ самомъ дѣлѣ, съ предпоследней которая еще обнаруживаетъ такое богатое содержаніе сознанія, что до полного исчезновенія его могутъ быть мыслимы безконечно многія болѣе бѣдныя ступени, которымъ ничто въ мірѣ не соответствовало бы, если бы не существовало именно этихъ инфузорій и простыхъ растений. И въ самомъ дѣлѣ, болѣе точное наблюденіе наинизшихъ родовъ животныхъ свидѣтельствуетъ объ еще вполне ясныхъ воспріятіяхъ, что можно заключить изъ цѣлесообразнаго пользованія данными (воспринятыми) обстоятельствами для жизненныхъ цѣлей животнаго. Такъ, напр., микроскопическая корненожка, *Arcella vulgaris*, произвольно образуетъ въ своемъ тѣлѣ въ разныхъ мѣстахъ пустоты, наполняющіяся воздухомъ, посредствомъ которыхъ она можетъ перемѣщаться въ каплѣ воды въ разныхъ направленіяхъ.

Что же дѣлаетъ протоплазму нервовъ столь способною какъ быть посредствомъ для выполненія актовъ воли, такъ и порождать ощущенія? Это полужидкая

консистенція цѣлой массы, способствующая подвижности и поворачиванію молекулъ, а также полярность отдѣльныхъ молекулъ, обусловленная высшею ступеню химической организаціи матеріи. Такая полужидкая консистенція оказывается одинаковою у протоплазмы какъ низшихъ животныхъ, такъ и растеній. Во всякой клѣточкѣ есть, по меньшей мѣрѣ, жидкое содержаніе и твердая оболочка; а кромѣ того обыкновенно различается и ядро. Какъ ядро или же окружающая его среда, такъ и граница оболочки и содержимаго, а часто и все содержимое клѣтки обнаруживаютъ эту полужидкую консистенцію высшей ступени химической организаціи. Отъ этихъ физическихъ и химическихъ моментовъ можно съ вѣроятностью заключить и къ полярности молекулъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ нервахъ и въ центральныхъ клѣткахъ ганглиевъ, которыя также состоятъ изъ ядра, оболочки и содержимаго, особенно же можно заключить, если обратить вниманіе на явленія сократительности всякой животной и растительной протоплазмы въ слѣдствіе электрическаго раздраженія.

Но эти условія повторяются во всѣхъ собственно живыхъ частяхъ высшихъ растеній, вѣроятно, даже въ повышенной формѣ, ибо химическая организація веществъ, очевидно, возвышается и ни въ какомъ случаѣ не понижается. Но въ особенности обнаруживаетъ растительная протоплазма, по видимому, полное тождество съ протоплазмой протистовъ и низшихъ животныхъ, какъ явствуетъ изъ одинаковаго отношенія ихъ къ разнообразнѣйшимъ раздраженіямъ и наркотикамъ. Но эта растительная протоплазма, которая, какъ мы видѣли, именно, и производитъ быстрыя рефлективные движенія у высшихъ растеній, весьма широко распространена въ ихъ составѣ. Если вниманіе къ ея жизненной дѣятельности сперва привлечено было такими при-

мѣрами, въ которыхъ отъ ея движеній получаются очевидные и удивительные для невооруженнаго глаза результаты, то въ наше время физиологія растений ревностно изучаетъ уже движенія протоплазмы, происходящія *внутри клѣточекъ* вслѣдствіе возбужденій отъ свѣта, теплоты и другихъ раздражителей, движенія, очевидно, стоящія въ самой тѣсной связи съ жизнью и размноженіемъ клѣточекъ. И такъ, очевидно, что нѣтъ никакого основанія думать, что ощущеніе и сознаніе высшихъ растений стоитъ *ниже* сознанія низшихъ растений и животныхъ. Напротивъ, мы должны предположить, что, если у растений высшихъ формъ, сообразно съ условіями ихъ жизни, урѣзана общая и частная подвижность, то ощущенія у нихъ стоятъ *выше*, чѣмъ ощущенія низшихъ растений, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ частяхъ.

Чѣмъ ниже спускаемся мы въ ряду животныхъ, тѣмъ болѣе выступаютъ на первый планъ ощущенія, относящіяся къ сферамъ пищеваренія и воспроизведенія въ тѣсномъ смыслѣ, сравнительно съ ощущеніями, протекающими отъ внѣшнихъ раздраженій. У растений же, гдѣ поверхность еще болѣе закрыта для незначительныхъ внѣшнихъ раздраженій вышеозначенное отношеніе является еще въ высшей степени. Для растений внѣшній міръ, за исключеніемъ свѣта и химическихъ свойствъ воздуха, не имѣетъ почти никакого интереса, и только исключительнымъ случаямъ обязаны мы знаніемъ, что и высшія растения отмѣчаютъ нѣкоторыя событія, которыя для нихъ важны, напр. растенія, ловящія насѣкомыхъ, отмѣчаютъ прикосновенія къ ихъ листьямъ, вьющіяся растенія замѣчаютъ подпоры и т. д.

Послѣ всего вышеизложеннаго не покажется уже страннымъ, что мы приписываемъ растеніямъ ощущеніе (и, разумѣется, сознательное) раздраженій, на которыя они рефлективно или инстинктивно реагируютъ;

не покажется страннымъ, что мы утверждаемъ, что дрожалка такъ же хорошо *ощущаетъ* свѣтъ, какъ и полипъ, когда она движется къ освѣщенной сторонѣ своего сосуда, что точно также виноградный листъ ощущаетъ свѣтъ, къ которому онъ всячески старается обратить надлежащую сторону и что всякій цвѣтокъ ощущаетъ свѣтъ, къ которому онъ, раскрываясь, обращаетъ головку. Мы утверждаемъ, что листъ *Dionaea* и *Mimosa pudica* ощущаетъ барахтанье насѣкомаго, прежде чѣмъ онъ реагируетъ на это ощущение свертываньемъ: ибо уже само понятіе рефлективнаго дѣйствія, какъ психической реакціи, предполагаетъ, что психическое воспріятіе этого ощущенія предшествуетъ дѣйствию;—это и есть сознательное ощущеніе. Далѣе мы утверждаемъ, что растеніе ощущаетъ физическія перемѣны въ своей организаціи, соотвѣтствующія пищеваренію и половой жизни животныхъ, что, именно, послѣдняя выполняется въ тѣхъ частяхъ, гдѣ сосредоточена высшая жизненность растительнаго бытія, гдѣ образующая дѣятельность во время цвѣтенія совершаетъ уже не восходящія, но нисходящія химическіе процессы (что можно видѣть изъ вдыханія цвѣтками кислорода и выдыханія углекислоты). Изъ этого слѣдуетъ, что въ этихъ частяхъ образующія силы отвлекаются отъ внѣшняго матеріальнаго строенія и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, становятся способными для внутреннихъ процессовъ, похожихъ на процессы животной жизни. Что содержаніе этого сознанія должно быть все таки очень бѣдно, бѣднѣе, напр., чѣмъ у ничтожнаго червя, то не подлежитъ никакому сомнѣнію. Да откуда бы взять этому сознанію богатство и опредѣленность, какія обеспечены животнымъ хотя бы и самыми низшими, но все таки чувственными органами?

И такъ, мы нашли сознаніе у растеній. Но насколько есть у нихъ *единство* сознанія? — Мы видѣли, что

единство сознанія двухъ представленій или ощущеній основано на возможности сравненія, а это послѣднее на существованіи достаточной проводимости между мѣстами, порождающими ощущенія. Значитъ, вопросъ въ томъ, существуетъ ли такая проводимость въ растеніи? Уже у животныхъ сообщеніе между различными нервными центрами, хотя и опосредствовано различными нервными стволами, но все таки весьма недостаточно; и фактически единство сознанія существуетъ только для глубоко проникающихъ возбужденій. По Гельмгольцу скорость движенія нервнаго тока у человѣка доходитъ до 100 футовъ въ секунду, а у *Mimosa pudica* (скорость передачи раздраженія?), какъ упомянуто, только до нѣсколькихъ миллиметровъ. Изъ этихъ скоростей можно приблизительно заключить о сопротивленіяхъ для проводимости и далѣе о порухахъ и перемѣнахъ въ передаваемыхъ результатахъ. Можетъ быть, что спиральные сосуды служатъ для цѣлей проводимости, но это не доказано. Во всякомъ случаѣ для единства сознанія двухъ сосѣднихъ пыльниковъ безконечно менѣе условій, чѣмъ для единства сознанія мозга и гангліевъ человѣка. Достаточно вѣрная проводимость можетъ быть только между двумя близъ другъ друга лежащими частями растенія. Я не могу утверждать, чтобы можно было говорить о единствѣ сознанія одного цвѣтка, можетъ быть даже и одной тычинки. Но растенію не нужно такое единство сознанія, какое нужно животному; растенію нѣтъ надобности устанавливать сравненія и размышлять о своихъ дѣйствіяхъ. Оно нуждается въ отдѣльныхъ ощущеніяхъ, которыя могутъ служить мотивомъ для вмѣшательства въ его жизнь Безсознательнаго. Этою службою только ощущенія и выполняютъ свою цѣль, которая одинаково хорошо выполняется ощущеніями какъ съ раздѣльнымъ сознаніемъ, такъ и съ единымъ.

ГЛАВА IV.

Матерія, какъ воля и представленіе.

Законы, силы и вещество, какъ предметы естествовѣденія. Анализъ понятія матеріи: молекулы, атомы, первоатомы (атомы тѣлесные и эфирные) Характеристика силъ атомовъ тѣлесныхъ и эфирныхъ и ихъ взаимное отношеніе Что такое масса тѣла? Критика непосредственно-чувственнаго возрѣнія на вещество. Вещество оказывается пустымъ словомъ безъ понятія и сводится къ понятію система силъ Теорія атомистическаго динамизма. Атомная сила разрѣшается на волю и представленіе. Отношеніе атомной воли къ пространству. Вопросъ о сознаніи атомовъ. Атомы суть проявленія единой субстанции.

Естествовѣденіе занимается тремя захватывающими другъ друга предметами: *законами, силами и веществомъ*. Такое раздѣленіе, какъ объединяющее для изслѣдователя различныя группы явленій и облегчающее способъ выраженія, можетъ быть вполне одобрено. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли эти три предмета имѣютъ различную природу, или же они собственно составляютъ лишь одно, *являющееся* только для различныхъ точекъ зрѣнія въ трехъ различныхъ образахъ. Относительно *законовъ* это можетъ быть прямо признано, ибо очевидно, что они не существуютъ сами по себѣ, а суть лишь отвлеченія отъ силъ и веществъ. Только потому, что эта (данная) сила и это вещество *суть* такіе то, и *дѣйствуютъ* они такимъ то образомъ: и *каждый разъ* какъ мы встрѣчаемъ, именно, *такую* силу, должна она и дѣйствовать, именно, *такимъ* способомъ. Но это постоянство *опредѣленнаго дѣйствованія* и есть то, что мы называемъ закономъ.

Это отношеніе общепризнано, и матеріалисты постоянно называютъ своими принципами лишь *силу и вещество*, заключающія въ себѣ подразумѣвательно и законы. Мы защищали (въ главѣ I) матеріализмъ, на сколько онъ принимаетъ организованную матерію, какъ *conditio sine qua non* для сознательной духовной дѣятельности; но во всѣхъ предъидущихъ изслѣдованіяхъ мы указали на нѣкоторое безсознательное психическое начало, стоящее выше матеріи, и тѣмъ доказали односторонность того матеріализма, который не знаетъ никакихъ другихъ началъ, кромѣ матеріальныхъ. Теперь намъ приходится заняться тѣмъ, что односторонній матеріализмъ выставляетъ, какъ исключительныя начала всего сущаго, т. е. какъ философскія первоначала, именно *силою и веществомъ*. *)

) Такъ какъ мы увидимъ, что *сила* есть лишь псевдо-материалистическій, въ дѣйствительности же спиритуалистическій принципъ, то послѣдовательный матеріализмъ (какимъ онъ до сихъ поръ еще не являлся) долженъ бы былъ прежде всего отрицать силу, т. е. признавать движеніе какъ нѣчто послѣднее, необъяснимое и не требующее объясненія, какъ вѣчное и первоначальное свойство вещества. То обстоятельство, что многія производныя силы (какъ то: магнетическое притяженіе или притяженіе между гальваническими проволоками) дѣйствительно суть лишь результаты особыхъ комбинацій движенія, могло возбудить къ дальнѣйшимъ попыткамъ объяснить и элементарныя силы всеобщаго тяготѣнія и отталкиванія въ эфирѣ, какъ результаты извѣстныхъ формъ движенія. Для этого сначала отбрасывается эфиръ, и мировое пространство предполагается наполненнымъ весьма разрѣженными постоянными газами, затѣмъ отталкиваніе разсматривается какъ результатъ тепловыхъ колебаній, и наконецъ тяготѣніе объясняется или по аналогіи съ притяженіемъ гальваническихъ токовъ, какъ побочный продуктъ поперечныхъ (тепловыхъ или другихъ) колебаній, или же какъ явленіе, происходящее вслѣдствіе отталкиванія периферическихъ слоевъ. (Въ обоихъ случаяхъ однако притяженіе должно бы

Считая бесполезнымъ діалектическій разборъ этихъ понятій, какъ допускающій недоразумѣнія и не убѣдительный для матеріалиста, я становлюсь на единственно раціональный путь — путь углубленія въ изслѣдованіи матеріи въ естественно-научномъ смыслѣ. Конечно, будущему предстоитъ дойти до важныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, однако я думаю новѣйшими успѣхами физики и химіи даны основанія къ единственно возможному пониманію матеріи. Этихъ основаній достаточно, чтобы проникнуть въ послѣднія глубины этой тайны; и если до сихъ поръ это не сдѣлано самимъ естествовѣдѣніемъ, то лишь потому, что оно равнодушно къ такимъ вопросамъ, какъ не имѣющимъ для него непосредственнаго примѣненія. И такъ, мы сначала должны изложить, что знаетъ наука объ устройствѣ матеріи и присущихъ ей силахъ, и затѣмъ посмотрѣть, нельзя ли на этихъ результатахъ просто и безъ натяжекъ основать болѣе глубокое ея пониманіе.

Если послѣдовательно дѣлать въ мысли какое нибудь химическое однородное тѣло, на примѣръ, угле-

---

быть пропорціонально не массѣ тѣла, а плоскости его поперечнаго разрѣза перпендикулярно къ направленію притяженія). Вся эта теорія находится еще лишь въ зародышѣ, а потому и не допускаетъ критики. Только то очевидно, что здѣсь необходимо предполагается *вещество* со всѣми его противорѣчіями (которыя будутъ ниже показаны), такъ какъ, конечно, само движеніе не можетъ быть вмѣстѣ и движимымъ (какъ это возможно относительно силъ), и такимъ образомъ эта теорія остается съ двумя непонятными началами *веществомъ* и *движеніемъ*. Между тѣмъ для насъ достаточно *одной* силы, которая свободна отъ противорѣчій *вещества* и при томъ не есть ничто непонятное и послѣднее, но разлагается на духовныя первоначала — волю и представленіе, и такимъ образомъ соединяетъ матеріальный міръ съ духовнымъ въ одну сущность.

кислую известь, то дойдешь до частей известной величины, которая уже не могутъ болѣе дѣлиться, *оставаясь углекислою известью*; если же ихъ раздѣлить, то въ результатѣ получится одна часть углекислоты и одна часть извести. Эти малѣйшія частицы называются молекулами (которыя не должно смѣшивать съ атомами, какъ это дѣлала прежняя физика). Онѣ дѣйствуютъ въ различныя стороны съ различною силою, такъ какъ вообще онѣ имѣютъ кристаллическую основную форму соотвѣтствующаго химическаго вещества, или такую, изъ какой эта послѣдняя легко можетъ образоваться. Молекулы различныхъ веществъ поэтому отличаются другъ отъ друга разными фигурами и кромѣ того разнымъ вѣсомъ (молекулярный вѣсъ); напротивъ при соединеніи своемъ въ тѣло въ газообразномъ состояніи при одинаковой температурѣ наполняютъ онѣ одинакія пространства. Когда сходятся два разнородныя тѣла, то различно дѣйствующія въ различныхъ направленіяхъ силы молекулъ нарушаютъ взаимно на границахъ обоихъ тѣлъ свое положеніе равновѣсія. Это нарушеніе выражается въ электрическомъ возбужденіи, или же продолжается въ видѣ гальваническихъ колебаній. Если нарушеніе достаточно сильно, то является постоянное перемѣщеніе и химическое соединеніе разнородныхъ молекулъ въ сложныя молекулы. Различныя химическія соединенія отличаются числомъ и положеніемъ входящихъ въ нихъ молекулъ. Тѣ молекулы, которыхъ еще не удалось разложить, называются химически простыми, хотя относительно многихъ изъ нихъ достовѣрно известно, что онѣ сложны (напр. іодъ, хлоръ, бромъ, судя по измѣненію ихъ спектра при очень высокихъ температурахъ, суть, вѣроятно, кислотныя соединенія, металлы же всѣ, можетъ быть, водородныя соединенія), такъ что, вѣроятно, число химическихъ элементовъ можетъ очень уменьшиться. Кромѣ того новѣйшая химія различаетъ эле-

ментарныя молекулы по ихъ значенію въ химическихъ соединеніяхъ на однопайныя и многопайныя, представляя послѣднія какъ соединенія многихъ одинакихъ частей, изъ которыхъ каждая химически равносильна одной однопайной молекулѣ. Она называетъ эти части *атомами* и ихъ относительныя вѣса — атомными вѣсами. Но уже это различіе въ вѣсѣ показываетъ, что и эти химическіе атомы столь же мало, какъ и химическія молекулы въ ихъ разнообразныхъ морфологическихъ основныхъ формахъ, могутъ быть послѣдними элементами матеріи. Простыя числовыя отношенія атомныхъ вѣсовъ позволяютъ заключить, что всѣ эти части матеріи въ концѣ концовъ представляють лишь различныя формы расположенія различнаго числа однородныхъ основныхъ элементовъ или первоатомовъ, тѣмъ болѣе, что только этимъ способомъ, становится понятнымъ соотвѣтствіе атомныхъ вѣсовъ съ удѣльной теплою и молекулярныхъ вѣсовъ — съ удѣльными вѣсами газовъ. Эти однородные первоатомы, которые я буду называть просто тѣлесными атомами (*Corper Atome*), должны дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ съ *одинаковою* силой, слѣдовательно, *если* представлять ихъ вещественными, то они могутъ быть только *шарообразны*.

Кромѣ этихъ тѣлесныхъ атомовъ существуютъ еще эфирныя атомы, которые разсыяны какъ въ каждомъ тѣлѣ между его молекулами, такъ и между небесными тѣлами, и которые познаются по сопротивленію противъ кометы Энке и по ихъ свойству отражать теплоту (нѣкоторая часть тепловой скалы, вслѣдствіе устройства нашихъ глазъ, ощущается нами какъ свѣтъ).

Тѣла и тѣлесныя атома притягиваются, и именно въ обратномъ отношеніи къ квадратамъ разстоянія; т. е. совокупная сила тѣлеснаго атома по всѣмъ направле-

нїямъ пространства остается себѣ равною на всякомъ разстоянїи.

Эфиръ и эфирные атомы отталкиваются, и именно въ обратномъ отношенїи болѣе высокой степени, чѣмъ вторая, по меньшей мѣрѣ, третьей степени разстоянїя; т. е. совокупная сила эфирнаго атома по всѣмъ направленїямъ пространства возрастаетъ *по меньшей мѣрѣ* въ обратномъ отношенїи разстоянїя.

Всѣ тѣлесные атомы соединились бы въ одну точку, еслибы эфирные атомы не образовали вокругъ каждой тѣлесной молекулы какъ бы оболочки, препятствующей ихъ соприкосновенїю. Два эфирные атома никогда не могутъ столкнуться, такъ какъ ихъ отталкиванїе на бесконечно малыхъ разстоянїяхъ становится бесконечно великимъ. Два же тѣлесные атома, предположивъ ихъ соприкосновенїе, не могли бы никогда раздѣлиться, ибо тутъ ихъ притяженїе бесконечно велико. Поэтому тѣлесныя молекулы и въ химическихъ соединенїяхъ должны еще имѣть между собою эфирные атомы, такъ какъ онѣ могутъ быть опять раздѣлены посредствомъ эфирныхъ колебанїй (теплота, электричество).

Тѣлесные и эфирные атомы отталкиваются. Прежде принимали, что они притягиваются; до извѣстной степени явленїя объяснялись *одинаково хорошо* обоими предположенїями, но такъ какъ для исчисленїй нужно было принять какое нибудь одно, то случайно выбрали притяженїе. Винеръ показалъ (стр. Poggendorfs Annalen Bd. 118, s 79 и Wiener, „die Grundzuge der Weltordnung“ erstes Buch), что объясненїе жидкаго агрегатнаго состоянїя требуетъ принять отталкиванїе и что это послѣднее вообще лучше соотвѣтствуетъ нашимъ другимъ физическимъ теорїямъ. Теперь уже болѣе не принимается, какъ въ Редтенбахеровой „Dynamidensystem“, вокругъ каждой тѣлесной молекулы плотная оболочка эфирныхъ атомовъ, а напротивъ предполагается, что

эфиръ наиболѣе разрѣженъ непосредственно около тѣлесныхъ молекулъ, слѣдовательно, внутри тѣла онъ рѣже, нежели въ пустомъ пространствѣ, такъ какъ плотно сдвинутыя тѣлесныя молекулы частію выталкиваютъ эфиръ.

Выработанная до этой степени атомная теорія отлично объясняетъ законы теплоты и происходящія отъ тепловыхъ измѣненій различныя агрегатныя состоянія (см. Wiener, 1 Buch). Она представляетъ то преимущество, что всѣ такъ называемыя силы матеріи, какъ тяготѣніе, упругость, теплота, гальванизмъ, химизмъ и т. д. представляются проявленіями комбинированныхъ молекулярныхъ и атомныхъ силъ, т. е., такъ что развитіе тѣхъ силъ изъ этихъ послѣднихъ становится дѣйствительно видимымъ и исчислимымъ, тогда какъ тотъ динамизмъ, который, подобно Кантовскому, не хочетъ ничего знать объ атомахъ и атомныхъ силахъ, можетъ только просто утверждать происхожденіе высшихъ матеріальныхъ силъ изъ притяженія и отталкиванія, но нисколько не можетъ сказать, какъ это происходитъ. Остается еще упомянуть объ одной матеріальной силѣ, *силѣ инерціи*, относительно которой атомизмъ до сихъ поръ неправильно отрицалъ, что она подлежитъ понятію силы, или же которую онъ оставялъ какъ особую привходящую силу тогда, какъ онъ могъ бы еще отъ Канта (Neuer Lehrbegriff der Ruhe und Bewegung, vgl. Kant's Werke Bd. V. G. 282—284, 287—289 und 409—417) научиться, что сила инерціи исключительно *основывается на взаимности или относительности движенія*, что уже было ясно выражено Лейбницемъ (Mathemat. Werke VI. p. 252). Если, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ одинъ атомъ во всемъ пространствѣ, то понятія покоя и движенія къ нему вовсе не примѣнимы, такъ какъ онъ не имѣетъ *никакого опредѣленнаго мѣста въ пространствѣ*, слѣдователь-

но, не можетъ и перемѣнять этого мѣста. По этому не существуетъ абсолютнаго покоя или абсолютнаго движенія, а только относительныя. Отсюда слѣдуетъ, что можно съ такимъ же правомъ сказать: А движется къ В, какъ и В движется къ А, пуля движется къ мишени, какъ и мишень движется къ пулѣ, такъ что, слѣдовательно, сопротивленіе оказываемое мишенью пулѣ есть не столько сопротивленіе покоящейся, сколько движущейся мишени, или ея живая сила. Что здѣсь при ударѣ является очевиднымъ, то же имѣетъ мѣсто и при давленіи и влеченіи, но только какъ интеграція безконечно многихъ отдѣльныхъ моментовъ отталкиванія и притяженія атомовъ и молекулъ. Въ обоихъ случаяхъ преодолѣваемое сопротивленіе инерціи основано на взаимности притяженія и отталкиванія и на относительности движенія.

Такимъ образомъ для инерціи, не смотря на ея сопротивляющееся дѣйствіе, мы не нуждаемся ни въ какой *новой* силѣ, а можемъ вполне довольствоваться притяженіемъ и отталкиваніемъ тѣлесныхъ и эфирныхъ атомовъ.

Посмотримъ теперь, какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи изложенныхъ началъ дѣло само собой упрощается. Если представить себѣ два тѣлесныхъ атома А и В, то они двигались бы другъ къ другу и въ томъ случаѣ, еслибы *только* А обладалъ силою притяженія; ибо А притягивая атомъ В, вслѣдствіе относительности движенія необходимо и *самъ влечется* къ В *столько же*, сколько притягиваетъ его къ себѣ. Но то же самое примѣняется и къ В; а такъ какъ на самомъ дѣлѣ и А и В одинаково дѣйствуютъ притягательно, то каждый изъ нихъ производитъ взаимное приближеніе и, слѣдовательно, дѣйствительное ихъ притяженіе будетъ суммой ихъ частныхъ силъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и при отталкиваніи эфирныхъ атомовъ. Но тутъ является

странное предположеніе, что одинъ и тотъ же тѣлесный атомъ обладаетъ двумя противоположными силами, именно силою притяженія для тѣлесныхъ атомовъ и силою отталкиванія для эфирныхъ. Соответственно этому предположенію и эфирный атомъ или имѣетъ *особую* отталкивательную силу для эфирныхъ атомовъ, и особую отталкивательную же для тѣлесныхъ атомовъ, или же его отталкивательная сила относительно обоого рода атомовъ одинаково велика т. е. *одна и та же*. Последнее предположеніе ничего противъ себя не имѣетъ и, какъ простѣйшее, заслуживаетъ предпочтенія по правилу: *principia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*. И такъ, по этому предположенію эфирный атомъ относится одинаково отталкиовательно ко *всякому* другому атому, какія бы силы этому послѣднему ни принадлежали; т. е. если ему встрѣчается тѣлесный атомъ, то онъ его отталкиваетъ такъ же, какъ и эфирный атомъ, причемъ становится безразличнымъ какъ бы велика ни была сила, съ которою тѣлесный атомъ отталкиваетъ эфирный атомъ, по отношенію къ отталкивательной силѣ этого послѣдняго. Конечно это *взаимное* отталкиваніе взятое въ цѣломъ равняется суммѣ обѣихъ силъ. Но если величина отталкивательной силы тѣлеснаго атома безразлична для отталкивательной силы эфирнаго, то для нея также должно быть безразлично, если эта сила станетъ $= 0$, или станетъ *отрицательной*, т. е. перейдетъ *въ притяженіе*, все таки предполагая, что совокупное отталкиваніе обоихъ атомовъ равняется суммѣ частныхъ силъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ общемъ результатѣ останется отталкиваніе до тѣхъ поръ, пока отталкивательная сила эфирнаго атома больше, нежели притягательная тѣлеснаго; въ противномъ случаѣ окажется притяженіе. Тутъ мы навсегда освобождаемся отъ неестественной гипотезы двухъ противоположныхъ силъ въ тѣлесномъ атомѣ; ибо отталкиваніе между

эѳирнымъ и тѣлеснымъ атомомъ пребываетъ таковымъ на всѣхъ разстояніяхъ, на которыхъ отталкивательная сила перваго превышаетъ притягательную послѣдняго, и тѣлесный атомъ относится ко *всякому другому* атому *одинакимъ образомъ* притягательно, точно также какъ эѳирный ко всякому другому — отталкиовательно. А что дѣйствительно *не на всѣхъ*, а лишь на малыхъ и среднихъ разстояніяхъ эѳирные и тѣлесные атомы отталкиваются — это, кажется, вытекаетъ изъ слѣдующаго: *матеріальное* мірозданіе, какъ по апріорнымъ соображеніямъ, такъ и по астрономическимъ основаніямъ, безусловно должно быть признано *конечнымъ*; но эѳиръ долженъ бы былъ расширяться до безконечности, если бы не находилась граница, на которой притяженіе всѣхъ тѣлесныхъ атомовъ превышаетъ отталкиваніе всѣхъ эѳирныхъ. Вращеніе мірозданія вокругъ одной или многихъ осей (на сколько таковое остается мыслимымъ, предполагая относительность движенія) только усиливало бы посредствомъ центробѣжной силы постоянное удаленіе эѳирныхъ атомовъ, и даже при плохомъ предположеніи безконечнаго числа эѳирныхъ атомовъ на конечное число тѣлесныхъ — постоянное истеченіе эѳирныхъ атомовъ въ безконечное пространство производило бы постоянно возрастающее разрѣженіе эѳира въ мірозданіи, что ничѣмъ не подтверждается.

Если мы такимъ образомъ конечностью матеріальнаго мірозданія вынуждены принять *опредѣленное конечное* разстояніе, на которомъ отталкиваніе эѳирнымъ атомомъ тѣлеснаго *равняется* притяженію тѣлеснымъ атомомъ эѳирнаго, то отсюда непосредственно слѣдуетъ, что на меньшихъ разстояніяхъ отталкиваніе должно *превышать* притяженіе, такъ какъ отталкиваніе эѳирнаго атома гораздо скорѣе увеличивается *) съ сокра-

---

*) Глава эта переведена цѣликомъ. Въ подлинникѣ (4-го изд.

щеніемъ разстоянія, нежели притяженіе тѣлеснаго атома. Слѣдовательно, какъ бы ни смотрѣть на дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе то простѣйшее предположеніе, что тѣлесный атомъ имѣетъ *только* притягательную, а эфирный *только* отталкивательную силу, которая *равнообразно* проявляется относительно атомовъ обоюроднаго рода. На нѣкоторомъ разстояніи (которое, очевидно, должно опредѣляться предполагаемою величиною міра) обѣ силы равны другъ другу; различный законъ ихъ измѣненія съ разстояніемъ заставляетъ принять, что на большихъ разстояніяхъ преобладаетъ увеличиваясь — притяженіе, а на меньшихъ отталкиваніе. По этому на разстояніяхъ, какія бываютъ между молекулами одного тѣла, отталкиваніе должно имѣть *огромный* перевѣсъ; это и необходимо, такъ какъ эфирные атомы внутри тѣла *рѣже*, нежели въ пустомъ пространствѣ и *тѣмъ не менше* должны быть достаточны для *противодѣйствія* взаимному притяженію столь тѣсно сдвинутыхъ молекулъ тѣлесныхъ.

Такъ какъ для того, чтобы не впасть въ противорѣчіе при понятіи *безконечности* уже существующей — таковою, т. е. *законченной*, должно признать число какъ эфирныхъ, такъ и тѣлесныхъ атомовъ *конечнымъ*, то нѣтъ никакого основанія считать это число различнымъ для обоихъ родовъ. Мы должны напротивъ скорѣе принять его равнымъ, такъ какъ перевѣсъ, который, по видимому, имѣютъ эфирные атомы въ силу ихъ большей распространенности для тѣлесныхъ атомовъ воз-

---

стр. 470) у Гартмана сказано: «уменьшается» (*abnimmt*), но это рѣшительно не согласно со всею вышеизложенною имъ теоріею. Мало того-это вполне противорѣчитъ той мысли, какую онъ хочетъ доказать! По этому здѣсь въ переводѣ слово—*abnimmt* принято за ошибку и недосмотръ и вмѣсто него принято—*zunimmt*.

А. К.

мѣщается большею плотностью ихъ соединеній. Тогда мы будемъ имѣть *на каждый тѣлесный атомъ по одному эфирному*, и, помимо закона измѣненія ихъ силы съ разстояніемъ, они будутъ различаться только положительнымъ и отрицательнымъ *направленіемъ* своихъ силъ. Если представить себѣ, что тѣлесный и эфирный атомъ *слились*, то вслѣдствіе *нейтрализаціи* внезапно исчезла бы вся сила изъ міра. Слѣдовательно, началомъ, производящимъ вещественный міръ, является разложе-
ніе на *полярный дуализмъ*.

Спрашивается далѣе, что мы должны разумѣть подъ *массою тѣла*. Обыкновенно массу измѣряютъ *вѣсомъ*; но какъ скоро наука пришла къ признанію эфирна, который, не имѣя никакого притяженія, не можетъ имѣть и никакого *вѣса*, то должно взять за мѣру массы что нибудь другое и, именно, нѣчто *общее* эфиру и тѣламъ; такимъ общимъ представляется только *сила инерціи*. Но хотя этою послѣднею и можно *измѣрять* массу, однако она не даетъ никакого *понятія* массы, если мы не хотимъ удовлетвориться тѣмъ, чтобы признать массу *неизвѣстнымъ субстратомъ одинакихъ силъ инерціи*. Но этимъ конечно никто не удовлетворится. — Естественное объясненіе массы какъ *произведеніе объема и плотности*, что сводится къ общему не предвзятому представленію о массѣ, если только при объясненіи плотности избѣгать *круга* и не ввести опять понятія массы. Тогда плотность можно понимать лишь какъ *взаимное разстояніе однородныхъ частицъ*; и если произведеніе объема и плотности остается неизмѣннымъ то ясно, что это возможно только тогда, когда и *число однородныхъ частицъ* остается неизмѣнно. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить массу просто какъ число однородныхъ частицъ, предполагая, что во всѣхъ дѣлимыхъ вещахъ мы продолжали дѣленіе до такихъ однородныхъ частицъ. Очевидно, что только *первоатомы* дѣйствительно

удовлетворяютъ этому требованію, и они уже удовлетворяютъ вполне; даже эѳирные и тѣлесные атомы должны разсматриваться какъ однородные, такъ какъ каждый эѳирный атомъ точно также отталкиваетъ каждый тѣлесный атомъ, какъ и каждый эѳирный, и наоборотъ; такъ что *взаимность ихъ силъ, т. е. ихъ способность инерціи—равна*. Такимъ образомъ мы должны теперь опредѣлять массу вещи какъ *число ея атомовъ*, и этимъ мы достигли единственнаго строго научнаго выраженія для того, что каждый болѣе или менѣе ясно мыслить при словѣ масса. Отсюда непосредственно явствуется, что бессмысленно говорить о *массѣ атома*, потому что тутъ намъ пришлось бы мыслить его еще раздѣленнымъ на однородныя части, и это ни сколько не подвинуло бы насъ дальше. Можно говорить о массѣ молекулы, какъ состоящей изъ атомовъ; можно, пожалуй, сравнительно сказать, что тѣлесная молекула имѣетъ гораздо большую массу, чѣмъ эѳирный атомъ; но сравнить массы двухъ атомовъ уже никакъ нельзя, ибо каждый изъ нихъ самъ есть *единица массы*. Можно бы было далѣе себѣ представить, что *n* тѣлесныхъ атомовъ безъ промежуточныхъ эѳирныхъ атомовъ слились въ одинъ, такъ что ихъ уже нельзя раздѣлить; тогда одинъ эѳирный атомъ отталкивалъ бы комплексъ этихъ соединенныхъ атомовъ съ силою въ *n* разъ большею, чѣмъ каждаго изъ нихъ, и этотъ комплексъ имѣлъ бы конечно массу *n*, но тѣмъ не менѣе было бы неправильно называть его *атомомъ съ n — нною массой*: пока атомы мыслятся, какъ вещественные непроницаемые шары, онъ остается *комплексомъ n атомовъ*. Впрочемъ, мы не имѣемъ никакого повода предполагать дѣйствительное существованіе такихъ непосредственныхъ слияній тѣлесныхъ атомовъ, если должно признать, что тѣлесные атомы въ молекулѣ неразложеннаго до сихъ поръ химическаго элемента такъ же отдѣляются другъ

отъ друга эѳирными атомами, какъ и молекулы этого химическаго элемента, входящія въ молекулу ихъ химическаго соединенія; а это послѣднее доказывается тѣмъ, что онѣ могутъ быть снова раздѣлены эѳирными колебаніями (теплота, гальванизмъ и т. д.). Число тѣлесныхъ атомовъ, соединенныхъ въ элементарной молекулѣ, мы можемъ представить *очень великимъ*, если вспомнимъ, что въ молекулѣ какого нибудь высшаго органическаго соединенія заключается часто сотни элементарныхъ молекулъ.

Въ результатѣ атомъ есть то послѣднее единое, изъ чего составляется всякая масса, какъ изъ единицы составляются всѣ числа, такъ что *столь же безмысленно спрашивать о величинѣ массы атома, какъ и о числовой величинѣ единицы*.

Теперь мы приступаемъ къ послѣднему и труднѣйшему вопросу: есть ли атомъ еще нѣчто кромѣ силы, имѣеть ли атомъ *вещество* и что должно разумѣть подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Припомнимъ сначала, какъ мы дошли до атомовъ. Будучи дѣтьми мы стучаемся обо что нибудь головой и чувствуемъ боль, мы осязаемъ вещи, получаемъ отъ нихъ зрительныя и другія чувственныя впечатлѣнія. Подъ эти по инстинкту пространственно проектированныя воспріятія мы столь же инстинктивно подставляемъ причины, которыя мы называемъ вещами. Эти предполагаемыя внѣ насъ вещи, на насъ дѣйствующія, въ особенности же *то, на что мы во внѣ наталкиваемся*, мы называемъ *матеріей* или *веществомъ*. Наука не останавливается на этой грубой, инстинктивно чувственной и для практики достаточной гипотезѣ, а изслѣдуетъ далѣе и точнѣе причины нашихъ воспріятій. Она показываетъ намъ, что зрительныя воспріятія возбуждаются въ соотвѣтственномъ чувственномъ органѣ колебаніями эѳира, слуховыя—колебаніями воздуха, воспріа-

тія обонянія и вкуса—химическими колебаніями, такъ что всѣ эти воспріятія относятся нисколько не къ веществу, а къ движенію, для объясненія котораго наука опять должна предполагать *силы*, которыя въ концѣ концовъ оказываются проявленіями комбинированныхъ молекулярныхъ и атомныхъ силъ. Она показываетъ намъ далѣе, что основа всѣхъ нашихъ осязательныхъ воспріятій, такъ называемая *непроницаемость* вещества, или сопротивленіе, которое оно оказываетъ постороннимъ тѣламъ при попыткѣ ихъ приближенія, переходящаго извѣстныя границы, есть результатъ отталкиванія ээирныхъ атомовъ, которое на безконечно малыхъ разстояніяхъ безконечно превышаетъ притягательную силу тѣлесныхъ атомовъ, а что прямое прикосновеніе атомовъ, и, слѣдовательно, такая непроницаемость, которая не есть слѣдствіе силы, а присуща веществу, какъ такому—вообще нигдѣ не встрѣчается. Всѣ объясненія естествознанія основываются на *силахъ*; вещество же или матерія праздно остается при этомъ лишь на заднемъ планѣ, какъ какое то иривидѣніе, показывающееся только въ *темныхъ* мѣстахъ, куда *еще не* проникъ свѣтъ познанія. Чѣмъ дальше распространяетъ свой свѣтъ объясненіе явленій, тѣмъ болѣе отодвигается назадъ вещество, которое въ наивно-чувственномъ воззрѣніи занимаетъ всё внѣшнее пространство воспріятія.

Куда бы ни проникло естествовѣденіе, вездѣ оно можетъ употреблять для своихъ объясненій только *силы*; если же оно еще до сихъ поръ *пользуется* словами: вещество и матерія, то только какъ необходимыми *суммарными знаками или формулами* для обозначенія *системъ атомныхъ силъ*.

Такъ какъ естественнонаучныя гипотезы никогда не должны переступать *потребность въ объясненіи*, понятіе же вещества никакой такой потребности не служитъ и служить не можетъ, то это понятіе, употребляемое въ

другомъ смыслъ, нежели система силъ, не имѣетъ никакого права и мѣста въ естествознаніи, которое все то, что чувственнымъ воззрѣніемъ и признается за дѣйствіе вещества, сводитъ къ дѣйствию силъ. Конечно, нѣтъ ничего труднѣе, какъ освободиться отъ чувственно-непосредственныхъ представлений, которыя мы какъ бы всасываемъ съ материнскимъ молокомъ, которыя мы инстинктивно принимаемъ какъ *первую* грубую, но *практически* достаточную гипотезу и *которыя*, вслѣдствіе привычки въ теченіи жизни, какъ бы срастаются съ нами. Нужно вниманіе, спокойствіе, ясность и сила мысли уже для того, чтобы чувственныя и другіе предразсудки *признать* за таковыя; еще болѣе мужества требуется для того, чтобы безвозвратно *разорвать* съ ними *во всплхъ ихъ послѣдствійхъ*. Но, когда и это все достигнуто, требуется еще почти сверхчеловѣческая энергія разсудка и характера, что-бы *снова* не допустить тайнаго *вліянія* предразсудка, отъ котораго считаешь себя отдѣлвшимся: ибо нѣтъ болѣе трудной задачи, какъ добиться полной отрицательной свободы мышленія. Именно, вслѣдствіе инстинктивнаго безсознательнаго характера предразсудковъ, происходящихъ изъ чувственности, такъ трудно устранить ихъ сознательнымъ мышленіемъ. Сколько бы мы себѣ ни говорили, что луна на горизонтѣ такъ же велика, какъ и на срединѣ неба,—наше правильное сознаніе не помѣшаетъ инстинктивному заблужденію

Вещество есть такой же происходящій изъ чувственности инстинктивный предразсудокъ. Всякій естествоиспытатель имѣетъ дѣло съ веществомъ лишь по сколько онъ *разлагаетъ* его на силы, при чемъ такимъ образомъ *кажуціяся* дѣйствія вещества являются дѣйствіями силы, т. е. вещество *разрѣшается* въ силу; между тѣмъ и теперь еще не много найдется такихъ естествоиспытателей, которые допустятъ крайнее слѣдствіе

изъ ихъ собственной науки, именно, что вещество есть лишь система силъ, и единственная тому причина — чувственный предразсудокъ. Забываютъ, что непосредственно воспринимается *не вещество и не атомы*, а давленіе, ударъ, колебанія и т. д. такъ что вещество *есть лишь гипотеза*, которая должна еще *доказать* свои права передъ трибуналомъ естествовѣдѣнія и которая не только этого *не исполняетъ*, но и при каждомъ испытаніи превращается въ силы. Это забываютъ, но когда случайно ударятся локтемъ, то инстинктивная чувственность разомъ подскажетъ: „вещество“. Если же начать серьезно разбирать такой предразсудокъ, то онъ старается удержаться посредствомъ *софизмовъ*; естествоиспытатель забываетъ правила своей методы и выставляетъ даже апріорныя основанія, чтобы только спасти свой дорогой предразсудокъ.

Прежде всего говорятъ: „я не могу мыслить никакой силы безъ вещества, сила должна имѣть *субстратъ*, въ которомъ и *объектъ*, на который она дѣйствуетъ, а это то и есть вещество; сила безъ вещества есть невозможность“.

Обратимся къ апріорной сторонѣ вопроса послѣ того, какъ мы узнали, что эмпирическая гипотеза вещества не имѣетъ никакого оправданія.

Прежде всего мы можемъ утверждать, что человекъ такъ устроенъ, что онъ можетъ мыслить *все*, что *само себя не противорѣчитъ*, т. е. что онъ можетъ совершить всякое въ словахъ выраженное соединеніе понятій, предполагая, что *значеніе* понятій дано ему *ясно и точно* и что требуемая *связь ихъ не заключаетъ никакого противорѣчія*. Приведенное утвержденіе говоритъ: „сила можетъ быть мыслима не въ самостоятельномъ реальномъ существованіи, а лишь въ неразрывной связи съ веществомъ“. Сила есть ясное понятіе, самостоятельное реальное существованіе также; слѣдовательно,

всякій здравый разумъ можетъ *мыслить* ихъ соединенными, если только это соединеніе не носитъ въ себѣ противорѣчія. Но такъ какъ послѣднее доказать было бы очень трудно, то первая отрицательная часть тезиса—ложна. Разумѣется, здѣсь дѣло идетъ о томъ, *мыслимо* ли соединеніе, а не о томъ *существуетъ* ли оно *реально*—иначе вопросъ не имѣлъ бы апріорнаго характера. Вторая положительная часть тезиса утверждаетъ, что „сила должна быть мыслима въ соединеніе съ веществомъ“ и это столь же ложно; *нельзя* мыслить соединенія силы и вещества, такъ какъ *нельзя* мыслить *вещество*, ибо *этому слову никакое понятіе не соответствуетъ*. Разсмотримъ различныя значенія, которыя *могутъ* приписываться слову *вещество*. Чувственное значеніе, правда, совершенно опредѣленно: *причина ощущаемаго сопротивленія*, но это разрѣшается въ отталкивательныя *атомныя силы* и, слѣдовательно, не можетъ *противупоставляться* понятію силы. Понятіе массы, неправильно сюда подставляемое, также разложено нами на атомныя силы; смѣшеніе его съ веществомъ возможно только относительно грубо чувственного значенія вещества посредствомъ понятія плотности. Физическое понятіе непроницаемости также разрѣшено въ безконечно великую на безконечно малыхъ разстояніяхъ отталкивательную *силу* эфирныхъ атомовъ и къ тому же принадлежитъ только репульсивнымъ эфирнымъ атомамъ и тѣламъ т. е. динамическимъ системамъ, благодаря содержащимся въ тѣлахъ эфирнымъ атомамъ,—а *никакъ* не принадлежитъ аттрактивнымъ тѣлеснымъ атомамъ, такъ какъ не видно, почему бы между двумя тѣлесными атомами, не раздѣленными эфиромъ, не произойти совершенному *проникновению* и сліянію.

Наконецъ остается значеніе „субстратъ силы“. Но, къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что здѣсь подъ суб-

стратомъ я могу также мало что нибудь мыслить, какъ и подъ веществомъ. Еще Шеллингъ говорилъ (Werke I. 3. S. 529—530): „Кто говоритъ, что не можетъ мыслить дѣйствія безъ субстрата, тотъ только признаетъ, что этотъ мнимый субстратъ есть лишь *произведеніе* силы его воображенія, т. е. опять таки *его собственное мышленіе*, которое онъ такимъ образомъ безконечно долженъ все снова полагать самостоятельнымъ. Это *простой обманъ воображенія*, что послѣ того какъ у объекта *отнять всѣ отдѣльныя предикаты, которые онъ имѣетъ*, отъ него *останется* еще что то, неизвѣстно что. Нельзя, напримѣръ, говорить, что непроницаемость есть сама матерія“ (что, впрочемъ есть лишь половина истины). Субстратъ часто означаетъ тоже, что субъектъ, но вѣдь не стануть же утверждать что мертвое вещество есть нѣчто болѣе субъективное, чѣмъ сила. Часто субстратъ означаетъ „*лежащее въ основѣ*“, т. е. моментъ *причинный*; объ этомъ здѣсь еще менѣе можетъ быть рѣчи; обыкновенно же онъ значитъ просто *лежащее подъ чѣмъ либо* (unterlage) въ чувственномъ смыслѣ слова; но съ такимъ значеніемъ мы уже покончили. Однимъ словомъ, здѣсь подъ субстратомъ нельзя ничего мыслить. Но, еслибы это было и возможно, отъ защитниковъ вещества все бы еще *требовалось доказать основательность* ихъ гипотезы о субстратѣ силы, ибо и не могу видѣть *надобности* въ такой гипотезѣ, такъ какъ я утверждаю, что *вполнѣ* можно мыслить силу самостоятельно существующею. Мы остаемся при томъ, что вещество есть для науки *пустое* слово, такъ какъ нельзя *привести ни одного свойства*, которое бы принадлежало означенному понятію; это есть *слово безъ понятія*, если только не удовлетвориться значеніемъ „*системы силъ*“, для чего лучше употреблять названіе „*матерія*“. Несомнѣнно по этому, что тѣ, которые утверждаютъ, что не могутъ мыслить силы самостоятельной,

из действительности не могут ее мыслить лишь въ соединеніи съ веществомъ.

Далѣе утверждается, что „сила должна необходимо имѣть *объектъ*, на который она дѣйствуетъ. „Это безусловно вѣрно, но только подлежитъ спору, должно ли быть этимъ объектомъ вещество. „Сила каждаго атома имѣетъ *другіе атомы* своимъ объектомъ“—вотъ все, что требуетъ естественно-научная гипотеза; *что* собственно въ атомахъ служить объектомъ—объ этомъ естествовѣденіе вовсе не заботится, мы же должны констатировать, что *до сихъ поръ* мы знаемъ въ атомѣ *только силу*, что ничто не препятствуетъ принимать въ атомѣ силу за то, что служить объектомъ силѣ другаго атома, и что такимъ образомъ нѣтъ никакого повода выставить новую гипотезу вещества. Сюда присоединяется еще аналогія духовныхъ силъ, которыя точно также имѣютъ *другъ друга* объектомъ, напр., представленіе, дѣйствующее какъ мотивъ, имѣетъ объектомъ волю, воля же опять имѣетъ своимъ объектомъ представленіе и т. д. Уже чистая взаимность въ отношеніи атомныхъ силъ должна бы была предостеречь отъ принятія другаго объекта кромѣ самой силы.

Но допустимъ на минуту, что атомы состоятъ кромѣ силы еще изъ вещества и посмотримъ, какія черезъ это возникаютъ трудности при взаимодействіи двухъ атомовъ А. и В. и какъ неосновательное и излишнее предположеніе постоянно приходится подкрѣплять другими столь же произвольными. Сила А. должна дѣйствовать на вещество В. и наоборотъ; черезъ это вещества А и В сближаются, силы же *остаются внѣ всякаго отношенія другъ къ другу*, тогда какъ должно бы было ожидать противоположнаго, такъ какъ *на разстояніи дѣйствуетъ* сила, а не вещество, такъ какъ сила и сила *однородны*, вещество же и сила *разнородны*. Итакъ, вещества А и В сближаются вслѣдствіе мгно-

веннаго притяженія соотвѣтствующихъ силъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Очевидно, что сила и вещество каждаго атома должны *отдѣлаться*, ибо вещество побуждается чужою силою измѣнить свое мѣсто, сила же — нѣтъ. Если же тѣмъ не менѣе сила и вещество каждаго атома должны *оставаться вмѣстѣ*, а между тѣмъ сила не можетъ быть принуждена къ измѣненію мѣста непосредственно силою чужаго атома, то съ логическою необходимостью слѣдуетъ, что сила А принуждается къ измѣненію мѣста веществомъ А. Этимъ веществу приписывается *дѣйствіе*, т. е. *активность* тогда, какъ вообще оно должно представлять безусловную *пассивность* въ противоположность *активной силѣ*. Родъ и способъ этого дѣйствованія остается совершенно непонятнымъ, такъ какъ если вещество *будетъ дѣйствовать активно*, то оно станетъ силою.

Какъ сила „связана“ съ веществомъ — любимое выраженіе приверженцевъ вещества — этого, признаюсь, я рѣшительно не могу понять. Трудно бы имъ было дѣйствительно отвѣчать на слѣдующій вопросъ: должно ли мыслить силу связанною съ центромъ вещественнаго атома, или же равномерно распределенною по всему веществу его. Вѣдь, вещественный атомъ долженъ же имѣть известную величину!

Первое предположеніе, конечно, обходитъ трудности, сопряженныя со вторымъ, но тогда сила собственно связана не съ веществомъ, а съ математической точкой которая, вѣдь, не можетъ быть вещественною и лишь случайно совпадаетъ съ центромъ вещественнаго шара. Но тогда дѣйствіе вещества на движеніе силы уже совершенно не понятно; и вещественный шаръ есть пятое колесо въ колесницѣ, такъ какъ въ дѣло идетъ только точка, его идеальный центръ. При второмъ же предположеніи трудности еще больше, такъ какъ тутъ изъ каждой точки вещественнаго атома дѣйствуетъ часть

силы и каждая такая точка находится въ различномъ разстояніи отъ того атома, на который производится дѣйствіе. Тогда нужно брать равнодѣйствующую всѣхъ этихъ частныхъ силъ, точка приложенія которой при дѣйствіи на конечныхъ разстояніяхъ уже нисколько не совпадаетъ съ центромъ вещественнаго атома, а для каждаго направленія дѣйствія—*различна*. Но при этомъ, очевидно, нужно мыслить атомъ раздѣленнымъ на безконечное число частей, изъ которыхъ каждая обладаетъ безконечно малою частью силы. Какъ бы малою ни мыслить такую частицу атома, она все таки есть вещество, а не математическая точка, слѣдовательно, соединеніе ея съ силою опять можетъ быть понято лишь представляя послѣднюю равномерно раздѣленною внутри этой частицы, такимъ образомъ опять приходишь къ безконечному дѣленію и т. д., т. е. должно вещественный атомъ безконечное число разъ раздѣлить на безконечность, и, не смотря на все это, все таки никогда не поймешь, *какъ* сила распределена въ вещество, такъ какъ дѣйствіе *простой* силы можетъ быть относимо лишь къ *математической* точкѣ, которая уже *не вещественна*, (это признано замѣчательнѣйшими физиками и математиками, какъ Амперъ, Коши, В. Веберъ и др., которые по этому допускаютъ, что атомы должны быть мыслимы абсолютно *непротяженными*).

Посмотримъ теперь, что выходитъ безъ предположенія вещества. Мы должны только удержать то представленіе объ атомной силѣ, которое имѣютъ и защитники вещества, именно, что эта сила есть послѣдняя неизвѣстная причина движенія, направленія дѣйствія которой, будучи обратно продолжены, всѣ вмѣстѣ пересѣкаются въ одной математической точкѣ. Этого воззрѣнія не можетъ избѣжать, какъ мы видѣли, и тотъ, кто полагаетъ, что атомная сила равномерно распространена по всему веществу атома, такъ какъ онъ долженъ прини-

мать общую силу атома за равнодѣйствующую безконечнаго числа пунктуальныхъ силъ внутри атома, какъ бы нелѣпо ни было такое предположеніе.

Далѣе, и защитники вещества допускаютъ *возможность относительнаго мѣстоизмѣненія этой точки*, въ которой пересѣкаются направленія динамическихъ дѣйствій. Мы пока оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, есть ли сила сама по себѣ, по мимо ея дѣйствія, что нибудь такое, чему бы можно было приписать пространственность или мѣсто въ пространствѣ. *Если* она имѣетъ нѣкоторое мѣсто, то во всякомъ случаѣ *въ этой точкѣ пересѣченія*, которую мы по этому пока и назовемъ *сѣдалищемъ* силы. Далѣе мы принимаемъ, что атомныя силы служатъ другъ другу объектами, т. е., что взаимное притяженіе А и В производитъ мѣстоизмѣненіе сѣдалища силъ въ томъ смыслѣ, что эти послѣднія другъ къ другу приближаются, при отталкиваніи же удаляются. Я не вижу, въ чемъ здѣсь могли бы быть затрудненія. По естественно-научному признанію силы дѣйствуютъ на разстояніи и суть однородны, почему же не могутъ они дѣйствовать *другъ на друга*, когда до сихъ поръ допускали дѣйствіе силы на инородное ему вещество и обратно. Мы пользуемся уже признаннымъ, устраняемъ многое излишнее и произвольное и при этомъ гораздо проще и удовлетворительнѣе достигаемъ цѣли, избѣгая всѣхъ трудностей, связанныхъ съ отвергнутыми нами бесполезными предположеніями, которыя еще въ добавокъ основываются на *пустомъ словѣ безъ всякаго понятія*.

Наконецъ наше воззрѣніе на вещество *упраздняетъ въ себѣ* обѣ доселѣ раздѣленныя партіи атомистовъ и динамистовъ, такъ какъ оно произойдя изъ *перехода атомизма въ динамизмъ*, сохраняетъ всѣ преимущества атомизма, доставившія ему исключительное значеніе въ современной наукѣ, *освобождаетъ* его отъ всѣхъ основательныхъ *возраженій* динамистовъ, и новымъ, го-

раздо основательнѣйшимъ путемъ порождаетъ изъ себя основное начало динамизма: отрицаніе вещества. По этому мы имѣемъ право назвать это воззрѣніе *атомистическимъ динамизмомъ*. Динамизмъ въ своемъ прежнемъ видѣ, кромѣ недостатка въ эмпирической основѣ, не могъ быть принятъ естествовѣденіемъ уже потому, что его безформенность дѣлала невозможнымъ всякое исчисленіе. Если силы дѣйствуютъ пространственно, то онѣ прежде всего должны пространственно опредѣлять свои дѣйствія, слѣдовательно, относить ихъ къ опредѣленнымъ исходнымъ точкамъ. Этимъ непосредственно полагается точка, какъ мѣсто исхода матеріальной силы, такъ что динамизмъ, при ближайшемъ опредѣленіи, необходимо переходитъ въ атомизмъ, ибо онъ получаетъ осязаемую форму, лишь относя игру противоположныхъ силъ къ *динамическимъ недѣлимымъ*, т. е. атомамъ; эта точка зрѣнія уже довольно ясно выражается Лейбницемъ. „*Il n'y a que les points métaphysiques, ou de substance, qui soient exactes et réels. — Il n'y a que les atomes de substance, c'est à dire les unités réelles et absolument destituées de parties, qui soient les sources des actions et les premiers principes absolus de la composition des choses, et comme les derniers éléments de l'analyse des substances.* „*Systeme nouveau de la nature, №. 11 **)—Лейбницъ понимаетъ „субстанцію“ исключительно только какъ силу, и сила есть для него единственная настоящая субстанція (ср. *De primae philosophiae emendatione et de notione substantiae*). Въ этомъ и въ томъ, что съ понятіемъ силы онъ вкладываетъ *implicitè* въ субстанцію понятіе воли, заключается главный его мета-

---

*) «Реальны только *метафизическія* или субстанціальныя точки.—Только субстанціальныя атомы, т. е. реальные и безусловно не имѣющія частей единицы, суть *источники дѣйствій* и первыя абсолютныя начала состава вещей и какъ бы послѣдніе элементы анализа субстанцій».

физическій прогрессъ относительно Спинозы. Впрочемъ, вслѣдствіе малаго развитія тогдашняго естествознанія, онъ не могъ поставить въ дѣятельную связь съ нимъ свои идеи. Удобнѣе это было бы Шеллингу, который рѣшительно становится на сторону динамической атомистики, но такъ какъ онъ по принципу выводитъ свои положенія а priori, то и его воззрѣніе не могло пріобрѣсти вліянія на естествовѣденіе. Онъ говоритъ (Wetke, I, Abth., 3 r B., S. 23):

„Что недѣлимо, то не можетъ быть матеріей, какъ и наоборотъ; слѣдовательно, оно (недѣлимое) должно находиться по ту сторону матеріи, а тамъ находится *чистая напряженность* (Intensitat)—и это понятіе чистой напряженности выражается понятіемъ дѣйствія.— (S. 22). Первоначальныя дѣйствія сами не суть пространство, они не могутъ быть понимаемы, какъ *часть* матеріи. Поэтому наше утвержденіе можетъ быть названо принципомъ динамической атомистики: ибо для насъ каждое первоначальное дѣйствіе, какъ атомъ для философовъ вещества, по истинѣ, *индивидуально*, каждое само въ себѣ цѣло и завершено и представляетъ какъ бы естественную монаду.“ (S. 24.) „Въ пространствѣ же представимо только ея проявленіе, само же дѣйствіе *ранѣе пространства, extensione prior.*“

Если такимъ образомъ съ одной стороны динамизмъ, даже доходя до атомистической индивидуализаціи силы, не былъ въ состояніи найти для себя эмпирическаго основанія, а съ другой стороны атомизмъ никогда не могъ защититься отъ упрека въ логическихъ противорѣчіяхъ, заключавшихся въ его понятіи вещественнаго атома, и если тѣмъ не менѣе естествознаніе все рѣшительнѣе къ нему склонялось, то это доказываетъ нѣкоторую внутреннюю необходимость, съ которою, не смотря на признанное противорѣчіе, сила фактовъ заставляетъ естествоиспытателей прибѣгать къ атомисти-

ческому объясненію. Атомистическій динамизмъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, соединяя въ себѣ положительныя начала обѣихъ сторонъ.

Повторимъ еще вкратцѣ наши принципы. Существуетъ равное число положительныхъ и отрицательныхъ, т. е. притягательныхъ и отталкивательныхъ силъ. Направленія дѣйствія каждой силы пересѣкаются въ одной математической точкѣ, которую мы называемъ сѣдалищемъ силы. Оно подвижно. Каждая сила дѣйствуетъ на каждую другую одинаково, какой бы знакъ не имѣла послѣдняя (+ или —). Положительная сила называется тѣлеснымъ атомомъ, отрицательная — эфирнымъ. На извѣстномъ конечномъ разстояніи отталкиваніе эфирнаго атома и притяженіе тѣлеснаго равны между собою, но такъ какъ законъ ихъ измѣненія съ разстояніемъ различенъ, то между тѣлеснымъ и эфирнымъ атомомъ на меньшихъ разстояніяхъ перевѣшиваетъ отталкиваніе, на большихъ — притяженіе. Тѣлесные атомы съ промежуточными, раздѣляющими ихъ эфирными атомами, соединяются въ молекулы химическихъ элементовъ, эти такимъ же образомъ соединяются въ молекулы химически сложныхъ тѣлъ, а эти молекулы наконецъ образуютъ самыя матеріальныя тѣла. Матерія есть такимъ образомъ система атомныхъ силъ въ извѣстномъ состояніи равновѣсія. Изъ этихъ атомныхъ силъ въ разнородныхъ комбинаціяхъ и реакціяхъ происходятъ всѣ такъ называемыя силы матеріи, какъ то: тяготѣніе, тяжесть, разширеніе, упругость, кристаллизація, электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, химическое сродство, теплота, свѣтъ и т. д.; нигдѣ, пока мы, находимся въ неорганической области, не нуждаемся мы ни въ какихъ другихъ силахъ, кромѣ атомныхъ.

И такъ мы видимъ, что изъ двухъ матеріалистическихъ началъ — силы и вещества послѣднее сводится къ первому, и мы знаемъ теперь точно, что должно разу-

мѣть подъ силой, именно притягивающую или отталкивающую, положительно или отрицательно дѣйствующую динамическую точку. Теперь понятіе силы на столько опредѣлено, что мы можемъ прямо къ нему обратиться, не боясь при изслѣдованіи разойтись съ естествознаніемъ и матеріализмомъ въ пониманіи этого термина. Посмотримъ, чѣмъ оказывается это понятіе.

Притягательная атомная сила стремится приблизить къ себѣ всякій другой атомъ; результатъ этого стремленія есть достиженіе или осуществленіе приближенія. По этому намъ нужно различать въ силѣ *само стремленіе* какъ чистый актъ, и то, *къ чему оно стремится*, какъ *цѣль, содержаніе* или *объектъ* стремленія. Стремленіе существуетъ *прежде* достиженія; насколько *уже есть* достиженіе, настолько стремленіе *осуществлено*, слѣдовательно, уже не *существуетъ*; только *достижаемое*, слѣдовательно, еще не *достигнутое* стремленіе *существуетъ*.

По этому имѣющее произойти движеніе не можетъ содержаться въ стремленіи, какъ *дѣйствительность*, такъ какъ они необходимо находятся въ *различныхъ* временахъ. Но еслибы это движеніе *совсѣмъ* не содержалось въ стремленіи, тогда послѣднее не имѣло бы ни какого *основанія*, по которому бы оно должно было производить притяженіе, а не что либо другое, напр., отталкиваніе, почему бы оно измѣнялось при перемѣнѣ разстоянія по этому, а не по другому закону, — тогда оно было бы *пустымъ, чисто формальнымъ* стремленіемъ безъ опредѣленной *цѣли* или *содержанія* и, слѣдовательно, оставалось бы *безъ результата*, что противорѣчитъ опыту. Опытъ показываетъ напротивъ, что атомъ въ цѣли своего стремленія остается вполне *последовательнымъ*, и всегда себѣ *равнымъ*, а не случайно то притягиваетъ, то отталкиваетъ. Такимъ образомъ

остается только одно: признать, что стремленіе притягательной силы *содержитъ въ себѣ* приближеніе и законъ измѣненія по разстоянію, т. е. всю измѣнчивую опредѣленность своего образа дѣйствія, — но *содержитъ это не какъ реальность*.

Такъ какъ стремленіе или сила атома есть образующая первооснова матеріи и, какъ такое, само въ себѣ просто нематеріально, то здѣсь и не можетъ быть болѣе рѣчи о вещественныхъ предрасположеніяхъ, а потому вышеизложенныя условія должны быть соединены не вещественнымъ образомъ. Это возможно только тогда, если стремленіе содержитъ въ себѣ всю закономѣрно измѣняемую опредѣленность своей обнаруживаемости, какъ нѣкоторый подобный реальности образъ, такъ сказать, картину, иными словами, содержитъ этотъ образъ *идеально* или какъ *представленіе*. Лишь когда въ стремленіи атомной силы идеально предобразовано содержаніе его (*das Was*), тогда только дана вообще *опредѣленность* стремленія, тогда только возможенъ *результатъ* его и тогда только возможна та послѣдовательность, съ которой извѣстное динамическое недѣлимое, сохраняя постоянно одну и ту же положительную или отрицательную цѣль стремленія, дѣйствуетъ на другой атомъ при такомъ то разстояніи съ такою то силою, а на третій атомъ при иномъ разстояніи съ иною силою. Не измѣняясь сама, атомная сила измѣняетъ мѣру своего дѣйствія, сообразно обстоятельствамъ, и притомъ съ *логическою* закономѣрностію: эта принудительность со стороны обстоятельствъ, оставляя нетронутою активность, самодѣятельность силы, требуетъ тѣмъ не менѣе непосредственнаго исхожденія дѣйствія изъ *внутренняго* опредѣленія, полагаетъ такимъ образомъ идеальность, какъ *primum* (ранѣе) реальности, и показываетъ, что принудительность эта есть логическая (изъ логической опредѣленности идеи).

Но что же такое это *стремленіе силы*, содержаніе или предметъ котораго есть бессознательное представленіе того, къ чему стремится, — что оно такое, какъ не *воля*? То, что мы здѣсь выводимъ изъ силы, вывели мы (Т. I. гл. I.) изъ воли. Что воля, по природѣ своей, непосредственно есть нѣчто вѣчно бессознательное, показали мы въ гл. II (Т. II), а что она и здѣсь должна остаться таковою же, разумѣется само собою, такъ какъ содержаніе ея есть бессознательное представленіе.

Мы не насильственно расширили понятіе воли для включенія въ него понятія силы; но когда мы взяли за исходный пунктъ волю мозговаго сознанія, какъ таковую, это понятіе само разрушило неосновательно поставленныя ему сознаніемъ границы и мало по малу выказалось какъ дѣйствующее начало во *всѣхъ* процессахъ животнаго и растительнаго царства. Теперь мы видимъ къ своему удивленію, что если подъ понятіемъ силы (не производной, а самобытной) мы хотимъ *что либо* мыслить, то должны мыслить точно *тоже*, что и подъ понятіемъ воли, такъ что оба понятія были бы тождественны, еслибы не мѣшало тому условное *ограниченіе* понятія силы и его преимущественное употребленіе для обозначенія силъ *производныхъ*, т. е. извѣстныхъ комбинацій и проявленій—атомныхъ силъ, какъ то: упругости, магнетизма, мускульной силы и т. п. Замѣнить понятіе воли понятіемъ силы или подвести его подъ послѣднее не годится потому, что сила обозначаетъ обыкновенно только производное и только въ строго научномъ смыслѣ первичное; воля же *всегда* первичное. Не годится также и потому, что сила для обыкновеннаго языка и возрѣнія есть гораздо менѣе ясное понятіе, нежели воля. Кромѣ того, грубо чувственное возрѣніе привыкло видѣть въ силѣ нѣчто матеріальное, такъ какъ это понятіе первоначально взято

изъ чувства мускульной силы. На сколько воля имѣетъ болѣе внутренней характеръ, нежели чувство мускульной силы, на столько слово воля болѣе соотвѣтствуетъ существу дѣла, нежели слово сила. (Ср. Schopenhauer „Welt als Wille und Vorstellung“ § 22 и Wallace „Beitrage zur Theorie der naturlichen Zuchtwahl“ deutsch von Meyer § 417 и 423; Уоллесъ объявляетъ себя равно рѣшительно съ одной стороны противъ сохраненія вещества рядомъ съ силой, съ другой стороны за волящее естество всякой силы и, слѣдовательно, всего міра).

И такъ, проявленія атомныхъ силъ суть индивидуальныя акты воли, содержаніе которыхъ состоитъ въ безсознательномъ представленіи того, что должно быть совершено. *Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ матерія разрѣшена въ волю и представленіе.* Этимъ же снимается коренное различіе между духомъ и матеріей; остается различіе между ними только въ высшей или низшей формѣ проявленія одного и того же существа — вѣчно Безсознательнаго. Тождество духа и матеріи перестало такимъ образомъ быть непонятымъ и недоказаннымъ постулатомъ, или продуктомъ мистическаго воззрѣнія, будучи теперь возведено до научнаго познанія и притомъ не путемъ умерщвленія духа, а путемъ оживотворенія матеріи. До сихъ поръ было только два воззрѣнія, которыя избѣгали этаго дуализма, но лишь тѣмъ, что смѣло отрицали истину одной изъ сторонъ. Матеріализмъ отрицалъ духъ, идеализмъ матерію; первый признавалъ духъ не существеннымъ явленіемъ, происходящимъ изъ извѣстнаго соединенія матеріальныхъ функцій, послѣдній признавалъ такимъ же не существеннымъ явленіемъ матерію, какъ результатъ случайныхъ функцій субъективно сознательнаго духа (!) Оба воззрѣнія одинаково односторонни; и непримиренное дуалистическое сопоставленіе координированныхъ духа и матеріи все таки предпочтительнѣе обоихъ. Дѣй-

ствительно преодолѣть и снять этотъ дуализмъ, а не обойти его чрезъ отрицаніе одной стороны можетъ только такая философія, которая признаетъ и субъективный сознательный духъ и матерію лишь за объективныя формы проявленія (объективации или манифестации) одного такого принципа, который выше и менѣ дифференцированъ обоихъ, однимъ словомъ, философія Безсознательнаго (будетъ ли то бессознательная (?!) идея Гегеля, или бессознательная воля Шопенгауера, или существенное единство обоихъ въ вѣчно-бессознательномъ Шеллинга).

Посмотримъ теперь, какъ атомная воля относится къ пространству. Не имѣя нужды вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса о сущности пространства, мы можемъ сказать: пространство можетъ имѣть двойное существованіе—реальное въ тѣлахъ или ограниченныхъ пустотахъ, и идеальное въ представленіи тѣлъ и ограниченныхъ пустотъ. Если *идеальное* пространство находится въ *представленіи*, то само представленіе не можетъ быть въ идеальномъ пространствѣ, которое имъ же и создается. Когда мозговые колебанія принуждаютъ Безсознательное къ реакціи сознательнымъ воспріятіемъ, то это воспріятіе не имѣетъ никакого отношенія ни къ мѣсту колеблющейся части мозга, ни къ мѣсту этого воспринимающаго человѣка на землѣ, слѣдовательно, представленіе не находится и въ *реальномъ* пространствѣ. Воля есть *переводъ идеальнаго въ реальное*, она, *реализируя идеальное*, составляющее ея содержаніе, *присоединяетъ* къ нему то, что не можетъ быть дано въ одномъ мышленіи. Такъ какъ это ея содержаніе, которое всегда есть представленіе, содержитъ идеальныя пространственныя опредѣленія, то воля реализируетъ и эти пространственныя опредѣленія и *такимъ образомъ переводитъ пространство изъ идеальнаго въ реальное, полагаетъ реальное пространство*. (Какъ пространство возни-

каетъ въ идеальномъ, намъ здѣсь нѣтъ дѣла; довольно того, что воля полагаетъ реальное пространство.) То же, что создается лишь волей, не можетъ ей *предшествовать*, слѣдовательно, воля, какъ такая, не можетъ быть реально пространственной. Съ идеальнымъ же пространствомъ, существующимъ только въ *идеѣ*, т. е. въ представленіи, воля не имѣетъ ничего общаго. Однимъ словомъ, *воля и представленіе, оба имѣютъ не пространственную природу, такъ какъ только представленіе полагаетъ идеальное пространство и только воля чрезъ реализацію представленія творитъ реальное пространство.* Отсюда слѣдуетъ, что и атомная воля или атомная сила не можетъ быть *ничѣмъ пространственнымъ*, такъ какъ она есть *extensione prior*, какъ говорить Шеллингъ.

Это можетъ для обыкновеннаго взгляда показаться сначала страннымъ, но странность исчезнетъ, если мы вспомнимъ о пространственныхъ дѣйствіяхъ воли въ организмахъ. Воля двигаетъ во мнѣ извѣстныя молекулы такимъ образомъ, что чрезъ распространеніе тока и приложеніе полярныхъ силъ въ нервахъ и мускулахъ моя рука поднимаетъ центнеръ. Воля такимъ образомъ непосредственно произвела извѣстныя *пространственныя перемещенія*, которыя хотя неизвѣстны намъ въ точности, но о которыхъ мы можемъ сказать, что *направленія ихъ ни какъ не сходятся въ общей точкѣ пересѣченія, а, вѣроятно, представляютъ вращенія извѣстнаго числа молекулъ вокругъ ихъ оси.* Движеніе происходитъ этимъ именно образомъ потому, что безсознательное представленіе, составляющее содержаніе воли, идеально содержитъ именно этотъ родъ движенія. Если бы же это представленіе содержало идеально такія движенія, которыя пересѣкались бы въ общей точкѣ, то воля реализировала бы и эти движенія, что мы и видимъ въ *атомной воли*. Такимъ образомъ очевидно,

что общая точка пересѣченія всѣхъ проявленій атомной воли есть нѣчто *чисто идеальное*, или, лучше бы сказать, *воображаемое*; и называть ее *спдалищемъ* воли или силы можно лишь очень не точно: ибо единственно пространственное, что здѣсь есть, это проявленія силы, которыя однако никогда *не достигаютъ* общей точки пересѣченія, такъ какъ она всегда лежитъ на ихъ *идеальномъ* продолженіи. Не смотря на то, эта точка должна быть *опредѣленной* по отношенію ко всѣмъ другимъ (ибо въ самомъ пространствѣ *вообще нѣтъ* никакой опредѣленной точки), такъ какъ только въ этомъ случаѣ положеніе динамическихъ *дѣйствій* (проявленій) относительно другъ друга можетъ быть опредѣленнымъ, т. е., такимъ образомъ разстояніе идеальной точки пересѣченія отъ всѣхъ подобныхъ точекъ пересѣченія будетъ *опредѣленнымъ*. Отсюда естественно слѣдуетъ, что это разстояніе можетъ измѣняться, т. е., что точка подвижна.

Что же такимъ образомъ происходитъ въ дѣйствительности, когда двѣ притягательныя силы взаимно приближаются? Во первыхъ притяженіе *возрастаетъ*; во вторыхъ ихъ дѣйствія на всѣ лежащія на сторонѣ атомы *измѣняютъ свое направленіе* такъ, что ихъ наличныя идеальныя точки пересѣченія должны быть мыслимы сблизившимися. Первое и второе измѣненіе находится въ такомъ отношеніи, что притяженіе возрасло въ n^2 раза, если измѣненіе разстоянія между точками пересѣченія, произшедшее отъ измѣненія въ направленіи боковыхъ дѣйствій силъ, выражается черезъ n . Такимъ образомъ *реальное* суть всегда только *дѣйствія силы* съ извѣстными *направленіемъ* и *напряженіемъ*, а также измѣненія этого направленія и напряженія, тогда какъ точки пересѣченія суть и остаются чѣмъ то *идеальнымъ*. Первые два элемента, какъ представленіе, составляютъ содержаніе атомной воли; и теперь понят-

но, какъ сама воля можетъ быть чѣмъ то не пространственнымъ и нисколько не имѣетъ надобности обитать въ идеальной точкѣ пересѣченія и съ нею вмѣстѣ перемѣщаться, между тѣмъ какъ реализаціи содержанія воли имѣютъ пространственную природу и общую идеальную точку пересѣченія, положеніе которой относительно другихъ такихъ же идеальныхъ точекъ пересѣченія опредѣленно и неизмѣнимо.

Здѣсь могъ бы быть поднятъ вопросъ: имѣютъ ли атомы сознание? Но я думаю, что для рѣшенія этого вопроса слишкомъ недостаетъ данныхъ, такъ какъ мы почти ничего не знаемъ о родѣ и степени движенія, необходимыхъ для произведенія сознанія или перехода за порогъ ощущаемости. Съ опредѣленностью же можемъ утверждать, что, если матерія имѣетъ сознание, то не иначе, какъ атомистическое, и что между сознаніемъ отдѣльныхъ атомовъ невозможно никакое общеніе. Поэтому рѣшительно невозможно говорить о сознаніи кристалла или небснаго тѣла, ибо въ неорганическихъ тѣлахъ развѣ только каждый атомъ въ отдѣльности можетъ имѣть сознание. Понятно, что такое атомное сознание по бѣдности содержанія должно бы было занимать возможно низшую степень. Лейбницъ, ничего не знавшій о феноменѣ порога ощущаемости, считалъ основательнымъ изъ закона непрерывности (*natura non facit saltus*) и аналогіи (*σύμφοια πάντα*) выводить для каждой, даже самой низшей монады извѣстную степень сознанія. Но закономъ порога основаніе Лейбница уничтожается. Если, на примѣръ, постепенно сжимать углекислый газъ, то онъ будетъ занимать все меньшее и меньшее пространство, оставаясь однакоже все еще газомъ; но вдругъ достигается такая точка, гдѣ онъ уже болѣе не сжимаемъ, а становится жидкимъ; это есть, такъ сказать, порогъ газообразнаго состоянія. Точно также, можетъ быть, и въ степенномъ ряду недѣлимыхъ или

монадъ сознаніе сначала становится все бѣднѣе и бѣднѣе, оставаясь еще сознаніемъ, пока вдругъ не достигается такая точка, гдѣ убываніе оканчивается и сознаніе прекращается, такъ какъ перейденъ порогъ ощущенія. Но кто можетъ съ достовѣрностью указать эту точку въ природѣ?

Въ заключеніе мы должны разсмотрѣть вопросъ, должны ли мы, при теперешнемъ нашемъ пониманіи атомовъ, какъ актовъ воли, смотрѣть на нихъ какъ на *многія* субстанціи или же какъ на проявленія *одной* субстанціи, т. е. соотвѣтствуетъ ли каждому атому отдѣльная, самостоятельная субстанціальная воля—разумѣется, снабженная отдѣльною способностью представленія, или же въ основѣ этихъ многихъ другъ на друга дѣйствующихъ актовъ лежитъ единственная, тождественная воля. Послѣ того какъ мы признали пространственно-реальнымъ лишь противодѣйствіе актовъ, сами же силы поняли какъ нѣчто абсолютно непространственное, исчезаетъ всякое основаніе раздроблять волю и представленіе въ вѣчно-непространственномъ на безчисленное множество отдѣльныхъ субстанцій, а напротивъ невозможность взаимодѣйствія такихъ изолированныхъ и несоприкасающихся субстанцій заставляетъ принять, что атомы, какъ и всѣ недѣлимые вообще, суть лишь объективно реальныя проявленія или выраженія всеединого, въ которомъ, какъ общимъ корнѣ, могутъ находить свое посредство ихъ реальныя взаимоотношенія (ср. слѣдующія главы).

ГЛАВА V.

Понятіе индивидуальности.

Что такое индивидуумъ? Многіе индивидуумы низшаго порядка могутъ входить въ индивидуумъ высшаго. Подтверждение этого положенія на духовно-сознательныхъ индивидуумахъ. Подтверждение его въ материальныхъ индивидуумахъ. Что такое организмъ? Наинизшій органическій индивидуумъ. Индивидуальность простой вещи. Индивидуумы въ неорганической природѣ. Отношеніе сознательнаго индивидуума къ материальному. Познаніе объ относительности понятія индивидуума. Ученіе Лейбница о монадахъ, комплексъ монадъ и предустановленной гармоніи. Безсознательное приводитъ въ образованіи высшаго индивидуума изъ низшихъ.

Individuum (также, какъ и атомъ) значитъ недѣлимое, а между тѣмъ всякій знаетъ, что индивидуумы могутъ быть разрѣзаны и дѣлимы. Значитъ, подѣ индивидуумомъ должно разумѣть нѣчто, что по своей природѣ не можетъ быть дѣлимо, если оно должно остаться тѣмъ, что оно есть;—но это есть понятіе единства, по гречески *μονας* (что не должно смѣшивать съ числительнымъ одинъ—*ἓν*). Отсюда, повидимому, понятія единства или монады и индивидуума совпадаютъ, но очевидно, что понятіе единства шире, чѣмъ индивидуума, т. е. всякій индивидуумъ есть единство, но не всякое единство есть индивидуумъ. Такъ, напр., всякая сложная фигура, вслѣдствіе непрерывности занимаемаго ею пространства, есть единство, которое нельзя раздѣлить не уничтожая его, а между тѣмъ мы не станемъ называть индивидуумомъ случайное единство фигуры, напр., комка земли. Далѣе всякое движеніе или всякое событіе, вслѣд-

ствіе непрерывности времени, есть единство, напр., тонъ; но это не есть индивидуумъ. (Ср. Kirchmann, Philosophie des Wissens, Bd. 1, S. 131—141, 285—307.) Единство совмѣщенія или взаимнаго сопроникновенія, какое бываетъ напр. въ смѣсяхъ цвѣтовъ, вкусовъ и запаховъ или единство различныхъ свойствъ въ одной и той же вещи, сводится частію на *совмѣстность*, частію на *современность* различныхъ качествъ, частію на послѣдовательность *причиннаго* единства, слѣдовательно, не можетъ быть разсматриваемо какъ особый родъ единства.

Единство причинныхъ отношеній есть самое сильное, какое только можетъ быть; оно представляетъ три вида: 1) единство въ слѣдствіе однородности причины (напр., при различныхъ воспріятіяхъ отъ одной вещи); 2) единство въ слѣдствіе однородности цѣли (напр., при различныхъ приспособленіяхъ глаза для зрѣнія); 3) единство въ слѣдствіе взаимодѣйствія частей, такъ что отправления каждой части служатъ причиною жизни другой части. Но и этихъ единствъ не достаточно для понятія индивидуальности. Такъ никто не назоветъ индивидуумомъ единство воспріятій, относящихся къ одной вещи, какъ причинъ ихъ, никто не назоветъ индивидуумомъ сумму рабочихъ, дѣйствующихъ для одной цѣли, напр., для постройки зданія, или сумму колоній и метрополію, когда онѣ поддерживаютъ взаимно существованіе другъ друга, доставляя съ одной стороны суровье, а съ другой обработанныя произведенія.

Точно также не годятся для установки понятія индивидуальности внѣшніе признаки, въ которыхъ видятъ основу этого понятія, напр., происхожденіе отъ одного яйца или сѣмени. Тогда всѣ плакучія ивы въ Европѣ были бы однимъ индивидуумомъ, ибо исторически можно доказать, что онѣ произошли посредствомъ отводковъ отъ одного дерева, вывезеннаго изъ Азіи въ Англію, слѣдовательно, всѣ отъ одного сѣмени; тогда вы-

росшій изъ одного яйца полипнякъ нужно считать индивидуумомъ и не считать таковымъ отдѣльнаго полипа. Точно также не можетъ быть признакомъ индивидуума типическая идея породы, ибо она есть идея *нормальнаго индивидуума*, представляющаго породу и свободнаго отъ случайныхъ особенностей: эта идея пріобрѣтается путемъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ всѣхъ индивидуумовъ и отбрасыванія всѣхъ частныхъ. Значитъ, уже нужно *имѣть* признакъ индивидуума для того, чтобы сравнивать многіе индивидуумы и выдѣлать идею нормальнаго типа. Слѣдовательно, этотъ типъ не можетъ быть обратно признакомъ индивидуума, ибо это значило бы вращаться въ кругу. Кромѣ того мы знаемъ несомнѣнныхъ индивидуумовъ, которые или вовсе не выражаютъ идеи породы, или выражаютъ не полно. Такъ въ идею растенія входятъ корни, въ идею полипа щупальца, а между тѣмъ отрѣзанная вѣтка или часть полипа безъ корней или щупальцевъ могутъ продолжать жизнь самостоятельно такъ, что нельзя отрицать ихъ индивидуальности.

Возвратимся опять къ понятію единства. Здѣсь мы видимъ, что всѣ вышеозначенные виды единства, отдѣльно взятые, слишкомъ широки и недостаточны для ограниченія понятія индивидуальности, но что связь всѣхъ этихъ единствъ вмѣстѣ вполне достаточна для обезпеченія границъ этого понятія. Ясно, что требованіе, чтобы индивидуумъ по своей природѣ не могъ быть дѣлимъ, выполняется только тогда, когда онъ не дѣлимъ не въ томъ или другомъ отношеніи, но во *всѣхъ возможныхъ* отношеніяхъ, т. е. когда онъ соединяетъ *всѣ возможные* виды единства. Не трудно видѣть, что вышеуказанные пять видовъ единства суть дѣйствительно всѣ возможные и единственно возможные, ибо ими исчерпываются три субъективно - объективныя формы: пространство, время и причинность.

И такъ мы приходимъ къ удовлетворительному опредѣленію индивидуума. Индивидуумъ есть такая вещь, которая соединяетъ въ себѣ всѣ пять возможныхъ единствъ: 1) *пространственное* единство (фигура), 2) *временное* единство (непрерывность дѣйствія), 3) единство (внутренней) причины, 4) единство *цѣли* 5) единство *взаимодѣйствія* частей другъ на друга (конечно, если эти части есть въ наличности). Такъ при недостаткѣ единства фигуры нѣтъ и рѣчи объ индивидуумѣ, не смотря на поразительное присутствіе прочихъ единствъ, напр., въ роѣ пчель. При недостаткѣ непрерывности дѣйствія, какъ у замершей и потомъ оттаявшей рыбы, или у засохшей и потомъ отмокшей инфузоріи хотя и существуетъ единство вещи, но я счелъ бы ошибочнымъ говорить объ единствѣ индивидуума. Само собою разумѣется, что у индивидуума не должно быть недостатка въ трехъ причинныхъ единствахъ.

Весьма важно для понятія индивидуума, что ни одно изъ этихъ единствъ не есть нѣчто абсолютно неподвижное, извнѣ замкнутое, но каждое можетъ заключать въ себѣ низшія единства того же рода, а также *быть* *обнимаемо* высшимъ единствомъ вмѣстѣ со многими себѣ подобными. Тщетно старались бы мы искать законченности для какого либо вида единства: всегда мыслимы высшія единства, въ которыя это единство входитъ, такъ что все въ концѣ концовъ примиряется въ единствѣ міра, а это послѣднее можетъ исчезать въ метафизическомъ единствѣ различныхъ координированныхъ міровъ, недоступныхъ нашему познанію. Если это имѣетъ силу для понятія единства, то имѣетъ ее и для понятія индивидуума; значитъ, и для него законченность и неподвижная особность есть только призракъ. Этотъ призракъ является поверхностному взгляду въ слѣдствіе того, что индивидуумъ возникаетъ только путемъ сочетанія *всѣхъ* вышеупомянутыхъ единствъ. Но если же

многіе индивидуумы должны заключаться въ индивидуумѣ высшаго порядка, то для того нужно совпаденіе *всѣхъ* этихъ видовъ единства какъ въ индивидуумахъ низшаго, такъ и въ индивидуумѣ высшаго порядка. Если же напротивъ въ первыхъ или въ послѣднемъ недостаетъ какого либо вида единства, то хотя и остается подчиненіе прочихъ *единствъ* высшимъ единствамъ, но нѣтъ того, чтобы многіе *индивидуумы* обнимались однимъ высшимъ. Даже Спиноза, монистъ чистѣйшей воды, говоритъ (Eth. Th. 2, Satz. 7, Post. 1.): „человѣческое тѣло состоитъ изъ многихъ индивидуумовъ различной природы, изъ которыхъ каждый очень сложенъ“, Лейбницъ же въ своей монадологии развиваетъ далѣе эту идею.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только матеріальныя индивидуумы, теперь обратимся къ духовнымъ, которые никакъ не совпадаютъ съ первыми и въ которыхъ дѣло обнаруживается яснѣе. Вообще еслибъ давно рѣшились на отдѣльное изслѣдованіе матеріальныхъ и духовныхъ индивидуумовъ, то понятіе индивидуальности значительно очистилось бы отъ путаницы, какая въ немъ царствуетъ теперь.

Въ этомъ случаѣ мы опять таки различаемъ сознательно духовныя и безсознательно духовныя индивидуумы; и пока рѣчь будетъ о первыхъ. Еще Локкъ высказалъ, что тождество личности основано исключительно на тождествѣ сознанія; и позднѣйшіе философы охотно согласились съ этой истиною. Значитъ, единство духовнаго индивидуума основано на единствѣ сознанія, о чемъ была рѣчь выше. (гл. II). Слѣдовательно, только въ силу того, что сознаніе двухъ представленій, отдѣленныхъ въ мозгу временемъ или пространствомъ, примиряется въ общемъ сознаніи сравненія, т. е., въ немъ находятъ свое высшее единство, только въ силу этого факта становится возможнымъ, что субъектъ или

инстинктивно предполагаемая причина того или другого представлѣнія признается однимъ и тѣмъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ оба представлѣнія относятся къ общей внутренней причинѣ (я). Доколѣ идетъ единство сознанія, доколѣ идетъ единство душевныхъ явленій посредствомъ причиннаго отношенія къ общему субъекту, только дотолѣ простирается и духовно-сознательный индивидуумъ. Но мы знаемъ, что въ подчиненныхъ нервныхъ центрахъ людей и животныхъ происходятъ сознательные духовные процессы, которые въ каждомъ центрѣ, въ слѣдствіе достаточной проводимости, связываются во внутреннее единство; значитъ, въ такихъ единствахъ мы необходимо должны будемъ признать духовные индивидуумы. На это нельзя возразить тѣмъ, что эти нервные центры стоятъ въ духовномъ отношеніи слишкомъ низко, чтобы придти къ самосознанію, къ я. Это я, вѣдь, только *инстинктивно* подкладываетъ, т. е. ему вовсе нѣтъ нужды выступать въ видѣ самосознанія: вѣдь, это только говорится такъ, какъ будто бы самосознаніе существовало въ отдѣльности и какъ будто всѣ дѣйствія относятся къ я. Вышеуказанное внутреннее единство видимъ мы уже у самыхъ низшихъ животныхъ и растеній и называемъ съ точки зрѣнія животной психологіи самоощущеніемъ: значитъ, ничто не мѣшаетъ низшіе нервные центры считать за носителей сознательно духовныхъ индивидуумовъ. Но если мы далѣе знаемъ, что ощущенія различныхъ нервныхъ центровъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ могутъ сливаться въ одномъ сознаніи, что въ большей или меньшей степени постоянно обнаруживается въ общемъ чувствѣ, то неизбѣжно должны признать это единство сознанія за высшій духовный индивидуумъ, заключающій въ себѣ низшіе индивидуумы. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что собственно дѣятельныя части бѣлыхъ нервныхъ волоконъ, кото-

рыхъ назначеніе состоитъ въ простой проводимости, а именно ихъ осевые цилиндры суть одно и тоже съ сѣрой массой, а что бѣлый видъ обусловленъ только мозговою мякотью, которой назначеніе изолировать волокну и которая лежитъ между осевымъ цилиндромъ и оболочкой волокна, то мы не можемъ уйти отъ вывода, что и дѣятельныя части бѣлой нервной массы тоже имѣютъ нѣкотораго рода собственное сознаніе тѣхъ колебаній, которыя онѣ только проводятъ, выполняя тѣмъ свое назначеніе въ экономіи цѣлаго. Точно также сокращающіяся мускульныя волокна, или измѣняющіяся подъ влияніемъ нервныхъ возбужденій отдѣлительныя оболочки несомнѣнно имѣютъ нѣкоторое ощущеніе этихъ фактовъ (т. е. сокращеній и измѣненій), такъ какъ они приспособлены проводить возбужденныя нервныя колебанія за границу нервныхъ волоконъ къ сосѣднимъ частямъ. (Такъ по Энгельману перистальтическія движенія мочеочника суть самостоятельныя функціи гладкихъ (*ungestreiften*) мускуловъ его стѣнокъ). Если же мы далѣе вспомнимъ результаты III гл., гдѣ мы пришли къ клѣточному сознанію въ растеніяхъ, то не далеко и до признанія, что животныя клѣточки, которыя, пожалуй, выше растительныхъ по организаціи, также имѣютъ отдѣльное сознаніе, признанія, для котораго ниже мы найдемъ дальнѣйшія подкрѣпленія. Достоверно, что животныя клѣточки по большей части столь же самостоятельно живутъ, растутъ, размножаются и доставляютъ свой специфическій взносъ для жизни цѣлаго организма, какъ и растительныя: почему жъ бы при этой самостоятельной жизни имъ не имѣть и самостоятельнаго ощущенія? Виргофъ говоритъ: (Целлюлярная Патологія 3 изд. стр. 105) „только представляя питаніе элементовъ ткани, какъ результатъ ея самостоятельной дѣятельности (притяженія), мы поймемъ, что отдѣльныя области обезпечены отъ ежеминутнаго пере-

полненія кровью и что, скорѣе, подлежащій матеріаль воспринимается частями только по мѣрѣ дѣйствительной надобности и при томъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы вообще одна часть не пользовалась имъ въ ущербъ другой на все время, пока предстоитъ возможность общей жизни.“ Если эта самостоятельная дѣятельность клѣточки важна для *полученія* питательнаго матеріала, то тѣмъ важнѣе она для его химическаго и формальнаго преобразованія. Далѣе есть цѣлыя большія области въ животномъ тѣлѣ (кости, зубы и пр.), лишенные нервовъ и сосудовъ, а однако въ нихъ также, какъ и у растеній, происходитъ сокообращеніе; въ нихъ также есть жизнь и размноженіе клѣточекъ безъ нервнаго возбужденія. Если животныя клѣточки, подобно растительнымъ, способны къ такимъ индивидуальнымъ дѣйствіямъ, то почему же бы имъ, подобно тѣмъ, не быть носителями индивидуальнаго сознанія. Разница, вѣдь, только въ томъ, что въ животномъ *стусеивается* значеніе сознанія клѣточныхъ индивидуумовъ передъ индивидуальнымъ сознаніемъ высшихъ порядковъ, а въ растеніи *существенно важно* это сознаніе клѣтокъ, ибо тамъ только въ извѣстныхъ особенно чувствительныхъ и привилегированныхъ частяхъ, какъ цвѣтки и т. д., могутъ имѣть какое либо значеніе сознательные индивидуумы высшаго порядка.

Еслибы вопросъ о сознаніи атомовъ могъ когда либо быть разрѣшенъ утвердительно, то они были бы исключительно сознательные индивидуумы самаго низшаго порядка. И такъ, убѣдившись въ наслоеніи и взаимномъ сопроникновеніи духовно-сознательныхъ индивидуумовъ высшаго и низшаго порядка поищемъ такого же и въ *матеріальныхъ*.

Виргофъ говоритъ (Vier Reden über Leben und Kranksein, II über Atome und Individuen S. 62): „Одинъ считаетъ за индивидуумъ цѣлое растеніе, дру-

гой вѣтвь или отпрыскъ, третій листъ или почку, четвертый клѣточку, и каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ на себя важныя основанія.“ Конечно, каждый изъ четверыхъ правъ, считая то или другое за индивидуумъ, но онъ не правъ, когда оспариваетъ мнѣнія другихъ ибо здѣсь дѣло не заключается въ *или, или*, а въ *столько же, какъ и*. Цѣлое растеніе столько же, какъ и всякая вѣтвь и отпрыскъ, какъ и всякій листъ, какъ и всякая клѣточка, соединяетъ въ себя всѣ единства, необходимыя для индивидуальности. Но было бы совершенно ложно и вполнѣ несостоятельно считать пространственную отдѣльность и отграниченность за условіе индивидуальности; иначе сросшіеся внѣшнимъ образомъ въ какомъ либо мѣстѣ кожи (вспомнимъ о шестидесятилѣтнихъ теперь Сіамцахъ) близнецы должны быть принимаемы за одинъ индивидуумъ, что было бы очень недѣло. Точно также неосновательно требовать для самостоятельнаго существованія индивидуума отсутствія поддержки со стороны другихъ индивидуумовъ (представимъ себѣ, что случилось бы съ младенцемъ человѣческимъ и молодымъ животнымъ, еслибы не пеклись о нихъ родители).

То срастаніе, которое въ высшихъ организмахъ считается слѣдствіемъ ненормальной зародышевой жизни, въ низшихъ является типическимъ закономъ. Одноклѣточная водоросль, *Pediastrum Rotula*, въ взросломъ состояніи всегда является клѣточнымъ комплексомъ или колоніей изъ 1-й срединной и 7-ми перифирическихъ клѣточекъ, причемъ, вслѣдствіе распадена этихъ клѣточекъ тоже на осьми-клѣточные фигуры, образуется обширная колонія, представляющая какъ бы одинъ индивидуумъ. Тоже представляетъ полипнякъ, гдѣ и каждое животное индивидуумъ, и цѣлый полипнякъ индивидуумъ. Кто приписываетъ индивидуальность дубу, долженъ признать ее и за полипнякомъ.

Шаровидная кружилка, *volvox globator* (хотя и не принадлежит къ коралламъ) есть полипнякъ, образующійся изъ многихъ отдѣльныхъ маленькихъ животныхъ, которыя, сидя на поверхности шара, соединены только перообразными трубочками. „Если впустить не много синей или красной краски въ воду подъ микроскопъ, то явственно увидишь сильное теченіе по окружности шара. Это теченіе есть слѣдствіе общей дѣятельности всѣхъ отдѣльныхъ животныхъ, которыя, подобно стадамъ звѣрей, вереницамъ птицъ и даже поющимъ или танцующимъ людямъ и народнымъ массамъ, подчиняются общему ритму и общему направленію, безъ всякаго распорядка и безъ яснаго сознанія произвола. Такъ плаваютъ всѣ полипняки; и какъ увлекающійся, такъ и спокойно мыслящій естествоиспытатель увидитъ въ этомъ явленіи общественное влеченіе, подчиняющееся общимъ цѣлямъ, увидитъ состояніе, обуславливаемое духовною дѣятельностью, которую неосновательно было бы считать очень незначительною. Никогда не должно забывать, что всѣ отдѣльныя маленькія животныя обладаютъ органами ощущенія, которые можно сравнить съ глазами и что, слѣдовательно, они не слѣпо кружатся въ водѣ, а въ качествѣ гражданъ великаго міра, хотя и мало доступнаго нашему уму, дѣлать съ нами—какъ бы мы ни кичились своимъ превосходствомъ,—радости богатаго ощущенія бытія.“ (Эренбергъ въ своемъ большомъ трудѣ объ инфузоріяхъ стр. 69).

Эти слова замѣчательны тѣмъ, что показываютъ, какъ прямодушный великій естествоиспытатель, подъ вліяніемъ простыхъ фактовъ, признаетъ инстинктъ массъ и живую духовную жизнь на столь низкой ступени животнаго царства.

Въ средиземномъ морѣ Карлъ Фогтъ (*Recherches sur les animaux inférieurs de la Méditerranée*) наблюдалъ надъ однимъ родомъ плавающихъ полиповъ, гдѣ развив-

шійся изъ яйца молодой полипъ, свободно плаваетъ въ морѣ. На верхней части его образуется наполненный воздухомъ пузырь, способствующій передвиженію полипа; въ нижней части постепенно вырастаетъ множество щупальцевъ и хватательныхъ нитей съ стрекательными органами; между тѣмъ самый стволъ полипа всё удлиняется и внутри его проходятъ трубки. Изъ ствола показываются почки: изъ нихъ однѣ превращаются въ колоколообразные плавательные органы, способствующіе передвиженію; другія въ новыхъ полиповъ, которые, обладая ртомъ, не только собираютъ, но и перевариваютъ пищу, окончательно поступающую въ общую трубку ствола; третьи получаютъ медузообразный видъ и образуютъ яйца, изъ которыхъ опять выходятъ свободно плавающіе полипы. (Нѣкоторые полипы съ длинными чувствующими осязательными нитями представляютъ чувственные органы или интеллектъ этого государства). „Что тутъ индивидуумъ, спрашиваетъ Вирховъ! Молодой полипъ является намъ сначала простымъ, но изъ него, подобно растенію, образуется стволъ. Стволъ выпускаетъ хватательныя нити, на подобіе корней, но онѣ произвольно двигаются и ловятъ добычу. Въ стволѣ образуется пищевой каналъ, но, какъ и у растенія, нѣтъ рта, безъ котораго каналъ бесполезенъ. Стволъ, подобно растенію, выпускаетъ почки и отпрыски, но каждая почка имѣетъ особое назначеніе, которое и выполняетъ съ видомъ вполне самостоятельной дѣятельности: одни вѣтви или отпрыски, одаренные самостоятельнымъ движеніемъ, заботятся о принятіи и перевариваніи пищи для цѣлаго; другіе о воспроизведеніи. Туловище ничто безъ членовъ; и члены ничто безъ туловища“. (Vier Reden S. 65—66). Кто настаиваетъ на или—или, того, конечно, такой примѣръ долженъ привести въ отчаяніе; но мы въ отдѣльныхъ членахъ видимъ индивидуумовъ: отчасти полиповъ, отчасти ме-

дузь; а въ цѣломъ индивидуумъ высшаго порядка, который включаетъ въ себѣ всѣ эти индивидуумы. Если что мѣшаетъ намъ признать въ пчелиномъ ульѣ или муравейникѣ индивидуумъ высшаго порядка, такъ это только недостатокъ пространственнаго единства, т. е., непрерывности фигуры. Въ нашемъ же случаѣ это единство на лицо, а потому индивидуальность неоспорима. Такія явленія, гдѣ отъ первоначальнаго индивидуума, морфологически принадлежащаго къ одному роду, происходятъ фізіологическія образованія, относящіяся къ разнымъ родамъ, весьма распространены въ растительномъ и животномъ царствахъ и носятъ имя *полиморфизма* (уже дѣленіе на полы подходитъ подъ это понятіе).

Въ полипникахъ мы встрѣчаемъ одинъ и тотъ же принципъ *раздѣленія труда*, что въ ульѣ и муравейникѣ: только въ первыхъ различныя функція распредѣляются на различныя съ односторонними способностями органы, а въ послѣднихъ на раздѣльные индивидуумы, которые представляютъ отъ 3 — 5 различныхъ стадій развитія. Тотъ же принципъ проведенъ и въ высшихъ растеніяхъ, гдѣ на корни возложено воспринятіе пищи, на листья дыханіе, на цвѣтки размноженіе, тогда какъ стволъ или стебель даетъ поддержку и связь для цѣлаго, подобно центральному стволу въ плавающей колоніи полиповъ. Какъ въ общинѣ пчелъ половая дѣятельность олицетворена въ трутняхъ и царицѣ, такъ и въ двудомныхъ растеніяхъ одно производитъ только мужскіе, другое только женскіе цвѣтки. Неужели же въ однодомныхъ растеніяхъ, гдѣ и тѣ и другіе цвѣтки сидятъ на одномъ растеніи, эти цвѣтки суть не индивидуумы, потому только, что они соединены пространственно посредствомъ другихъ частей растенія?

Когда коралловый полипъ изъ какой либо боковой почки выпускаетъ себѣ подобный отпрыскъ, который

лучистымъ строеніемъ своихъ щупалецъ обнаруживаетъ самостоятельную ось, то мы не затрудняемся принять этотъ отпрыскъ за индивидуумъ. Но если тоже самое дѣлаетъ молодое растеніе, то должно ли тогда отказать въ индивидуальности его выросшей сбоку самостоятельной оси? Нѣтъ; въ индивидуумѣ одного растенія должно признать, по *крайней мѣрѣ*, столько же индивидуумовъ ближайшаго низшаго порядка, сколько оказывается у растенія *самостоятельныхъ осей*. Можно идти далѣе и смотрѣть какъ на индивидуумъ втораго низшаго порядка на каждый листъ или клѣточку точно также, какъ у человека можно видѣть индивидуумъ въ каждомъ волосѣ съ его корнемъ. Руководясь началомъ раздѣленія труда, можемъ мы взглянуть иными глазами даже на системы, которыя уже въ пчелиномъ ульѣ, у высшаго растенія и въ плавающемъ полипнякѣ представляются намъ въ довольно спеціализированномъ обособленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ наибольшей внутренней связи и сращеніи, а именно, на системы питанія, перевариванія пищи, дыханія и воспроизведенія и т. д. у высшихъ животныхъ и человека. Мы можемъ взглянуть теперь на эти системы, какъ на индивидуумы, хотя ихъ взаимное сопроникновеніе, ихъ поглощеніе другъ въ другъ и сращеніе другъ съ другомъ до того представляется неразрывнымъ, что мы, имѣя въ виду ихъ тѣсную кооперацію, обыкновенно не обращаемъ вниманія на ихъ относительную самостоятельность. Тѣмъ болѣе, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ индивидуальности тамъ, гдѣ она обезпечена нѣкоторыми пространственными предѣлами, какъ на примѣръ въ органахъ чувствъ.

Весьма важно для насъ остановиться на патологическомъ понятіи *паразитизма*. Предоставимъ говорить за себя авторитету въ этой области, профессору Вирхову: (Целлюлярная Патологія стр. 427—428) „пусть вспомнятъ

однако, что паразитизмъ только *по степени* имѣеть иное значеніе, чѣмъ понятіе объ автономіи каждой части тѣла. Каждая отдѣльная эпителиальная или мускульная клѣточка ведетъ относительно къ остальному тѣлу нѣкоторый родъ паразитнаго существованія, точно также какъ и всякая отдѣльная клѣточка дерева имѣеть особое ей только принадлежащее существованіе относительно другихъ клѣточекъ тогоже дерева и отнимаетъ у другихъ элементовъ извѣстный матеріаль нужный для ихъ потребностей—(цѣлей). Понятіе паразитизма въ тѣсномъ смыслѣ слова развивается изъ этого понятія самостоятельности отдѣльныхъ частей. На сколько для потребностей остальныхъ частей необходимо существованіе одной части, на сколько она тѣмъ или другимъ образомъ полезно для нихъ, на столько же и не говорятъ о паразитизмѣ: но онъ тотчасъ же выступаетъ на сцену, какъ скоро какая либо часть становится чуждой или же вредною для остального тѣла. Значить, понятіе паразитизма было бы съужено, если разумѣть подъ нимъ только одни наросты; оно обнимаетъ всѣ пластическія (образовательныя) формы, преимущественно же гетеропластическія, которыя въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи даютъ не гомологичные продукты, а новообразованія, болѣе или менѣе неподходящія къ составу тѣла (въ этомъ мѣстѣ“). Изъ этой несомнѣнной индивидуальной самостоятельности паразитовъ и изъ чисто степеннаго различія между ними и нормальными образованіями можно обратно заключить и объ индивидуальной самостоятельности послѣднихъ.—Еще яснѣе выступаетъ индивидуальная самостоятельность въ такихъ тканяхъ, которыя даже и морфологически обнаруживаютъ нѣкоторую пространственную обособленность отъ остального тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ самостоятельныхъ функціяхъ продолжаютъ дѣятельность служебную въ отношеніи къ цѣлямъ цѣлаго организма. — Укажу на-

примѣръ на сѣмянные нити. Уже давно прошло то время, когда на сперматозоидовъ смотрѣли, какъ на самостоятельныхъ животныхъ, аналогичныхъ съ внутренними червями безъ рта и желудка, ибо противъ того говорятъ и цѣль ихъ существованія и въ особенности исторія ихъ развитія, но тѣмъ не менѣе нельзя отказать имъ въ индивидуальности. Мы видимъ, что въ разжиженной спермѣ они съеживаются, поворачиваются вокругъ своей оси, вертятъ хвостомъ, протягиваютъ впередъ головку и плаваютъ во всѣхъ направленіяхъ, направляя движеніе винтообразными изворотами хвоста; эти движенія, повидимому, чрезвычайно произвольны у тѣхъ животныхъ, гдѣ наиболѣе трудно оплодотвореніе, т. е., у млекопитающихъ, и просты и правильны у низшихъ животныхъ, гдѣ оплодотвореніе облегчено числомъ, величиною яицъ и мѣстомъ оплодотворенія. Кромѣ того сперматозоиды могутъ довольно долго жить и внѣ спермы, во всякой, — имѣющей теплоту крови, химически безразличной жидкости, если только она гигроскопически не вліяетъ на нихъ разрушительно. Въ женскихъ половыхъ частяхъ млекопитающихъ живутъ они дни и недѣли, а въ сѣмямѣстищахъ, напримѣръ, шмелей и осъ, которыя совокуплялись осенью, живутъ до весны и оплодотворяютъ уже тогда только созрѣвшія яйца. Это указываетъ на высшую степень способности сперматозоидовъ къ самостоятельной жизни по отдѣленіи отъ произведшаго ихъ организма.

Есть инфузоріи (*Amoeba diffluens* и *progesta*), которыя имѣютъ единственную возможность перемѣщенія посредствомъ выдвиганія изъ себя одного или нѣсколькихъ отростковъ. Въ эти отростки стекаетъ содержимое тѣльца животнаго; центръ тяжести мѣняется, и животное переваливается (или переливается) на новое мѣсто. На томъ же основаніи двигаются (по Реклингаузену) гноевые тѣльца, пока они живутъ. Они также

выпускаютъ лучистые придатки и втягиваютъ ихъ назадъ; иногда наблюдали, что полужидкое содержимое клѣточки переливалось въ такой придатокъ. Послѣ этого Конгеймъ доказалъ тождество гноевыхъ тѣлецъ съ обыкновеннѣйшей формой бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, и констатировалъ выступленіе ихъ на мѣстѣ нагноенія. Послѣ Вирховъ наблюдалъ подобныя же явленія движенія въ большихъ хвостатыхъ клѣточкахъ, которыя находятся въ только что вырѣзанномъ хрящевомъ наростѣ; у кровяныхъ шариковъ нѣкоторыхъ животныхъ открыты были движенія еще раньше. Не желая ставить гноевыя тѣльца и другія имъ подобныя образованія въ морфологическомъ, химическомъ и физиологическомъ отношеніи на одну доску съ низшими животными, я всетаки думаю, что они имѣютъ равное право съ послѣдними на индивидуальность. Конечно эти образованія не суть животныя въ зоологическомъ смыслѣ; но всетаки они существа, которыя въ своей средѣ двигаются также цѣлесообразно и съ такими же признаками произвола и ощущенія, какъ и низшія инфузоріи. Что ихъ питаніе приспособлено къ средѣ, такъ это соответствуетъ общему ходу органической природы; а что у нихъ въ силу того же хода нѣтъ ни рта, ни желудка, — такъ это не мѣшаетъ ихъ индивидуальности, ибо есть и животныя, у которыхъ нѣтъ ни того, ни другого.

Новѣйшія открытія относительно перемѣщенія этихъ амёбодныхъ тѣлецъ посредствомъ кровянаго тока въ ткани и обратно, выводятъ процессъ питанія изъ неорганической области въ органическую, ибо, совершенно аналогично съ процессомъ рожденія, *его носители* оказываются *живыми индивидуумами*. Высасывающаяся изъ кишокъ питательная жидкость, поступая въ лимфатическіе сосуды, еще не имѣетъ никакихъ оформленныхъ элементовъ, но обильно получаетъ таковыя изъ лимфатическихъ желѣзъ. Кромѣ того колыбелью подобныхъ

амёбодныхъ элементовъ дѣлаются желѣзы кровяныхъ сосудовъ, особенно же селезенки. Эти элементы черезъ стѣнки кровяныхъ сосудовъ переселяются въ ткани тѣла, просовывая сперва черезъ пору стѣнки сосуда тонкій нитеобразный придатокъ, въ который постепенно стягивается все содержимое тѣльца, если этому процессу ничто не помѣшаетъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Эти отношенія констатированы вполне достоверно, ибо средство этихъ тѣлецъ къ воспріятію тонкихъ частичекъ пигмента облегчаетъ наблюденіе. Въ качествѣ тѣлецъ соединительной ткани проникаютъ они во всѣ органы; и странствованіе клѣточекъ соединительной ткани, окружающей всѣ органы, уже давно извѣстно. Послѣ выполненія своей задачи они черезъ стѣнки кровеносныхъ или лимфатическихъ сосудовъ снова вступаютъ въ кровяной потокъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ ихъ химическихъ различіяхъ передъ описаннымъ входомъ и выходомъ и о преобразованіяхъ, которымъ они подвергаются для участія въ процессѣ питанія. Но всетаки достоверно извѣстно, что красныя кровяныя тѣльца, — носители процесса дыханія въ широкомъ смыслѣ, — происходятъ изъ безцвѣтныхъ. Переходъ изъ одной формы въ другую происходитъ черезъ множество промежуточныхъ ступеней. Хотя красныя шарики и не представляютъ никакихъ замѣтныхъ явленій движенія на своей периферіи, но по изслѣдованію Брюкке, подтвержденному другими извѣстными гистологами, красно-окрашенный амёбодный индивидуумъ краснаго тѣльца (зооидъ) ограниченъ въ своихъ движеніяхъ сферою своей оболочки, состоящей изъ пористой, неподвижной, очень мягкой, безцвѣтной и прозрачной субстанціи (ойкоидъ). Въ нормальномъ состояніи зооидъ занимаетъ весь ойкоидъ и оставляетъ въ центрѣ безцвѣтное ядро, въ водѣ онъ стягивается отъ периферіи къ центру такъ, что первая становится

бездвѣтною, а послѣдній краснымъ, не рѣдко видно, что изъ центра къ периферіи протянуты амѣбOIDные придатки.—Имѣя въ виду эти результаты, свидѣтельствующіе о живой индивидуальности носителей процессовъ питанія и дыханія въ животныхъ организмахъ, естествоиспытатели были вынуждены признать, что возрѣніе на организмъ, какъ на *комплексъ живыхъ первичныхъ существъ*, только одно и можетъ быть оправдано явленіями. Каждое изъ этихъ индивидуальныхъ существъ плавааетъ самостоятельно въ лимфѣ или крови и произвольно выполняетъ свои функціи, сообразно съ собственною индивидуальною природою, а между тѣмъ результаты этихъ функцій такъ органически совпадаютъ, какъ будто бы эти существа находились подъ руководствомъ таинственнаго распорядителя, руководящаго ими по одному плану.

Въ силу этихъ новѣйшихъ удивительныхъ изслѣдованій надъ носителями питанія и дыханія мыслящіе естествовѣды въ ученіи о *клеточкѣ*, какъ элементарной основной формѣ всякаго органическаго строенія, чувствовали себя принужденными къ признанію живыхъ индивидуумовъ *внутри* организма, внѣшнимъ образомъ ограниченнаго. „Всякая жизнь привязана къ клеточкѣ, которая есть не только сосудъ жизни, но и сама живая часть“ (Virchow, Vier Reden S. 54). „Что такое организмъ? Общество живыхъ клеточекъ, маленькое благоустроенное государство, съ надлежащими высшими и низшими властями“ (S. 55). „Жизнь есть дѣятельность клеточекъ, изъ коихъ каждая особая обнаруживаетъ и особую дѣятельность (S. 10). Особенными представляются намъ родъ дѣятельности и устройство органическаго вещества; но эта дѣятельность и устройство похожи на дѣятельность и устройство, знакомые физику въ неоживленной природѣ. Вся оригинальность этого устройства ограничивается только тѣмъ, что на

маломъ пространствѣ скучено большое разнообразіе комбинацій вещества, что каждая клѣточка представляетъ собою очагъ самыхъ тонкихъ воздѣйствій и многообразнѣйшихъ соединеній веществъ другъ съ другомъ, и что этимъ достигаются такіе результаты, которыхъ нигдѣ въ природѣ не встрѣчается инымъ путемъ, ибо нигдѣ не встрѣчается такихъ глубокихъ воздѣйствій“ (стр. 11). „Если мы не хотимъ положить различія между сложными и единичными индивидуумами, то органическія отрасли естествовѣденія или должны отказаться отъ понятія индивидуума или строго связать его съ клѣточкой. Къ первому послѣдовательно должны придти, какъ систематики матеріалисты, такъ и спиртуалисты; къ послѣднему, кажется мнѣ, должно приводить непредубѣжденное реалистическое воззрѣніе на природу, потому что только этимъ путемъ обеспечивается единство понятія жизни черезъ всю область животныхъ и растительныхъ организмовъ“ (стр. 73—74. Вотъ послѣднее слово Вирхова; ясно, что онъ прикасается къ истинѣ; но не имѣетъ смѣлости взять ее рѣшительно.

Какая цѣль того, что организмъ состоитъ вообще изъ микроскопически маленькихъ клѣточекъ? Такъ какъ питаніе должно совершаться посредствомъ эндозмоза, который возможенъ только путемъ тонкихъ твердыхъ стѣнокъ, а такъ какъ цѣлое при этихъ стѣнкахъ должно обладать достаточной прочностью, то оно и должно быть комплексомъ очень маленькихъ клѣточекъ. Въ Цюрихѣ, въ Тифенгофѣ стоитъ старая липа; каждый годъ, одѣваясь своимъ листовнымъ покровомъ, она, по счѣту Негели, производитъ около десяти билліоновъ живыхъ клѣточекъ. Въ крови взрослога человѣка по счѣту Фирордта и Велькера каждую минуту пробѣгаетъ 60 билліоновъ маленькихъ клѣточныхъ тѣлецъ (Virchow S. 55). Итакъ, несомнѣнно, что въ клѣточкѣ мы имѣемъ индивидуумъ, но самая ли низшая степень индиви-

дуумовъ представляется клѣточкой, это еще вопросъ. Въ большинствѣ клѣточекъ мы различаемъ: оболочку, содержимое, ядро (nucleus) и обыкновенно еще ядрышко (nucleolus). Всѣ эти части имѣютъ различныя отправления: на оболочкѣ лежитъ забота о качественномъ и количественномъ приходѣ и расходѣ, nucleolus несетъ на себѣ функцію воспроизведенія или размноженія клѣточекъ (безъ него клѣточки неплодны); nucleus обеспечиваетъ стойкость клѣточки и, вѣроятно, способствуетъ химическимъ преобразованіямъ и продуктамъ внутри клѣточки. Если считать, что эти органы относительно самостоятельны, то нельзя оспаривать ихъ органическую индивидуальность, ибо внутри сферы каждаго изъ нихъ есть органическое взаимодействіе частей для цѣлей предназначенной функціи. Правда, есть клѣточки и безъ ядра, но ихъ функціи очень ограничены и односторонни; и хотя мы, наблюдая черезъ микроскопъ монеръ и другихъ первоживотныхъ, состоящихъ изъ протоплазмы, не можемъ найти никакого морфологическаго дифференцированія въ кажущемся однороднымъ комочкѣ слизи, однако тотъ фактъ, что существенное различіе у монеръ въ процессѣ воспроизведенія и питанія принудило различить ихъ на 7 видовъ, этотъ фактъ уже указываетъ на нѣкоторое внутреннее дифференцированіе. — Если уже въ каплѣ проточной воды плотность ея поверхности больше чѣмъ внутренности и если это различіе въ удивительныхъ размѣрахъ возрастаетъ въ разведенномъ водою бѣлкѣ, то въ капелькѣ или комочкѣ полужидкой протоплазмы оно непременно должно быть, хотя бы плотность на поверхности этой капельки и не достигала такой степени, чтобы стать замѣтною глазу, подобно твердой оболочкѣ клѣточки. (Фаминцынъ недавно хорошо замѣтилъ образованіе оболочки въ каплѣ раствора углекислой извести). Подобно тому, какъ на поверхности есть

незамѣтное уплотненіе, оно можетъ быть и въ срединѣ, но также недоступное глазу. Но при всѣхъ обстоятельствахъ поверхностное уплотненіе должно вести за собою *функциональное* различіе относительно менѣе плотнаго содержамаго, что и обнаруживается въ поглощеніи схваченной добычи: точно также внутреннее уплотненіе центра обуславливаетъ функциональное различіе, что и обнаруживается при возникающемъ изъ внутри дѣленіи. Значитъ, гдѣ, повидимому, недостаетъ клѣточной оболочки и ядра, а между тѣмъ клѣточка явно выполняетъ приличествующія послѣднимъ функціи, тамъ необходимо должно быть нѣчто *аналогичное этимъ органамъ*, хотя и недоступное глазу. Что было бы очень опрометчиво опровергать дифференцированье монеръ на органы только потому, что ихъ не видать, это доказывается аналогіею этого явленія съ только что оплодотвореннымъ яйцомъ. Въ его кажущейся молекулярной однородности должны же быть такія важныя различія, что послѣ развитія его въ ребенка „въ послѣднемъ обнаруживаются самыя тонкія духовныя и тѣлесныя особенности обоихъ родителей. Въ этомъ случаѣ мы въ нѣмомъ изумленіи должны смолкнуть передъ безконечною, непостижимою для насъ тонкостью бѣлковаго вещества“. (Геккель. Естественная исторія творенія 2 Aufl. S. 179).

Вотъ это то недоступное глазу и должно представлять собою низшій органической индивидуумъ. Но въ правѣ ли мы требовать отъ индивидуума, чтобы онъ былъ организмомъ? Несомнѣнно, что пока вещь имѣетъ *части*, пока онѣ стоятъ въ органическомъ взаимодействіи, и тѣмъ обуславливаютъ причинное единство, до тѣхъ поръ она должна быть *организмомъ*, чтобы быть *индивидуумомъ*. Но если она не имѣетъ частей? Вѣдь, внутреннее причинное отношеніе частей въ вещи требуется *только ради* возможно большаго единства ея во всѣхъ направленіяхъ,

слѣдовательно, спрашивается, возможно ли единство когда вещь, по своей природѣ, *проста*, т. е., безъ частей? Единство мѣста, причины и цѣли въ простой вещи дано *eo ipso*, значитъ требованіе взаимодействія частей, составляющее неизбежное зло для сложной вещи, здѣсь счастливо устраняется само собою, ибо всѣ части совпадаютъ въ одну, которая и есть цѣлое; слѣдовательно, единство простоты есть сильнѣйшее единство, чѣмъ единство взаимодействія частей. *Въ томъ же, что понятие единства можетъ считаться неприменимымъ къ простому, бѣды нѣтъ*, ибо мы остановились на этомъ понятіи только отыскивая, что такое индивидуумъ, т. е., *что по своей природѣ не можетъ быть дѣлимо*. Недѣлимость же *простаго по меньшей мѣрѣ столь же несомнѣнна*, какъ и недѣлимость *единствъ*. Но она болѣе несомнѣнна, ибо въ единствѣ при частяхъ всегда мыслима возможность распадѣнія этого единства въ самомъ себѣ, а въ простомъ немыслима.

Самое сильное притязаніе на индивидуальность имѣетъ самая простая вещь,—это атомъ силы состоящій изъ простаго непрерывнаго акта воли. *Кромѣ атомовъ въ неорганическомъ мѣрѣ нѣтъ индивидуумовъ*, ибо все состоящее изъ *многихъ* атомовъ, т. е., изъ частей должно быть *организмомъ*, что бы быть *индивидуумомъ*. Значитъ, неосновательно называть индивидуумомъ гору или кристаллъ; напротивъ небесные тѣла, пока они *живыя*, можно называть индивидуумами, ибо они въ самомъ дѣлѣ организмы. Кто изучитъ взаимодействіе атмосферы земнаго шара и его внутренности черезъ кругооборотъ дождя, взаимодействіе между образованіемъ наслоеній и жизнью низшихъ животныхъ и т. п., словомъ, кто изучитъ геологію, минералогію и вообще экономію природы въ цѣломъ, тотъ не усомнится, что такое живое небесное тѣло, какъ земной шаръ, есть организмъ; тотъ всюду увидитъ, что сущность орга-

низма, сохраненіе и повышеніе формы путемъ перемѣны вещества, проявляется на земномъ шарѣ въ полной мѣрѣ. — Теперь взглянемъ въ какомъ отношеніи стоитъ сознательный индивидуумъ къ матеріальному или, лучше сказать, къ внѣшнему. Несомнѣнно то, что сознательный индивидуумъ только и возможенъ тамъ, гдѣ данъ внѣшній, а не наоборотъ; т. е. *внѣшній индивидуумъ есть условіе, но не достаточное основаніе для сознательнаго индивидуума*: ибо, какъ мы знаемъ, для возникновенія сознанія, нужна извѣстная степень силы матеріальнаго движенія, какой можетъ и не быть во всякомъ внѣшнемъ индивидуумѣ, на примѣръ, иныя клѣточки могутъ быть слишкомъ тверды или жидки по составу для этого условія. О сознаніи большихъ неорганическихъ массъ не можетъ быть и рѣчи, ибо хотя бы ихъ атомы и имѣли свое сознаніе, но оно не достигло бы высшаго развитія по недостатку проводимости. Ясныя слѣды сознанія находимъ мы прежде всего въ *клеточкѣ съ пслужидкимъ содержимымъ* (протисты), которымъ обусловлено какъ возникновеніе сознанія, такъ и его единство.

Относительно скопленія многихъ клѣточекъ въ одинъ высшій индивидуумъ можно еще полагать, что между свѣжими, полными жизни клѣточками есть нѣкоторая хотя и незначительная степень проводимости, по крайней мѣрѣ, между двумя сосѣдними клѣточками; вопросъ только въ томъ, переступаетъ ли раздраженіе за порогъ раздражимости. Если ощущеніе одной клѣточки проводится къ сосѣдней и вызываетъ въ ней тоже ощущеніе, то, конечно, одна клѣточка можетъ вліять на *всякую другую*; даже если такое косвенное вліяніе, ослабляясь вслѣдствіе возрастанія неизбежнаго сопротивленія для проводимости, скоро остается подъ порогомъ раздражимости и не ведетъ къ индивидуальному сознанію цѣлаго скопленія, то все-таки нельзя отрицать нѣ-

которой солидарности въ интересахъ у его частей. Во всякомъ случаѣ различные сознательные индивидуумы только тогда могутъ быть соединены въ сознательный индивидуумъ высшаго порядка, когда соотвѣтствующіе имъ внѣшніе индивидуумы связаны въ индивидуумъ высшаго порядка; ибо необходимая для единства сознанія проводимость матеріи можетъ быть выполнена только высоко-организованною матеріею, что въ свою очередь требуетъ непосредственнаго единства фигуры, органическаго взаимодействія и т. д., словомъ, внѣшняго индивидуума высшаго порядка.

Итакъ, кромѣ внѣшней индивидуальности для индивидуальности сознанія нужны еще три условія: извѣстный *родъ* и извѣстная *сила* матеріальнаго движенія и, у индивидуумовъ высшаго порядка, хорошая *проводимость*. Если недостаетъ одного изъ этихъ трехъ условій, то внѣшнему индивидууму не можетъ соотвѣтствовать сознательный индивидуумъ. Все вышесказанное, кажется, составляетъ необходимое дополненіе къ познанію объ *относительности* понятія индивидуальности. Впрочемъ, это познаніе не новость. Выше мы приводили цитату о немъ изъ Спинозы: оно же было высказываемо и Гёте. Но подробнѣйшее изложеніе этаго познанія находимъ мы у Лейбница, хотя оно существенно отклоняется отъ нашего, такъ какъ у него иное понятіе о тѣлѣ. У Лейбница, именно, всякая монада имѣетъ свое особое, неизмѣнное и неуничтожимое тѣло, служащее для нея границею: этимъ тѣломъ и обусловлена ея конечность. Это тѣло, какъ и душа монады, одно-сторонне понимаемая, не суть субстанціи и между *ними* нѣтъ предустановленной гармоніи, такъ какъ она здѣсь была бы излишнею; но они суть только моменты, — различно направленныя силы одной и тойже простой субстанціи, — монады, которая и есть ихъ естественное единство: въ этомъ и заключается Лейбницево тожде-

ство души и тѣла (мышленія и протяженія). Все таки это не выступающее во внѣ тѣло не есть что либо физическое, а чисто метафизическое; пожалуй, въ известномъ смыслѣ, это Лейбницево представленіе можетъ быть приложимо къ физическимъ атомамъ. Къ счастью, наукой устранено представленіе, что у всѣхъ индивидуумовъ, или монадъ высшаго порядка, *кромѣ* видимого, — составленнаго изъ другихъ монадъ или атомовъ, — тѣла есть еще сверхъчувственное тѣло (представленіе, которое долгое время мерещилось подъ именемъ эфирнаго тѣла); мы теперь знаемъ, что всѣ организмы поддерживаются черезъ *перемѣну вещества*. Но мы не обвиняемъ Лейбница: все таки съ метафизической точки зрѣнія его мысль о тѣлѣ монады довольно состоятельна. Вѣроятно, очь подъ этимъ тѣломъ разумѣетъ способность не матеріальной монады производить *опредѣленные пространственныя дѣйствія*, способность, конечно, принадлежащую всѣмъ монадамъ высшимъ и низшимъ. Эта способность, путемъ особаго *отношенія въ направленіяхъ дѣйствія къ одной точкѣ въ монадахъ, атомахъ* и путемъ комбинацій ихъ, и вызываетъ для внѣшняго чувственнаго воспріятія *призракъ тѣлесности*. Во всякомъ случаѣ весьма неудачно способность дѣйствовать пространственно была названа именемъ тѣла; ибо на это имя можетъ имѣть притязаніе только комбинація пространственныхъ силъ низшаго рода. Но, оставивъ въ сторонѣ это неудачное выраженіе, посмотримъ, какъ понимаетъ Лейбницъ сложеніе монадъ.

Скопляясь, монады образуютъ или неорганической аггрегатъ, или организмъ. Въ организмѣ заключаются высшія и низшія монады; въ аггрегатѣ только низшія; отсюда въ первомъ существуетъ субъ-ординація, во второмъ координація монадъ. Чѣмъ выше по степени организмъ, тѣмъ совершеннѣе другихъ *одна* изъ монадъ, которая носитъ тогда имя центральной монады. У выс-

шихъ монадъ есть ясное и совершенное представленіе о низшихъ, у послѣднихъ наоборотъ неясное и несовершенное представленіе о высшихъ. — „Et une créature est plus parfaite qu'une autre en ce qu'on trouve en elle ce qui sert á rendre raison *a priori* de ce qui se passe dans l'autre, et c'est par là qu'on dit, qu'elle agit sur l'autre. Mais dans les substances simples ce n'est qu'une *influence idéale* d'une Monade sur l'autre (Monadologie № 50, 51, p 709) *) Лейбницемъ отрицается influxus physixus между монадами, ибо онѣ не имѣютъ оконъ (отверстій), черезъ которые что либо могло бы въ нихъ проникать; influxus idealis, принимаемый Лейбницемъ вмѣсто физическаго, состоитъ только въ à prior'номъ совпаденіи того, что монады представляютъ, т. е., въ *предустановленной гармоніи*. Но отношеніе *центральной монады* въ организмѣ къ суммѣ *субординированныхъ монадъ* и есть именно то, что во всѣ времена называли отношеніемъ *души къ тѣлу*; значитъ, предустановленная гармонія существуетъ между *этимъ тѣломъ* и душою.

Отношеніе между душою и сложнымъ измѣнчивымъ тѣломъ Лейбницъ взялъ у *Аристотеля*; это есть отношеніе между *ενεργεια* и *ὑλη*, отношеніе между воспроизводящею себя формою или идеею и матеріаломъ, въ которомъ идея себя воспроизводитъ. Отношеніе же между душою и невидимымъ особеннымъ тѣломъ Лейбницъ взялъ уже у *Спинозы*, у котораго единая субстанція вездѣ является съ двумя неразрывными атрибутами: мышленіемъ и протяженіемъ. Удивительнѣйшимъ обра-

---

*) Одно существо совершеннѣе другаго тѣмъ, что первое *à priori* знаетъ (представляетъ), что происходитъ во второмъ; а это и значитъ, что оно дѣйствуетъ на это второе. Но въ субстанціяхъ простыхъ есть только *идеальное вліяніе* одной монады на другую.

вомъ оба отношенія совпадаютъ въ самой низшей монадѣ, атомѣ; и въ силу простаго приспособленія природы всѣ направленія дѣйствій такой монады сходятся въ одномъ пунктѣ. Къ сожалѣнiю, Лейбницъ недостаточно отдѣлилъ эти оба значенія тѣла и души, дающія поводъ къ смѣшенiю, которое очень часто и вводило другихъ въ заблужденiе.

Для насъ существеннѣе всего въ ученiи Лейбница скопленiе многихъ монадъ или индивидуумовъ въ комплексъ, который (въ качествѣ тѣла) подчиненъ монадѣ или индивидууму высшаго порядка (душѣ). Еслибъ Лейбницу были извѣстны данныя нынѣшней физики, анатомiи, физиологiи и патологiи, то онъ не упустилъ бы развить свою теорiю въ приложенiи къ атомамъ, клеточкамъ и организмамъ: а безъ того это былъ только генiальный взглядъ, которому не доставало опытной опоры. Но съ чѣмъ мы не согласны, такъ это съ искусственною и ненужною гипотезою предустановленной гармонiи, которою вообще уничтожено всяческое реальное дѣйствiе и мiровой процессъ разорванъ на существованiе отдѣльныхъ теченiй представленiй въ изолированныхъ и недѣятельныхъ монадахъ, безъ всякихъ отношенiй между ними. Если Лейбницъ рѣшительно не допускаетъ никакого реальнаго влiянiя монадъ другъ на друга, то и *influxus idealis*, принимаемый на мѣсто *influxus physicus*, есть плохо выбранное и вводящее въ заблужденiе выраженiе. Ибо оно значитъ, что содержанiе цѣпи представленiй каждой монады въ каждое данное время должно извѣстнымъ образомъ соответствовать содержанiю цѣпи представленiй всякой другой монады. Но это соответствiе (гармонiя) никакъ не можетъ проистекать изъ того, что путемъ идеальнаго влiянiя представленiе одной монады опредѣляетъ одновременно представленiе другой, но изъ того, что содержанiе теченiя представленiй отъ вѣка до вѣка для всякой

монады предопредѣлено или предустановлено и именно такъ, что между различными теченіями представленій во всякое время существуетъ нѣкоторое совпаденіе. Но такая предустановленная гармонія есть какой то игрушечный механизмъ и при томъ *безульный*, ибо, напр., если различныя теченія представленій имѣли бы такую различную скорость, что между ними никогда не состоялась бы гармонія; то монады этого не замѣтили бы и оставались бы такими же, какъ и въ другомъ случаѣ. Значитъ, эта теорія, которая уничтожаетъ всякое вліяніе монадъ другъ на друга, слѣдовательно, всякую причинность, никуда не годится. — И такъ, мы отличаемся отъ Лейбница во первыхъ познаніемъ, что органической индивидуумъ высшаго порядка *состоитъ только* въ надлежащемъ единствѣ индивидуумовъ низшаго порядка и что сознательный индивидуумъ вообще происходитъ *только въ силу* взаимодействія извѣстныхъ матеріальныхъ частей органическаго индивидуума съ Безсознательнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что центральная монада или центральный индивидуумъ ни относительно организма, ни относительно сознанія не есть что либо, стоящее *по ту сторону* или внѣ подчиненныхъ монадъ или индивидуумовъ, но что, если въ высшихъ индивидуумахъ и привходитъ нѣчто новое противъ того, что заключалось въ связи низшихъ индивидуумовъ, то это привходящее есть ничто иное, какъ *безсознательный факторъ*, къ вопросу объ индивидуальности котораго мы и обратимся къ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VI.

Все-единство Безсознательнаго.

Единство Безсознательнаго въ явленіяхъ: организма и сознательныхъ индивидуумовъ. Одно ли Безсознательное является всюду или многія? Устраненіе предубѣжденій противъ монизма и различныя доказательства à posteriori и à priori въ пользу единаго Безсознательнаго. Всѣ важнѣйшія религіозныя и философскія системы стремятся къ монизму. Результаты монистическаго принципа въ воззрѣніи на міръ и личность.

Когда мы встрѣчались съ дѣятельностію Безсознательнаго въ органическомъ и сознательномъ индивидуумѣ, то не могли не замѣчать его ясно выраженнаго единства. Но если бы мы, не смотря на то, настоятельно хотѣли видѣть въ волѣ и представленіи *различныя части* одного Безсознательнаго, то всё таки ясно ихъ *взаимодѣйствіе*, которое заявляетъ себя въ явленіяхъ организма и какъ дѣйствующая причина, и какъ единящая эти явленія цѣль. Единство времени соблюдается въ непрерывности дѣйствія; о единствѣ пространства нечего и говорить, ибо мы въ Безсознательномъ имѣемъ дѣло съ непространственной сущностью. Однимъ словомъ, единство Безсознательнаго, какъ оно проявляется въ индивидуумѣ, есть одно изъ сильнѣйшихъ. Но одно ли Безсознательное дѣйствуетъ во всѣхъ организмахъ и сознательныхъ индивидуумахъ; не распадается ли оно, подобно послѣднимъ, на многіе индивидуумы?

Вопросъ этотъ относительно Безсознательнаго не легко рѣшить, ибо здѣсь дѣло идетъ о существѣ, не

подлежащемъ ни внѣшнему опыту, какъ организмы, ни внутреннему, какъ индивидуальное сознание. Никто не знаетъ *прямо* бессознательный субъектъ своего собственнаго сознанія; онъ для всякаго есть только неизвѣстная въ самой себѣ психическая причина своего сознанія. Одна и та же ли это причина у меня и у моего ближняго? Не имѣя возможности *прямо* опереться ни на внѣшній, ни на внутренній опытъ въ рѣшеніи этого вопроса, мы, желая подойти къ нему все таки à posteriori, не имѣемъ другаго средства, какъ обратиться къ аналогіямъ и косвеннымъ аргументамъ.

Сознание вообще произошло изъ реакціи Бессознательнаго на матеріальное раздраженіе, а между тѣмъ мы допустили возможность того (гл. II), что два человѣка имѣли бы не два, а одно сознание, если бы только между ихъ мозгами была проводимость. Но возможно ли было бы это, если бы лежащее въ основѣ сознаній двухъ человѣкъ Бессознательное не было само по себѣ одно и то же? Далѣе если мы разрѣжемъ муравья на двое, то вмѣсто одного сознанія появятся два; должно ли думать, что и душа его какъ бы разрѣзана на двое? Далѣе, изъ предъидущихъ изслѣдованій мы знаемъ, что человѣкъ имѣетъ столько же отдѣльныхъ сознаній, сколько въ немъ нервныхъ центровъ, даже сколько живыхъ клѣточекъ; должно ли думать, что въ основѣ этихъ сознаній лежатъ столь же многія бессознательно дѣйствующія души? Но единство ~~цѣли~~ въ организмѣ, которой каждая часть его содѣйствуетъ всегда въ должное время, словомъ, удивительная гармонія организма станетъ совершенно непонятной, если мы не допустимъ *единой недѣлимой души въ тѣлѣ, которая одновременно дѣйствуетъ, смотря по надобности, во всѣхъ частяхъ его.* Одно уже ясновидѣніе, которое мы встрѣчаемъ вездѣ и во всѣхъ воздѣйствіяхъ Бессознательнаго и которое такъ поразительно въ низшихъ индивидуумахъ, под-

сказываетъ намъ рѣшеніе нашего вопроса въ томъ смыслѣ, что *кажушіеся индивидуальными акты ясновидѣнія свидѣтельствуютъ только о тождественномъ во всѣмъ Безсознательномъ*. Только при такомъ пониманіи исчезаетъ вся чудесность этого ясновидѣнія, ибо видящая душа, есть въ то же время и душа видимаго, т. е. всѣхъ органовъ и клѣточекъ тѣла. Если же это такъ, то что же помѣшало бы признать одно и тоже Безсознательное во всѣхъ организмахъ, клѣточкахъ и атомахъ? Такому пониманію главнымъ образомъ мѣшаетъ старый предразсудокъ, по которому *душа* отождествляется съ *сознаніемъ*. Только когда вырвешь съ корнемъ этотъ предразсудокъ, когда убѣдишься, что многія сознанія суть только *многія явленія единого*, тогда только настанетъ возможность освободиться отъ *насилія практическаго инстинкта*, неустанно кричащаго о своемъ: „я, я“, и понять существенно единство всѣхъ индивидуальныхъ явленій, тѣлесныхъ и духовныхъ, которое мистически было понято еще Спинозою и названо единою субстанціею. Конечно, неразрушимый для сознательнаго мышленія призракъ индивидуальнаго я выступаетъ тѣмъ *рвзче*, чѣмъ *выше и яснѣе* это мышленіе; но это нисколько не противорѣчитъ монизму *Безсознательнаго*: ибо сознательное мышленіе, по своей природѣ, никогда прямо не можетъ вырваться изъ условій *сознанія* и напротивъ должно *тѣмъ больше* закутываться въ обманчивый покровъ Майи, чѣмъ болѣе развивается его *спеціальная* природа. Притомъ же единство Безсознательнаго можетъ состоять въ томъ, что никогда не попадаетъ въ сознаніе, потому что оно лежитъ за сознаніемъ.

Другой пунктъ, служившій часто поводомъ къ незамысловатой насмѣшкѣ надъ монизмомъ, представляетъ парадоксальный вопросъ, какимъ образомъ единое въ раздвоеніи борется само съ собою, напр., одна сущность въ видѣ двухъ голодныхъ волковъ грызется и

терзаетъ сама себя. Здѣсь смѣшаны два вопроса: первый вопросъ о выходѣ единого во многія и второй, какъ многія, будучи только реализаціей или объективаціей (явленіями) единого, могутъ вступить между собою въ борьбу. Первый вопросъ мы надѣемся рѣшить удовлетворительно въ особой главѣ (индивидуализація), а вторымъ займемся здѣсь. По моему, раздвоеніе только тогда было бы непонятнымъ, если бы въ немъ единое разрывало свое единство (съ нимъ же отрывало бы и часть своей сущности). Напротивъ кажется, что раздвоеніе во вторичное (ибо оно феноменальное) множество не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, если при этомъ сохраняется единство во множествѣ: такое раздвоеніе, которое вовсе не есть распаденіе одной субстанціи на многія изолированныя *субстанціи*, должно понимать только какъ проявленіе единой сущности во множествѣ *функцій*. Разъ дано это множество функцій единой сущности, то идеальное различіе ихъ содержанія необходимо должно выразиться во взаимномъ идеальномъ вліяніи другъ на друга, стремящемся упразднить это различіе; а между тѣмъ этотъ идеальный компромиссъ (т. е. стремленіе къ упраздненію различія) становится реальнымъ конфликтомъ (борьбой), такъ какъ вступающіе въ компромиссъ идеальные моменты суть въ то же время содержаніе реальныхъ актовъ воли (стр. 524). Тотъ же процессъ совершается и въ сознаніи индивидуума въ видѣ борьбы между различными стремленіями, желаніями и аффектами, а между тѣмъ онъ не мѣшаетъ единству души, которой функціи состоятъ изъ перекрещивающихся желаній: борьба двухъ страстей въ человѣческой душѣ, по истинѣ, выдержитъ сравненіе съ борьбой двухъ голодныхъ волковъ. Разница только въ томъ, что происходящее на субъективной почвѣ внутри индивидуума ускользаетъ отъ прямаго наблюденія третьяго лица, между тѣмъ какъ борьба различныхъ

индивидуальныхъ актовъ воли въ Безсознательномъ обладаетъ объективно-феноменальною реальностью, потому что борящіяся индивидуумы непосредственно аффектируютъ чувственные органы другихъ безучастныхъ индивидуумовъ. Но если спросить: „зачѣмъ многія функціи единой сущности таковы, что онѣ сталкиваются другъ съ другомъ, вмѣсто того чтобы безъ помѣхи протекать одна подлѣ другой“? Отвѣтъ на это данъ выше (гл. II): „безъ коллизіи различныхъ актовъ воли нѣтъ сознанія“—а въ сознаніи то все и дѣло. Показавъ, что нѣтъ основаній говорить противъ единства Безсознательнаго и что есть вѣроятность за него *à posteriori*, мы представимъ еще въ пользу его *à priori* нѣкоторые *выводы* изъ прежде добытыхъ твердо стоящихъ положеній.

Такъ какъ Безсознательное не пространственно, то оно и не можетъ имѣть въ себѣ *никакихъ пространственныхъ различій*, кромѣ полагаемыхъ имъ въ представленіи и въ дѣяніи. По этому нельзя сказать, чтобы то, что дѣйствуетъ въ атомѣ на Сиріусѣ было нѣчто иное, чѣмъ дѣйствующее въ атомѣ на землѣ. Можно сказать только: *оно дѣйствуетъ инымъ образомъ*, именно, различно въ пространственномъ отношеніи (т. е. ставитъ пространственныя различія). Два дѣйствія еще не даютъ права предполагать два существа для нихъ, ибо изъ различія *дѣйствій* можно заключать о различіи *функцій* въ существѣ, но изъ различія двухъ функцій никакимъ образомъ нельзя заключить къ *не тождеству* функционирующаго существа. Предполагая одно существо, мы держимся за *простѣйшее* предположеніе, а потому, если противники наши предполагаютъ многія существа, то на нихъ и лежитъ обязанность доказывать не тождество функционирующаго существа. Во всякомъ случаѣ мы доказали, что Безсознательному не приходится множество *путемъ пространственныхъ опре-*

для насъ обыкновенно не составляетъ затрудненія признать тождество непрерывно дѣйствующаго существа, не смотря на различіе во времени дѣйствія. Впрочемъ, объективно иныхъ различій, кромѣ пространственныхъ, и нѣтъ, ибо различіе желанія и представленія и различіе представленій между собой суть субъективныя различія дѣятельностей одного субъекта или существа. Это положеніе само собою ясно въ различіяхъ представленій, но оно имѣетъ силу и для проходящаго черезъ всю природу различія желанія и представленія, ибо одно Безсознательное въ обѣихъ дѣятельностяхъ. Оно относится къ нимъ, какъ субстанція Спинозы къ своимъ атрибутамъ (Объ этомъ подробнѣе дальше). Всякое извѣстное намъ различіе между сущимъ сводится на пространственныя и временныя опредѣленія. Пространство и время суть единственное намъ извѣстное *principium individuationis* *). И такъ, если нельзя навязать Безсознательному множеству ни черезъ пространственныя, ни черезъ другія какия различія, то оно должно быть простымъ единствомъ. Къ этому прямому выводу прибавимъ еще косвенный. Если мы предположимъ, что феноменальная различность индивидуумовъ обусловлена не просто множествомъ функций одной и той же субстанціи, а множествомъ самихъ субстанцій, то невозможны были бы между индивидуумами тѣ реальныя отношенія, которыя существуютъ на самомъ дѣлѣ. Такое множество субстанцій сущихъ въ самихъ себѣ, непоколебимо сущихъ и въ такомъ случаѣ, еслибъ всё вокругъ нихъ рушилось, не имѣющихъ ничего между собою общаго, не могли бы вступать между собою въ какое либо метафизическое соприкосновеніе: скорѣе всякая представляла бы въ себѣ замкнутый міръ. Если возложить роль посредства

* Начало индивидуализаціи.

между ними на особую субстанцію, напр., такъ называемое абсолютное, то во первыхъ при *многихъ* субстанціяхъ не можетъ быть рѣчи объ одномъ абсолютномъ, а о многихъ; а во вторыхъ возможность реального отношенія между этимъ абсолютнымъ и многими субстанціями такъ же мало понятна, какъ и возможность отношенія между самими субстанціями, хотя, конечно, фантазія черезъ чуръ охотно уступаетъ абсолютному способность къ непонятнымъ дѣйствіямъ. Возможность отношенія между абсолютнымъ и многими станетъ только тогда понятною, когда мы откажемъ послѣднимъ въ самостоятельности и субстанціальности и низведемъ ихъ на степень снимаемыхъ моментовъ единого: но такимъ шагомъ мы снова переходимъ изъ множественности въ монизмъ.

Къ этимъ съ разныхъ точекъ зрѣнія совпадающимъ въ подтвержденіи все-единства Безсознательнаго соображеніямъ, присовокупимъ еще одно весьма важное.

Во всѣхъ первостепенныхъ философскихъ или религіозныхъ системахъ мы встрѣчаемся съ стремленіемъ къ монизму: даже въ несомнѣнно политеистическихъ религіяхъ, напр., греческой и сѣверныхъ мифологіяхъ, замѣтно стремленіе къ монизму какъ въ древнѣйшихъ воззрѣніяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ религіозныхъ мнѣніяхъ болѣе проницательныхъ умовъ! Только болѣе сухія, второстепенныя религіозныя и философскія системы удовлетворяются дуализмомъ (напр., Ормуздъ и Ариманъ, Деміургъ и въ видѣ хаоса данная матерія, сила и вещество и т. д.) или даже множествомъ. И дѣйствительно, ничто такъ не способно возбудить мистическое чувство, какъ мысль, что мое я составляетъ часть всего единого и притомъ такъ, что въ этой части живетъ цѣлое. Это мистическое чувство въ людяхъ, хотя нерѣдко весьма недостаточно реализированное, проходитъ, за исключеніемъ скептиковъ, красною нитью

черезъ всю философію, начиная отъ первыхъ индійскихъ преданій до новаго времени. Теперь вкратцѣ укажемъ на монистическія стремленія новѣйшихъ мыслителей.

Кантъ называлъ сущность, лежащую въ основѣ внѣшней вещи „вещью въ самой себѣ“. Принимая, что время и пространство не касаются этой вещи самой въ себѣ, а только ея явленія, онъ однако не вывелъ необходимого и ближайшаго слѣдствія изъ этого ученія, что нѣтъ многихъ вещей въ себѣ, а только одна „*вещь въ себѣ*“, т. е., одна сущность въ основѣ всѣхъ явленій. Однако невольное стремленіе къ монизму обнаружилось и у него въ высказанномъ имъ замѣчаніи, что вещь въ себѣ и умопостижимое, лежащее въ основѣ эмпирическаго я, могутъ быть одною и тою же сущностью. Позднѣе *Шопенгауеръ* это робкое предположеніе *Канта* выставилъ какъ категорическое положеніе и отождествилъ субъектъ и объектъ въ одной сущности, названной имъ волею.

Фихте, отвергая всякую независимую отъ познающаго субъекта сущность у явленія вещи, призналъ сущность только за я. Его стремленіе къ монизму выразилось тѣмъ воззрѣніемъ, что эмпирическое, ограниченное я сбрасываетъ съ себя свой случайный характеръ, поднимаясь до абсолютнаго я. Это абсолютное я есть сущность, лежащая въ основѣ эмпирическихъ я, и процессъ его развитія есть тотъ же самый, какой происходитъ и въ эмпирическихъ я, которыя такимъ образомъ суть только явленія единого абсолютнаго я.

Шеллингъ, развивая ученіе *Фихте*, въ трансцендентальномъ идеализмѣ старается вывести все богатство опредѣленій внѣшняго міра изъ дѣятельности я. Объясняя совпаденіе созерцаній различныхъ ограниченныхъ я тѣмъ, что въ конечныхъ и ограниченныхъ умахъ явно звучитъ единство абсолютнаго я и безконечнаго ума, онъ прямо выводитъ опредѣленія внѣшняго міра изъ

абсолютнаго я или чистаго субъекта. При этомъ онъ принимаетъ, что субъектъ и объектъ тождественны.

Путь, которымъ шелъ Шеллингъ, привелъ Гегеля къ его діалектическому методу. „Методъ, говоритъ онъ, есть только движеніе самого понятія, что значитъ, что *понятіе* есть всё и его движеніе есть вообще абсолютная дѣятельность“. По этому логика у него стала вмѣстѣ и онтологіей, *понятіе*—единою абсолютною субстанціею, а его самодвиженіе—міровымъ процессомъ. Шеллингъ въ своей послѣдней системѣ говорилъ, что Гегелевская философія имѣетъ только чисто логическое значеніе; она, по его мнѣнію, не могла сказать *что* и какъ есть, и могла сказать только, что, *если что* либо есть, то оно должно быть *такъ то*. Въ ней и во всѣхъ ей предшествовавшихъ системахъ могла быть рѣчь только *о вѣчномъ* происхожденіи; „а вѣчное происхожденіе не есть происхожденіе. Отсюда всё представленіе этого процесса и самое это движеніе есть мнимое; собственно ничего не произошло; все прошло только въ мысли и все движеніе было только движеніемъ мысли“ (Werke 1. 10 S. 124—125).

По Шеллингу *существованіе* (Existenz) есть, въ самомъ дѣлѣ, *сверхразумное*; какъ дѣйствительность, оно никогда не можетъ быть въ разумѣ, а только въ *опытѣ* (Werke II. 3. S. 69). Въ этомъ отношеніи онъ называетъ природу и опытъ чуждыми разуму (S. 70). Такъ какъ абсолютная или высшая идея не имѣетъ никакой реальной цѣны, если она *только идея*, если она не есть дѣйствительно *сущее* (II. 3 S. 150): то даже эта идея *никогда не могла быть и въ видѣ мысли*, если бы она не была мыслию *мыслящаго её субъекта*. (I. 10 S. 132). Значитъ, нужно вдвойнѣ выйти изъ идеи, какъ такой, къ внѣшнему и независимому отъ мышленія сущему, къ чему то предшествующему всякому мышленію (II 3 S. 164) *къ бытію предмысленному*. И

положительная философія, по послѣдней Шеллинговой системѣ, должна начинаться съ вопроса, *каково сущее есть* (т. е. это предмысленное бытіе). Въ этой системѣ это сущее есть сущее по самому своему содержанію и отличное отъ всякаго другаго въ наличности сущаго. Оно есть тоже, что въ трансцендентальномъ идеализмѣ носило имя „вѣчно Безсознательнаго“, именно, „единая сущность, которая *есть всё*“. (II. 3 S. 174).

Такимъ образомъ во всѣхъ философіяхъ новѣйшаго времени мы въ томъ или другомъ видѣ замѣчаемъ стремленіе къ монизму. То, къ чему пришла спекулятивная мысль на вершинѣ своего историческаго развитія и что оказалось Шеллинговою „единою сущностью, которая *есть всё*“, то же самое мы развили или, такъ сказать, непроизвольно добыли à posteriori, путемъ индукціи. Но теперь этотъ результатъ не есть уже только для многихъ доступное спекулятивное начало, но вполне подкрѣпленъ эмпиріею. Тщательно отдѣливъ область Безсознательнаго отъ сознанія и признавъ въ послѣднемъ простое явленіе перваго, мы устранили противорѣчія, въ которыхъ неизбѣжно запутывается естественное сознаніе въ своемъ стремленіи къ монистическому возрѣнію.

И такъ, 1) матерія, 2) сознаніе и 3) всё, что не исчерпывается этими двумя понятіями, какъ напр., органическое образованіе, инстинктъ и т. д. мы нашли какъ три образа дѣйствія или три *рода проявленія* для насъ Безсознательнаго, а послѣднее мы поняли какъ *сущность* міра. Мы видѣли, что всяческое множество принадлежитъ явленіямъ, а не сущности, которая ихъ ставитъ: она же есть единый абсолютный индивидуумъ, единое существо. *Сущность есть всё*, а міръ со всею его предестыю низводится къ простому явленію, но однако не къ субъективно поставленному явленію, какъ хотятъ Кантъ, Фихте и Шопенгауеръ, а къ объективно („божественно“ по выраженію Шеллинга) поставлен-

ному явленію, или, какъ выражается Гегель, „явленію не только *для насъ*, но *въ самомъ себѣ*“. То, что является намъ веществомъ, „есть только выраженіе равновѣсія противоположныхъ дѣятельностей“, (Шеллингъ Werke I. 3 S. 400), что является сознаниемъ есть также только выраженіе противодѣйствія между противоположными дѣятельностями. Какая либо частица матеріи гдѣ либо есть конгломератъ атомныхъ силъ, т. е., актовъ воли Безсознательнаго, воли—изъ одного пункта пространства съ такою то силою притягивать, изъ другаго пункта съ иною силою отталкивать.—Если бы Безсознательное прервало эти акты воли, то въ тотъ же моментъ перестала бы и существовать эта частица матеріи: захотѣло оно снова, и снова появилась бы матерія. Такимъ образомъ ежеминутно возобновляется чудо *непрерывнаго созиданія и сохраненія міра*. Міръ есть постоянная цѣпь и сумма особенно комбинированныхъ актовъ воли Безсознательнаго; и *есть* онъ только до тѣхъ поръ, пока онъ *постоянно ставится*. Перестаетъ Безсознательное *хотѣть* міра, и эта игра прекращающихся дѣятельностей Безсознательнаго перестаетъ *быть*.

И такъ, при болѣе основательномъ размышленіи, исчезаетъ та иллюзія, чувственная иллюзія въ широкомъ смыслѣ, что мы міръ, *не я*, считаемъ за нѣчто непосредственно реальное; точно также исчезаетъ и другая иллюзія эгоистическаго инстинкта, что мы видимъ въ самихъ себѣ, въ своемъ любезномъ *я* нѣчто непосредственно реальное. *Мірз* состоитъ только изъ суммы дѣятельностей или актовъ воли Безсознательнаго; и *мірз* для меня *ощутителенз* только въ той мѣрѣ, въ какой первыя дѣятельности *пересѣкаютз* послѣднія, а въ какой мѣрѣ послѣднія пересѣкаютъ первыя, въ той становлюсь *я* для себя ощутительнымъ (при чѣмъ, конечно, мое тѣло и мой мозгъ причисляются къ не я, къ міру). Только въ силу того, что одинъ актъ воли вступаетъ въ оппози-

цію съ другимъ и что они взаимно оказываютъ *сопротивленіе* и ограничиваютъ другъ друга, только въ силу этого и возможно то, что мы называемъ *реальностью* и что достижимо только для *воли*, ибо въ области представленія идеальныя противоположности мирно лежатъ другъ около друга, пока воля не захватитъ ихъ, какъ свои объекты. Да и это воздѣйствіе актовъ воли другъ на друга только тогда и понятно, когда они суть дѣятельности одного и того же существа.

Если комбинація дѣятельностей Безсознательнаго, которая составляютъ *меня*, перемѣняется, то и я становлюсь другимъ; Безсознательное прекращаетъ эти дѣятельности, перестаю быть и я. Я есмь явленіе, подобно радугѣ на облакахъ; подобно ей, я произошелъ отъ совпаденія обстоятельствъ и дѣлаюсь инымъ каждую секунду, ибо эти обстоятельства каждую секунду становятся иными, и уничтожусь, если эти обстоятельства прекратятся: но я не есмь то, что составляетъ во мнѣ *сущность*. На этомъ же самомъ мѣстѣ можетъ быть нѣкогда и другая радуга, совершенно похожая на эту, но она не та же самая, ибо ей не достаетъ непрерывности во времени; точно также на моемъ мѣстѣ нѣкогда можетъ стоять другое я, мнѣ вполнѣ подобное, но это уже не буду болѣе я. Вѣчно блеститъ только *солнце*, которое играетъ и въ этомъ облакѣ; вѣчно имѣетъ силу только *Безсознательное*, которое преломляется и въ моемъ мозгу *).

*) Къ этой главѣ есть у Гартмана прибавленіе, въ которомъ онъ полемизируетъ съ возраженіями, которыя дѣлаются философіи Безсознательнаго со стороны деистовъ относительно сознанія и личности абсолютнаго. Хотя это полемическое прибавленіе само по себѣ и интересно, но я опускаю его, отчасти потому что оно прямо къ дѣлу не относится, отчасти потому что оно сопряжено съ трудностями, о которыхъ я говорилъ въ предисловіи къ первому тому. Любопытный читатель можетъ самъ обратиться къ подлиннику. А. К.

ГЛАВА VII.

Сущность рожденія съ точки зрѣнія все-единства Безсознательнаго.

Критика теорій креацианизма и традудіанизма (творенія новой души и передачи частицъ души). Душа происходитъ изъ общаго духа—Безсознательнаго и возрастаетъ постепенно, параллельно съ развитіемъ органическаго зародыша. Эмпирическое подтвержденіе этого воззрѣнія. Вообще Безсознательное воодушевляетъ организмъ по мѣрѣ его способности къ жизни. Перворожденіе (самопроизвольное зарожденіе). Возникновеніе первоорганизма. Рожденіе черезъ родителей и значеніе его.

Теперь съ достигнутой нами точки зрѣнія мы взглянемъ на нѣкоторые вопросы, которыми постоянно занималась философія и которые до сихъ поръ возбуждаютъ всеобщій интересъ.

Первый вопросъ касается рожденія. На этотъ предметъ есть два спорныя воззрѣнія, изъ которыхъ одно принимаетъ твореніе новой души при каждомъ рожденіи, другая переходъ въ ребенка частицъ души родителей. Первое, какъ предполагающее при каждомъ роженіи новое чудо, слѣдовательно, не допускающее научной критики, не можетъ быть предметомъ рациональнаго разсмотрѣнія. Что касается до послѣдняго, то оно противорѣчитъ фактамъ. Такъ одинъ мужчина съ достаточнымъ количествомъ женщинъ могъ бы весьма удобно произвести болѣе ста дѣтей ежегодно, а въ цѣлый періодъ способности къ дѣторожденію не одну тысячу, а между тѣмъ душа его не терпитъ никакого замѣтна-

го ущерба; а если и можно бы было выслѣдить какой либо ущербъ, то нужно предположить, что при каждомъ рожденіи ребенку передается ничтожная часть этого малаго ущерба. Конечно, такой крошечной частицы души не на долго хватило бы ребенку, а тѣмъ болѣе его дѣтямъ и внукамъ; все уменьшаясь, она, пожалуй, дошла бы до билліонныхъ частей души. Значить, нужно разсматривать передаваемую частицу только какъ *зародышъ*, способный къ возрастанію. Но подъ зародышемъ разумѣютъ *формальную* силу, которая можетъ притягивать къ себѣ и уподоблять чуждые матеріалы и элементы и такимъ путемъ возрасти. Значить, если бы дѣтская душа при зарожденіи была только зародышемъ, то спрашивается, гдѣ тѣ чуждые элементы, *изъ которыхъ* бы она могла возрасти. Матеріалисты отвѣчаютъ очень просто: душа есть только результатъ матеріальныхъ комбинацій, слѣдовательно, съ возрастаніемъ организма и его благородныхъ частей возрастаетъ и душа. Конечно, мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ ясенъ и послѣдователенъ. И такъ, относительно искомыхъ элементовъ, намъ ничего болѣе не остается, какъ общій фондъ духа, безлично-психическое, словомъ, *Бессознательное*, изъ котораго частица души, переданная родителями ребенку, должна собирать матеріалъ для своего возрастанія.

Но какая намъ надобность въ *зародышъ души*, когда органическій зародышъ можетъ сдѣлать *то же*? Нужна ли ребенку въ утробѣ матерней какая либо иная психическая дѣятельность, кромѣ дѣятельности органическаго образованія? Далѣе, когда эта бессознательная психическая дѣятельность въ мозгѣ образовала орудіе для сознательной душевной дѣятельности, то не довольно ли присутствія этого органа чтобы привлечь дѣятельность Бессознательнаго къ его развитію? Къ чему эта противуестественная гипотеза о передаваемыхъ за-

родышахъ души? Если подъ ними нужно разумѣть *одностороннія* душевныя *направленія* родителей, то это бесполезно для объясненія дѣла; если же нужно разумѣть подъ ними какъ бы разрѣзанныя, заранѣе выкроенныя доли души, то это чудовищно-дикое представленіе! Далѣе, какимъ, именно, образомъ пробираются эти сѣмена души въ органическіе зародыши, ибо нужно думать, что и тѣ, и другіе возникаютъ независимо другъ отъ друга. При каждомъ ли истеченіи сѣмени и въ каждой ли сѣмянной нити есть частица души, или входитъ доля души отца только въ ту нить, которой посчастливится попасть на способное къ оплодотворенію яйцо своей породы и т. п? Представленіе, что душа ребенка происходитъ изъ общаго источника духа въ цѣломъ мірѣ гораздо лучше, чѣмъ теорія творенія и передачи, объясняетъ наследственность свойствъ. Какъ *органическій зародышъ обусловленъ свойствами родителей*, такъ и *психическій матеріалъ*, полученный имъ изъ Безсознательнаго, *видоизмѣняется* сообразно съ свойствами органическаго зародыша. При этомъ все таки остается и возможность появленія въ душѣ ребенка исключительной *геніальности*, если она требуется историческими обстоятельствами: ибо какъ скоро Безсознательному *нужны* особыя орудія своего откровенія, то оно *приготавливаетъ* ихъ въ должное время. Тогда оно въ какомъ либо способномъ къ тому организмѣ спеціально создаетъ органъ сознанія, способный къ необычайно высокимъ психическимъ дѣйствіямъ.

Хотя наше воззрѣніе на происхожденіе души изъ Безсознательнаго и избѣгаетъ затрудненій теорій творенія и передачи душъ, однако и оно было бы несостоятельно, если мы будемъ разсматривать индивидуальную душу, какъ вѣчто, по своей сущности и субстанціи, замкнутое и *отграниченное* отъ всеобщаго духа. Въ такомъ случаѣ трудно было бы объяснить, какъ она отрываетъ

ся отъ всеобщаго духа и утверждается въ органическомъ зародышѣ. Спрашивается, происходитъ ли индивидуализированіе новой души по подобію процесса *постояннаго* нарастанія, который идетъ объ руку съ тѣлеснымъ развитіемъ зародыша, или же путемъ *единаго* мгновеннаго акта, въ которомъ новая душа совсѣмъ готовая вѣдряется въ зародышъ? Результатъ, полученный нами въ предъидущей главѣ, выводитъ насъ изъ затрудненій, а именно: души какъ родителей, такъ и дитяти не суть отдѣльныя, самостоятельныя субстанціи, но только сумма дѣятельностей *единаго* Безсознательнаго, направленныхъ на данный организмъ. Отсюда ясно, что душа ребенка *постепенно* возрастаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, ибо чѣмъ развитѣе становится организмъ, тѣмъ разнообразнѣе, богаче и благороднѣе становится сумма направленныхъ на него дѣятельностей Безсознательнаго. Одинаковые по существу акты Безсознательнаго (въ видѣ ощущенія, представленія, органическаго образованія инстинкта и пр.) способствуютъ какъ матеріальному, такъ и психическому развитію организма: одушевляя всякій способный къ одушевленію организмъ, оно въ каждое мгновеніе одушевляетъ и вновь возникающій зародышъ, по мѣрѣ его способности къ одушевленію. Отсюда весьма трудно опредѣлить тотъ моментъ, когда зародышъ изъ части материнскаго организма становится самостоятельнымъ организмомъ, если мы не примемъ за таковой моментъ роды. Но пока дѣтскій организмъ, какъ часть материнскаго, питается этимъ послѣднимъ, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое по существу своему тождественно съ органическимъ образованіемъ. Для уясненія этого отношенія взглянемъ на постепенный переходъ отъ низшихъ формъ воспроизведенія до полового рожденія.

Простѣйшая форма есть *дѣленіе* (у клѣточекъ, у инфузорій и пр.), гдѣ конечно, при дѣленіи животнаго на

двое, не можетъ быть и рѣчи о дѣленіи субстанціи души. Слѣдующая за дѣленіемъ форма есть *почкованіе* (полипы и пр.), которое также есть явленіе органическаго образованія, какъ и возстановленіе организмомъ потерянныхъ частей. Почки развиваются изъ особыхъ *зародышныхъ клѣточекъ*, которыя лежатъ въ какой либо ткани материнскаго организма; и если эти клѣточки лежатъ въ брюшной полости животнаго или въ особыхъ маточныхъ полостяхъ, то онѣ по величинѣ и виду очень похожи на яйца высшихъ животныхъ: тогда почкованіе переходитъ въ *размноженіе посредствомъ зародышныхъ клѣточекъ* въ тѣсномъ смыслѣ. У нѣкоторыхъ животныхъ это послѣднее чередуется уже съ половымъ размноженіемъ, или же одно совокупленіе достаточно для оплодотворенія нѣсколькихъ поколѣній, размножающихся посредствомъ зародышныхъ клѣточекъ или яицъ. Одно изъ насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ двукрылымъ, *Cecidomyia* производитъ половымъ воспроизведеніемъ личинки, которыя, живя подъ корою больныхъ яблонь, имѣютъ органъ, называемый зародышникомъ, образованный аналогично съ яичникомъ. Въ немъ, безъ совокупленія, развивается и выходитъ на свѣтъ потомство, по виду похожее на мать. У шмелей, осъ и пчелъ самцы происходятъ изъ неоплодотворенныхъ, самки изъ оплодотворенныхъ яицъ. Самки осъ, совокупляющіяся осенью, переживаютъ зиму и производятъ весною самокъ. Эти же послѣднія, но уже безъ совокупленія, производятъ самцевъ для осеняго оплодотворенія. Зародышная клѣточка или неоплодотворенное яйцо развивается совершенно аналогично съ оплодотвореннымъ яйцомъ. Извѣстно, что у животныхъ, размножающихся половымъ образомъ, неоплодотворенныя яйца вступаютъ въ процессъ дѣленія желтка, какъ будто они были бы оплодотворены. Конечно, у нихъ не хватаетъ силы войти въ слѣдующія стадіи эмбриональнаго развитія. Значитъ, сѣмянной жив-

чикъ, пробуравливающийся въ желтковую оболочку своею головкою и тамъ, вѣроятно, эндосмотически обмѣнивающий свое содержимое съ желткомъ, въ сущности совершаетъ ничто иное, какъ даетъ желтковой массѣ импульсъ для болѣе энергическаго процесса дѣленія, импульсъ, безъ котораго при благопріятныхъ обстоятельствахъ обходятся яйца, а при всякихъ обстоятельствахъ зародышныя клѣточки. Что касается до унаслѣдованія свойствъ отца, то оно, конечно, даетъ болѣе глубокое значеніе половому рожденію, а именно, что въ нёмъ соединеніе двухъ элементовъ зарожденія даетъ въ результатѣ дѣйствительное смѣшеніе родительскихъ свойствъ. Такимъ образомъ, въ образованіи новыхъ организмовъ животнымъ—матерью, съ помощью или безъ помощи отца, мы видимъ то же органическое образованіе, какое проявляется и въ развитіи новыхъ органовъ въ разное время жизни. Разница здѣсь не въ существѣ дѣла, а въ цѣли, которой служитъ новообразованіе. Въ одномъ случаѣ цѣль лежитъ *внутри* образующагося индивидуума, въ другомъ *внѣ* его. Какъ скоро выросшее новообразованіе достигаетъ способности существовать въ качествѣ самостоятельнаго организма, то и отдѣляется отъ материнскаго. Этотъ актъ въ психическомъ отношеніи имѣетъ значеніе инстинктивно-рефлективнаго приспособленія къ перемѣнившимся условіямъ жизни (таково напр. у млекопитающихъ наступленіе дыханія).

Такимъ образомъ и эмпірія подтверждаетъ то, что организмъ зародыша или ребенка во всякой стадіи и во всякомъ моментѣ своей жизни имѣетъ *столько души*, сколько нужно для его тѣлесной поддержки и дальнѣйшаго развитія и сколько могутъ вмѣстить его органы сознанія.

Что Безсознательное *вездѣ*, гдѣ только *можно*, *зажигаетъ жизнь* и что одушевленіе новаго зародыша, по мѣрѣ его способности къ тому, есть новый особый слу-

чай этого общаго явленія природы, указываютъ слѣдующіе примѣры:

„По наблюденіямъ Спаланцани, въ болотной водѣ и пескѣ водосточныхъ желобовъ живутъ коловратки (*Figularia rediviva* Lamarck), которыхъ можно сохранять вмѣстѣ съ совершенно сухимъ пескомъ въ стеклянныхъ сосудахъ на три и четыре года такъ, что онѣ снова оживаютъ, какъ скоро песокъ смачивается водой, хотя чѣмъ долѣе онѣ сохраняются въ сухомъ состояніи, тѣмъ меньшее число ихъ оживаетъ. Эти животныя, имѣющія въ живомъ состояніи студнеобразное тѣло, высыхали до такой степени, что, если прижать которое либо концомъ иголки, то оно, подобно крупинкѣ соли, разламывалось на нѣсколько кусочковъ. Они могутъ засыхать и оживать по очередно до одиннадцати разъ и даже не теряютъ этой способности къ оживанію, если *замерзаютъ* вмѣстѣ съ водою, даже подвергаясь 19-ти градусной температурѣ ниже нуля. Точно также не теряютъ ея, подвергаясь въ высушенномъ состояніи жару въ 49 и даже 54 градуса выше нуля, тогда какъ въ живомъ состояніи они навсегда умираютъ если вода достигаетъ 26 градусовъ теплоты.“ (Autenrieth; „*Ansichten über Natur- und Seelenleben*“ стр. 265—266)

Джонъ Франклинъ зимою 1820—1821 г. въ своемъ первомъ путешествіи на сѣвероамериканскій берегъ Ледовитаго Океана видѣлъ, что рыбы, замерзшія непосредственно послѣ того, какъ ихъ вытаскивали изъ воды на воздухъ, превращались въ такую ледяную массу, что ихъ можно было рубить на куски топоромъ и что замерзшія внутренности ихъ представляли твердые ледяные комки. Тѣмъ не менѣе, когда оттаявали этихъ рыбъ у огня, предварительно не повреждая ихъ, то нѣкоторыя снова оживали. Еддисъ, зимовавшій у Гудсонова залива, рассказывалъ, что нерѣдко на берегахъ озеръ находили замерзшихъ лягушекъ, которыя были

тверды, какъ ледъ; и когда ихъ оттаявали въ умѣренной температурѣ, то онѣ оживали и ползали съ одного мѣста на другое. По опытамъ Гунтера, замерзшая рыба только тогда не можетъ ожить при оттаяваніи, когда она умираетъ *медленно* въ холодѣ и потомъ замораживается. По этому и не удавалось заморозить цѣлое теплокровное животное такъ, чтобы оттаяваніемъ снова оживить его. Нѣкоторые позднѣйшіе авторитеты считаютъ невозможнымъ оживленіе замерзшихъ теплокровныхъ животныхъ вслѣдствіе производимаго холодомъ разложенія крови. Но новѣйшія изслѣдованія Шенка указываютъ, что бѣлыя кровяныя тѣльца, сперматозоиды и оплодотворенныя яйца совершенно переносятъ безъ вреда для ихъ послѣдующей жизни, движенія и развитія температуру — 3° и даже отчасти переносятъ недолговременное охлажденіе до—7°. Эти примѣры указываютъ, что хотя въ организмѣ и исчезъ всякій слѣдъ жизни, но все таки *способность* начать при благопріятныхъ обстоятельствахъ новую жизненную дѣятельность въ немъ можетъ остаться, если только не произошло въ немъ такихъ перемѣнъ, которыя, послѣ возстановленія нормальныхъ обстоятельствъ, анатомически или физиологически дѣлали бы невозможнымъ возстановленіе жизненныхъ функцій. Въ вышеупомянутомъ случаѣ колорватокъ можно думать, что высуханіе все таки не достигло до той степени, чтобы помѣшать какому либо обмѣну матеріи, что, строго говоря, мы здѣсь имѣли дѣло не съ абсолютнымъ прекращеніемъ жизненныхъ функцій, но съ сведеніемъ ихъ на минимумъ (подобно зимней спячкѣ). Но эта гипотеза становится шаткою тамъ, гдѣ дѣло идетъ о замерзшемъ на подобіе камня тѣлѣ въ зимніе морозы полярныхъ странъ, или о жабахъ, которыя столѣтія и тысячелѣтія были заключены въ скалѣ. Еще относительно послѣднихъ можно предполагать также минимумъ обмѣна вещества, обусловлен-

ный какъ либо просачивающейся въ скалу водою, но въ замерзшихъ животныхъ жизненныя функціи становятся невозможными какъ по недостатку самаго общаго условія для обмѣна вещества — эндозмоса, такъ и по необходимости жидкаго состоянія для всяческой химической реакціи. Если же уступятъ, что въ вполнѣ замерзшемъ тѣлѣ невозможна никакая органическая функція т. е. какая либо жизненная дѣятельность, то тѣло, лишаясь всякаго слѣда жизни, становится *абсолютно безжизненнымъ*; значить, такое состояніе *специфически и всецѣло различно* отъ всѣхъ состояній подавленныхъ жизненныхъ функцій, какъ то: зимней спячки, обморока, столбняка, обмиранія; т. е., тѣло во время такого состоянія относится къ жизни также, какъ и неорганическое тѣло, такъ что въ этомъ случаѣ можно назвать тѣло *мертвымъ*.

Изъ того, что организмъ, пока онъ замороженъ, не имѣетъ ни жизни, ни души, слѣдуетъ, что если послѣ известнаго времени возвращается въ него жизнь и душа, то эта душа не можетъ быть понимаема какъ *одна и та же* съ той, которая была въ немъ прежде перехода въ замороженное состояніе. Для того, чтобы двѣ души, отдѣленные другъ отъ друга временемъ, были одной и той же, нужно чтобы дѣятельности первой были *непрерывны* по времени съ дѣятельностями второй; но тождество одного *организма*, къ которому онѣ относятся, и основывающаяся на этомъ тождествѣ *одинаковость свойствъ* этихъ душъ нисколько не могутъ считаться достаточными, чтобы счесть ихъ за одну и ту же.

Значить, говоря языкомъ обыкновенныхъ представлений, при прекращеніи жизни старая душа уходитъ, а при возобновленіи точно такая же, но уже *другая* душа входитъ. Недѣльность всего этого вопроса становится тотчасъ ясною, какъ скоро мы подумаемъ о всеединствѣ Безсознательнаго и сообразимъ, что какъ старая, такъ и новая душа суть ничто иное, какъ направленная на

одинъ и тотъ же организмъ дѣятельность одной и той же всеединой сущности, которая *тотчасъ же снова вселяетъ* жизнь въ какой либо организмъ, какъ скоро то станетъ *возможнымъ* по законамъ матеріи.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что для природы нѣтъ никакой разницы въ томъ, пользуются ли, какъ это обыкновенно бываетъ, способные къ жизни организмы непрерывностью ихъ жизненныхъ отправленій, или же еще неспособное къ жизни тѣло становится способнымъ къ ней въ этотъ моментъ: *какъ скоро дана въ организмъ возможность* жизни, тотчасъ и *одушевляетъ* его Безсознательное, сообщая ему свойственныя его устройству психическія отправленія. Такимъ образомъ и зародышъ молодаго организма, подобно оттаявшей рыбѣ или смоченной коловраткѣ, одушевляется Безсознательнымъ въ первый моментъ своей способности къ независимой отъ материнскаго организма жизни.

Это возрѣніе находитъ свое важное приложеніе и къ вопросу о *перворожденіи*, или возникновеніи органическихъ существъ изъ неорганической матеріи безъ материнскаго организма. Таковое *перворожденіе* должно было имѣть мѣсто, ибо геологія показываетъ, что земля, какъ и прочія небесныя тѣла, охлаждена до своей теперешней температуры изъ огненно-жидкой массы. Но такъ какъ при температурѣ высшей свертыванія бѣлковины не могли существовать никакіе организмы, то земля въ давнее время своего существованія была необитаема, и такъ какъ она теперь фактически населена организмами, то необходимо должно было быть время, въ которое впервые возникли *) *одно или нѣсколько су-*

---

*) Томсонъ (его рѣчь въ собраніи англійскихъ естествоиспытателей въ Единбургѣ въ 1871 г.) предполагаетъ, что посредствомъ метеорныхъ камней могли быть перенесены на землю гдѣ либо индѣ развившіеся зародыши. Но этому противо-

ществъ, до того же времени была только неорганическая или, лучше сказать, не было *организованной* матеріи, ибо, кажется, должно допустить, что, подъ вліяніемъ влажной и богатой углекислотою атмосферы, высокой температуры, свѣта и сильныхъ электрическихъ воздѣйствій, могли происходить и неорганическимъ путемъ высшія соединенія изъ углерода, водорода, кислорода и азота, соединенія, которыя современная химія, встрѣчая ихъ *преимущественно* только въ органическихъ существахъ, называетъ неточнымъ именемъ органическихъ веществъ.

Старое предположеніе, что органическія вещества нельзя получить путемъ неорганическимъ, новѣйшимъ химикамъ удалось опровергнуть столь поразительными фактами, что завоеваніе человѣкомъ абсолютнаго господства въ области органической химіи кажется только вопросомъ времени. Синтетическая химія въ органической области можетъ уже поравняться съ аналитическою; геніальнѣйшіе изслѣдователи (напр. Бертелло) посвящаютъ ей свои силы и почти ежемѣсячно объявляютъ о новыхъ поразительныхъ успѣхахъ. Задачу приготовленія кислотъ, принадлежащихъ къ жирамъ, альдегида и алькоголя изъ неорганическихъ элементовъ можно считать разрѣшенною въ принципѣ, а успѣхъ въ приготовленіи ароматическихъ веществъ (куда относится большая часть горючихъ жидкостей, органическихъ пигментовъ, эссенцій и парюмовъ) идетъ такъ быстро и вѣрно, что въ настоящее время стоитъ только найти органически-химическій составъ такихъ тѣлъ, чтобы заранѣе быть увѣреннымъ въ ихъ синтезѣ. Но проникательный взглядъ

рѣчатъ то обстоятельство, что таковыя зародыши всегда должны были быть уничтожены отъ жара, пріобрѣтаемаго метеоритами вслѣдствіе прохожденія черезъ атмосферу, пока они не достигнутъ земли.

химика смотреть и дальше: онъ имѣеть въ виду синтезъ смоль и сахаровъ.

Такимъ образомъ граница между органической и неорганической *матеріей* давно упала, теперь начинается всё болѣе и болѣе колебаться и граница между органической и неорганической *формой*.

Конечно, есть такія формы сложныхъ органическихъ типовъ (за исключеніемъ лучистыхъ), которымъ аналогическихъ не встрѣчается въ неорганической природѣ: но все таки не должно забывать, что великое царство одноклѣточныхъ организмовъ обладаетъ жизнью и что клѣточка находитъ свою аналогію въ неорганической природѣ. Прежде всего большая часть жидкостей гораздо гуще и вязче на поверхности, чѣмъ внутри: это различіе всего явственнѣе проявляется въ бѣлкѣ и его растворахъ. Если каждая капля представляетъ аналогію съ иногда бесконечно нѣжною оболочкою клѣточки, то сходство микроскопическихъ тѣлецъ изъ углекислой извести съ крупинками крахмала доходитъ до поразительнаго морфологическаго тождества: эти тѣльца Фаминцынъ осаждалъ изъ смѣшенія насыщенныхъ растворовъ хлористаго кальція и углекислаго кали. Здѣсь оказывается то же ядро, та же слоистость, то же сращеніе многихъ крупинокъ, та же наибольшая способность самыхъ внѣшнихъ слоевъ къ сопротивленію уксусной кислотѣ, какъ и у крупинокъ крахмала. Отсюда прежде всего вытекаетъ, что крахмалистыя крупинки суть вовсе не *живыя* клѣточки, но безжизненные выдѣленія другихъ живыхъ элементовъ, какъ бы запасный магазинъ для будущаго пользованія тѣмъ или другимъ матеріаломъ. Но кромѣ того вытекаетъ еще и то, что *клеточная форма* съ зерномъ и оболочкой *сама по себѣ еще ничего* не говоритъ за существованіе органической *жизни* даже въ томъ случаѣ, если ея содержимое состоитъ изъ органической матеріи, но что для жизни нужно еще нѣ-

что совершенно *иное*, чѣмъ органическое вещество и органическая форма, нѣчто *идеальное*, что заявляетъ о себѣ въ фактѣ поддержки и *дальнѣйшаго развитія* формы *путемъ перемѣны вещества*, между тѣмъ какъ устойчивость формы черезъ пассивную инерцію вещества относится къ жизни также, какъ и мумія, которая *призракомъ* жизни можетъ одурачить развѣ близорукаго.

И такъ, вѣроятно, что передъ возникновеніемъ простѣйшаго организма уже существовали такъ называемыя органическія соединенія низшихъ степеней; изъ нихъ несравненно легче было построиться организму, чѣмъ изъ воды, углекислоты и амміака, которыми питаются уже готовые организмы.

По меньшей мѣрѣ, эти органическіе матеріалы для образующагося первозародыша играли роль *удобренія*, которое теперь происходитъ отъ процесса разложенія организмовъ. Всѣми принимается вѣроятность, что первые организмы жили въ водѣ, а что это были существа простыя, не болѣе какъ клѣточки, то было показано въ главѣ III.

Что же можно думать о частностяхъ самаго факта возникновенія первоорганизма, то можно остановиться на томъ, что Безсознательное *ухватывалось* за *первую* представляющуюся возможность жизни и осуществляло оную. Если мы до сихъ поръ въ рожденіи черезъ родителей моментъ одушевленія возникающаго зародыша представляли такъ, что Безсознательное привносило это одушевленіе только въ уже *образовавшійся* зародышъ: то въ этомъ случаѣ мы придерживались обычнаго способа возрѣнія, гдѣ тихомолкомъ предполагалось, что необходимыя для *образованія* зародыша безсознательно-психическія дѣятельности исходили отъ родительскихъ организмовъ. Но такъ какъ такое различіе при всеединствѣ Безсознательнаго чревычайно шатко, то мы должны теперь вспомнить о томъ, что *одушевленіе* зародыша

не слѣдуетъ за его возникновеніемъ, но предшествуетъ ему, т. е., что зародышъ только потому и возникаетъ, что Безсознательное употребляетъ на то особую дѣятельность, которая *предустанавливаетъ* особую типическую форму зародыша, сообразно съ возможностями, данными въ наличныхъ условіяхъ.

Это подобно тому, какъ въ образующей дѣятельности цѣлительной силы Безсознательнымъ предустановлена типическая форма вновь вырастающей ноги саламандры. И тутъ, и тамъ не дѣлается противорѣчій законамъ природы, они не устраняются, а только эксплуатируются для высшей цѣли: иначе говоря, образуется нѣчто такое, что не могло бы произойти только въ силу одного совпаденія неорганическихъ законовъ природы и что становится возможнымъ только тѣмъ, что выступаетъ воля Безсознательнаго и вноситъ такія отношенія, въ которыхъ потомъ одно нормальное дѣйствіе этихъ законовъ созидаетъ новую форму, способную къ новымъ дѣйствіямъ.

Какъ ежечасно пытается Безсознательное реализовать и установить жизнь въ милліонахъ зародышей, которые при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ тотчасъ же, нерѣдко въ моментъ самаго возникновенія, уничтожаются неумолимою необходимостью неорганическихъ законовъ: такъ и тогда, когда впервые зажглась жизнь на земной поверхности, милліоны первозародышей погибли при самомъ зарожденіи прежде, чѣмъ удалось жизни, такъ сказать, стать твердою ногою на почвѣ. Но какъ скоро разъ удалось поставить на ноги одинъ или нѣсколько организмовъ, то уже съ этого завоеваннаго операціоннаго базиса Безсознательному было легко взять въ помощь рожденіе отъ родителей и расширять далѣе завоеванную область.

Разумѣется, нужно безконечно менѣе усилій воли для образованія организмовъ при помощи уже существую-

щихъ, чѣмъ безъ нихъ: это подобно тому, какъ для высшаго животнаго гораздо легче дѣйствовать на ткани при помощи нервовъ, чѣмъ безъ нихъ. И такъ, можно принять, что силы или воли, потраченной на произведение *одной* клѣточки путемъ перворожденія, достаточно для образованія многихъ *милльоновъ* клѣточекъ, существующихъ путемъ дѣленія.

Но мы уже видѣли, (Т. I гл. II, III, IV, V, VII и Т. II гл. III.) что природа всюду старается достигать своихъ цѣлей при возможно меньшей тратѣ силы, что она всюду предпочитаетъ созидать механизмы для пользованія уже разъ находящимися въ наличности неорганическими молекулярными силами, чѣмъ тратить новыя усилія; по крайней мѣрѣ, она старается свое прямое вмѣшательство, если оно уже неизбежно, свести на минимумъ траты силы. Съ этой точки зрѣнія и рожденіе черезъ родителей является только *механизмомъ*, замѣняющимъ перворожденіе съ огромною экономіею силы.

Какъ не пойдетъ благоразумный человѣкъ цѣликомъ по полямъ, когда его путь лежитъ по шоссеиной дорогѣ, такъ и Безсознательное, создавши нервную систему въ животномъ, не производитъ сокращенія мускула прямымъ воздѣйствіемъ воли на мышечныя волокна; *точно также при установившемся уже рожденіи черезъ родителей не станеть оно еще тратиться на перворожденіе.*

Это положеніе, выведенное изъ самой сущности рожденія, находитъ въ наше время полное эмпирическое подтвержденіе, ибо вездѣ, гдѣ прежде подозрѣвали перворожденіе, микроскопъ доказалъ рожденіе отъ родителей; и до нынѣшняго дня не было неблюдаемо *ни единого случая* дѣйствительнаго перворожденія, хотя микроскопъ тщательно и во всѣхъ направленіяхъ изслѣдовалъ сферу жизни малѣйшихъ существъ.

Впрочемъ, я не только не оспариваю, что есть *возможность* констатировать перворожденіе и въ настоя-

щее время, но даже утверждаю, что отрицательное доказательство, что теперь не *можетъ быть* никакого перворожденія, по самой природѣ его, на всегда останется *невозможнымъ* для эмпириі. Тѣмъ не менѣе можно допустить, что мнѣніе, въ которомъ *сходятся* и рациональныя соображенія и эмпирическое наблюденіе, имѣетъ за себя большую вѣроятность.

Прибавимъ нѣсколько относящихся къ этому вопросу интересныхъ фактовъ.

Аристотель думалъ, что большая часть животныхъ возникаетъ черезъ перворожденіе; и еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ принимали перворожденіе для внутренностныхъ червей и инфузорій, хотя уже давно слышались голоса, что зародыши отъ родителей тутъ могли быть и незамѣчаемы. Прежде всего были научно установлены пути переселеній и различныя метаморфозы внутренностныхъ червей; потомъ было доказано, что кипяченія *долѣе пяти часовъ* настои, приходившіе въ соприкосновеніе только съ раскаленнымъ воздухомъ, не дали организмовъ. Но защитники перворожденія справедливо протестовали противъ того, ибо накаливаніе воздуха должно отнять способность къ рожденію организмовъ вообще. Шредеръ и Душъ прежде всѣхъ показали, что двадцати дюймовая хлопчато-бумажная пробка такъ фильтруетъ воздухъ, что въ нѣмъ не развивается организмъ. Пастёръ изслѣдовалъ плавающие въ воздухѣ зародыши, собравши ихъ въ гремучую хлопчатую бумагу и растворивши послѣднюю въ эфирѣ и алкогольѣ. Онъ нашелъ, что эти зародыши во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ извѣстнымъ иными путями зародышамъ низшихъ животныхъ. Онъ положительно доказалъ, что они то и суть причина развитія организмовъ въ настояхъ. Когда онъ вводилъ въ послѣдніе черезъ накаленный воздухъ маленькую хлопчато-бумажную пробочку съ зародышами, то каждый разъ возникали организмы, какъ

будто бы былъ допущенъ притокъ вольнаго воздуха. Пастёръ посредствомъ весьма остроумнаго метода сравнилъ даже относительное количество заключающихся въ воздухѣ разныхъ мѣстностей зародышей. Въ послѣднее время Гросъ-Калверъ посредствомъ точныхъ изслѣдованій показалъ, что температура въ 100^а гр. Ц. не уничтожаетъ совершенно маленькіе организмы, о которыхъ идетъ рѣчь; что при 149^а гр. неспособны развиться только организмы въ растворахъ желатины, но что потребна температура въ 204^а гр. чтобы разрушить зародыши во всѣхъ другихъ пробованныхъ растворахъ. Этимъ и получила свое окончательное рѣшеніе научная гипотеза о перворожденіи въ настояхъ.

Еще остается упомянуть о возникновеніи *Monas amyli*. Видѣли, что въ зернахъ крахмала возникаетъ множество одноклѣточныхъ инфузорій и думали встрѣтиться здѣсь съ перворожденіемъ. Но когда основательнѣе изслѣдовали исторію этихъ существъ, то увидали, что они освобождались изъ вполне распавшагося зерна крахмала, что каждое искало свѣжее зернушко крахмала и вторгалось въ него, переливаясь на подобіе амёбы. Далѣе животное размножается внутри какъ бы проглотившаго его зернушка.

Законъ рожденія черезъ родителей проведенъ черезъ всю природу; и намъ не извѣстно ни одного случая, чтобы безъ родителей возникло животное или растеніе, *не извѣстно даже ни одного случая самозарожденія клѣточки внутри уже существующаго организма.*

Если гдѣ либо и появляется перворожденіе, то скорѣе всего оно можетъ встрѣтиться, какъ самопроизвольное возникновеніе клѣточекъ въ сокахъ уже существующаго организма, гдѣ какъ температура, такъ и химическое соединеніе органической матеріи представляютъ къ тому возможно благоприятнѣйшія условія: но это ожи-

даніе тщетно, ибо *внутри организма клѣточка возникаетъ изъ клѣточки.*

Всѣ непредубѣжденные естествоиспытатели признають, что отрицательные результаты самыхъ тщательныхъ изслѣдованій, при нашихъ столь усовершенствованныхъ теперь инструментахъ, даютъ высокую вѣроятность, что въ настоящее время перворожденія не бываетъ. Изъ этой вѣроятности можно далѣе заключить, что перворожденіе даже простѣйшихъ монеръ вовсе не есть дѣло легкое и простое и что для него нужны совсѣмъ другія условія, чѣмъ простая механическая индивидуализація существующихъ протеинныхъ веществъ. Если бъ это было такъ, то перворожденіе монеръ изъ содержащихъ протеинъ жидкостей, при надлежащей температурѣ, освѣщеніи и содержаніи озона въ воздухѣ и т. д., должно бы было быть наблюдаемо подъ микроскопомъ. Но если бы и удалось встрѣтить такой случай, то все-таки никогда нельзя было бы повѣрить, чтобы такая монера, которая все-таки принадлежитъ, по особому способу питанія и воспроизведенія, къ точно опредѣленному виду, могла возникнуть и функционировать въ силу простой игры неорганическихъ атомныхъ силъ безъ психическаго вмѣшательства Безсознательнаго, вмѣшательства, которое идеально регулировало всѣ эти видовыя отличія.

ГЛАВА VIII.

Возрастающее развитие органической жизни на землѣ.

Вопросъ о процессѣ, посредствомъ котораго происходили послѣдовательно отъ низшихъ организмовъ все высшіе и высшіе. Въ этомъ вопросѣ, какъ и вездѣ, важно соблюдаемое Безсознательнымъ начало сбереженія силы. Оно преобразовывало яйцо индивидуума низшаго вида для полученія индивидуума высшаго. «Разнородное рожденіе»: Наслѣдственность и ея значеніе. Высшіе виды происходили отъ наименѣ совершенныхъ формъ предъидущей ступени. Понятіе вида. Односторонность теоріи Дарвина о происхожденіи вида. Значеніе начала борьбы за существованіе. Вопросъ о переходныхъ посредствующихъ формахъ. Такъ какъ одно начало борьбы за существованіе недостаточно для объясненія поступательнаго развитія организмовъ отъ низшихъ къ высшимъ, то необходимо принять и другое начало. Это начало есть цѣлесообразная дѣятельность Безсознательнаго, проявляющаяся преимущественно въ морфологическихъ видоизмѣненіяхъ типа. Заключительные выводы этой главы.

Въ предъидущей главѣ мы указали на вѣроятность того, что Безсознательное подвергалось потратѣ силы на перворожденіе лишь до тѣхъ поръ, пока это было крайне необходимо, т. е., пока оно не могло замѣниться рожденіемъ черезъ родителей. Изъ того же самаго общаго начала природы—сбереженія силы—прямо слѣдуетъ само собою доселѣ подразумѣвавшееся положеніе, что перворожденіе, т. е., *непосредственное* порожденіе изъ неорганизованной матеріи можетъ относиться лишь до наипростѣйшихъ формъ органической жизни, что напротивъ для образованія высшихъ формъ жизни Без-

сознательное отнюдь не прибѣгаетъ къ столь — уже и для низшихъ — тяжелому пути непосредственнаго порожденія, а употребляетъ *посредствующія ступени*. Этимъ я не говорю объ *абсолютной* невозможности прямого порожденія высшаго животнаго; — напротивъ, я, именно, постоянно утверждалъ, что воля можетъ то, чего она хочетъ съ такою силою, чтобы превозмочь противорѣчащія акты воли, — я даже не хочу въ теоріи отрицать и того, что въ извѣстные моменты развитія Земли, *при исключительномъ господствѣ неорганическихъ законовъ*, Безсознательное могло бы произвести прямо высшихъ животныхъ. Я только говорю, что такое прямое порожденіе высшихъ организмовъ потребовало бы чудовищнаго расхода силы, а потому безошибочный разумъ (*das Logische*) Безсознательнаго, сообразно съ началомъ достиженія всѣхъ цѣлей при наименьшемъ расходѣ силы, несомнѣнно долженъ былъ прямому порожденію высшихъ организмовъ предпочесть способъ многообразныхъ посредствующихъ ступеней, изъ коихъ каждая вела къ высшему существу, да кромѣ того *служила еще другимъ самостоятельнымъ цѣлямъ*, и при всемъ томъ была достижима при сравнительно незначительной затратѣ силы путемъ *видоизмѣненія въ рожденіи черезъ родителей*. Прежде всего для перваго порожденія высшаго организма нужны органическія вещества высшаго химическаго состава въ достаточномъ количествѣ и достаточно сконцентрированныя; а ихъ только и можно было найти въ *уже существующемъ низшемъ организмѣ*. Далѣе, хотя уже существующій низшій организмъ *прямо превратить* въ высшій и было бы легче, чѣмъ перворожденіе, все таки это потребовало бы отъ Безсознательнаго большихъ затратъ силы, ибо сперва должно было почти всецѣло *уничтожить* уже установленныя формы и образовавшіеся органы низшаго организма, чтобы дать мѣсто соотвѣт-

ствующимъ формамъ и органамъ высшаго, значитъ, нужно было *уничтожить* то, что было создано въ *эмбриональномъ развитіи* низшаго. Очевидно, что этой разрушительной работы можно было избѣжать, только начиная процессъ превращенія низшихъ формъ и органовъ въ высшія въ такія *раннія стадіи* развитія индивидуума, когда тѣ еще не выработались. Значитъ, въ сущности, говорить о процессѣ превращенія можно только въ *идеальномъ* смыслѣ, ибо здѣсь только идеальный типъ, имѣющій осуществиться изъ зародыша низшаго организма, при обычномъ ходѣ развитія, уступаетъ мѣсто для осуществленія иного идеального типа; на самомъ же дѣлѣ происходитъ не превращеніе, но только эмбриональное развитіе. Даже Агассисъ, главный защитникъ отдѣльнаго творенія видовъ, уступаетъ, что это твореніе могло имѣть мѣсто только въ видѣ *яицъ* и что вмѣстѣ съ тѣмъ для развитія этихъ созданныхъ безъ родителей яицъ должны были быть *присозидаемы* условія подобныя тѣмъ, при какихъ развиваются яйца теперь, когда они произошли отъ родителей, т. е., что все таки родительскія заботы объ нихъ были выполняемы *воспитателями*, конечно, изъ *другихъ* видовъ. Но спрашивается, какое изъ двухъ представленій наиболее странно: то ли, что изъ яйца низшаго вида развивается индивидуумъ высшаго, или то, что образуется готовымъ черезъ перворожденіе такое яйцо высшаго вида, изъ котораго уже ничто кромѣ этого высшаго вида не можетъ выйти и въ которомъ, значитъ, всѣ признаки высшаго вида уже заключались *implicite*? При этомъ надобно замѣтить, что яйца какъ самыхъ высшихъ, такъ и самыхъ низшихъ животныхъ морфологически и химически столь похожи, а первыя стадіи эмбриональнаго развитія протекаютъ столь параллельно, что и то, и другое не различимо, а если даже нѣсколько и различается, то большею частью

по случайнымъ признакамъ. Обыкновенною же ссылкою на то, что въ оплодотворенномъ яйцѣ всегда дѣйствительно заключаются всѣ признаки породы, ничего не выигрывается: ибо если бы это мнѣніе (которое впрочемъ невозможно доказать) и было вѣрно, то всё таки яйцу нужно пройти черезъ нѣсколько стадій развитія прежде, чѣмъ оно дойдетъ до того, чтобы существовать самостоятельно и чтобы изъ него подъ вліяніемъ солнечной или животной теплоты воспитателей, или же тогдашней теплоты земли вылупилось молодое животное, не говоря уже о томъ, что яйца живородящихъ животныхъ никогда не достигаютъ этой самостоятельности. Гдѣ тогда совершалось развитіе яйца прежде этой самостоятельности, откуда оно получало извѣстное количество альбумина, если не изъ материнскаго животнаго, откуда взялся первый собирающій фокусъ для первоначальной желтковой клѣточки, если онъ не былъ заложенъ въ яичникѣ? Вѣдь, альбуминъ вовсе не такъ обиленъ въ неорганической природѣ, чтобы перворожденіе желтковой клѣточки было дѣломъ очень легкимъ. Во всякомъ случаѣ Безсознательное должно было встрѣтить безконечно болѣе затрудненій для постройки яйца, одареннаго всѣми признаками вновь создаемаго высшаго вида, чѣмъ для развитія индивидуума этого высшаго вида изъ яйца низшаго путемъ сглаживанія принадлежащихъ послѣднему признаковъ, уже присущихъ зародышу, и прибавленіемъ новыхъ, или же для образованія въ яичникѣ индивидуума низшаго вида такого яйца, которое бы заключало вполнѣ признаки новаго высшаго вида, или же наконецъ для примѣненія *этихъ обоихъ вспомогательныхъ средствъ заразъ*. Этотъ случай могло представить яйцо, благопріятно заложенное для развитія новаго вида *уже въ самомъ* яичникѣ низшаго вида, яйцо, которое по выходѣ оттуда требовало только нѣкоторыхъ необходимыхъ

для цѣли видоизмѣненій. Откуда, какъ не изъ яйца можетъ естественно происходить индивидуумъ? Гдѣ, какъ не въ яичникѣ материнскаго животнаго, можетъ естественно возникать яйцо? Затрудненія, которыя должно превозмочь Безсознательное при развитіи высшаго организма изъ утробы матери низшаго кажутся незначительными передъ колоссальными трудностями перворожденія высшаго организма. И такъ, если уже выбирать между двумя этими гипотезами, то мы, не сомнѣваясь, примемъ, что высшій видъ происходитъ изъ низшаго путемъ рожденія черезъ родителей, при видоизмѣненіи развитія въ яйцѣ, рожденія, которое Кёлликеръ (Siebold und Kölliker, Zeitschrift für wissenschaftl. Zoolog. und Medic. 1865, Heft 3), заявляющій себя за эти воззрѣнія, называетъ: „разнороднымъ рожденіемъ“.

И такъ, въ порожденіи высшихъ животныхъ мы видимъ лѣстницу, слѣдуя по которой всё къ высшему и высшему виду, организующее Безсознательное доходитъ до самыхъ высшихъ организмовъ: но на этомъ результатѣ мы еще не можемъ остановиться. Хотя мы (въ гл. IV, I т.) и показали, что дѣятельность Безсознательнаго вмѣшивается и во всякій моментъ органическаго образованія, и на всякомъ мѣстѣ организма и что особенно важно его вліяніе въ столь сравнительно трудномъ эмбриональномъ развитіи, но всё таки должно признать съ другой стороны что вездѣ, гдѣ это доступно, а также и въ развитіи яйца оно, по возможности, облегчаетъ свое вмѣшательство заранѣе построенными механизмами и прямыя дѣйствія сводитъ на minimum. Слѣдовательно, въ мужскихъ и женскихъ элементахъ зарожденія есть, по всѣмъ вѣроятностямъ, намѣренно заложенное самимъ Безсознательнымъ въ самыхъ раннихъ стадіяхъ предрасположеніе, которое дѣлаетъ способными эти элементы, при должномъ психическомъ воздѣйствіи, развиваться *скорѣе* по направленію роди-

тельскихъ организмовъ, чѣмъ по какому либо другому. Такъ какъ Безсознательное постоянно слѣдуетъ предначертанному направленію въ развитіи, направленію, которое и вообще соотвѣтствуетъ заранѣе поставленнымъ цѣлямъ, и представляетъ наименѣе препятствій къ ихъ осуществленію, и измѣняетъ это направленіе только на основаніи особыхъ цѣлей; далѣе такъ какъ въ случаяхъ *обыкновеннаго* рожденія, *гдѣ дѣло идетъ только о поддержаніи вида*, такого основанія нѣтъ: то, при психической дѣятельности въ эмбриональномъ развитіи, избираетъ оно обыкновенно тотъ путь, который, въ слѣдствіе заранѣе имъ самимъ заложенныхъ въ элементы зарожденія свойствъ, долженъ быть сочтенъ легчайшимъ. На этомъ пути *рожденное подобно родителямъ*, а цѣлое явленіе называется „унаслѣдованіемъ или наследственностью свойствъ.“ Отъ такого полезнаго общаго правила Безсознательное уклоняется тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ шире и общѣе его область, напр., отъ неорганическихъ законовъ не уклоняется вовсе. Такъ какъ затрудненія—переступить за старыи видъ и прибавить новыя свойства—все таки очень велики, то оно старается, по возможности, устранить тѣ затрудненія которыя пришлось бы пребороть для уничтоженія такихъ свойствъ стараго вида, которыя не могутъ или не должны быть переносимы въ новый. Для этой цѣли оно старается новый высшій видъ образовать изъ *такихъ* видовъ, у которыхъ нужно *только прибавить* новыя свойства, но у которыхъ или вовсе нѣтъ, или сколько возможно менѣе такихъ положительныхъ свойствъ, которыя нужно *уничтожать*, т. е., изъ видовъ, *относительно несовершенныхъ*, одаренныхъ менѣе специфическими свойствами и представляющихъ болѣе *простора* для дальнѣйшаго развитія. Виды же высоко развитые, *сильно дифференцированные*, имѣющіе многія и опредѣленные свойства, для этой цѣли не годятся.

Это вполне *подтверждается* палеонтологическою исторіею развитія животнаго царства. Каждый большой отдѣлъ (классъ?) его подобенъ вѣтви большаго дерева и развивается въ опредѣленный геологическій періодъ отъ простыхъ зачатковъ до высокостоящихъ формъ. Но эти *последнія*, соотвѣтствующія окончностямъ вѣтви, *не служатъ для того, чтобы* изъ нихъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ позднѣйшаго геологическаго періода, выходилъ новый порядокъ животныхъ: ибо эти формы по богатству рѣшительно выраженныхъ свойствъ, такъ сказать, *замыкаются глухимъ переулкомъ*. Напротивъ тѣ несовершенныя первоначальныя исходныя формы отдѣла, какъ бы ближе къ стволу находящіяся слабыя отпрыски той вѣтви, которые съ трудомъ и нуждою держались въ борьбѣ за существованіе противъ совершеннѣйшихъ отпрысковъ въ теченіи цѣлаго періода, и суть тѣ, изъ коихъ, черезъ прибавку *новыхъ, до селъ еще не существовавшихъ, первоначальныхъ свойствъ*, вырастаетъ позже новый отдѣлъ. Это всеобщій законъ природы, котораго приложеніе къ развитію человѣчества давно знакомо каждому знатоку исторіи. Когда расы или племена, которыя въ данное время представляютъ вершину человѣческаго развитія, впадаютъ въ застой (или временное развращеніе), то на поприще исторіи вновь появляются наименѣ развитыя, такъ сказать, дѣвственныя расы и племена, чтобы въ короткое время развиться до такой высоты, которая рѣшительно превосходитъ эпоху процвѣтанія прежнихъ высшихъ расъ. То же и въ развитіи животнаго царства; только здѣсь съ возрастающимъ интеллектомъ выступаетъ ясно наружу и параллельно повышающаяся организациа, между тѣмъ какъ человѣкъ, за исключеніемъ мозговаго развитія, творитъ и образуетъ себѣ органы своей растущей культуры въ видѣ внѣшнихъ орудій (вмѣсто которыхъ у животныхъ органы тѣла).

Какъ ни скудно наше знаніе переходныхъ ступеней по сохранившимся въ современной фаунѣ формамъ и по палеонтологическимъ остаткамъ, до сихъ поръ найденнымъ, однако ихъ вполне достаточно для доказательства вышеприведенныхъ положеній.

Послѣ того какъ ракообразные завершили въ ракахъ, паукообразные начинаются весьма несовершенными клещами и когда они совершенствуются до паука, то у насѣкомыхъ слѣдуетъ попятный шагъ къ низко стоящимъ вшамъ. Высшія формы мягкотѣлыхъ суть сепіи, членистыхъ перепончатокрылыя; и тѣ, и другія организованы гораздо выше, чѣмъ низшія извѣстныя намъ рыбы; и тѣ, и другія жили въ степени совершенства, подобной теперешней, до появленія на землѣ позвоночныхъ. Но онѣ были слишкомъ односторонни и слишкомъ сильно дифференцированы, чтобы съ нихъ начаться отдѣлу, основанному на совершенно иныхъ главныхъ условіяхъ тѣлостроенія. Рыбы развились скорѣе изъ асцидій, червей и ракообразныхъ. Древнѣйшія ископаемыя рыбы принадлежатъ, въ слѣдствіе весьма понятной причины, только къ переходнымъ формамъ отъ ракообразныхъ, ибо два прочіе вида были слишкомъ мягки, чтобы сохраниться въ ископаемыхъ остаткахъ. Напротивъ переходныя формы изъ этихъ двухъ послѣднихъ сохраняются живущими и до сихъ поръ въ двухъ видахъ. Живущая на берегахъ Сѣвернаго и Средиземнаго морей, въ два дюйма длины, почти прозрачная ланцетообразная рыбка *Amphioxus lanceolatus* Pall. еще не имѣетъ ни черепа, ни позвоночнаго столба, но только просто толстую хрящевую струну, какъ основаніе спинного мозга, не имѣетъ головного мозга отдѣльно отъ спиннаго, сердца, селезенки, а вмѣсто печени только слѣпую кишку; вовсе не имѣетъ окрашенной крови, плавательныхъ перьевъ, но только мягкій кожистый (эмбриональный) хвостовой плавникъ. Какъ Линней въ

другой рыбѣ (Muxine) видѣлъ червя, такъ Палласъ считалъ ланцетника за слизня (Limaх). Только новѣйшія анатомическія изслѣдованія показали, что онъ построенъ по типу позвоночныхъ животныхъ и что, представляя самую низшую изъ извѣстныхъ форму рыбъ, онъ вообще можетъ считаться за *прототипъ* или первоначальную форму *цѣлаго класса позвоночныхъ животныхъ*, за прямого потомка древнѣйшихъ позвоночныхъ геологическаго міра, котораго родственники, конечно, въ безчисленныхъ массахъ населяли тогдашнія моря. Ближе всего ланцетникъ въ родствѣ съ асцидіями (родъ моллюсковъ),—у которыхъ, совершенно аналогично съ амфиоксомъ, не только оказывается въ эмбриональномъ развитіи (какъ и у нѣкоторыхъ низшихъ червей) образование такъ называемыхъ зародышныхъ листковъ, (считающееся рѣшительно характеристическимъ признакомъ для типа позвоночныхъ), но которыя въ извѣстной стадіи развитія обладаютъ даже хрящевой основою позвоночнаго столба; конечно, позднѣе онѣ эту основу теряютъ. Если мы пойдемъ далѣе отъ рыбъ къ земноводнымъ, то опять переходъ оказывается только въ несовершенныхъ и низко стоящихъ формахъ, тогда какъ оба отдѣла тѣмъ болѣе отдаляются другъ отъ друга, чѣмъ болѣе они развиваются въ ихъ характеристической односторонности. Живущій въ Амазонкѣ Чешуйчатникъ или *Lepidosiren paradoxa* Natt. есть трехфутовое рыбообразное животное, съ рыбьими жабрами и чешуею, вполне соответствующею чешуѣ костистыхъ рыбъ. Два плавня на головѣ и два на брюхѣ обозначаютъ переднія и заднія конечности. Но кромѣ жабръ животное имѣетъ еще парное легкое, которое воздухоноснымъ каналомъ открывается въ пасть, слѣдовательно, представляетъ такую организацію, которая никогда не встрѣчается у рыбъ, но бываетъ у рыбообразныхъ гадювъ напр. *Proteus*. И такъ, дыха-

ніе и кровообращеніе относятъ чешуйчатника въ высшій классъ земноводныхъ, между тѣмъ какъ остальная организація его всё еще рыба: какъ позвоночное вообще стоитъ это животное на возможно низкой ступени развитія. Его скелетъ окостенѣлъ весьма несовершенно, позвоночный столбъ представляется еще въ нераздѣльной, хрящевой струнѣ, на которой прикрѣплены окостенѣвшія дуги. Подобно Лепидосирену построенъ живущій въ западной Африкѣ *Protopterus*, который въ разлившихся болотахъ нуждается въ жабрахъ, а въ высохшихъ въ легкихъ. Если Гескли 10 лѣтъ тому назадъ счелъ эти признаки за достаточные, чтобы принять происхожденіе двойко дышащаго Лепидосирена отъ циклоидо-чешуйчатыхъ, хрящевыхъ рыбъ, то такое происхожденіе становится очевиднымъ для новаго открытаго Крефтомъ въ Бернетовой рѣкѣ (Queensland) животнаго (*Ceratodus*), которое стоитъ совершенно по срединѣ между хрящевою рыбою и чешуйчатникомъ (*Abbildung und Beschreibung Ergänzungsbl. VI. S. 227*). Вслѣдствіе этого можно счесть доказаннымъ, что земноводныя (а вмѣстѣ съ ними и высшія животныя) происходятъ отъ *хрящевыхъ* рыбъ и что преимущественно обитающія въ теперешнихъ водахъ *костистыя* рыбы образуютъ боковую линію въ древнѣ животнаго царства, гдѣ онѣ рѣшительно стоятъ выше хрящевыхъ рыбъ. Этихъ примѣровъ достаточно для уясненія и подкрѣпленія нашего мнѣнія.

Этотъ фактъ, признаваемый Дарвиномъ, нельзя объяснить его положеніемъ, что строгое *постоянство* въ унаслѣдованіи свойствъ *приобрѣтается* каждымъ видомъ по мѣрѣ его долгаго существованія и что всякій видъ тѣмъ менѣе способенъ уклоняться отъ своего видоваго характера, чѣмъ онъ древнѣе. Въ этомъ утвержденіи есть та *правда*, что молодые виды ближе стоятъ къ своей исходной формѣ, чѣмъ старыя, которые, такъ сказать, позабывъ о своемъ происхожденіи, затвердѣли

въ своей ограниченной обособленности, и что по этому молодые виды одного и того же происхожденія обнаруживаютъ болѣе сродства и возможности смѣшенія между собою, чѣмъ старыя. Такіе молодые виды, при любомъ скрещиваніи еще доставляющіе стойкія помѣси, называются *текучими* видами въ противоположность къ замкнутымъ въ себѣ твердымъ видамъ, въ которыхъ всякая помѣсь быстро погибаетъ, возвращаясь къ первоначальной формѣ. Къ такимъ текучимъ видамъ относятся, напр., собаки, зяблики, мыши, тогда какъ чело-вѣческія расы находятся въ переходномъ состояніи отъ текучихъ къ твердымъ, такъ что между отдаленными членами въ ряду уже нельзя получить прочныхъ помѣсей. — Но совершенно *не вѣрно* въ положеніи Дарвина то, что способность видоизмѣняться вообще и законообразно убываетъ съ продолжительностью существованія вида. Искусственное воспитаніе растений и животныхъ указываетъ скорѣе на отсутствіе разницы въ способности къ видоизмѣненію между старыми и новыми видами. Но допустивъ, что положеніе Дарвина вѣрно, мы должны въ силу его ожидать совершенно *противоположнаго* тому, что оно должно объяснить: такъ какъ совершеннѣйшіе и богато дифференцированные виды во всякомъ случаѣ существуютъ болѣе краткое время, слѣдовательно, *моложе* своихъ менѣе совершенныхъ исходныхъ формъ, то послѣднія, какъ *старшія*, были бы менѣе способны начать изъ себя новые ряды развитія, между тѣмъ факты учатъ противному. И такъ, мы можемъ твердо стать на томъ, что совершеннѣйшіе виды столь же легко и столь же сильно видоизмѣняются, какъ и менѣе совершенные, если измѣнившіяся обстоятельства даютъ къ тому случай: только первые не имѣютъ стремленія столь легко переходить въ *высшіе отряды*, какъ послѣдніе. По чему у нихъ нѣтъ этого влеченія и почему переходъ въ новый отрядъ тогда только имѣетъ

мѣсто, когда внутри дотолѣ шедшаго отряда исчерпано богатство совершеннѣйшихъ формъ — этого Дарвиновская теорія выходя изъ своихъ предположеній никогда указать не можетъ.

Послѣ того какъ мы указали въ разнородномъ рожденіи вспомогательное средство, которымъ пользуется Безсознательное для облегченія себѣ образованія новыхъ видовъ, всмотримся въ него еще глубже. Мы еще не приняли въ соображеніе, какъ велика можетъ быть разница между родителями и рождаемымъ въ разнородномъ рожденіи. Ясно однако, что Безсознательное въ дальнѣйшемъ образованіи высшихъ видовъ не захочетъ бесполезно дѣлать большіе прыжки, но сближаетъ границы видовъ возможно тѣснѣе. Конечно, *скачекъ* все таки дѣлается, ибо безъ него отъ одного вида къ ближайшему должны бы вести *безконечно многія* рожденія, что при конечномъ времени для развитія организациі на землѣ невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, каждый шагъ *не перепрыгнетъ* ни за одинъ видъ, лежащій на прямой линіи развитія, но, самое большое, только перейдетъ къ *ближайшему* высшему.

Здѣсь представляется намъ вопросъ, *какъ далеко* отстоитъ видъ отъ ближайшаго родственнаго или какъ отграничивается понятіе вида съ одной стороны отъ различій большихъ, чѣмъ видовыя, съ другой отъ меньшихъ, словомъ, вопросъ объ опредѣленіи *понятія вида*. *) Всякій непредубѣжденный естествоиспытатель

---

*) Вѣрны или не вѣрны воззрѣнія Гартмана на послѣдовательное развитіе органическаго міра вообще и на образованіе вида въ частности — о томъ я надѣюсь со временемъ высказать свое мнѣніе. Здѣсь же считаю нужнымъ сказать, что онъ довольно произвольно употребляетъ термины, принятые въ естественно-исторической классификаціи. Такъ видомъ онъ нерѣдко называетъ то, чему прилечествуетъ названіе: рода, отряда, класса; иногда же безразлично употребляетъ понятія вида и разновидности. Впрочемъ, для знакомаго съ значеніемъ

уступить, что въ природѣ такихъ границъ для понятія вида не существуетъ и что оно совершенно текучими переходами ведетъ съ одной стороны въ понятіе разновидности или расы, съ другой въ понятіе семейства, или какъ бы ни называли ближайшее общее понятіе: значитъ это, какъ и относительно другихъ понятій ограниченныхъ количественно, зависитъ отъ субъективнаго произвола и взаимнаго соглашенія, какъ далеко захотятъ расширить понятіе вида. Конечно, *въ общихъ и крупныхъ чертахъ* согласны относительно тѣхъ анатомическихъ и внѣшнихъ признаковъ, которые относятся къ видовымъ отличіямъ, но на границахъ всегда останутся различія мнѣній относительно приложенія этого понятія. Нѣкоторые думали прекратить споръ тѣмъ, чтобы критеріумомъ видовыхъ различій двухъ животныхъ положить невозможность произведенія ими *плодоноснаго* потомства. Но во первыхъ два животныя не потому различествуютъ дальше известной мѣры, что не могутъ произвести плодноснаго потомства, но не могутъ производить его потому, что различествуютъ дальше известной мѣры. Значитъ, этотъ признакъ все таки указываетъ не на *сущность*, но только на *слѣдствіе* видовыхъ различій. Во вторыхъ граница произведенія плодноснаго потомства такъ же *текуча*, какъ и понятіе вида, ибо только *количество* совокупленій, доставляющихъ плодносное потомство изъ одного и того же *общаго числа* совокупленій будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ различнѣе животныя: но прежде, какъ послѣ *безконечно многихъ* опытовъ, никто не можетъ утверждать, что рожденіе плодноснаго потомства между *этими* двумя животными *невозможно*. Въ третьихъ есть не мало

терминовъ классификація это смѣшеніе не составляетъ особаго затрудненія для пониманія того, что онъ хочетъ сказать. А. К.

случаевъ, гдѣ этотъ признакъ стоитъ въ противорѣчїи съ обще-принятымъ употребленіемъ понятія вида, ибо отъ животныхъ, всѣми признанныхъ за принадлежащихъ къ разнымъ видамъ, получается путемъ скрещиванья плодородное потомство, напр., отъ лошади и осла (въ Испанїи), отъ овцы и козла, отъ щегленка и чижа, отъ *Mathiola maderensis* и *incana*, отъ *Calceolaria plantaginea* и *integrifolia* и пр. Констатировано даже добровольное, безъ вмѣшательства человѣка, рожденіе ублюдоковъ у дикихъ или полудикихъ животныхъ (между собакой и волчицей, лисой и сукой, каменнымъ бараномъ и козой, собакой и шакаломъ и т. д.). Есть множество помѣсей, которыя между собою даютъ до безконечности плодородное потомство, напр., помѣси зайца и кролика, волка и собаки, козла и овцы, верблюда и дромадера, ламы и альпака, вигони и альпака, каменнаго барана и козы и т. д. Съ другой стороны расы относятся другъ къ другу весьма различно: однѣ не могутъ, другія рѣшительно не хотятъ смѣшиваться между собою; у иныхъ фактически плодородность въ рядѣ поколѣній весьма ограничена. Какъ мало плодородность помѣсей можетъ считаться абсолютнымъ признакомъ вида вообще, такъ же мало неспособность дать съ другими видами прочныя ублюдочныя расы можетъ считаться таковымъ признакомъ для *твердыхъ* видовъ (въ противоположность *текучимъ*). И эту противоположность можно ограничить только количественно, ибо во первыхъ весьма важно то обстоятельство, съ *какимъ* другимъ видомъ были попытки къ смѣшенію, а во вторыхъ у самыхъ твердыхъ теперешнихъ видовъ (также какъ и у молодыхъ помѣсей между твердыми видами) всё таки изрѣдка бываютъ случаи удивительнѣйшихъ возвратовъ къ исходной формѣ предковъ (атавизмъ).

И такъ, если мы должны остановиться на текучести и условности понятія вида, если мы должны согласить-

ся, что въ природѣ есть только меньшія и большія различія, но въ такомъ обилии промежуточныхъ звѣньевъ, что отъ самыхъ незамѣтныхъ индивидуальныхъ оттънковъ до различія между высшимъ и низшимъ организмомъ есть переходъ, ведущій самыми незамѣтными для насъ шагами (срав. Wallace „Beiträge zur natürlichen Zuchtwahl“ deutsch von Meyer, S. 163 ff.): то для Безсознательнаго ни въ понятіи вида, ни въ другомъ ему подобномъ, узкомъ или широкомъ понятіи не можетъ лежать никакого принужденія, которое устанавливало бы норму для величины его шаговъ въ дальнѣйшемъ развитіи организаціи. Что же касается до *наименьшей* мѣры въ скачкахъ разнороднаго рожденія, то её должно искать въ величинѣ препятствій при видоизмѣненіяхъ и въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ Безсознательнымъ (напр., въ достиженіи извѣстныхъ ступеней организаціи въ извѣстные *промежутки времени*). Далѣе наконецъ извѣстно, что между родителями и рожденнымъ имѣетъ мѣсто не *тождество*, а только *подобіе*, ибо различныя матеріальныя обстоятельства обусловливаютъ при рожденіи индивидуальныя отклоненія отъ идеальнаго нормальнаго типа. Для *полнаго* изглаживанія этихъ отклоненій Безсознательному пришлось бы согласиться на *безполезную* затрату силъ, такъ какъ эти индивидуальныя отклоненія обыкновенно и главнымъ образомъ сглаживаются *сами собою*, путемъ *скрещиванія* индивидуумовъ изъ разныхъ семей. Не смотря на то, нужно *удивляться* не различію, а сходству родителей съ рождаемымъ, ибо если Безсознательное при всѣхъ рожденіяхъ внутри одного и того же вида захотѣло бы относиться одинаково и сберегать себѣ трудъ постояннаго сравнивающаго вмѣшательства, то отклоненія между родителями и рожденнымъ, которыя возникли бы путемъ различій въ матеріальныхъ обстоятельствахъ, были бы еще больше, чѣмъ какія мы зна-

емъ теперь изъ опыта. Не смотря на то, мы все таки встрѣчаемся съ фактами, гдѣ Безсознательное охотѣе выпускаетъ на свѣтъ уродовъ, чѣмъ напрягается преодолѣвать предстоящія матеріальныя затрудненія.—Но, безъ сомнѣнія, остающіяся индивидуальныя различія еще достаточно велики для того, чтобы повести къ существенному измѣненію типа.; и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уклоненія благопріятствуютъ цѣлямъ Безсознательнаго, имѣющимъ въ виду дальнѣйшія преобразованія, оно препятствуетъ, чтобы эти индивидуальныя различія не изгладились черезъ скрещиванье. Это препятствіе осуществляется или прямо или черезъ внѣшній механизмъ, при чѣмъ опять таки бережется значительная часть силы.

Что такое возникновеніе видовъ путемъ суммированья индивидуальных уклоненій дѣйствительно бывало, можно видѣть изъ многихъ классовъ животныхъ въ геологическихъ коллекціяхъ, гдѣ собиратели не выбрасывали такіе неудобные посредствующіе экземпляры, которые не подходили въ тотъ или другой рядокъ видовъ. „Безчисленны виды описанныхъ аммонитовъ, ежегодно къ старымъ прибавляются новые, и цѣлые шкафы наполняются книгами только объ аммонитахъ. Если послѣднихъ распредѣлить въ рядъ, то различія между какими либо двумя экземплярами до того незначительны, что всякій безъ малѣйшаго сомнѣнія сочтетъ ихъ только за индивидуальныя отличія. Но въ дюжинѣ уже суммируются малыя различія, а въ двухъ дюжинахъ сумма различій становится такъ велика, что уже нельзя болѣе найти никакого сходства между первымъ и двадцать четвертымъ экземпляромъ; значитъ, если только мы соберемъ достаточное количество экземпляровъ, то переходъ станетъ столь нагляднымъ, что не устоитъ никакое понятіе вида.“ (Fraas. Vor der Sündfluth, S. 269). Таже исторія съ Трилобитами и другими классами. Еще цитата объ улиткахъ: „Около

Штейнгейма (Виртембергъ) поднимается третичный холмъ, котораго болѣе половины состоитъ изъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, раковинъ *Valtata multiformis*. Однѣ изъ нихъ представляютъ видъ башни, какъ у *Paludina* (вышина вдвое противъ толщины) другія имѣютъ видъ почти плоскаго пупка (кругообразныя, вышина вчетверо менѣе толщины). Возьмите, какого угодно, педанта ученаго, привыкшаго замѣчать всяческія различія для установки вида, но и онъ станетъ въ тупикъ у Клостерберга въ Штейнгеймѣ и сознается, что миллионы формъ, которыя онъ попираетъ ногою до того плавно и незамѣтно переходятъ другъ въ друга, что здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ видѣ. „(Fraas, S. 30) Въ этомъ холмѣ ниже лежатъ наиболѣе плоскія, выше башнеобразныя формы: такимъ то образомъ, значитъ, видоизмѣнялся видъ въ теченіи тысячелѣтій, которыя были потребны для образованія этого холма. Въ томъ же Штейнгеймскомъ известковомъ холмѣ изъ другъ на другъ лежащихъ наслоеній можно совершенно ясно увидѣть, какъ постепенно одна исходная форма, расходясь въ разныя стороны, развѣтвлялась позднѣе въ рѣзко очерченные виды (ср. Hilgendorfs Mittheilung im Monatsber. d. Berl. Acad. d. Wiss. Juli 1866).

И такъ, мы твердо стоимъ на томъ, что Безсознательное для произведенія новаго вида не рѣдко пользовалось суммою случайныхъ индивидуальныхъ уклоненій; но этимъ мы не хотимъ сказать, что бы таковыя уклоненія всегда представлялись ему во всѣхъ направленіяхъ, по которымъ оно избираетъ свой путь. Остается всегда возможность думать, что, именно, самые важные шаги развитія сдѣланы не посредствомъ случайныхъ уклоненій, а посредствомъ *планосообразныхъ уклоненій въ организующей дѣятельности*. Я считаю даже необходимымъ принять, что *каждое* поднятіе къ *существенно высшимъ* ступенямъ, предполагающимъ

устройство дотолѣ еще несуществовавшихъ органовъ, не можетъ быть объяснено изъ случайныхъ индивидуальныхъ уклоненій, если они уже выполнили свою главную задачу — исчерпать во всѣхъ направленіяхъ *полное развитіе уже существовавшаго типа.*

Прежде всего какъ можно удовлетворительно понять изъ *случайныхъ* уклоненій возможность измѣненія, наступающаго *одновременно въ различныхъ частяхъ тѣла,* измѣненія, которое въ своихъ различныхъ сторонахъ и частяхъ должно быть подогнано къ *планосообразному цѣлому?* Какъ, напр., представить у перваго сумчатаго животнаго образованіе вымени, которое должно было идти объ руку съ живорожденіемъ, если молодья животныя по рожденіи не должны были безпомощно погибнуть, или какимъ образомъ шло рука объ руку видоизмѣненіе и мужскихъ, и женскихъ половыхъ органовъ, если должно было состояться совокупленіе? Точно также принципъ случайныхъ уклоненій окажется недостаточнымъ тамъ, гдѣ нѣкоторыя части тѣла животныхъ указываютъ на такія особенности анатомическаго строенія, какія для нихъ самихъ не имѣютъ *никакой цѣльности* и которыхъ назначеніе только въ томъ, чтобы служить *посредствующими переходными формами* для выше развитыхъ ступеней, гдѣ, значитъ, ясно обнаруживается *антиципированное* бытіе ради будущихъ цѣлей. Таково, напр., первое образованіе хрящевой спинной струны въ тѣхъ первоначальныхъ формахъ рыбъ, которыя посредствомъ внѣшняго панцыря имѣли достаточную твердость, подобно ракообразнымъ, отъ которыхъ онѣ произошли, такъ что первоначальный внутренний остовъ былъ важенъ не для нихъ самихъ, а для ихъ позднѣйшихъ потомковъ, которые смѣнили внѣшний панцырь на чешую. То же можно сказать о мозгѣ низшихъ дикарей и первобытныхъ людей (древнѣйшіе ископаемые черепа), который имѣетъ $\frac{5}{6}$ величины моз-

га прогрессирующихъ культурныхъ расъ, между тѣмъ для функцій, которыя отправлялись этимъ мозгомъ, было за глаза довольно мозга челоѡкообразныхъ обезьянъ, который доходитъ только до $\frac{1}{3}$ величины мозга культурныхъ расъ. Вотъ буквальные слова самого Уоллеса: „естественный подборъ могъ бы снабдить дикаря только такимъ мозгомъ, который не много превосходитъ мозгъ обезьяны, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ его мозгъ не много ниже мозга философа.“ (Beiträge S. 409.) Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что у челоѡка нѣтъ на спинѣ волосъ, что рука и нога кажутся безъ надобности совершенными органами для дикаря и что челоѡческіе голосовые органы, именно женскій кадыкъ, заключаютъ такіа удивительныя и для дикаря совершенно безполезныя скрытыя способности, получающія цѣну только при высшей культурѣ — всѣ эти обстоятельства ведутъ Уоллеса къ заключенію, „что высшій разумъ руководилъ развитіемъ челоѡка въ опредѣленномъ направленіи и къ опредѣленной цѣли, именно, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ челоѡкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ.“ (Beiträge S. 412).— Дарвиновская теорія оказала услугу тѣмъ, что указала на *суммирование индивидуальных уклоненій* въ опредѣленномъ направленіи, суммирование, которымъ овозможивался переходъ одного типа въ типъ другой разновидности или вида, а также и тѣмъ, что подтвердила это указаніе обильными примѣрами. Для новаго, оказавшаго большія услуги возрѣнія извинительно *перецѣнить свое значеніе* и думать, что имъ *всѣ* объясняется, хотя на самомъ дѣлѣ оно объясняетъ только *одно*, пожалуй, даже большую часть, а потому весьма интересно вышеприведенное свидѣтельство конкурента Дарвина, Уоллеса, которое ясно признаетъ теорію послѣдняго недостаточною для объясненія возникновенія *челоѡка*.

Теперь посмотримъ, какими вспомогательными средствами пользуется Безсознательное въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его единственною задачею остается *закрѣпить* въ опредѣленномъ направленіи случайно возникшія индивидуальныя уклоненія и *помышать* ихъ нормальному сглаживанью и смѣшенію *черезъ скрещиваніе*.

Одно намъ уже извѣстно—это *инстинктъ индивидуальнаго выбора* при удовлетвореніи полового влеченія. Мы уже видѣли (глава VII, 1-го Т.), какъ этимъ средствомъ увеличена и повышена красота въ животномъ царствѣ, а также узнали (гл. V. Т. 1) значеніе его для облагороженія во всѣхъ отношеніяхъ человѣческаго рода и далѣе намекнули на возможность подобнаго же факта и въ высшихъ классахъ животныхъ. Если это средство почти не имѣетъ никакого значенія у низшихъ классовъ животныхъ, то оно возрастаетъ въ важности, по мѣрѣ высшаго развитія; но, конечно, служитъ болѣе къ *закрѣпленію и облагороживанью* вида въ себѣ, чѣмъ къ *переходу въ другой*. Часто на мѣсто активнаго выбора самца становится пассивный выборъ самки, когда страстные самцы, воодушевленные особымъ влеченіемъ къ борьбѣ, бьются за обладаніе самкою; и, естественно, сильнѣйшіе и болѣе ловкіе побѣждаютъ. Гораздо болѣе вліянія на измѣненіе вида оказываетъ другое обстоятельство, именно, *естественный подборъ* (natural selection) *въ борьбѣ за существованіе*; указаніе на него и составляетъ собственно главную заслугу теоріи Дарвина.

Каждое растеніе и животное борются за существованіе въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ отрицательно, защищаясь противъ угрожающихъ враговъ, напр., стихій, хищниковъ и паразитовъ, живущихъ на ихъ счетъ, и во вторыхъ положительно, конкурируя съ другими въ приобрѣтеніи и закрѣпленіи всего нужнаго для продолженія жизни, какъ то: пищи, воздуха, свѣта, поч-

вы и т. д. Самыя проворныя животныя, которыя лучше другихъ могутъ скрываться, или по своему цвѣту и фигурѣ менѣе другихъ выдаются изъ окрестностей, всего легче избѣгаютъ преслѣдованій своихъ враговъ; жертвами непогоды, бури, мороза, жара, мокроты, сухости и т. п. становятся всего менѣе тѣ животныя и растенія, которыя, по своей внѣшной или внутренней организаціи, способнѣе противостоятъ этимъ вліяніямъ; изъ хищныхъ животныхъ при недостаткѣ въ пищу избѣгаютъ голодной смерти только болѣе ловкіе, сильные, быстрые и хитрые; изъ растеній тѣ, которыя при равныхъ отношеніяхъ, питаются энергичнѣе, перерастаютъ другія и достигаютъ такихъ преимуществъ въ потребленіи свѣта, воздуха и влаги, что по большей части задушаютъ отставшія. Мы видимъ, что не рѣдко эта борьба за существованіе возгарается между различными видами и оканчивается полнымъ уничтоженіемъ одного изъ нихъ, напр., домашней крысы странствующею крысою; менѣе примѣтна, но за то болѣе постоянна эта борьба между уклоняющимися индивидуумами одного и того же вида. Эта послѣдняя, конечно, ведетъ за собою облагороживаніе вида, ибо во всѣхъ случаяхъ это суть самыя слабыя индивидуумы, которымъ равнимъ уничтоженіемъ преграждается путь къ дальнѣйшему воспроизведенію; а жизнь на долгое время выпадаетъ на долю лучшихъ и сильнѣйшихъ индивидуумовъ. Но кромѣ облагороживанія имѣетъ мѣсто еще такое измѣненіе вида, что изъ него происходятъ сперва разновидности и расы, а потомъ новые виды. Этотъ случай, конечно, наступаетъ только тогда, когда внѣшнія условія жизни становятся *иными*. Тогда естественный подборъ благопріятствуетъ при дальнѣйшемъ воспроизведеніи такимъ индивидуальнымъ свойствамъ, которыя въ новыхъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ особенную жизненность, слѣдовательно, послѣдствіемъ

этого всегда будетъ приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ жизни. Такъ какъ Безсознательное также хочетъ этого приспособленія, то ему нужно только, въ надлежащихъ случаяхъ, предоставить безпрепятственное господство естественному подбору въ борьбѣ за существованіе и смотрѣть спокойно, какъ его цѣли достигаются безъ всякаго вмѣшательства.

Такія измѣненія внѣшнихъ условій жизни могутъ возникать весьма разнообразно. Во первыхъ можетъ растеніе или животное найти ихъ путемъ переселенія: такая эмиграція, образуя колонію, можетъ защитить вновь возникающую разновидность и превратить её въ основной видъ. Во вторыхъ въ область какого либо растенія или животнаго могутъ устремиться чуждые, странствующие виды растеній или животныхъ; и первые принуждены будутъ испытать и укрѣпить свои силы въ борьбѣ съ послѣдними. Въ третьихъ черезъ поднятіе или опущеніе земли можетъ измѣниться положеніе почвы и высота ея надъ уровнемъ моря; горные хребты могутъ измѣниться въ холмистую страну, равнины въ возвышенности, морское дно въ сушу, морской берегъ въ материкъ, раздѣленные страны могутъ соединиться, а соединенный раздѣлиться и т. д. Далѣе, и помимо названныхъ причинъ, могутъ произойти климатическія перемѣны; и наконецъ перемѣны въ растительномъ царствѣ влекутъ перемѣну жизненныхъ условій въ животномъ и наоборотъ. Эти обстоятельства чрезвычайно разнообразны; и въ большинствѣ географическихъ областей такія перемѣны совершались въ теченіи геологическаго развитія земной поверхности не одинъ, а много разъ.

Если растеніе переселяется на почву, орошаемую болѣе равномерно, то его листья становятся вообще менѣе разчленены, съ меньшими выступами и зеленѣе, цвѣтки меньше и темнѣе; наоборотъ если оно посе-

ляется на болѣе возрѣватую и сухую почву, то его листья становятся голубоватѣе, имѣютъ болѣе лопастей и разчлененій, цвѣтки больше и ярче; и оно закутывается въ густой лиственный покровъ. Такъ на сухой известковой почвѣ *Hutchinsia brevicaulis* переходитъ въ *H. alpina*, *Arabis coerulea* въ *bellidifolia*, *Alchemilla fissa* въ *vulgaris* *Betula pubescens* въ *alba*; на влажной, не содержащей извести почвѣ *Dianthus alpinus* превращается въ *deltoides* (слѣдуя А. Kerner въ Oester. bot. Zeitschrift). Въ животномъ царствѣ, гдѣ измѣнившіяся внѣшнія обстоятельства не столь близко вліяютъ, какъ на растеніе вліяетъ различіе въ почвѣ, при настоящихъ, среднимъ числомъ, постоянныхъ геологическихъ и климатическихъ отношеніяхъ измѣненія видовъ путемъ естественнаго подбора еще не были наблюдаемы, хотя мы и видимъ образованіе сильно уклоняющихся разновидностей особенно подъ неумышленнымъ вліаніемъ человѣка, напр., происхожденіе весьма различныхъ расъ домашнихъ животныхъ (собаки, рогатый скотъ, овцы, лошади). Но при вышеупомянутой текучести перехода отъ расы къ разновидности можно законно допустить, что въ древнѣйшія времена, когда не рѣдко могли наступать болѣе быстрыя, сравнительно съ историческимъ временемъ, перемѣны во внѣшнихъ обстоятельствахъ, не разъ возникали новые виды путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Противъ этого возражали, что въ такомъ случаѣ въ толщахъ земли должны бы были оказаться безконечно многія промежуточія формы, между тѣмъ какъ ископаемые виды по большей части столь же рѣзко, и даже рѣзче, чѣмъ живущіе, различаются другъ отъ друга. Но этимъ ничего не доказывается, ибо, по самому существу дѣла, та форма должна быть конечною формою, которая жизненнѣе, чѣмъ всѣ предшествующія ступени въ періодъ видоизмѣненія, которая, слѣдовательно, побѣдила, т. е.,

искоренила всѣ другія. Стѣсняемая конечною формою предшествующія ей ступени имѣли сравнительно съ послѣднею короткое существованіе, а эта, какъ возможно болѣе приспособленная къ обстоятельствамъ, существовала, по меньшей мѣрѣ, въ теченіи этихъ обстоятельствъ: а потому и нечего удивляться, что мы до сихъ поръ нашли столь мало переходныхъ формъ между различными видами. Но что будто не нашли ихъ вовсе—это не вѣрно: напротивъ какъ между высшими, такъ особенно между низшими животными найдено изумительно обильные переходы.

Кромѣ выше приведенныхъ примѣровъ, укажу на слѣдующіе. Отъ лучистыхъ къ двустороннему (двусимметрическому, *bilateralen*) типу мы знаемъ два переходныхъ ряда: 1) морскія звѣзды, морскіе ежи, морскія кубышки (*Seewalzen*): у послѣднихъ то, что было у первыхъ низомъ и верхомъ, становится передомъ и задомъ; и такъ какъ прибавкою такъ называемыхъ ножекъ образовался новый низъ и верхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оказались правая и лѣвая стороны; 2) кораллы, *Rugosa*, *Pantoffelmuschel*: у палеозойческихъ *Rugosa* перегородки известковаго покрова, соотвѣтствующія складкамъ полости тѣла, уже не располагаются регулярно какъ у другихъ коралловъ, а все болѣе примыкаютъ къ одной главной перегородкѣ, по крайней мѣрѣ, при прибавляющемся молодомъ поколѣніи, такъ что относительно этой главной перегородки полипнякъ представляетъ уже двусторонній типъ. Если у *Rugosa* развивается кромѣ того крышка, то передъ нами появляется *Pantoffelmuschel*, которую до сихъ поръ причисляли къ раковинамъ.

Если на австралійско-новозеландскую фауну вообще нужно смотрѣть какъ на оставшагося представителя древнѣйшаго геологическаго періода, то въ новозеландской сводообразной ящерицѣ мы познакомились съ жи-

вотнымъ, которое въ нѣкоторыхъ признакахъ (двойко вогнутые позвонки, какъ у ящеровъ, половой аппаратъ безъ мужскаго органа) стоитъ на ступени рыбо-ящеровъ, въ остальномъ же развилось до внѣшняго вида ящерицы, которая удивительнымъ образомъ соединяетъ въ себѣ характеристическіе признаки черепахъ (беззубость), крокодиловъ (неподвижность квадратной кости) и змѣй (подвижность вѣтвей нижней челюсти, обусловленная связкой, и участіе реберъ въ передвиженіи). Гексли проводитъ родословное древо нынѣшней лошади шагъ за шагомъ черезъ древнѣйшую лошадь, гиппаріона и гиппаритеріа къ плагіолофу, а этотъ послѣдній есть уже видъ изъ рода палеотеріа (общаго праотца копытныхъ и толстокожихъ): подобнымъ же образомъ мускусовыя животныя настоящаго времени черезъ кенотеріа изъ міоцена приводятся къ дихобюну изъ эоцена, какъ къ основной формѣ. Годри въ пикермійскихъ міоценовыхъ слояхъ въ Греціи, „нашелъ группу *Limosonidae*, которая стоитъ въ серединѣ между медвѣдями и волками; родъ *Hyaenictis*, который связываетъ гіенъ съ цибетовой кошкой; анцилотеріа, который родственъ какъ вымершему мастодонту, такъ и живущему панголину, или чешуйчатому муравьеѣду, и гелладотеріа, который соединяетъ изолированнаго до сихъ поръ жирафа съ оленемъ и антилопою.“ (Уоллесъ S. 342). — Богатый формами міръ обнаруживается передъ нами при разсматриваніи рода: крокодилъ. Крокодилы мѣловаго періода отличаются отъ крокодиловъ древнѣйшаго третичнаго періода, а также и отъ нынѣ живущихъ. Однако, отличія одного члена ряда отъ другого столь малы, что доступны только взгляду знатока. Кажется, что самые отдаленные другъ отъ друга классы— суть пресмыкающіяся и птицы; а между тѣмъ соленгоферскій сланецъ представилъ намъ съ одной стороны птицу (*Archäopteryx*), которая вытянутою фигурою,

несросшимися костями предпаястья и сильными когтями на оконечностяхъ крыльевъ гораздо болѣе приближается къ пресмыкающимся, чѣмъ страусовыя птицы нынѣшняго періода, и съ другой стороны пресмыкающееся (Compsognathus longipes), которое не только исключительно ходило на заднихъ лапахъ (какъ, вѣроятно, дѣлала большая часть динозавровъ), но удивительно походить въ найденныхъ частяхъ на археоптерикса. Связанные между собою всевозможными оттѣнками отпечатки слѣдовъ пресмыкающихся и птицъ того времени заставляютъ ожидать, что мы отъ посредствующихъ формъ найдемъ еще болѣе остатковъ, которые бы перекинули мостикъ черезъ имѣющіяся еще до сихъ поръ различія. Если подумаемъ, что почти каждый годъ являются на свѣтъ Божій новыя удивительныя посредствующія формы и что уже теперь старая систематика зоологіи стала абсолютно несостоятельною, то указаніе противниковъ Дарвина на недостатокъ посредствующихъ формъ въ самомъ дѣлѣ стало проигранною позиціею. И дѣйствительно, можно признать за вѣрный фактъ то, что, рассматривая снизу вверхъ родословное древо нынѣ живущихъ видовъ, мы встрѣчаемъ соответствующихъ имъ представителей изъ прежнихъ геологическихъ періодовъ не въ видахъ, а въ родахъ и что эти представители различныхъ родовъ или отрядовъ отличались въ наиболѣе отдаленныя эпохи только въ такой мѣрѣ, въ какой теперь отличаются виды одного рода или отряда. Такимъ образомъ Оуенъ въ своей Палеонтологіи увѣряетъ: „что онъ никогда не упускалъ удобнаго случая сообщать тѣ результаты наблюденій, которые указываютъ на *болѣе обобщенную* структуру вымершихъ животныхъ, сравнительно съ *спеціализированными* формами новѣйшихъ животныхъ.“ (Ср. какъ допленіе къ этой и предъидущей главѣ превосходное

популярное сочиненіе Эрнеста Гексля: „*Natürliche Schöpfungsgeschichte*“ 2 Aufl. Berlin Reimer 1870.).

Какъ въ переходѣ отъ водныхъ къ наземнымъ животнымъ, такъ и въ переходѣ отъ водныхъ къ наземнымъ растеніямъ стоятъ земноводные организмы. Чтобы быть способнымъ къ жизни, анатомическое строеніе живущихъ въ водѣ стебля и листа должно различаться отъ стебля и листа, живущихъ на воздухѣ по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько различаются жабры отъ легкихъ. Такъ *Utricularia vulgaris* состоитъ какъ бы изъ двухъ организмовъ: одинъ представляется частью растенія, живущаго въ водѣ, другой выходящею на воздухъ цвѣтчною осью. Въ каждомъ изъ трехъ большихъ отдѣловъ растительнаго царства (тайнобрачныя, односѣмянодольныя, двусѣмянодольныя) есть воздушныя растенія (напр., *Marsilia*, *Sagittaria*, *Polygonum*), доказывающія свое происхожденіе отъ водныхъ растеній тѣмъ, что ихъ молодыя побѣги, если ихъ помѣстить подъ водою, развиваютъ стебель и листья, подобныя, по анатомическому строенію, стеблю и листьямъ водныхъ растеній. Но большая часть воздушныхъ растеній, которыя, такъ сказать, уже забыли о своихъ отдаленныхъ предкахъ, этого не дѣлаютъ.

Признавая естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для происхожденія новыхъ видовъ, я однако вовсе не хочу сказать, что этимъ началомъ вообще исчерпывается исторія происхожденія органическаго міра. Не то, чтобы, остановившись на этомъ началѣ, мы разошлись съ нашимъ возрѣніемъ на сущность Безсознательнаго — ибо ему тѣмъ легче было бы заботиться только объ индивидуумѣ, предоставивъ преобразование видовъ механическому теченію — но дѣло въ томъ, что факты, нуждающіеся въ объясненіи, гораздо шире, чѣмъ упомянутое начало, и что оно недостаточно для ихъ объясненія.

Если принять, что организмы съ первоначальной клѣточки до теперешняго ихъ совершенства развились только путемъ борьбы за существованіе, что, слѣдовательно, всякій выше развитый видъ истекалъ изъ ближайшаго низшаго только потому, что онъ былъ въ большей степени способенъ къ жизни, чѣмъ этотъ послѣдній: то отсюда выходитъ необходимое заключеніе, что *всякій* высшій видъ въ своей области превосходитъ способностью къ жизни *всякій* низшій и превосходитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше разстояніе между ступенями ихъ организаціи, ибо, конечно, при каждомъ новомъ шагѣ въ развитіи является приращеніе въ живучести; и приращенія эти суммируются. Однако такое прямое заключеніе вполнѣ противорѣчитъ фактамъ, которые показываютъ, что *всякая ступень организаціи*, взятая въ цѣломъ, *обладаетъ равною* (съ другими?) *способностью къ жизни* и что только *внутри* одной и той же ступени различные *виды или разновидности* различаются болшею или меньшею живучестью. Съ этимъ совпадаетъ и то явленіе, что борьба за существованіе и конкуренція за условія жизни случается *тѣмъ чаще*, бываетъ *тѣмъ безпощаднѣе* и оканчивается полнымъ *уничтоженіемъ* одного какого либо конкуррента тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ *родственнѣе* конкурирующіе виды или разновидности; и въ тоже время чѣмъ дальше отстоятъ другъ отъ друга виды въ генеалогическомъ древѣ организаціи, *тѣмъ мирнѣе* живутъ они другъ подлѣ друга и тѣмъ болѣе взаимно *подкрѣпляютъ* одинъ другого въ дѣлѣ сохраненія жизни. Въ *каждой* мѣстности, если не обращать вниманія на различіе моря и суши, встрѣчаются *всѣ* ступени организаціи, и всѣ отлично процвѣтаютъ другъ подлѣ друга, тогда какъ, по теоріи Дарвина, строго говоря, *въ каждой мѣстности* долженъ бы былъ оставаться *въ концѣ концовъ* только *одинъ видъ* и, именно, *высшій*, ибо онъ, при данныхъ условіяхъ,

превосходитъ всѣ прочіе способностью къ жизни. Но природа тѣмъ-то, именно, и чудесна и величественна, что всякій заключительный типъ какого либо класса *на столько совершененъ въ себѣ*, что хотя и можно изъ него выйти, но не иначе *однако*, какъ присовокупивъ къ нему *новыя анатомически-морфологическія условія строенія*: путемъ же физиологическаго повышенія *наличной* формы или приспособленія ея къ условіямъ жизни выйти нельзя, ибо и то и другое *закончено*. Если бы въ дѣйствительности всѣ ступени организациі не были, среднимъ числомъ, *равно* способны къ жизни, то, конечно, въ борьбѣ за существованіе, тянувшейся милліоны лѣтъ, всѣ низшіе виды были бы давно вполнѣ вытѣснены высшими; а между тѣмъ ископаемые остатки показываютъ, что, при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, только сравнительно не многіе классы животныхъ и растений прежнихъ эпохъ не имѣютъ своихъ представителей, способныхъ къ жизни и въ настоящее время.

Способность приспособленія какого либо класса и даже вида *внутри его собственныхъ границъ* вообще гораздо больше, чѣмъ думаютъ. Это видно отчасти изъ продолженія многихъ видовъ со времени ихъ возникновенія до нашего времени, когда, конечно, обстоятельства много разъ перемѣнялись; отчасти изъ большихъ *областей распространенія* нынѣшнихъ классовъ и видовъ. Нѣкоторые виды живутъ по всей сушѣ, или во всѣхъ моряхъ; многіе виды распространяются на пространства болѣе 20 град., даже до 40 град. широты. Наконецъ это еще доказывается *способностью* видовъ къ *акклиматизаціи*, которая не рѣдко является въ удивительныхъ размѣрахъ, если только наблюденіе и опытъ захватываютъ достаточные промежутки времени. Такъ персиковое дерево, которое есть, вѣроятно, индійское растеніе, не удавалось въ Греціи еще во времена Ари-

стотеля, между тѣмъ какъ нынѣ мы имѣемъ очень хорошіе персики въ Сѣверной Германіи. Значитъ, способность видовъ къ приспособленію внутри ихъ специфическихъ границъ, частію путемъ внутреннихъ физиологическихъ перемѣнъ, ускользающихъ отъ наблюденія, частію путемъ образованія разновидностей, такъ велика, что они въ состояніи совершенно приладиться, *не* выходя изъ вида, къ весьма значительной перемѣнѣ климата и т. д. Многочисленны примѣры, что близко родственные виды живутъ другъ подлѣ друга въ одной мѣстности безъ замѣтной перемѣны въ ихъ относительномъ количествѣ, а между тѣмъ внутри границъ вида между разновидностями или же между еще меньшими различіями идетъ страшная борьба за существованіе. Наконецъ не очень легко и наступаетъ для вида такая большая перемѣна внѣшнихъ обстоятельствъ, или же самъ видъ не легко переселится въ такія необычныя для него условія, что бы его, какъ извѣстно намъ, значительная способность къ приспособленію или акклиматизированію не удовлетворила этимъ обстоятельствамъ и условіямъ *внутри* границъ вида. Если въ одномъ и томъ же мѣстѣ послѣ одной позже наступаетъ вторая перемѣна условій жизни, то по большей части эта вторая будетъ только *возвратомъ* къ уже бывшимъ раньше условіямъ: въ этомъ случаѣ для вида очень простой исходъ; онъ возвращается назадъ по пройденной уже имъ дорогѣ (что наблюдаемо было при опытахъ пересаживанья растений на различныхъ почвахъ). И здѣсь опять нѣтъ повода къ переходу въ *новый* или далѣе стоящій видъ. Если же напротивъ вторая перемѣна условій совершается въ томъ же направленіи, что и первая, то скорѣе видъ въ такомъ случаѣ вымретъ (напр., фауна европейскаго ледянаго періода), чѣмъ перейдетъ въ новый видъ, отстоящій отъ основной формы далѣе, чѣмъ достигнутая до сихъ поръ точка.

Какъ можно, далѣе, понять изъ борьбы за существованія фактъ наступленія новаго направленія въ развитіи послѣ того, какъ исчерпалось видоизмѣненіе послѣдней ступени организаціи и послѣ паузъ, тянувшихся, пожалуй, цѣлыя тысячелѣтія? Мы видѣли, что развитіе высшихъ ступеней исходитъ отъ менѣе совершенныхъ формъ предыдущей ступени. Не говоря уже объ упомянутомъ обстоятельстве, что эти формы стоятъ *гораздо долѣе* другихъ безъ перемѣны, слѣдовательно, по теоріи Дарвина, должны быть наиболѣе постоянными и наименѣе способными къ уклоненію и дальнѣйшему видоизмѣненію; не говоря уже о томъ, что еслибы позднѣйшія формы (т. е. болѣе развитыя) низшихъ ступеней создались *только* въ силу борьбы за существованіе, то и *всѣ* эти примитивныя формы въ слѣдствіе *той же причины и того же процесса* должны бы были *превратиться* въ болѣе развитыя формы *той же* ступени или же, въ теченіи неизмѣримыхъ промежутковъ времени, уже давно были бы *уничтожены* разъ возникшими способнѣйшими къ жизни формами—не говоря уже обо *всѣмъ* этомъ:—должно думать, что, если эти удержавшіяся примитивныя формы, въ силу какихъ бы то ни было причинъ, дѣйствительно получили толчокъ къ дальнѣйшему развитію, то тогда борьбою за существованіе могло быть вызвано *только повтореніе* развитія *въ близкомъ* отъ этихъ формъ направленіи, т. е., къ уже существующимъ высшимъ формамъ *той же* ступени, а не переходъ къ столь уклоняющейся въ морфологическомъ отношеніи высшей ступени, ибо, какъ извѣстно, высшія формы низшей ступени *и* при новыхъ условіяхъ оказываются по большей части *столь же* способны къ жизни, какъ и виды высшей ступени. Это соображеніе получаетъ тѣмъ болѣе вѣсу, чѣмъ больше геологія убѣждается въ томъ, что климатъ и условія жизни прежнихъ геологическихъ періодовъ (за исклю-

ченіемъ перваго времени послѣ охлажденія земной поверхности) все таки могутъ быть сравниваемы съ климатомъ и условіями какихъ либо мѣстностей теперешней земной поверхности и сравниваемы гораздо ближе, чѣмъ допускала то старая геологія, мечтавшая о катастрофахъ и громадныхъ переворотахъ. — Выходя изъ предположеній Дарвиновской теоріи, всего труднѣе понять переходъ отъ одноклѣточныхъ организмовъ къ многоклѣточнымъ: ибо по истинѣ невѣроятное равнодушіе одноклѣточныхъ растеній относительно окружающихъ ихъ условій, т. е., ихъ способность приспособиться путемъ сравнительно ничтожныхъ видоизмѣненій къ наиболѣе необычнымъ условіямъ, явно указываетъ на отсутствіе для нихъ повода къ переходу изъ простаго въ сложный типъ.

Наконецъ спрашивается категорически: какого рода тѣ полезныя приспособленія, которыя происходятъ въ силу борьбы за существованіе? Отвѣтъ: они *исключительно физиологическія*. Здѣсь ясно лежитъ настоящая граница Дарвиновскаго принципа: онъ достаточенъ до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о *развитіи и преобразованіи* даннаго органа въ отношеніи къ *физиологическимъ* отправленіямъ, *требуемымъ обстоятельствами*. — Но какъ скоро нужно объяснить *морфологическую* перемѣну, этотъ принципъ *оставляетъ насъ безъ помощи*. Конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что и морфологическія перемѣны возможны путемъ суммированія индивидуальныхъ уклоненій; и Дарвинъ доказываетъ это на множествѣ примѣровъ, именно, на скелетѣ голубей: но во всѣхъ приводимыхъ въ примѣръ случаяхъ имѣлъ мѣсто *искусственный* подборъ. Для борьбы за существованіе совершенно *безразлично*, будетъ ли у животнаго больше или меньше парю зубовъ, позвонкомъ, или пальцемъ, будетъ ли такая или иная фигура позвонка: а по этимъ то признакамъ зоологъ и различаетъ

видѣ *всего надежнѣе*. Напротивъ очевидно, что борьба за существованіе можетъ вызвать перемѣну только въ такихъ элементахъ организма, которые для нея имѣютъ значеніе; и чѣмъ больше это значеніе, тѣмъ сильнѣе преобразуетъ она элементы организма. Борьба за существованіе производитъ то, что одинъ и тотъ же (въ морфологическомъ отношеніи) органъ беретъ на себя различнѣйшія фізіологическія отправления; между тѣмъ у видовъ, которые, при различномъ происхожденіи, находятся въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, нерѣдко одно и тоже дѣйствіе выполняется совершенно различными морфологическими органами. (Такъ, напр., живущіе на волосахъ животныхъ паразитныя клещи имѣютъ органъ для обхватыванья волоса; у *Listrophorus* этотъ органъ замѣняется губою, у *Miobia* переднею парюю ногъ, у *Muscortes* третьею или же вмѣстѣ съ тѣмъ и четвертою парюю ногъ.) Но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ основной морфологическій типъ остается неприкосновеннымъ и безъ перемѣны. Приложимое ко всему животному царству положеніе, что степень способности къ жизни стоитъ въ рѣшительной зависимости только отъ фізіологическихъ, а не морфологическихъ перемѣнъ потому трудно принимается, что не рѣдко бываютъ случаи *симпатическихъ* измѣненій, что допускается и Дарвиномъ, именно, что съ фізіологическимъ измѣненіемъ органа идутъ объ руку и морфологическія перемѣны, часто въ совершенно иныхъ частяхъ тѣла. Это явленіе, истекающее изъ особыхъ законовъ органически образующей дѣятельности Безсознательнаго способно спутать пониманіе дѣла въ животномъ царствѣ; за то съ полною ясностью оправдывается наше положеніе въ растеніяхъ. Вотъ компетентное мнѣніе Негели (*Entstehung und Begriff der naturhistorischen Art*, München, 1865, S. 26): „Высшая организація обнаруживается двумя моментами—разнообразнѣйшимъ морфологическимъ разчленені-

емъ и весьма широко проведеннымъ раздѣленіемъ труда. Оба момента въ животномъ царствѣ обыкновенно совпадаютъ, ибо одинъ и тотъ же органъ имѣетъ одно и тоже отправленіе. У растеній же они независимы другъ отъ друга: одна и таже функція можетъ выполняться различными органами даже у очень родственныхъ растеній; одинъ и тотъ же органъ можетъ выполнять всевозможныя физиологическія функціи. При этомъ нужно замѣтить, что полезныя приспособленія, которыя Дарвинъ приводитъ у животныхъ и которыхъ множество можно найти у растеній, суть исключительно физиологическія и что они всегда указываютъ на развитіе и преобразование органа для особаго отправленія. Я не знаю въ растительномъ царствѣ ни одного морфологическаго измѣненія, которое было бы объяснимо Дарвиновскою теоріей, и я даже не вижу, какъ могло бы произойти таковое, ибо всеобщіе процессы формировація относятся слишкомъ индифферентно къ физиологическому отправленію. Дарвиновская теорія требуетъ принять положеніе, высказанное и ею самою, что *индифферентныя признаки измѣнчивы, а полезныя напротивъ постоянны*. Отсюда чисто морфологическія особенности растеній должны бы были измѣняться *все-го легче*, а особенности организма, обусловленныя опредѣленнымъ отправленіемъ, *все-го труднѣе*. Опытъ же указываетъ на *противное*. Отношенія положенія и распорядокъ сочетанія клѣточекъ и органовъ представляютъ наиболѣе постоянныя и живучіе признаки какъ естественныхъ, такъ и культурныхъ растеній. У растенія, которое имѣетъ противоположно стоящіе листья и цвѣтокъ въ четыре кольца, скорѣе удастся произвести въ листьяхъ всевозможныя перемѣны, касающіяся функцій, чѣмъ спиральное расположеніе листьевъ, хотя имѣющееся у растенія расположеніе листьевъ, вполне безразличное для борьбы за существованіе, не могло до-

стигнуть постоянства путемъ естественнаго подбора.“ Если бы Дарвинъ бралъ свои примѣры болѣе изъ растительнаго, чѣмъ изъ животнаго царства, то, можетъ быть, онъ и самъ обратилъ бы вниманіе на естественныя границы вліянія борьбы за существованіе. Ясно, что она можетъ измѣнять только отношеніе организмовъ къ внѣшнимъ условіямъ жизни, т. е., ихъ отправленія, и измѣнять органы только въ той мѣрѣ, въ какой отъ нихъ зависятъ отправленія, но что она не можетъ имѣть никакого вліянія на такія свойства организмовъ, перемѣна которыхъ не приноситъ ни вреда, ни пользы организмамъ въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Къ этимъ послѣднимъ свойствамъ какъ у растений, такъ даже и у животныхъ принадлежитъ большая часть *основныхъ началъ морфологическаго типа*, напр., именно, установленныхъ для него *числовыхъ отношеній*.

Въ этомъ мы нашли подкрѣпленіе для нашего вышеупомянутаго положенія, что естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе есть, конечно, высокоцѣнное вспомогательное средство для исчерпывающаго *развитія* разъ существующаго типа *внутри* одной и той же ступени организаціи, но что онъ не можетъ служить для объясненія *перехода* отъ низшей къ высшей ступени организаціи, такъ какъ съ таковымъ всегда связано и *повышеніе* морфологическаго типа. Негели въ своихъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ (Botan. Mittheilungen 1868) — объ отношеніи индивидуумовъ одного и того же растительнаго вида съ одной стороны при одинаковыхъ, съ другой при разныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ — приходитъ къ результату, что какъ при одинаковыхъ условіяхъ бываетъ образованіе различныхъ разновидностей, такъ при разныхъ бываетъ образованіе одинаковыхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить: 1) внѣшнія условія не могутъ быть *единственною* при-

чиною образованія разновидностей, но должно предположить второе, со стороны растенія привходящее условіе, именно, врожденное въ немъ свойство, „тенденцію измѣняться“ (и при томъ въ опредѣленномъ направленіи); 2) но этого внутренняго свойства *одного* достаточно, чтобы растеніе, при *одинаковыхъ* внѣшнихъ обстоятельствахъ, образовывало *различныя* разновидности. Этимъ и подкрѣпляется наше положеніе.

Теперь обратимъ вниманіе читателя на особое вспомогательное средство, котораго *дѣйствительное* приложеніе до сихъ поръ еще не доказано, но котораго возможное приложеніе въ высокой степени интересно. — Назадъ тому десять лѣтъ считалось основнымъ научнымъ положеніемъ, что у всѣхъ животныхъ, которыя проходятъ черезъ метаморфозу, способна къ воспроизведенію только совершеннѣйшая форма. Но теперь уже извѣстно три исключенія. Молодое поколѣніе *Leptodera appendiculata*, паразитнаго волосатика, живущаго въ ногѣ обыкновеннаго голаго слизня, представляетъ форму личинки, сходную съ родителями: при обильномъ кормѣ и влажности личинки не окукливаются, а воспроизводятся между собою часто безъ уменьшенія плодородности. Второй примѣръ представляетъ *sesidomyia*, о которой упоминали (стр. 163). Третій примѣръ — мексиканскій *Axolotl*, котораго тождество съ давно извѣстною *Amblystoma* установлено только съ тѣхъ поръ, какъ въ аквариумахъ метаморфоза *Axolotl*'а въ *Amblystoma* была въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо наблюдаема. Личинковая форма животнаго имѣетъ внѣшніе жабры, подобно не подверженному метаморфозѣ Протею, совершенная же форма безъ жабръ. Очевидно, что здѣсь личинковая форма есть древнѣйшая и первоначальная; и должно допустить, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, одно изъ этихъ лягвообразныхъ животныхъ совершило въ первый разъ метаморфозу и что

его потомству эта переменна сдѣлалась легче путемъ унаслѣдованія. Ахолоtl же не достигаетъ ближайшей стадіи развитія, гдѣ метаморфоза, какъ у большинства гадовъ, входитъ въ правильный оборотъ жизни. Но такъ какъ прогрессъ отъ рыбо-лягвѣ къ высшимъ гадамъ выражается тѣмъ, что способность къ метаморфозѣ вслѣдствіе наследственности становится закономъ: то должно думать, что дальнѣйшій прогрессъ отъ гадовъ къ пресмыкающимся происходитъ такъ, что, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, одному изъ гадовъ удастся произвести дѣтей, уже достигшихъ конечной формы, или, другими словами, перенести метаморфозу въ эмбриональную жизнь. Но до сихъ поръ нѣтъ данныхъ для подтвержденія подобныхъ соображеній.

Теперь изложимъ вкратцѣ результаты изслѣдованій этой главы, въ основѣ которыхъ лежитъ начало возможнаго сбереженія силы при достиженіи предположенныхъ цѣлей:

1) Безсознательное, при созиданіи высшихъ ступеней организаціи *отказывается отъ перворожденія* и привязываетъ свою дѣятельность къ *уже существующимъ* формамъ организмовъ.

2) Оно *не прямо* превращаетъ низшія формы въ высшія, но образуетъ послѣднія изъ благоприятно заложеннаго *зародыша* низшаго вида.

3) Оно дѣлаетъ возможно меньшіе шаги и образуетъ довольно большія различія посредствомъ *суммированія* множества *малыхъ* индивидуальныхъ отличій.

4) Оно пользуется *случайно* возникающими при каждомъ рожденіи индивидуальными уклоненіями, *по скольку* таковыя *идутъ въ направленіяхъ, соответствующихъ* его *цѣлямъ*.

5) Оно прилагаетъ *естественный подборъ* въ борьбѣ за существованіе для укрѣпленія какъ бы то ни было

возникшихъ уклоненій, *по скольку послѣднія въ той борьбѣ придаютъ организмамъ наибольшую живучесть.*

б) Безсознательное должно (не принимая въ расчетъ его постоянного вмѣшательства во всякое органическое образованіе, а также и во всякое рожденіе) прилагать — непосредственную дѣятельность въ процессѣ постепеннаго развитія организациі: съ одной стороны для того, чтобы *вызвать сообразныя съ его планами, но случайно не возникшія въ новомъ зародышѣ уклоненія;* а съ другой стороны для того, чтобы *оградить отъ исчезновенія* вслѣдствіе скрещиванья такія возникшія уклоненія, которыя, хотя и сообразны съ его планами, но не *усиливаютъ* въ организмахъ способности *конкурировать въ борьбѣ за существованіе.*

Въ заключеніе еще замѣтимъ, что, какъ при возможности рожденія черезъ родителей болѣе не имѣетъ мѣста перворожденіе, такъ, въ силу тѣхъ же причинъ, и развитіе новаго вида изъ высшаго бываетъ *только тогда*, когда видъ *еще не существуетъ* вовсе, или, по крайней мѣрѣ, въ этой мѣстности. Слѣдовательно, процессъ развитія новаго вида, при равныхъ условіяхъ, бываетъ или *одинъ разъ* или *немного разъ* въ разныхъ мѣстностяхъ, что эмпирически подтверждено послѣдними изслѣдованіями объ областяхъ происхожденія и центрахъ распространенія животныхъ и растительныхъ видовъ. Но какъ скоро, напротивъ, разъ возникъ новый видъ, то однообразное или нѣсколько видоизмѣненное воспроизведеніе его становится нормальнымъ, навсегда повторяющимся процессомъ вплоть до самой смерти вида. (По Дарвину же процессъ новообразованія нѣкоторыхъ высшихъ видовъ изъ ихъ низшихъ исходныхъ формъ долженъ бы былъ повторяться столь долго или столь часто, сколько продолжаются или наступаютъ вновь разъ вызвавшія его внѣшнія условія. Но такой выводъ трудно согласить съ опытомъ, ибо для такого

соглашенія нужно было бы опираться на то, что какія либо условія наступали на короткое только время и никогда не возвращались, что не вѣроятно.) Слѣдовательно, какъ бы медленнымъ мы ни представляли себѣ процессъ развитія новаго вида (въ нѣсколько сотенъ или тысячъ лѣтъ), все таки это время будетъ *ничтожною частью* того времени, въ которое установившійся видъ воспроизводится *почти безъ перемѣнъ* (нѣсколько сотенъ тысячъ, даже сотенъ милліоновъ лѣтъ).

Это *вторая* причина, почему гораздо чаще находятъ однообразные ископаемые экземпляры съ обособленными видовыми признаками, чѣмъ такіе, которые представляютъ переходныя ступени между близкородственными видами.

ГЛАВА IX.

Индивидуализація.

1) Возможность и опосредствование индивидуализаціи: трудность съ монистической точки зрѣнія объяснить индивидуализацію; философія Безсознательнаго, при помощи понятія объективной феноменальности, примиряетъ реальный плюрализмъ съ монизмомъ; индивидуумы суть акты воли Безсознательнаго или комбинаціи оныхъ; *princípium individuationis*. 2) Индивидуальный характеръ: теоріи пріобрѣтаемаго характера и природнаго характера; примиреніе обѣихъ теорій съ точки зрѣнія философіи Безсознательнаго; скрытыя предрасположенія мозга; относительныя величины частей врожденнаго и пріобрѣтаемаго характера; значеніе измѣняемости характера для прогрессивнаго развитія чловѣка, сравнительно съ измѣняемостью духовныхъ способностей. Заключение.

---

1. ВОЗМОЖНОСТЬ И ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ.

Если существо, проявляющееся въ мірѣ есть единое, нераздѣльное, то откуда множество индивидуумовъ, зачѣмъ каждое изъ нихъ единично? какъ это возможно?

Отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ главную трудность для всякой монистической философіи. Эта трудность главнымъ образомъ и была причиною поворота отъ монизма къ реалистическому плюрализму въ исторіи философіи (напр., послѣ Спинозы Лейбницъ, послѣ Шеллинга и Гегеля Герbartъ, послѣ Шопенгауера Банзенъ). Спиноза не обращаетъ вниманія на вышеприведенные вопросы и догматически утверждаетъ, что ин-

дивидуумы суть *modi* *) единой субстанции: а между тѣмъ ему слѣдовало бы объяснить, почему каждый *modus* отличается отъ другаго и представляетъ въ своемъ родѣ единичное бытіе. Субъективный идеализмъ (Кантъ, Фихте, Шопенгауеръ) считаетъ достаточнымъ объясненіемъ множества въ мірѣ указаніе на его происхожденіе изъ формъ субъективнаго созерцанія: пространства и времени. Признавая въ немъ субъективный призракъ, субъективный идеализмъ все таки не отдѣляется отъ затрудненія и только переноситъ его изъ объективной области въ субъективную: ибо снова остается не рѣшеннымъ вопросъ, какъ появилось множество въ этой послѣдней. Опять спрашивается, какъ возможенъ этотъ, въ своемъ родѣ единственный и отличающій себя отъ другихъ подобныхъ, *созерцающій индивидуумъ*? Если его понять, какъ одинъ изъ многихъ, то этимъ снова вводится непонятное съ монистической точки зрѣнія реальное множество; если же опять отвергнуть послѣднее, то остается не понятною *ограниченность* этого единичнаго созерцающаго субъекта.

Для системы Гегеля въ особенности нашъ вопросъ представляетъ безвыходное затрудненіе. По Гегелю понятіе есть единственная субстанція; нѣтъ ничего кромѣ понятія; и міровой процессъ есть объективная диалектика понятія. Но съ другой стороны онъ самъ соглашается, что понятіе столь же мало, какъ и слово, можетъ выразить единичное это въ его единичности, *это* недѣлимое, на которое, какъ на такое, можно только указать, но не описать. Индивидуальная единичность не доступна для понятія, а потому стоитъ внѣ Гегелевой системы, если она хочетъ остаться послѣдовательною. Она уже не въ состояніи объяснить множество и какъ реальное явленіе, ибо не видать причины, по-

---

*) Виды, проявленія.

чему бы, при разрѣшеніи логической идеи въ природу, каждая ступень развивающагося логическаго процесса должна имѣть болѣе *одной* соотвѣтствующей ступени въ развитіи міроваго процесса. Правда, діалектическое самораздробленіе одинаго на многія даетъ множество въ видѣ чистаго понятія, но никакъ не въ видѣ акциденцій реальнаго явленія. Какъ Гегель никогда не сталъ бы утверждать о самораздробленіи одного реальнаго талера на многіе талеры, такъ нельзя утверждать того же и о самораздробленіи міровой души на многіе реальные индивидуумы. Реальное множество есть *нѣчто большее*, чѣмъ понятіе множества: оно есть сумма индивидуумовъ, изъ коихъ ни одинъ не равенъ другому, изъ коихъ каждый есть этотъ, безъимянный, единственный (точно также, какъ и я есмь безъимянный, единственный), изъ коихъ каждый получается не понятіемъ, а только созерцаніемъ.

Въ качествѣ реакціи противъ Гегелева абстрактнаго идеализма, вполне не признающаго, если не отрицающаго буквально, правъ естественнаго индивидуума, какъ такого, является плюрализмъ Гербарта, который снова поднялъ знамя множества реальныхъ вещей. Историческое оправданіе и *истина* Гербартова ученія заключается въ утвержденіи, *что право множества и индивидуальности имѣетъ столько же силы, сколько реальность бытія вообще*. Его *ошибочность* заключается въ отрицаніи феноменальности всего реальнаго и всяческаго бытія. Субъективный идеализмъ чуялъ истину, утверждая, что реальность есть только феноменъ; но онъ исказилъ эту мысль тѣмъ, что не зналъ иной феноменальности, кромѣ субъективной, а потому у него множество стало только субъективнымъ призракомъ. Но если мы сущее поймемъ, какъ объективное (т. е., независящее отъ познающаго субъекта сознанія) явленіе или какъ обнаруженіе того, что стоитъ надъ или за

сущимъ (subsistit), то тогда реальность и (объективная) феноменальность станутъ для насъ синонимами; тогда мы будемъ знать, что множество, права котораго идутъ не дальше реальности существующаго міра, подобно сему послѣднему, имѣетъ только феноменальное, а вовсе не трансцендентно-метафизическое значеніе. Шопенгауеръ видимо склоняется *) къ этой точкѣ зрѣнія; но онъ слишкомъ завязъ въ субъективномъ идеализмѣ, чтобы свое понятіе индивидуальной объективаци воли преобразовать въ понятіе объективной феноменальности. Недостатокъ въ этомъ понятіи заставилъ его, въ противорѣчіе съ собственными началами, допустить въ сферу трансцендентно-метафизическую и множество, и индивидуальность (умопостигаемый индивидуальный характеръ и индивидуальное отрицаніе воли). Выходя отсюда, Банзенъ уже дошелъ до того, что въ системѣ характерологическаго индивидуализма поставилъ метафизическій плюрализмъ воли и отвергъ монизмъ Шопенгауера, ибо, замѣтивъ противорѣчія системы послѣдняго, онъ не считалъ возможнымъ какъ либо иначе спасти права индивидуальности. Но, введенное Шеллингомъ и Гегелемъ въ философію и принятое послѣдователями Шопенгауера, а именно Фрауенштедтомъ, понятіе объективной феноменальности объясняетъ всё, что нужно объяснить, удовлетворительнымъ и наименѣе одностороннимъ образомъ. Какъ, съ одной стороны, столь же энергично, какъ и Гербартъ, я защищаю и поддерживаю единичность индивидуума и его право

---

*) Хотя и преждевременно, но не могу утерпѣть, чтобы не опротестовать этихъ словъ Гартмана. Нѣтъ и нѣтъ! Шопенгауеръ слишкомъ ясно и рѣзко охранялъ истинное (по моему)—различіе понятій идеализма и реализма, чтобы склоняться къ теоріи объективной феноменальности. Съ точки зрѣнія Шопенгауера эта теорія есть, *sit venia verbo*, нѣчто въ родѣ гермафродита въ сферѣ философской мысли. А. К.

среди реального міра противъ абстрактнаго идеализма и монизма: такъ, съ другой стороны, я столь же рѣшительно оспариваю, какъ неосновательное и ничѣмъ не оправдываемое, всякое притязаніе индивидуума на трансцендентно-метафизическое значеніе, шагающее за этотъ міръ объективной феноменальности. Я даже считаю тотъ плюрализмъ, который *начисто отрицаетъ* всё трансцендентно-метафизическое позади реального міра, *болѣе сноснымъ и философскимъ*, чѣмъ тотъ, который индивидуумъ раздуваетъ до вѣчной трансцендентной субстанціи: ибо первый только *отказывается* отъ всякой метафизики въ пользу физики, послѣдній же имѣетъ *ложную* метафизику, что гораздо хуже. Но какъ несомнѣнно тотъ первый плюрализмъ удовлетворяетъ всѣмъ правомѣрнымъ притязаніямъ индивидуальности, точно также несомнѣнно дѣлаетъ то же и философія Безсознательнаго, уступая индивидууму его права. Разница только въ томъ, что она къ воззрѣніямъ того плюрализма на реальный міръ и его множество присоединяетъ еще метафизику (именно монистическую, что, впрочемъ, въ данномъ случаѣ всё равно). Итакъ, философія Безсознательнаго есть *истинное примиреніе монизма и плюралистическаго индивидуализма*, такъ какъ она каждую изъ обѣихъ сторонъ признаетъ законною и, указывая каждой приличествующую ей область (метафизическую и физическо-реальную), *соединяетъ въ себѣ обѣ, какъ снятые моменты*.

Обращаясь теперь къ поставленнымъ выше вопросамъ, мы оставимъ пока безъ отвѣта вопросъ: зачѣмъ индивидуализація, и займемся другимъ: *какъ возможна она съ точки зрѣнія монистическихъ началъ?*

Въ общихъ чертахъ отвѣтъ таковъ: „индивидуумы суть объективно поставленныя явленія; они суть соизволенные мысли Безсознательнаго или опредѣленные акты его воли; единство сущности не нарушается мно-

жествомъ индивидуумовъ, которые суть дѣятельности (или комбинаціи дѣятельностей) единого существа.“ Но для убѣдительности нашего отвѣта нужно указать подробно на дѣятельности, изъ коихъ возникаетъ индивидуумъ и на необходимость различія каждаго индивидуума отъ другого, т. е., необходимость его единичности.

Мы уже видѣли, (гл. V) что индивидуумы высшихъ порядковъ происходятъ черезъ сложеніе индивидуумовъ низшихъ порядковъ, при присоединеніи дѣятельностей Безсознательнаго, направленныхъ на результатъ этого сложенія; по этому для объясненія индивидуализаціи надобно начинать съ индивидуумовъ самаго низшаго порядка, т. е. съ атомовъ.

Здѣсь мы имѣемъ двѣ группы индивидуумовъ: силы отталкивательныя и притягательныя. Внутри каждой группы индивидуумы вполне равны и различаются только *мѣстомъ*. Такъ какъ силы атомовъ А и В различны только тѣмъ, что различно дѣйствуютъ на силы другихъ атомовъ, и такъ какъ направленія дѣйствія А и направленія дѣйствія В пересѣкаются въ какой либо одной точкѣ, то это различіе кратко выражается такъ: А и В занимаютъ различныя мѣста, хотя, строго говоря, сила не занимаетъ мѣста, но только ея дѣйствія различаются пространственно. Если же мы представимъ себѣ два атома соединенными въ одной математической точкѣ, то они перестаютъ быть не только *различимыми*, но даже и *различными*: ибо они перестаютъ быть *двумя силами*, а дѣлаются *одною двойною*.

Теперь становится яснымъ и понятнымъ выше поставленный общій отвѣтъ. Безсознательное одновременно имѣетъ различныя акты воли, которые составляющими ихъ содержаніе представленіями различаются на столько, на сколько пространственныя отношенія ихъ дѣйствій представляются различными. Но когда

воля реализуетъ свое содержаніе, то выступаютъ эти многіе акты воли въ объективную реальность въ видѣ столь же многихъ индивидуальныхъ силъ: онѣ то и составляютъ первое, исходное проявленіе сущности. Такъ какъ Безсознательное представляетъ каждое дѣйствіе атомной силы различно отъ каждаго другаго, т. е., единичнымъ, то, конечно, и реализація дѣйствія одной атомной силы различна отъ реализаціи дѣйствія всякой другой, т. е., также единична, не смотря на то, что онѣ по своему *понятію* неразличимы. Созерцающее представленіе Безсознательнаго различаетъ ихъ не въ понятіи, а въ ихъ пространственныхъ отношеніяхъ точно также, какъ мы правую перчатку знаемъ за правую черезъ созерцаніе, хотя это знаніе не можетъ состояться въ какомъ либо понятіи или комбинаціи понятій.

Здѣсь надобно припомнить сказанное нами (т. I гл. XIV) о родѣ и способѣ, *какимъ* представляетъ Безсознательное. Понятіе есть результатъ процесса выдѣленія или отвлеченія; а Безсознательное всегда владѣетъ полнымъ содержаніемъ своего представленія, не имѣя надобности дѣлать внутри его выдѣленія. Понятіе есть продуктъ дискурсивнаго мышленія, прибѣгающаго по своей слабости къ нему, какъ къ печальной необходимости. Безсознательное же мыслить не дискурсивно, а интуитивно; оно мыслить понятія только въ той степени, въ какой они заключаются въ интуиціи, какъ невыдѣлимая составная часть, слѣдовательно, нечего удивляться, если между интуиціями Безсознательнаго есть такія, изъ которыхъ уже никакихъ понятій не можетъ быть выдѣлено для дискурсивнаго мышленія, какъ, напр., созерцаніе, что дѣйствія атомной силы А должны направиться такъ, что линія ихъ направленія пересѣкается *въ этой точкѣ, здѣсь*, а дѣйствія силы атома В такъ, что линія ихъ направленія пересѣкается *въ*

той точкѣ, тамъ. Значитъ, у атомовъ различіе и единичность индивидуумовъ сводится, въ самомъ дѣлѣ, прямо на различіе и единичность представленій, которыя выражаются въ актахъ воли, составляя ихъ содержаніе, такъ что какому либо индивидууму соотвѣтствуетъ какой либо простой актъ воли.

Къ сожалѣнію, матерію никогда не понимали какъ комбинацію актовъ воли Безсознательнаго, а потому и не пользовались единственнымъ примѣромъ, гдѣ индивидуализація такъ проста для пониманія. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ индивидуумахъ высшихъ порядковъ, пониманіе индивидуализація затруднено тѣмъ, что индивидуумъ образуется только изъ сложной, каждую минуту измѣняющейся, комбинаціи актовъ воли.

Остановимся еще нѣсколько на атомныхъ силахъ матеріи и спросимъ о средѣ, которая дѣлаетъ возможною индивидуализацію въ области матеріи, о такъ называемомъ „*principium individuationis*“. Безъ всякаго сомнѣнія, эта среда есть соединеніе времени и пространства. Вѣдь, мы уже видѣли, что, по своему понятію, равныя атомныя силы А и В отличаются только различными *пространственными* отношеніями ихъ дѣйствій, говоря неточно и кратко, ихъ *мѣстами*. Впрочемъ, прежде мы къ словамъ: „ихъ дѣйствій“ опустили прибавить: „въ одинъ и тотъ же моментъ времени“; а между тѣмъ эта прибавка для полноты необходима ибо *со временемъ* можетъ перемѣняться и мѣсто атома. Впрочемъ, выраженіе: *principium individuationis* дурно выбрано; нужно бы сказать: *medium individuationis*: *) ибо *происхожденіе* индивидуализація, равно какъ пространства и времени, зависитъ исключительно отъ Безсознательнаго, а именно: отъ представленія—*идеальное* раз-

---

*) Среда индивидуализація.

личіе и единичность атомовъ, отъ воли — ихъ *реальность*.

Здѣсь можетъ показаться, что я говорю тоже самое, что и Шопенгауеръ, который также считаетъ пространство и время за *principium individuationis*. Тѣмъ не менѣе между моимъ и его воззрѣніемъ есть существенная разница. У Шопенгауера пространство и время суть только формы *субъективнаго мозговаго созерцанія*, съ которыми трансцендентная (въ теоретическо-познавательномъ смыслѣ) реальность ничего не имѣетъ общаго; слѣдовательно, для него вся индивидуализація есть *только субъективный призракъ*, которому, внѣ мозговаго сознанія, не соотвѣтствуетъ никакая дѣйствительность. По моему же пространство и время суть какъ формы *внѣшней дѣйствительности*, такъ и субъективнаго мозговаго созерцанія. Конечно, они не суть формы трансцендентной (въ метафизическомъ смыслѣ) *сущности*, но только ея *дѣятельности*, такъ что индивидуализація имѣетъ не только реальность, кажущуюся для сознанія, но реальность, *независимую* отъ всякаго сознанія; а между тѣмъ сама субстанція не подлежитъ множеству.

Здѣсь представляется наиболѣе приличное мѣсто для объясненія понятія объективнаго явленія въ противоположность къ Канто-Фихте-Шопенгауеровскому понятію только субъективнаго явленія. Возможность множества и индивидуализаціи, независимо отъ представляющаго ихъ субъекта сознанія, связана съ тѣмъ условіемъ, что *principium* или *medium individuationis* дано помимо созерцанія субъекта сознанія, т. е., что пространство и время суть не только формы созерцанія, но также и формы бытія *въ себѣ* сущаго (т. е., независимо отъ представленія субъекта сознанія). Кто отрицаетъ это, тотъ необходимо долженъ отрицать и то, что есть какое либо иное множество и индивидуаль-

ность кромѣ поставленныхъ сознательнымъ представленіемъ, слѣдовательно, долженъ отрицать, что онъ и его жена суть *два индивидуума*, существующіе независимо отъ его представленія. Но сущность матеріи есть только воля и представленіе, составляющіе единую субстанцію всего существующаго: множество же зависитъ отъ дѣйствія и реально по столько, по сколько существуетъ соприкосновеніе актовъ воли другъ съ другомъ (одинъ атомъ не былъ бы вовсе и атомомъ). Значитъ, множество, индивидуализація (а также реальность и бытіе) заключаются только въ *обнаруживаніи* метафизической силы, въ *дѣйствіи* субстанціи, въ *выраженіи* скрытой причины, въ *объективациіи* воли, въ *проявленіи* единой сущности. Множество есть не *субъективное* только явленіе, но все таки оно есть *только* проявленіе единого существа, а потому мы и называемъ его *объективнымъ* явленіемъ. Точно также пространство и время называемъ мы объективными формами явленій, ибо они суть начало индивидуализаціи и множества объективныхъ явленій.

Если бы Шопенгауеръ такъ не упорствовалъ въ своемъ кантизмѣ, то навѣрное и онъ высказалъ бы истину вмѣсто того, чтобы утверждать, что множество въ мірѣ получаетъ бытіе только *посредствомъ* перваго животнаго сознанія и *вз* его созерцанія. Въ этомъ справедливо только то, что и объективное явленіе нуждается во взаимодѣйствіи *различныхъ* актовъ воли для того, чтобы стать реальнымъ, т. е., чтобы изъ безсознательно идеальной постановки выступить во внѣшнюю дѣйствительность. Ошибка же заключается въ томъ, что будто для реальности требуется какъ условіе, что бы одинъ изъ возбужденныхъ актовъ воли былъ связанъ съ субъектомъ *сознанія*. Если мы выдѣлимъ это неправомѣрное требованіе, то останется простая истина, что объективное явленіе, которое *основано на* индиви-

дуализаціи единого въ множество, возможно безъ противорѣчія себѣ только въ этомъ множествѣ. Кромѣ того въ Шопенгауеровскомъ положеніи, что міръ индивидуализаціи получаетъ бытіе только съ первымъ познающимъ его субъектомъ сознанія, заключается та ошибочная мысль, что будто субъективное явленіе, которое умъ самопроизвольно строитъ изъ матеріальныхъ событій въ объективномъ явленіи своего мозга, есть непосредственное и истинное явленіе самой сущности, тогда какъ на самомъ то дѣлѣ оно (субъективное явленіе) весьма не сходно съ объективнымъ явленіемъ (т. е., суммою естественныхъ индивидуумовъ, независимо отъ того, какъ они созерцаются) и даже во многихъ пунктахъ вполне разнородно. Только объективное явленіе есть истинное и непосредственное явленіе сущности, субъективное же явленіе есть субъективно окрашенная и искаженная копія объективнаго явленія. Путемъ выдѣленія элементовъ, принадлежащихъ только субъективности, и путемъ научнаго изслѣдованія объективныхъ причинъ для такъ-то и такъ-то данныхъ впечатлѣній субъекта пріобрѣсти *адекватный* мысленный образъ объективнаго явленія и такимъ образомъ познать его содержаніе („какъ и что“—*das Was*)—составляетъ цѣль и задачу естествовѣденія (*физики* въ широкомъ смыслѣ); *метафизика* же старается по атрибутамъ и способу обнаруживанья познать сущность, которая лежитъ въ основѣ объективнаго явленія (т. е., вещи природы). Такъ, напр., матерія, какъ субъективное явленіе, есть вещество съ его чувственными качествами; какъ объективное явленіе, она есть пространственно-опредѣленный комплексъ атомныхъ точекъ; какъ сущность, лежащая въ основѣ этого явленія, она есть все-единое Безсознательное съ атрибутами волею и представленіемъ: первое есть чувственное опредѣленіе матеріи, второе физическое, третье метафизическое.

Второй пунктъ, въ которомъ я расхожусь съ Шопенгауеромъ заключается въ томъ, что онъ вовсе не знаетъ атомовъ, а потому подъ словомъ: „индивидуализація матеріи“ онъ, въ сущности, не можетъ мыслить ничего опредѣленнаго, такъ какъ онъ не можетъ сказать, что такое индивидуумы просто неорганической матеріи. Наконецъ въ третьихъ онъ наивно считаетъ органическіе индивидуумы такими же непосредственными объективаціями воли, какими я считаю атомныя силы: между тѣмъ я, слѣдуя естествовѣденію, объясняю происхожденіе органическихъ индивидуумовъ черезъ сложеніе атомныхъ индивидуумовъ. Значитъ, у Шопенгауера для органическихъ индивидуумовъ пространство и время суть *principium individuationis* въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и для атомовъ; тогда какъ я для индивидуумовъ высшаго порядка *непосредственнымъ principium individuationis* могу считать только тѣ индивидуумы низшаго порядка, изъ которыхъ первые сложились, хотя, въ концѣ концовъ, *не прямымъ principium individuationis* остаются все таки пространство и время, ибо, конечно, весь матеріальный міръ строится изъ атомныхъ силъ. Только овладѣвшій Шопенгауеромъ субъективный идеализмъ, для котораго матерія, а также и органическое тѣло должны быть только субъективнымъ призракомъ безъ соотвѣтствующей по ту сторону сознанія реальности, только этотъ идеализмъ могъ привести Шопенгауера къ положенію, что тѣло есть *непосредственная объективація индивидуальной воли*, положенію, которое не можетъ устоять противъ факта весьма слабой власти воли надъ тѣломъ и обмѣномъ вещества, составляющемъ первое условіе всяческой органической жизни. Во первыхъ мы знаемъ изъ опыта, что матерія, составляющая наше тѣло, есть для насъ нѣчто чуждое и безразличное, что она постоянно выдѣляется и замѣняется другою, причѣмъ тѣло, какъ такое,

не измѣняется; во вторыхъ изъ того же опыта мы знаемъ, что матерія нашего тѣла представляетъ противъ души совершенно реальную силу, съ которой нужно считаться для того, чтобы, на сколько нужно практически, покорить её, но которая тотчасъ побѣждаетъ насъ сама, если мы попробуемъ пренебрегать ею или ставить ей требованія, которыя вынудить у ней нельзя по недостаточности психической мощи. Однимъ словомъ, опытъ учитъ, что матерія представляетъ уже готовый, до известной степени безразличный грубый строевой материалъ, который образующая психическая сила привлекаетъ къ себѣ или отталкиваетъ отъ себя, но котораго законы она должна соблюдать, ибо безнаказанно они не нарушаются.

Если мы вспомнимъ (гл. VII), что Безсознательное реализируетъ жизнь, гдѣ только представляется къ тому возможность, что органическая жизнь мыслима только въ органической формѣ и нуждается для своего осуществленія въ матеріи, то отсюда слѣдуетъ, что индивидуализація органической жизни обусловлена этими моментами. Значитъ для ея осуществленія долженъ быть взятъ комплексъ атомовъ, заключенныхъ въ известныя пространственныя границы; и атомы эти должны быть приведены въ такія состоянія взаимнаго положенія и группировки, которыя дѣлали бы возможнымъ органической обмѣнъ вещества. Но эти атомы суть индивидуумы, т. е., каждый изъ нихъ есть *единица*, слѣдовательно, и органически составленный комплексъ этихъ атомовъ, и направленная исключительно на него дѣятельность Безсознательнаго, вмѣстѣ составляющіе высшій индивидуумъ, — должны быть тоже *единицею*.

Здѣсь мы видимъ, какъ было сказано выше, что индивидуумы низшаго порядка для индивидуумовъ высшаго суть *medium individuationis*. Итакъ, индивидуализація органической жизни получаетъ начало въ мате-

ріи и черезъ неё, индивидуализація же атомовъ — въ пространствѣ и времени и черезъ нихъ. У всѣхъ высшихъ индивидуумовъ общая форма нуждается въ содержаніи или веществѣ, что бы стать конкретною; то, что для индивидуумовъ высшаго порядка было *веществомъ*, становится для индивидуумовъ низшаго *формою*. Только въ матеріи получается послѣдній членъ этого ряда, *только здѣсь* типическая форма становится сама собою конкретною, дѣлается, такъ сказать, *сама для себя веществомъ*. Это дѣлается тѣмъ весьма простымъ средствомъ, что всѣ направленія дѣйствія силы, пересѣкаясь въ одной и той же точкѣ пространства, фиксируются въ ней. Такъ какъ атомныя силы не имѣютъ внѣ себя никакого вещества, въ которомъ бы онѣ индивидуализировались, то онѣ различаются *только* своимъ мѣстомъ (не говоря о различіи атомовъ тѣлесныхъ и эфирныхъ), которое и есть ихъ единственное *medium individuationis*. Напротивъ высшіе индивидуумы, имѣющие, какъ *medium individuationis*, матерію, *кромя* различія въ занимаемомъ ими мѣстѣ, имѣютъ еще обширное поприще для индивидуальныхъ различій въ составляющей ихъ матеріи.

Здѣсь является для индивидуумовъ высшихъ порядковъ возможность *индивидуальнаго характера*; къ этому явленію, проходящему черезъ всю лѣстницу органической жизни, мы теперь и обратимся.

2. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЪ.

О человѣческомъ характерѣ существуютъ двѣ крайнія теоріи: одна (Руссо, Гельвецій и т. д.) утверждаетъ, что всѣ люди при рожденіи равны, т. е., значить, не имѣютъ индивидуальнаго характера, что ихъ душа какъ относительно характера, такъ и представленій есть *tabula rasa* и что она пріобрѣтаетъ и то, и дру-

гое черезъ внѣшнія впечатлѣнія. По этой теоріи характеръ есть дѣло воспитанія и обстоятельствъ.

Другая теорія (Шопенгауеръ) утверждаетъ, что характеръ *неизмѣняемъ*, что хотя онъ, при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ, напр., въ различные возрасты, и обнаруживается различно, но что, по своей сущности, онъ есть неотъемлемая и неизмѣняемая природа и основа человѣка, а слѣдовательно, отъ колыбели до могилы остается однимъ и тѣмъ же.

Каждая изъ обѣихъ теорій очень хорошо объясняетъ одну часть фактовъ, но передъ другою должна замолчать. Удивительнымъ покажется, что воззрѣнія французскихъ натуралистовъ не встрѣтятъ возраженія со стороны метафизики и могутъ быть приняты ею благопріятнѣе, чѣмъ теорія метафизика Шопенгауера. Принимая, что характеръ разъ и навсегда установленъ и предрѣшенъ довременно, онъ не можетъ выдержать критики, исходящей изъ его собственныхъ началъ.

Если, слѣдуя Шопенгауеру, желающему быть абсолютнымъ монистомъ, міровая воля, по существу своему едина, если далѣе характеръ, какъ онъ утверждаетъ, есть ничто иное, какъ особенность индивидуальной воли, то ясно, что возможность *индивидуальности* характера можно мыслить только при условіи индивидуализированной *дѣятельности* всеобщей воли, ибо эта индивидуальность не можетъ быть основана непосредственно въ *существо* всеобщей воли, такъ какъ оно навсегда остается *общимъ*. Но какимъ образомъ нужно мыслить довременною *дѣятельность* воли, устанавливающую характеръ, о томъ я не имѣю никакого понятія. Я могу мыслить внѣ времени только сущность, но не ея дѣятельность, ибо дѣятельность тотчасъ же полагаетъ время. Можетъ быть, здѣсь принимается возможною дѣятельность во время, равное нулю, но въ такомъ случаѣ она въ тотъ же моментъ и *погасаетъ*; а

между тѣмъ характеръ, продолжающійся во все время жизни индивидуума, очевидно, требуетъ такое же время продолжающейся дѣятельности всеобщей воли. Иными словами, ученіе объ *умопостигаемомъ индивидуальномъ характерѣ* есть противорѣчіе и съ монистическимъ началомъ и съ трансцендентальною идеальностью пространства и времени: ибо въ *умопостигаемомъ* нѣтъ *principiū individuationis*, слѣдовательно, нѣтъ и множества и индивидуальности, слѣдовательно, и *многихъ* индивидуальныхъ характеровъ. Индивидуальный характеръ предполагаетъ индивидуумы, значитъ, множество, индивидуальность, т. е., міръ явленій; какъ и эти послѣднія, онъ возможенъ только черезъ *время*, черезъ временную дѣятельность всеобщей умопостигаемой сущности.

Съ метафизической точки зрѣнія гораздо легче допустить теорію французскихъ натуралистовъ, что врождены только типическіе характеры вида, а не индивидуальные характеры и что послѣдніе вырабатываются постепенно въ слѣдствіе перемѣны характера въ разныхъ направленіяхъ. Это мнѣніе лучше согласуется съ все-единствомъ всеобщей сущности, ибо въ такомъ случаѣ индивидуальные видоизмѣненія первоначально одинаковаго видаго характера приводятся къ различію мозговыхъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждое оставляетъ въ мозгу перемѣну. Отъ этихъ перемѣнъ возникаетъ молекулярное движеніе гораздо легче въ томъ же смыслѣ, въ какомъ было и вызванное впечатлѣніями, чѣмъ въ какомъ либо иномъ. Здѣсь въ приложеніи къ характеру мы встрѣчаемся съ особымъ случаемъ того общаго явленія, что *привычка* становится *силою*. Что касается до первыхъ опредѣленныхъ дѣйствій въ еще несложившемся характерѣ, то они вполне опредѣляются мотивами; а какого рода и какой силы эти послѣдніе встрѣчаются человѣку, это зависитъ отъ внѣшнихъ

обстоятельствъ. Но если уже случилось первое дѣйствіе въ извѣстномъ смыслѣ, то для слѣдующаго подобнаго случая мотивы, дѣйствующие въ томъ же направленіи, какъ и въ первый разъ, уже получаютъ нѣкоторое, хотя и не замѣтное, преимущество сравнительно съ противоположными мотивами. Это преимущество дѣлается все большимъ съ каждымъ разомъ воздѣйствія мотивовъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Такимъ-то образомъ вырабатывается то явленіе, что нѣкоторые мотивы вліяютъ на данный индивидуумъ больше, а другіе меньше, сравнительно съ вліаніемъ ихъ на средній типическій характеръ вида; и *сумма* всѣхъ этихъ *преобладаній* и есть индивидуальный характеръ.

Итакъ, по этой теоріи индивидуальный характеръ происходитъ главнымъ образомъ отъ индивидуальныхъ свойствъ мозга, которыя зависятъ отъ прежнихъ, обусловленныхъ внѣшними обстоятельствами впечатлѣній: ибо привычка можетъ имѣть прямое вліаніе только на органъ сознанія, но не на Безсознательное. Тѣмъ не менѣе съ свойствами мозга перемѣняется и родъ дѣятельности, направляемой на него Безсознательнымъ: ибо эта дѣятельность мѣняется со всякою перемѣною въ организмъ; а мозгъ есть одна изъ важнѣйшихъ частей его. Безсознательное на какой либо мотивъ всегда вызываетъ въ мозгу ту реакцію, которая *представляется легчайшею для вызова*. Только тамъ, гдѣ выступаютъ на сцену особенно важные, а именно, всеобщіе интересы, беретъ оно на себя трудъ отвѣчать на раздраженіе мотива иного, чѣмъ эта легчайшая, реакціею. Этотъ случай бываетъ при дѣйствіяхъ по безсознательнымъ цѣлямъ, гдѣ реакція, которая прямо отвѣчаетъ на мотивъ въ иныхъ случаяхъ, задерживается или вытѣсняется другою, обусловленною исключительно безсознательными посредствующими членами. Ново всѣхъ случаяхъ, гдѣ Безсознательное не имѣетъ никакого осо-

баго интереса тратить силу и замѣнять легчайшую реакцію иною, въ этихъ случаяхъ дѣятельность Безсознательнаго мѣняется сообразно съ привычными перемѣнами въ мозгу, обусловливающими эти легчайшія реакціи: а родъ этой дѣятельности и есть самъ характеръ или самое внутреннее существо человѣка. Въ томъ, что этотъ характеръ лежитъ въ Безсознательномъ и что тѣмъ не менѣе его свойства обусловливаются мозгомъ, спеціальнымъ органомъ *сознанія*, — въ томъ нѣтъ противорѣчія: ибо органъ сознанія вмѣстѣ со всѣми своими отношеніями въ положеніи молекулъ, которыя (т. е., отношенія) должны быть разсматриваемы, какъ *скрытыя предрасположенія* къ извѣстнымъ состояніямъ колебаній того или другого рода, самъ лежитъ столь далеко по ту сторону всякаго сознанія, что между его матеріальными функціями и сознательнымъ представленіемъ вставляется цѣлый комплексъ тѣхъ безсознательныхъ психическихъ функцій, о которыхъ мы уже говорили. При этомъ нужно еще замѣтить, что эти скрытыя мозговья предрасположенія вовсе не суть полныя и достаточныя причины для появленія въ сознаніе опредѣленнаго представленія, но суть только условія, способствующія къ вызову его дѣятельностію воли. Одни они никогда не могли бы достигнуть какого либо психическаго результата; самопроизвольное Безсознательное беретъ отъ нихъ только опредѣляющее направленіе для рода и способа развитія своей дѣятельности. Оно вовсе не связано съ ними до такой степени, чтобы произвольно не видоизмѣнять ихъ, когда того требуютъ высшія цѣли.

Изъ этихъ соображеній вытекаетъ, что человѣкъ, *еслибъ даже онъ и родился безъ индивидуальнаго характера*, въ взросломъ состояніи уже долженъ бы былъ имѣть *приобрѣтенный* индивидуальный характеръ, болѣе или менѣе открояющійся отъ типическаго видового характера. Но далѣе мы знаемъ, что, производя дѣ-

тей, этотъ человѣкъ, по закону наследственности, вѣроятно, болѣе или менѣе полно передаетъ нѣкоторымъ изъ своихъ дѣтей эти особенныя предрасположенія своего мозга, отклоняющіяся отъ типическаго человѣческаго мозга. Таковыя дѣти уже рождаются съ этими скрытыми предрасположеніями, обусловливающими индивидуальный характеръ, и какъ скоро вступаютъ въ обстоятельства, благопріятствующія дѣйствию этихъ предрасположеній, то обнаруживается и ихъ врожденный характеръ. Очень трудно изслѣдовать въ единичномъ случаѣ, *откуда* происходятъ свойства даннаго врожденнаго характера, ибо тому мѣшаютъ какъ явленія возврата въ отцовскую или материнскую линію, такъ и смѣшеніе этихъ свойствъ, идущихъ съ разныхъ сторонъ: тѣмъ не менѣе непререкаемый фактъ врожденнаго характера можно объяснить *только вышеизложеннымъ образомъ*. Имѣлъ ли *первый* человѣкъ индивидуальный характеръ, есть вопросъ прѣздный: его *видовой* характеръ и былъ его *индивидуальнымъ* характеромъ, ибо онъ, въ качествѣ перваго индивидуума въ своемъ видѣ, вполне представлялъ послѣдній. Такъ какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, что понятіе вида есть нѣчто текучее, то каждый органическій индивидуумъ (а также и первый человѣкъ) есть непременно членъ органически развивающаго ряда, внутри котораго онъ отъ своихъ ближайшихъ предковъ получаетъ въ видѣ наследства цѣлое сокровище характерологическихъ особенностей. Это сокровище, видоизмѣнное впечатлѣніями собственной жизни (до того возраста, когда онъ становится родителемъ), онъ съ своей стороны опять передаетъ своимъ потомкамъ.

Итакъ, *главную часть* своего характера человѣкъ приноситъ съ собою съ появленіемъ въ міръ. Какъ велика эта часть сравнительно съ пріобрѣтаемою, зависитъ отъ необычности и аномальности условій, въ ко-

торыхъ онъ движется. Въ большинствѣ случаевъ привычки *одной* человѣческой жизни *не* могутъ произвести глубокихъ измѣненій въ наследственномъ характерѣ. Обыкновенно приобретаемая часть характера ограничивается очень не важными вновь привходящими свойствами, или же укрѣпленіемъ полученныхъ по наследству, или ослабленіемъ послѣднихъ въ слѣдствіе малаго проявленія ихъ. Послѣдній случай сравнительно рѣдокъ, ибо всего труднѣе забывать разъ выученное, такъ что изъ всѣхъ перемѣнъ въ характерѣ подавленіе и ослабленіе наличныхъ свойствъ есть самая трудная. Это-то въ особенности и побудило Шопенгауера утверждать *неизмѣняемость* характера.

Кто сомнѣвается въ фактѣ унаслѣдованія *приобрѣтаемыхъ* свойствъ характера, тому я укажу на подтверждающіе то примѣры. Никто не усомнится, что, идя вверхъ по генеалогическому древу нѣкоторыхъ семействъ, имѣющихъ наследственные болѣзни, можно дойти до предка, который не унаслѣдовалъ ихъ, а приобрѣлъ. Что ампутированныя руки и ноги и тому подобныя искалѣчиванья обыкновенно не наследуются, — это ничего не доказываетъ противъ нашихъ воззрѣній: ибо это суть уже слишкомъ грубыя и очевидныя нарушенія типической идеи, чтобы можно было ожидать ихъ реализаціи въ дѣтяхъ; однако даже и здѣсь бываютъ удивительныя исключенія. Геккель указываетъ на племяннаго быка, который давалъ безхвостыхъ телятъ, ибо случайно у него хвостъ былъ оторванъ при самомъ корнѣ; отрѣзывая послѣдовательно у нѣсколькихъ поколѣній хвостъ, получаютъ безхвостую собачью породу. Морскія свинки, которыхъ искусственнымъ поврежденіемъ спинного хребта дѣлали эпилептиками, передавали по наследству эту болѣзнь своимъ потомкамъ. Вообще приобретаемыя свойства наследуются тѣмъ легче, чѣмъ менѣе они нарушаютъ видовой типъ и чѣмъ

мельче органическія измѣненія, которыя ихъ составляютъ. А къ этимъ послѣднимъ и относятся всѣ предрасположенія мозга къ извѣстнымъ состояніямъ колебаній. Извѣстно по опыту, что потомство укрощенныхъ животныхъ дѣлается смирнѣе, чѣмъ молодыя животныя, взятая въ плѣнъ дикими, и что изъ домашнихъ животныхъ тѣ молодыя животныя обѣщаютъ стать особенно смирными, послушными и понятливыми, которыя происходятъ отъ таковыхъ же родителей. Всякая дрессировка животнаго въ какомъ либо направленіи даетъ тѣмъ болѣе надежды на успѣхъ, чѣмъ болѣе были дрессированы въ томъ же направленіи его родители. Молодые не дрессированныя охотничьи собаки отъ хорошихъ родителей почти сами собою служатъ на охотѣ, какъ слѣдуетъ, тогда какъ охотничья дрессировка для собакъ, происходящихъ отъ родителей, которые никогда не употреблялись для охоты, составляетъ дѣло весьма трудное. Такихъ примѣровъ, подтверждающихъ унаслѣдованіе приобрѣтаемыхъ свойствъ характера, множество и между людьми.

Если мы до сихъ поръ, говоря о человѣческомъ индивидуальномъ характерѣ, останавливались на характерѣ въ тѣсномъ смыслѣ и не касались индивидуальныхъ различій въ дарованіяхъ, талантахъ и способностяхъ, то только потому, что споры главнымъ образомъ вертятся около характера въ тѣсномъ смыслѣ. Но для того, кто согласился бы съ нашимъ мнѣніемъ относительно происхожденія и развитія различій въ характерѣ въ тѣсномъ смыслѣ, уже не трудно убѣдиться, что оно еще болѣе приложимо къ происхожденію и развитію индивидуальныхъ различій въ способностяхъ, талантахъ и пр. Что характеръ въ тѣсномъ смыслѣ нельзя отдѣлять отъ духовныхъ дарованій, видно уже изъ того, что съ одной стороны обладаніе какой либо умственной способностью постоянно сопровождается *влеченіемъ* пользоваться ею

и что съ другой характеръ въ тѣсномъ смыслѣ уже предполагаетъ умственную способность, ибо онъ есть сумма способовъ, которыми воля реагируетъ на различные роды мотивовъ; и каждый способъ реакціи только потому становится особеннымъ, что, при данномъ мотивѣ, окончательная воля обладаетъ особеннымъ, отклоняющимся (сравнительно съ другими индивидуумами) *содержаніемъ*, состоящимъ изъ представлений. Слѣдовательно, если характеръ врожденъ (т. е., унаслѣдованъ), то и это особое содержаніе врождено; а съ нимъ вмѣстѣ врождена и особенность способа реакціи воли при данномъ мотивѣ. Но содержаніе, какъ врожденное (унаслѣдованное), мыслимо только въ видѣ представленія, дремлющаго въ памяти, т. е., какъ предрасположеніе молекулъ мозга къ извѣстному роду колебаній. Такъ напр., поведеніе молодой не дрессированной охотничьей собаки (ея вниманіе къ дичи, ея стойка и поноска) можетъ быть объяснено унаслѣдованною отъ предковъ памятью. Но, конечно, это нужно представлять не такъ, что въ слѣдствіе унаслѣдованныхъ предрасположеній мозга выплывающія, при надлежащемъ поводѣ, представленія сознаются собакою какъ воспоминанія, но такъ, что они только становятся, содержаніемъ актовъ воли, вызванныхъ этимъ поводомъ (мотивомъ). Къ этому нужно прибавить, что характеръ въ тѣсномъ смыслѣ постоянно уравнивается черезъ скрещиваніе и для человѣческаго рода въ существенныхъ чертахъ почти остается на одной и той же ступени, между тѣмъ какъ духовныя дарованія и способности въ человѣчествѣ подлежатъ постоянному повышенію. Это зависитъ отъ того, что различные характеры прилаживаются къ жизни почти одинаково хорошо, между тѣмъ какъ человѣкъ, одаренный высшими духовными способностями, всегда имѣетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. Эта противоположность еще ярче выступаетъ у цѣлыхъ

народовъ. Ихъ характеръ въ борьбѣ за существованіе имѣетъ ничтожное значеніе сравнительно съ ихъ духовными способностями и развитіемъ. Въ борьбѣ за существованіе остается побѣдителемъ то прямодушный и храбрый, то хитрый и трусливый, то медленный и осмотрительный, то горячій и увлекающійся, то нравственный, то развратный, но въ концѣ концовъ всегда *духовно выше стоящій* народъ.

Но если мы взглянемъ назадъ на до человѣческую исторію развитія органической жизни, то увидимъ, что тамъ характеръ и интеллектъ поднимаются рука объ руку, ровными шагами. Только на очень высокихъ ступеняхъ животнаго царства можемъ мы найти такія проявленія ума, которыя говорятъ за нѣчто большее, чѣмъ непосредственное содержаніе акта воли, вызваннаго предлагающимъ мотивомъ. Оттого то въ низшихъ сферахъ духовной жизни (т. е., у низшихъ животныхъ) и имѣютъ весьма важное значеніе врожденные способы реакціи воли или унаслѣдованныя дремлющія въ памяти представленія. Но какъ въ этихъ предрасположеніяхъ головного мозга и ганглиевъ Безсознательное созидаетъ себѣ механизмы для легчайшаго полученія извѣстныхъ реакцій воли (напр., склонность пчелъ строить шестистороннія ячейки): такъ нѣчто подобное тому имѣетъ мѣсто и въ абстрактныхъ человѣческихъ представленіяхъ, которыя часто повторяются и очень важны для организаціи мышленія въ цѣломъ его составѣ (напр., математическія понятія, логическія категоріи, формы языка и т. д.). Во всякомъ случаѣ можно, несомнѣваясь, утверждать, что повышеніе сознательнаго ума въ исторіи органическаго развитія вообще, а также и въ человѣчествѣ происходило не только отъ интенсивнаго и екстенсивнаго расширенія умственныхъ способностей, но также и отъ усиленнаго унаслѣдованія предрасположеній мозга, которыя были полезны въ дѣлѣ умственныхъ отправленій.

До результатовъ, которые мы здѣсь получили, можно было бы дойти и инымъ путемъ, именно, еслибы, строя далѣе на основаніи полученныхъ въ предыдущихъ двухъ главахъ результатовъ, мы еще разъ обозрѣли различныя причины индивидуальныхъ уклоненій, начиная съ возникновенія первой клѣточки. Согласіе въ цѣли, къ которой приводятъ оба пути, говоритъ въ ея пользу. Но при этомъ оказалась бы слѣдующая разница.

Сообразно съ тѣмъ, что индивидуальные отклоненія въ низшихъ организмахъ главнымъ образомъ встрѣчаются въ строеніи тѣла и органическихъ отправленіяхъ, мы отыскивали происхожденіе такихъ отклоненій преимущественно въ такомъ періодѣ жизни низшихъ организмовъ, который представляетъ наименѣе препятствій для видоизмѣненій. Но такъ какъ у человека уклоненія въ духовныхъ свойствахъ гораздо важнѣе чѣмъ въ тѣлесныхъ, то, конечно, мы должны были возникновеніе этихъ уклоненій искать въ такомъ періодѣ жизни, гдѣ духовныя функціи уже совершаются, т. е., *по рожденіи и, именно, не въ самомъ первомъ времени* этого періода, да и *не въ позднѣйшемъ*, гдѣ развитіе останавливается, но въ впечатлительномъ *дѣтскомъ и юношескомъ* возрастѣ.

Въ сущности же вотъ источникъ индивидуальныхъ различій во всѣмъ органическомъ царствѣ: внѣшнія обстоятельства обуславливаютъ уклоненія въ строеніи организма, а эти послѣднія обуславливаютъ уклоненія въ направленной на организмъ дѣятельности все-единого Безсознательнаго. Эти различія присовокупляются къ тѣмъ, которыя обусловлены уже различіемъ въ веществѣ, потребномъ на строеніе организмовъ. Тѣ и другія вмѣстѣ составляютъ сумму различій, которая каждому индивидууму обеспечиваетъ его *единичность*.

ГЛАВА X.

Бессознательное премудро; и міръ наилучшій изъ всѣхъ
возможныхъ.

Всеобщность удивленія передъ премудростью природы. Согласіе съ Лейбницемъ въ положеніи: что міръ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ. Косвенная обосновка этого положенія. Ложность ученія Лейбница о привативности зла. Анализъ выраженія: «совершенный», ведущаго къ смѣшенію понятій. Правдивость и справедливость сами по себѣ не могутъ быть цѣлями мірового процесса. Всего естественнѣе искать ее въ счастіи. Скрытое побужденіе, которое повело Лейбница къ его ученію о злѣ. Переходъ къ вопросу: о бытіи міра въ сравненіи съ его небытіемъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, какъ скоро они немного выходили изъ первобытной дикости, удивлялись премудрости творца, строителя и руководителя міра и болѣе или менѣе восторженно восхваляли ее. Если нѣкоторую часть этихъ хваленій и можно отнести къ корыстному расчету польстить богамъ; то другую большую часть оныхъ, безъ сомнѣнія, можно считать за выраженіе искренняго убѣжденія. Только тотъ, кто отрицаетъ цѣли въ природѣ, можетъ отрѣшиться отъ этого убѣжденія: но это отрицаніе развивается уже изъ отвлеченной философской системы; оно антипатично первоначальному естественному взгляду на явленія природы. Чуждый отвлеченіямъ, этотъ взглядъ всего сильнѣе поражается конкретными явленіями; и для глубоко впечатлительнаго человѣка изъ младенчес-

твующаго народа достаточно встрѣчи съ однимъ рѣзкимъ случаемъ цѣлесообразности въ природѣ, чтобы проникнуться глубокимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ. Такъ разсказываютъ объ одномъ древнемъ браминѣ, что онъ до того изумился растенію, ловящему насѣкомыхъ, что не отошелъ отъ него до своей смерти, не принимая пищи и питья.— Положенія: „природа ничего не дѣлаетъ даромъ; природа все дѣлаетъ къ лучшему; природа употребляетъ самыя простыя средства и пути для своихъ цѣлей;“—суть выраженія этой общепризнанной премудрости природы. Особенно сильно высказывалось это убѣжденіе раціоналистами вѣка Лейбница и Вольфа. Хотя ихъ хвалебныя пѣсни въ честь Лейбницевскаго „наилучшаго изъ міровъ“ и состояли по большей части изъ пустыхъ, фразистыхъ декламацій, повредившихъ защищаемому ими воззрѣнію въ глазахъ потомства, все-таки въ этомъ воззрѣніи есть зерно вѣчной истины, къ выдѣленію котораго мы и обратимся.

Мы знаемъ, (т. I. гл. XIV) что Безсознательное *не ошибается, не колеблется и моментально мыслитъ* цѣлую цѣпь положеній и умозаключеній, тогда какъ сознаніе совершаетъ тоже путемъ длиннаго процесса, и притомъ *Безсознательное мыслитъ безошибочно*: ибо его абсолютному *ясновидѣнію* всегда и мгновенно подлежатъ *всѣ* данныя для такого мышленія. Безсознательное моментально видитъ всѣ будущія цѣли, ближайшія и отдаленнѣйшія, а также всѣ пути и возможности для сообразнаго съ ними воздѣйствія въ мірѣ. Поэтому всякое вмѣшательство Безсознательнаго въ эту ткань цѣлей въ мірѣ совершается въ *должный* моментъ; а образъ и способъ этого вмѣшательства есть *цѣлесообразнѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ*. Все это подтверждено нашими изслѣдованіями во всѣхъ областяхъ жизни. Мы видѣли, что Безсознательное употребляетъ каждую естественную причину какъ средство для своихъ цѣлей, слѣдовательно,

дѣйствуетъ не произвольно, а законообразно, именно, въ силу разъ и навсегда твердо поставленной конечной цѣли; при чемъ ежеминутно представляющіяся обстоятельства, въ которыя оно вмѣшивается, опредѣлены съ логическою необходимостью. Въ теченіи нашихъ изслѣдованій мы не разъ удивлялись мудрости Безсознательнаго въ устройствѣ имъ различныхъ механизмовъ для сохраненія силы и въ пользованіи какъ ими, такъ и вообще представляющимися комбинаціями внѣшнихъ обстоятельствъ. Здѣсь нѣтъ надобности исчислять эти механизмы; ограничимся только напоминаніемъ о самомъ обширномъ и важномъ изъ нихъ, именно, системѣ физико-химическихъ естественныхъ законовъ. Но сколько бы ни облегчали работу Безсознательнаго механизмы, все-таки они не могутъ избавить его хотя бы отъ малаго, но постояннаго прямого приложенія силы, ибо дѣйствіе механизма, по самой его природѣ, простирается только на рядъ однородныхъ случаевъ; въ дѣйствительности же всякій случай чѣмъ либо отличается отъ другого. Значитъ, самый лучшій механизмъ оставляетъ нѣкоторую долю работы, которая требуетъ прямой дѣятельности Безсознательнаго. Если же для этой прямой работы потребно израсходовать менѣе силы, чѣмъ для постройки новаго механизма, замѣняющаго эту работу, то, конечно, прямое вмѣшательство оправдывается собственными принципами Безсознательнаго. Такіе, напр., случаи для прямого вмѣшательства Безсознательнаго представляетъ всего чаще исторія человѣчества, гдѣ Безсознательное, преслѣдуя свои цѣли во всѣхъ областяхъ культурнаго развитія, прямо воздѣйствуетъ на мозги человѣческіе.

Итакъ, мы должны приписать Безсознательному: 1) абсолютное ясновидѣніе, 2) безошибочность въ логической комбинаціи всевозможныхъ данныхъ и возможно-цѣлесообразнѣйшую дѣятельность въ должный моментъ и

3) непрестанное вмѣшательство въ каждое время и на каждомъ мѣстѣ. Далѣе мы должны допустить, что всевѣдущее Безсознательное при первой постановкѣ этого міра носило въ себѣ *идеальное представленіе* какъ его, такъ и всѣхъ возможныхъ міровъ, міровыхъ цѣлей и средствъ. Наконецъ мы должны принять во вниманіе то, что цѣль цѣлей нельзя мыслить безконечною подобно цѣпи причинъ, что она должна упираться въ послѣднюю цѣль, такъ какъ каждый членъ ряда цѣлей *обусловленъ* слѣдующимъ, иначе всѣ члены *мнимо-законченной безконечности*, не находя послѣдняго, висѣли бы на воздухѣ. Принимая все это во вниманіе, мы имѣемъ право вѣрить, что *міръ устроенъ и управляемъ на столько хорошо и премудро, на сколько то возможно и что, если бы у всевѣдущаго Безсознательнаго между всеми возможными представленіями было бы представленіе о лучшемъ, чѣмъ теперь существующій міръ, то, конечно, и осуществлено было бы то лучшее; что съ одной стороны безошибочное Безсознательное не могло обмануться, при постановкѣ этого міра, въ его оцѣнкѣ, а съ другой что оно, по своему присутствію вездѣ и всегда, не могло когда либо и гдѣ либо прерывать своихъ дѣйствій, а потому не могло быть и того, что бы міръ, въ слѣдствіе такого перерыва въ его управленіи, самъ собою *ухудшился*. Такимъ образомъ мы считаемъ справедливымъ положеніе Лейбница, „что существующій міръ есть лучший изъ всѣхъ возможныхъ“. Правда, мы пришли къ этому *косвеннымъ* путемъ. Очевидно, что разрѣшить этотъ вопросъ прямымъ путемъ невозможно, ибо для того мы должны бы были представить себѣ безконечно многіе *возможные* міры, далѣе вполне знать существующій и потомъ всесторонне сравнить первые съ послѣднимъ. Но для насъ было возможно указать въ Безсознательномъ существованіе такихъ свойствъ, при которыхъ оно должно было всѣ возможные міры, такъ сказать,*

обозрѣть однимъ взглядомъ и изъ нихъ осуществить тотъ, который достигаетъ *разумной конечной цѣли наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ*.

Сходясь въ этомъ отношеніи съ Лейбницемъ, мы никакъ, не можемъ одобритъ его взгляда на зло. Зло, по его мнѣнію, есть нѣчто чисто привативное, именно, оно есть *меньшая степень блага*. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ зло есть нѣчто отрицательное, ибо наслажденіе и боль, радость и горе относятся другъ къ другу какъ положительное къ отрицательному, какъ тезисъ къ антитезису. При этомъ нужно замѣтить, что отрицательное *столько же* реально, какъ и положительное, и что это дѣло субъективной точки зрѣнія, просто произвола, какую изъ двухъ противоположностей захотятъ называть положительною, какую отрицательною.

Лейбницъ обладалъ слишкомъ тонкимъ и математическимъ умомъ, чтобы изъ *отрицательности* зла заключить къ его нереальности, а потому, желая спасти свой оптимизмъ, онъ насилуетъ факты и приписываетъ злу не отрицательный, а *привативный* и даже *относительно-привативный* характеръ. Онъ утверждаетъ, что „зло есть не противоположность, а только недостатокъ блага; и такъ какъ абсолютное зло было бы только абсолютнымъ отсутствіемъ добра, то всякое относительное зло есть относительное отсутствіе, т. е., *меньшая степень блага*. Это неправда, ибо изъ этого положенія прямо слѣдовало бы, что я *соединеніе* зла—а съ благомъ—А долженъ бы былъ предпочесть *одному послѣднему*, такъ какъ зло—а далеко не есть абсолютное зло, т. е., нуль блага, а только меньшая степень блага, слѣдовательно, на эту степень оно еще *увеличиваетъ* степень блага, заключающуюся въ А. По этой теоріи, значить, было бы верхомъ безумія отказываться отъ блага для того, что бы избѣжать большаго зла; и человека, который бы претерпѣвалъ въ одно и тоже вре-

мя всевозможныя тѣлесныя и душевныя муки въ самой высшей мѣрѣ, нужно было бы считать счастливымъ, сравнительно съ безчувственнымъ состояніемъ хлороформированнаго, не говоря уже о тихомъ снѣ смерти. Вотъ, къ какимъ неестественнымъ безсмыслицамъ ведетъ ложная гипотеза, измышленная ради тенденціозныхъ цѣлей.

Спрашивается, для чего же она была измышлена? Для того что бы посредствомъ ея избѣжать противорѣчія, которое представлялось при существованіи реальнаго зла въ совершенномъ мірѣ. Вообще выраженіе: „совершенный“ издавна вносило большую путаницу въ мышленіе. Уже Платонъ (Тимей 7) и Аристотель считали міръ шаромъ и астрономическія движенія круговыми, *потому что шаръ есть совершеннѣйшая фигура и круговое движеніе есть совершеннѣйшее движеніе*; точно также въ старыхъ учебникахъ артиллеріи мы читаемъ, что круглыми снарядами стрѣляютъ на томъ основаніи, что шаръ есть совершеннѣйшая фигура.

Если „совершенный“ вообще имѣетъ какой нибудь смыслъ, то только въ значеніи: „возможно лучшій въ своемъ родѣ“; ибо ничто *не можетъ* быть еще лучшимъ, чѣмъ то возможно, и только *въ этомъ* смыслѣ есть основаніе называть міръ совершеннымъ. Но незамѣтно подъ понятіе совершеннаго подсунули другое, именно, понятіе *безупречнаго*, или неизмѣющаго недостатковъ, содержащаго въ себѣ абсолютную цѣнность. Но объ такомъ совершенствѣ міра, вѣроятно, никогда и не помышляли; оно есть результатъ подтасовки и смѣшенія понятій. Думали, что возможно лучшее непременно должно быть и *хорошо*, а между тѣмъ изъ того, что вещь *возможно лучшая*, нисколько не слѣдуетъ, что она и *хороша*. Она можетъ быть дурна, сколько ей угодно; и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно лучшее и возможно худое прямо тождественны, именно тог-

да, когда только одинъ случай и возможенъ, или когда всѣ возможные случаи одинаковы по своей цѣнности. Слѣдовательно, возможно лучший міръ можетъ быть очень дуренъ и ничего не говоритъ за то, что онъ хорошъ, а потому самое сильное доказательство въ томъ, что онъ дуренъ, нисколько не можетъ служить возраженіемъ противъ того, что онъ возможно лучший, значить, опровергать такое возраженіе совершенно бесполезно, такъ какъ изъ этого опроверженія никогда нельзя получить опоры для положенія, что міръ возможно лучший.

Мы только тогда можемъ имѣть основаніе сомнѣваться въ мудрости Безсознательнаго, а также и въ томъ, что міръ, возможно лучший, когда намъ докажутъ, что посредствомъ даннаго устройства міра преслѣдуется нелѣпая конечная цѣль, или же что для дѣйствительно хорошей цѣли употребляются несообразныя средства; но и тогда это основаніе будетъ только косвенное. Но этого нельзя доказать ни существованіемъ физическаго и нравственнаго зла, ни тѣмъ обстоятельствомъ, что безнравственность благоденствуетъ, а добродѣтель страдаетъ: ибо тогда цѣлью, для-которой такія явленія были бы, конечно, средствами не сообразными, должно бы быть господство всеобщаго счастья, нравственности и справедливости. Во первыхъ что касается нравственности и справедливости, то обѣ имѣютъ значеніе только съ точки зрѣнія индивидуализаціи, т. е., онѣ принадлежатъ только міру явленій, а не самой сущности. Индивидуализація же требуетъ, чтобы главнымъ инстинктомъ было сохраненіе индивидуумовъ, а, слѣдовательно, чтобы главнымъ условіемъ для возможности этого сохраненія, былъ эгоизмъ. Безъ эгоизма нѣтъ индивидуализаціи, при эгоизмѣ же необходимо притѣсненіе другихъ для своей выгоды, т. е., неправда, зло, безнравственность и т. д. Но при этомъ неизбѣжномъ слѣдствіи индивидуализаціи надобно еще удивляться

мудрости Безсознательнаго въ томъ, что оно вложило въ человѣческое сердце многіе инстинкты, которые служатъ противовѣсомъ необходимому злу, т. е., эгоизму, какъ-то: состраданіе, доброжелательство, благодарность, чувство правды и влеченіе къ возмездію. Всѣ эти инстинкты не только устраняютъ много зла, но ведутъ за собою положительныя благодѣянія; два послѣднихъ въ связи съ инстинктомъ государственности, перенося право возмездія на государственную власть, порождаютъ идею права, которая съ своей стороны страхомъ наказанія дѣлаетъ самый эгоизмъ невольнымъ союзникомъ справедливости и заставляетъ его соблюдать мѣру въ злѣ.

Но, не смотря на эти достойныя удивленія учрежденія, нравственность и справедливость все таки остаются идеями, которыя имѣютъ значеніе *только* въ отношеніи къ поведенію *индивидуумовъ другъ съ другомъ*, или корпорацій, состоящихъ изъ индивидуумовъ: но въ приложеніи къ *внутренней сущности* индивидуумовъ, т. е., къ все-единому Безсознательному—*по мимо* формы его проявленія—эти идеи теряютъ *всякое значеніе*. Но такъ какъ все-единое *интересуется* міромъ только въ той мѣрѣ, въ какой оно участвуетъ въ немъ своею *сущностью*, и такъ какъ *форма проявленія*, хотя и есть важный переходный пунктъ, но, не смотря на его обратное воздѣйствіе на саму сущность, все таки не можетъ быть конечною цѣлью: то и нравственность съ справедливостью, какъ *формальныя* идеи, въ ихъ телеологическомъ значеніи для Безсознательнаго должны быть оцѣниваемы только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ могутъ воздѣйствовать на самую его *сущность*.

Что же касается до этого масштаба, то онъ дается только въ суммѣ *наслажденія и страданія*, которая, въ слѣдствіе нравственности и безнравственности, справедливости и несправедливости, является во всѣхъ индивидуумахъ вмѣстѣ взятыхъ, и дѣйствующихъ, и страж-

душихъ: ибо только наслажденіе и страданіе суть нѣчто вполне *реальное*, между тѣмъ какъ нравственность и справедливость суть *только идеи сознанія*, Безсознательное же служитъ *общимъ субъектомъ*, который носить ихъ во всѣхъ частныхъ и различныхъ сознаніяхъ. Значитъ, ни какое нравственное дѣяніе не имѣетъ значенія для Безсознательнаго *само по себѣ*, но только въ той мѣрѣ, въ какой оно уменьшаетъ сумму чувствуемаго страданія. Точно также и справедливость цѣнна не сама по себѣ и не ради нравственности, а только ради уменьшенія безнравственныхъ дѣяній, а слѣдовательно и уменьшенія чувствуемаго страданія. Итакъ, если нравственность и справедливость, *какъ таковыя*, не могутъ быть цѣлями міроваго процесса, то могутъ онѣ быть *посредствующими цѣлями ради счастья* если это послѣднее, какъ предметъ, прямо затрогивающій самое существо Безсознательнаго, можетъ считаться конечною цѣлью, какъ можно подумать то съ перваго раза. Въ такомъ относительномъ смыслѣ, конечно, можно видѣть цѣли и въ нравственности и справедливости, не входя въ противорѣчіе съ фактами: ибо, въ самомъ дѣлѣ, какъ вышеупомянутые инстинкты, такъ особенно все болѣе и болѣе совершенствующіяся органы справедливости должны быть признаны за средства къ уменьшенію безнравственныхъ и несправедливыхъ дѣяній. Но обѣ идеи должны вполне отказаться отъ притязанія на абсолютное значеніе, а довольствоваться второстепеннымъ относительнымъ. При этомъ нужно прибавить, что безнравственность есть неизбежное зло, безъ котораго невозможна индивидуализація, а потому требованіе прямого вмѣшательства высшей справедливости неразумно, ибо, при этомъ вмѣшательствѣ, ради второстепенной пользы, міръ долженъ бы былъ постоянно выходить изъ колеи своихъ законовъ. Что касается до счастья, которое заключается въ томъ, чтобы воз-

можно болѣе уменьшить страданіе и увеличить наслажденіе, то, конечно, должно полагать, что оно, какъ нѣчто касающееся сущности самого Безсознательнаго и вполне реальное, *eo ipso* и должно стать цѣлью тѣмъ болѣе, что *иного субъекта для чувствованія* страданія и наслажденія, кромѣ все-единаго Безсознательнаго, *и нѣтъ*. Потому-то мы и встрѣчаемъ въ дѣйствительности такое множество учрежденій для предотвращенія страданія и для повышенія наслажденія.

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и того, что при условіи индивидуализаціи и связаннаго съ нею эгоизма, является неотклонимая *необходимость* страданія въ борьбѣ за существованіе и въ смерти индивидуума; да и кромѣ того мы встрѣчаемъ множество фактовъ, которые кажутся *противорѣчащими цѣли счастья* и которые можно понять только тогда, если другія цѣли, для которыхъ они служатъ средствами, напр., усовершенствованіе сознанія и т. д. гораздо важнѣе счастья: такой фактъ прежде всего и представляется въ самой индивидуализаціи. Но мы никакъ не можемъ понять, какъ можетъ быть цѣль, которую слѣдовало бы предпочесть счастью, ибо что же, помимо его, можетъ касаться такъ близко самаго существа Безсознательнаго; мы не можемъ понять, что могло бы вознаградить за *жертву* счастьемъ, за исключеніемъ, пожалуй, надежды на еще *высшее* счастье, или что могло бы вознаградить за отдачу себя на страданіе, если не надежда на избавленіе отъ еще большаго страданія. Страдать безъ такихъ надеждъ значило бы *вонзать свои зубы въ свое собственное тѣло*. Итакъ, если счастье должно быть дѣйствительно высшею цѣлью, то должны бы оставаться только такія бѣдствія, которыя уже окупчательно неизбѣжны, для того что бы въ другомъ отношеніи или въ позднѣйшей стадіи процесса получить за нихъ еще высшее счастье. Но если бы на это не было никакой надежды, то существованіе міра

или міроваго процесса вообще нельзя было бы понять разумнымъ образомъ; и достиженіе, Богъ знаетъ, какихъ *другихъ цѣлей*, не могло бы дать разумнаго основанія для того, чтобы подвергнуться страданіямъ, переѣшивающимъ наслаженіе.

На этомъ пунктѣ мы снова можемъ возвратиться къ Лейбницу. Было бы слишкомъ удивительно, если бы смѣшеніе понятій между совершеннымъ міромъ въ смыслѣ *возможно лучшаго*, и совершеннымъ, въ смыслѣ *вполнѣ хорошаго и безупречнаго*, не имѣло бы у такого остроумнаго человѣка, какъ Лейбницъ, нѣкоего скрытаго основанія, которое въ извѣстномъ отношеніи оправдываетъ тенденціи „Теодицеи“. Конечно оно было: ибо не то, что міръ возможно лучшей, какъ это кажется, старался спасти Лейбницъ теоріею привативности бѣдствій и зла, но онъ имѣлъ въ виду оправдать Творца *) *за Его твореніе*.

---

*) Здѣсь я считаю умѣстнымъ сдѣлать слѣдующее примѣчаніе. Въ этой главѣ и слѣдующихъ читатель встрѣчается съ букввальнымъ положеніемъ Гартмановой философіи, что міръ созданъ тѣмъ особымъ существомъ, которому онъ даетъ имя Безсознательнаго и котораго атрибуты состоятъ изъ воли и мысли (представленія.) Между тѣмъ мы, какъ христіане, иначе и называемъ, и представляемъ себѣ Бога, единственную Причину и Творца міра. Того же знаемаго нами Бога думалъ разумѣть и Лейбницъ въ своей «Теодицеѣ». Вопросъ теперь въ томъ, правъ ли Гартманъ относительно насъ и относительно Лейбница. Относительно насъ, конечно, не правъ: ибо по тому пути, по которому онъ шелъ, ни онъ, ни *какой другой человекъ*, какъ бы онъ ни былъ гениаленъ, не можетъ дойти до истиннаго понятія о Богѣ, Творцѣ міра. Не говоря уже объ адекватномъ понятіи о Богѣ, для человѣка невозможно даже приблизительно о Немъ понятіе собственными силами, безъ Его же помощи. Эту Божественную помощь мы и имѣемъ въ Божественномъ Откровеніи, откуда и почерпаемъ истинное и для насъ, по усмотрѣнію Божію, достаточное понятіе о Богѣ, истинномъ Творцѣ міра и его свойствахъ. Гартманъ же, по примѣру сво-

Но между *всѣми* возможными мірами не включенъ одинъ случай, именно тотъ, что могло бы быть не создано *вовсе* міра, ибо *отсутствіе* міра не есть одинъ изъ возможныхъ міровъ. Значить, если бъ можно было утверждать, что *существованіе* настоящаго міра *хуже*, чѣмъ если бъ *вовсе* не было міра: то въ такомъ случаѣ можно бы было и упрекнуть творца (т. е., Безсознательное), зачѣмъ онъ *вообще* его создалъ, тогда какъ

ихъ предшественниковъ въ западно-Европейской философіи, оставилъ въ сторонѣ единственный компетентный источникъ познанія о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра—именно Божественное Откровеніе, истолкованное Церковью,— и думалъ до этого познанія силами одного человѣческаго разума, путемъ общенаучныхъ процессовъ мысли: наведенія, дедукцій, аналогій, гипотезъ и пр. Если бы этотъ путь былъ достаточно для разрѣшенія высшихъ вопросовъ, то Откровеніе было бы излишне. Но истинный Виновникъ міра судилъ иначе, Самъ указавъ на Откровеніе, какъ на вполне вѣрный источникъ познанія о Богѣ, мірѣ; его цѣли, концѣ и началѣ. Разъ и навсегда мы скажемъ, что всѣ ошибочныя мнѣнія Гартмана объ этихъ предметахъ, съ которыми придется встрѣтиться читателю, зависятъ отъ несовершенства орудія, которымъ онъ пытается выработать истинныя о нихъ представленія. Что касается до Лейбница, то, по моему мнѣнію, авторъ философіи Безсознательнаго вполне правъ въ своемъ упрекѣ Лейбницу. Хотя Лейбницъ въ своей «Теодицѣ» и имѣлъ въ виду Бога, всѣмъ извѣстнаго изъ Откровенія, но онъ показывалъ видъ, что будто до понятій о Немъ, Его дѣйствіяхъ и цѣляхъ можно дойти помимо Откровенія, на основаніяхъ соображеній человѣческихъ. Истиннаго Бога и истинное Его отношеніе къ міру онъ хотѣлъ вывести путемъ философскимъ: но это то и невозможно. Оттого-то его Теодицея ни философія, ни Богословіе,— а просто умственное эквилибристическое упражненіе, вызванное скорѣе всею злобою дня, т. е., общественными отношеніями автора. Во всякомъ случаѣ Лейбницу нельзя отказать въ значительномъ талантѣ, а потому основанный имъ раціональный деизмъ у него еще не представляетъ той мертвенности и пошлости, въ которую онъ впалъ у его послѣдо-

благоразумнѣе было бы не создавать никакого міра. Тогда бы твореніе, какъ таковое, не принимая въ расчетъ его устройства, произошло, благодаря *неразумному* акту, и тогда мы имѣли бы альтернативу: *или* допустить, что разумъ творца (т. е. Безсозн.) не принималъ никакого участія въ этомъ первоначальномъ актѣ и что его задачею было только устроить и вести возможно лучшимъ образомъ міръ, котораго начало рѣшено помимо его вмѣшательства; *или* допустить, что неоспоримая въ отдѣльныхъ случаяхъ мудрость творца впала въ капитальную ошибку въ цѣломъ и измѣнила себя самой. Такъ, именно, должны мы думать, если хотимъ настаивать на томъ, что при первоначальномъ актѣ постановки міра принималъ участіе творецъ (т. е., Безсознательное) *всѣми своими свойствами*, а слѣдовательно *и разумомъ*. Но предположеніе, къ которому насъ приводитъ второй членъ альтернативы, оказывается слишкомъ чудовищнымъ. Какъ могла бы абсолютная мудрость измѣнить себя и впасть въ величайшую ошибку именно въ самомъ важномъ случаѣ? Но и перваго члена альтернативы Лейбницъ не хотѣлъ и не могъ допустить, ибо не признавалъ въ творцѣ многихъ атрибутовъ. Значитъ, ему только оставалось *заранѣе* обезпечить себя отъ *возможности* положенія, что существованіе этого міра *хуже*, чѣмъ *вовсе не было бы ни*

вателей и изъ которой умъ человѣческій былъ окончательно выведенъ на естественную свою дорогу только великимъ Кантомъ. Въ надеждѣ со временемъ предложить на основаніи соображеній человѣческаго разума критическое обозрѣніе міросозерцанія Гартмана, сравнительно съ міросозерцаніями другихъ философовъ, я закончу свое примѣчаніе указаніемъ на статью о Гартманѣ проф. Струве, напечатанную въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873 года. Въ этой статьѣ читатель найдетъ критику системы Гартмана съ истинно христіанской точки зрѣнія.

А. К.

какого; и съ этою цѣлью онъ измыслилъ ученіе о привативномъ характерѣ зла.

Что касается до насъ, то, болѣе всего желая обезпечить себя отъ предвзятыхъ мнѣній, мы въ слѣдующей главѣ попытаемся эмпирически рѣшить вопросъ, можно ли предпочесть бытіе этого міра его небытію. Если мы придемъ къ отрицательному рѣшенію, то не будемъ уклоняться отъ прямого вывода, что міръ получилъ свое начало, благодаря *неразумному* акту, но, конечно, не допустимъ и того, чтобы *самъ разумъ вдругъ* сталъ *не разумнымъ* въ этомъ одномъ пунктѣ, но примемъ, что этотъ актъ былъ совершенъ *безъ всякаго участія разума*. Это будетъ для насъ возможно потому, что мы знаемъ *два* дѣятельности въ Безсознательномъ, изъ коихъ одна, воля, сама по себѣ безсмысленна (*nicht antilogische, sondern alogische*, т. е., не логична не въ томъ смыслѣ, что ошибается противъ логики, а въ томъ, что вовсе не дѣйствуетъ по логикѣ), безумна. Такъ какъ мы уже давно знали, что всякое реальное бытіе возникаетъ, благодаря волѣ, то уже *à priori* нужно было бы удивляться только *тому, еслибъ это бытіе, какъ таковое, не оказалось не разумнымъ*.

Но къ чему бы насъ ни привели изслѣдованія, все таки на ихъ основаніи ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы опровергнуть премудрость Безсознательнаго, а также и положеніе: *что изъ всѣхъ возможныхъ міровъ существующій есть наилучшій*.

ГЛАВА XI.

Безуміе желаній и бѣдствія бытія.

Планъ изслѣдованія: возможность ошибокъ, проистекающихъ изъ разныхъ источниковъ, при оцѣнкѣ жизни; нужно сперва найти общую сумму наслажденій и страданій въ мірѣ на основаніи отдѣльныхъ оцѣнокъ различныхъ направленій жизни, далѣе нужно изслѣдовать на сколько чувствуемая наслажденія основаны на иллюзіи; въ предстоящемъ изслѣдованіи совпадаютъ двѣ точки зрѣнія. Первая стадія иллюзіи: счастье кажется достижимымъ для индивидуума въ теченіи его жизни; критика Шопенгауеровской теоріи отрицательности наслажденія; она въ принципѣ ошибочна, но для дѣйствительной жизни ея положенія приложимы; причины этого. Обзоръ главныхъ сторонъ жизни: здоровье, молодость, свобода, достаточность; голодъ и любовь; состраданіе, дружба и семейное счастье; тщеславіе чувство чести, честолюбіе, славолюбіе и властолюбіе; мистическое настроеніе; безнравственность; научныя и художественныя наслажденія; сонъ и сновидѣнія; влеченіе къ богатству и благосостоянію; зависть, недоброжелательство, досада, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, ненависть, месть, гнѣвъ, чувствительность; надежда. *Resumé* первой стадіи иллюзіи. Вторая стадія иллюзіи: счастье кажется достижимымъ для индивидуума въ трансцендентной жизни. Третья стадія иллюзіи: сча-

стіе кажется достижимымъ въ будущіе періоды мірового процесса: понятіе имманентнаго развитія; „индивидуумъ и его собственность“ .Макса Штирнера; самоубійство; что можно ожидать въ будущемъ отъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя обозрѣвались въ первой стадіи иллюзіи. Выводъ изъ этого обозрѣнія: человѣчество въ старческомъ возрастѣ должно будетъ отказаться отъ всякой надежды на положительное счастье. Общее заключеніе: небытіе міра предпочтительнѣе его бытія.

ЗАДАЧА ГЛАВЫ.

Задача этой главы—изслѣдовать *бытіе* или *небытіе* этого міра заслуживаетъ предпочтеніе. Болѣе чѣмъ гдѣ либо должно просить здѣсь объ снисхожденіи читателя, такъ какъ сколько нибудь полное обозрѣніе предмета потребовало бы цѣлаго особаго сочиненія.

Однако же приходится ограничиться лишь эпизодическимъ обозрѣніемъ, какъ по внѣшнимъ причинамъ, такъ и особенно потому, что результатъ этого изслѣдованія, хотя и важенъ для поясненія послѣднихъ принциповъ философіи, но не имѣетъ прямого вліянія на обѣщанное въ заглавіи сочиненія содержаніе: „Безсознательное“. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь въ короткомъ обозрѣніи представить многія новыя точки зрѣнія на предметъ и даже у противниковъ нашихъ воззрѣній вызвать нѣкоторое возбужденіе, отчасти вознаграждающее за прочтеніе этого отступленія.

Если мы взглянемъ на личные приговоры величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ, то тѣ изъ нихъ, которые только имѣли случай высказаться по этому вопросу выражаются рѣшительно въ отрицательномъ смыслѣ.

Платонъ говоритъ въ Апологіи: „Если въ смерти нѣтъ ощущеній, и если она подобна сну безъ сновидѣній, то въ ней мы обрѣтаемъ удивительный выигрышъ. Мнѣ кажется, что если бы кто либо, выбравъ одну ночь, въ которую онъ такъ крѣпко спалъ, что не видалъ сновъ, сопоставилъ её съ другими ночами и днями своей жизни, чтобы потомъ, по серьезномъ обсужденіи, сказать, сколько дней и ночей въ своей жизни провелъ онъ лучше и пріятнѣе, чѣмъ эту ночь: то не только простой человекъ, но даже и самъ великій царь персидскій легко предпочелъ бы её многимъ другимъ днямъ и ночамъ. „Едва ли можно лучше и нагляднѣе выразить предпочтеніе, котораго въ средней сложности заслуживаетъ небытіе передъ бытіемъ.

Кантъ говоритъ (Werke VII, S. 381): „нужно *не умлѣть* цѣнить жизнь для того чтобы желать, чтобы она тянулась долѣе, чѣмъ она длится дѣйствительно, ибо это было бы только продолженіе *игры, въ которой постоянно преодолевается препятствіе*“. На стр. 393 называетъ онъ жизнь „временемъ испытанія, гдѣ большая часть погибаетъ, и гдѣ даже самый лучший *не радъ жизни*“.

Фихте называетъ естественный міръ „наихудшимъ, какой только можетъ быть“, и утѣшается только вѣрою въ возможность вознесенія въ блаженство сверхчувственнаго міра посредствомъ чистаго мышленія. Онъ говоритъ (Werke V, 408—409): „бодро отправляетесь вы на охоту за счастіемъ, искренно и любовно предаваясь первому лучшему предмету, который вамъ нравится и обѣщаетъ удовлетворить вашему влеченію. Но какъ только вы возвратитесь въ самого себя и спросите себя: ну, счастливъ ли я теперь?—то изъ глубины вашего духа явственно услышите: о нѣтъ! ты все еще также не удовлетворенъ и полонъ желаній, какъ и прежде! Оправившись отъ удивленія, вы подумаете, что ошиблись только въ выборѣ предмета, и хватаетесь за другой,

но и этотъ столь же мало удовлетворитъ васъ, какъ и первый; и ничто, находящееся подъ солнцемъ и луною, не удовлетворитъ васъ.... Такъ, озираясь, стремитесь вы всю вашу жизнь. Во всякомъ положеніи думаете, что если бы было *иначе*, то было бы лучше; а если и станетъ иначе, то все таки не чувствуете себя лучше; на всякомъ мѣстѣ думаете, что, вотъ, если бы вы достигли той высоты, на которую взираетъ глазъ, то прекратилось бы ваше томленіе, но и на возжелѣнной высотѣ опять ожидаетъ васъ та же забота.... Такъ то блуждаетъ несчастный сынъ вѣчности, изгнанный изъ своего отеческаго жилища, но всегда окруженный своимъ небеснымъ наслѣдіемъ, схватить которое ни смѣетъ его робкая рука—такъ то блуждаетъ онъ нерѣшительный и безпокойный по пустынь, желая устроиться. Но къ счастію, быстрое разрушеніе каждой его хижины напоминаетъ ему, что онъ нигдѣ, кромѣ дома отца своего, не найдетъ покоя“.

Шеллингъ говоритъ (Werke I, 7, 399). „...Оттого и покровъ скорби, распростертый надъ всею природою, оттого и глубоко-неразрушимая меланхолія всяческой жизни“. Далѣе есть у него (Werke I, 10, 266—268) прекрасное мѣсто, которое я совѣтую прочесть все, здѣсь же могу привести только отрывки: „Конечно, путь, какимъ идетъ все живущее въ природѣ, есть путь страданія; о томъ свидѣтельствуется печать скорби, лежащая на всей природѣ, на лицахъ животныхъ... Но это *несчастіе бытія* прекращается только тѣмъ, что оно понимается и ощущается какъ *небытіе*, т. е., когда человѣкъ старается стать возможно болѣе свободнымъ отъ него... Станетъ ли еще сокрушаться о повседневныхъ бѣдствіяхъ переходящей жизни тотъ, кто понялъ скорбь всеобщаго бытія и великій жребій цѣлаго?“.... Страхъ есть главное ощущеніе всякой живой твари „(1, 8, 322)“. Страніе есть нѣчто всеобщее и необходимое во всякой жи-

зни.... всякое страданіе происходитъ лишь отъ бытія“. (1, 8, 335). „Тревога безустаннаго хотѣнія и желанія, которыми мятется всякая тварь, есть уже сама по себѣ мука“. (II, 1, 473; сравни также 1, 8, 235—236; II, 1, 556—557, 560).

Я удовольствуюсь этими цитатами; нѣкоторыя другія можно найти у Шопенгауера: Die Welt als Wille und Vorstellung, II, Capitel 46.

Но что доказываютъ эти субъективныя мнѣнія безъ присоединенія ихъ основаній? Не слѣдуетъ ли, пожалуй, имъ не довѣрять, именно, потому, что они принадлежатъ выступающимъ изъ ряду умамъ, зараженнымъ тою меланхолическою скорбью, которая составляетъ удѣлъ почти всѣхъ гениевъ, ибо они, стоя выше міра, чувствуютъ себя въ немъ чужими (срав. Аристотеля Probl. 30, 1)? Конечно, достоинство міра должно быть измѣряемо его собственнымъ масштабомъ, а не масштабомъ гениевъ.

И такъ, для постановки приблизительно вѣрнаго сужденія о мірѣ въ его цѣломъ, нужно сдѣлать оцѣнку каждой ступени проявленія Безсознательнаго по ея собственному масштабу и потомъ изъ этихъ спеціальныхъ оцѣнокъ взять алгебраическую сумму, которая и будетъ выражать реальное безсознательное единство, именно, всѣ взятыя въ одномъ цѣломъ субъективныя чувства, которыхъ носитель есть все-единое существо. Всякая оцѣнка съ чужой точки зрѣнія не годится, ибо каждое существо счастливо по его собственнымъ ощущеніямъ и оцѣнкѣ.

Страданіе и наслажденіе существуютъ *лишь* по столько, по сколько они *ощущаются*; значитъ, внѣ *ощущающаго ихъ субъекта* они не имѣютъ никакой реальности. Слѣдовательно, они получаютъ объективную реальность не *прямо*, а посредствомъ объективной ре-

альности субъекта, въ которомъ они существуютъ. Для реальности ощущенія нѣтъ иного масштаба кромѣ субъективнаго, а потому *чувство, какъ такое*, не можетъ заключать въ себѣ ни обмана, ни лжи. Правда, и чувство можетъ быть названо ложнымъ *по столько*, по сколько ложны *представленія*, которыми оно возбуждено: но тогда обманъ заключается все таки въ представленіи объекта, само же чувство, *все равно*, будетъ ли оно *основано* на реальномъ основаніи или на иллюзіи, всегда *одинаково истинно* и имѣетъ *одинаковое право* войти слагаемымъ въ большую сумму. Если бы различіе въ сужденіяхъ—которое произнесла бы, положимъ, вошь на счетъ своей жизни съ точки зрѣнія ея умственныхъ способностей и которое произнесъ бы я при моемъ разумѣ на счетъ ея же жизни,—если бы это различіе основывалось единственно на томъ, что вошь *впадаетъ* въ иллюзіи, которыхъ я не раздѣляю, и что эти иллюзіи обезпечиваютъ за ней излишекъ ощущаемаго, и, слѣдовательно, реальнаго счастья, что и заставляетъ её предпочесть свою жизнь ея небытію: то, очевидно, вошь была бы права, а я не правъ. Однако рѣшеніе этого вопроса вовсе не такъ просто: ибо, кромѣ ошибки съ моей стороны, истекающей изъ одного источника, въ данномъ случаѣ можетъ оказаться ошибка въ оцѣнкѣ жизни и со стороны вши; но происхожденіе этой ошибки будетъ имѣть другой источникъ. Если несомнѣнно то, что оцѣнка жизни каждаго существа должно быть произведена на основаніи его собственнаго субъективнаго масштаба, при чѣмъ иллюзія и правда имѣютъ равныя права, то изъ того еще не слѣдуетъ, что каждое существо выведетъ изъ всѣхъ ощущеній своей жизни точную, алгебраическую сумму, или, иными словами, что его *общая оцѣнка* своей собственной жизни правильна относительно пережитыхъ имъ субъективныхъ ощущеній. Не говоря уже о томъ,

что для таковой суммарной оцѣнки необходима извѣстная степень ума, остается еще во первыхъ возможность пробѣловъ въ памяти и ошибокъ при сочетаніи слагаемыхъ въ сумму, а во вторыхъ сужденіе можетъ быть искажено вслѣдствіе *вліянія на него воли и бессознательнаго чувства*.

Если можно думать, что ошибки, идущія изъ перваго источника, исправляются въ суммѣ, взятой изъ оцѣнокъ большаго числа индивидуумовъ, то тѣмъ тяжеле падаютъ на вѣсы ошибки, истекающія изъ втораго источника. Кто знаетъ, какъ сильно вліяютъ на сужденіе и мысль воля, инстинкты, аффекты и чувства, тотъ признаетъ значительную возможность происходящихъ отъ этого вліянія ошибокъ. Во первыхъ непріятныя впечатлѣнія изглаживаются изъ памяти, а пріятныя держатся въ ней: оттого нерѣдко происшествіе или приключеніе, бывшее въ дѣйствительности трагическимъ въ воспоминаніи озаряется весьма пріятнымъ свѣтомъ (*juvat meminisse malorum*); далѣе глупое тщеславіе человѣческое такъ велико, что хотятъ болѣе казаться, чѣмъ быть, не говоримъ уже добрыми, но также и счастливыми. Каждый тщательно скрываетъ, гдѣ ему жметъ башмакъ, и старается похвастаться благоденствіемъ, довольствомъ и счастіемъ, какихъ у него нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что нужно очень осторожно принимать сужденія людей объ ихъ собственномъ счастіи.

Наконецъ примемъ во вниманіе и то уже *à priori* допустимое соображеніе, что если существа созданы бессознательною волею съ данными инстинктами и аффектами, то таже самая воля посредствомъ ихъ будетъ вліять на сознательное представленіе въ смыслѣ выражаемаго ими порыва къ жизни; слѣдовательно, удивляться нужно было бы только тому, если бъ инстинктивная любовь къ жизни могла допустить, что бы въ сознаніи сложилось осужденіе этой самой жизни.

Очень хороши въ этомъ случаѣ слова Жанъ-Поля: „Мы любимъ жизнь не потому, что она прекрасна, но потому что мы должны любить её; а отсюда мы часто и выводимъ такое ложное заключеніе: мы любимъ жизнь, слѣдовательно, она прекрасна.“ То, что названо здѣсь любовью къ жизни, есть не болѣе какъ инстинктивное влеченіе къ самосохраненію, составляющее *conditio sine qua non* индивидуализаціи. Отрицательно это влеченіе къ самосохраненію выражается въ стремленіи избѣжать и защититься отъ поврежденій; высшая же степень этого отрицательнаго выраженія есть страхъ смерти. Смерть сама по себѣ вовсе не есть зло, ибо соединенное съ нею *страданіе* ощущается еще при *жизни*; а потому ея боялись бы не *болѣе*, чѣмъ страданія отъ болѣзней, *еслибъ* съ ней не связано было прекращеніе индивидуальнаго существованія. Но это прекращеніе *уже болѣе не ощущается*; слѣдовательно, и не можетъ быть зломъ. Какъ страхъ смерти, такъ и любовь къ жизни могутъ быть поняты только изъ слѣпаго влеченія къ самосохраненію. Тоже самое можно сказать и относительно многихъ частныхъ направленій жизни, за которыя держаться и которыя пережить неотомимо подстрекаетъ насъ инстинктивное влеченіе: въ слѣдствіе этого влеченія извращается наша оцѣнка алгебраической суммы наслажденій и страданій, встрѣчаемыхъ нами въ томъ или другомъ направленіи; и впечатлѣніе только что сдѣланнаго опыта изглаживается подъ вліяніемъ новой обманчивой надежды. Это бываетъ при голодѣ, любви, честолюбіи, корыстолюбіи и т. п. страстяхъ.

Итакъ, строго говоря, нужно было бы теперь изслѣдовать, какъ далеко различныя влеченія и направленія жизни могутъ вліять на нашу оцѣнку происходящихъ отъ нихъ въ общей сложности наслажденій и страданій. Но это очень трудная задача, ибо для согласія каж-

даго читателя съ результатами такого изслѣдованія нужно, чтобы онъ самъ былъ вполне свободенъ отъ вліяній влеченія и аффектовъ на свое сужденіе, а на это способны только весьма немногіе, по цѣлымъ годамъ занимавшіеся добросовѣстнымъ самонаблюденіемъ. Но кромѣ того есть еще и другое неудобство: все таки это изслѣдованіе не освободило бы насъ отъ другой слѣдующей за нимъ задачи подвергнуть критикѣ тѣ чувства, которыя, не смотря на ихъ полную реальность, основаны на иллюзіяхъ и которыя разрушатся только съ разрушеніемъ этихъ иллюзій при помощи возрастающаго сознательнаго разума.

Этого послѣдняго изслѣдованія мы обойти не можемъ, ибо всяческій прогрессъ въ мірѣ имѣетъ своею цѣлью повышеніе сознательнаго разума.

Низшія животныя и растенія съ начала органической жизни все болѣе и болѣе вытѣсняются высшими; высшія животныя человѣкомъ, а все человѣчество въ средней сложности со временемъ станетъ на ту точку разума и міросозерцанія, на которой стоятъ теперь немногіе развитые люди.

Итакъ, весьма важно для рѣшенія нашей задачи разобратить вопросъ, на сколько чувства основаны на иллюзіяхъ: ибо то, что изъ міра *вырабатывается*, то, что составляетъ его цѣль, очевидно, гораздо важнѣе для оцѣнки его достоинства, чѣмъ временная стадія развитія, на которой онъ теперь находится.

Значить, при выполненіи этой второй задачи пришлось бы еще разъ разсматривать тѣ же самыя влеченія и направленія жизни, но уже съ другой точки зрѣнія, при чѣмъ, конечно, нельзя было бы избѣгать нѣкоторыхъ повтореній, которыя могли бы нарушить ясность изложенія. Притомъ же въ каждомъ конкретномъ случаѣ обѣ точки зрѣнія такъ тѣсно соприкасаются, что кажется невозможнымъ ихъ строго раздѣлить.

По этому я предпочитаю объ задачи слить въ одну и соединить въ слѣдующемъ изслѣдованіи влеченій и направленій жизни объ точки зрѣнія.

При этомъ изслѣдованіи читатель относительно многихъ направленій жизни, можетъ быть, и несогласится, что обыкновенно принимаемый перевѣсъ наслажденій надъ страданіями основанъ на ошибкѣ, т. е. на извращеніи сужденія влеченіями; но за то едва ли онъ не будетъ принужденъ уступить результатамъ изслѣдованія со второй точки зрѣнія, т. е., что этотъ принимаемый имъ перевѣсъ наслажденій зиждется на иллюзіи, а слѣдовательно, при основательномъ разрушеніи иллюзіи, можетъ потерять свое прежнее значеніе и быть подвергнуто сомнѣнію. Впрочемъ, для нашей цѣли одинаково важно убѣдить читателя или въ томъ, что страданія перевѣшиваютъ наслажденія или въ томъ, что, если бы и казалось, что перевѣсъ на сторонѣ послѣднихъ, то все таки самое чувство наслажденія основано на иллюзіи: ибо, если истинно то, что, при прогрессивно возрастающемъ разумѣ въ мірѣ, все болѣе и болѣе будутъ подкапываться иллюзіи бытія, пока наконецъ не будетъ признано „что все есть суета“, то жизнь въ мірѣ, по мѣрѣ достиженія имъ цѣли своего развитія, все будетъ несчастнѣе. Отсюда же должно слѣдовать, что разумнѣе было бы воспрепятствовать развитію міра, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, а всего лучше было бы не допустить его возникновенія.

ПЕРВАЯ СТАДІЯ ИЛЛЮЗІИ,

когда счастье считается достижимымъ въ настоящей ступени развитія, значитъ, для индивидуума въ его настоящей земной жизни.

1. КРИТИКА ШОПЕНГАУЕРОВСКОЙ ТЕОРИИ ОБЪ ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ НАСЛАЖДЕНІЯ.

Я предполагаю, что такъ называемый шопенгауеровскій пессимизмъ знакомъ читателю (смотри: *Welt als W. und V. Bd. I. §§ 56—59. Bd. II Cap. 46, Parerga, 2 Aufl. Bd. I 430—39 und. Bd. II XI и XII*); *) и про-

---

*) Что касается до русскаго читателя то, не говоря уже о простомъ читателѣ, очень вѣроятно, что даже многіе руководители (или считающіе себя таковыми) отечественнаго общественнаго мнѣнія, т. е. литераторы, едва ли знаютъ о Шопенгауерѣ что либо больше имени. Въ русской литературѣ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ничего объ этомъ мыслителѣ, или почти ничего, ибо встрѣчающіяся тамъ и сямъ нѣсколько строкъ или даже страничекъ съ именемъ Шопенгауера или заключаютъ въ себѣ полемическія выходки противъ него въ такомъ тонѣ, что собственно бы съ такимъ чудакомъ и полемизировать не стоило, но дѣлается де это ради системы, или же приводятъ его мнѣнія въ самомъ искаженномъ видѣ, и то болѣе курьеза ради. А между тѣмъ въ германской философіи онъ есть настоящій двигатель философскаго мышленія по пути открытому Кантомъ; точно также какъ послѣ Канта онъ есть единственно оригинальный и глубокой мыслитель. По оригинальности, глубинѣ и самостоятельности мысли во всей европейской философіи послѣ Канта съ нимъ можетъ поравняться, пожалуй, только О. Контъ. Впрочемъ, я могу сблизить ихъ не только въ этомъ отношеніи, но и во многихъ другихъ. Сколь бы многимъ не показалось смѣшною и даже нелѣпою моя мысль, я все таки выскажу ее: Шопенгауеръ и Контъ болѣе, чѣмъ какіе либо другіе изъ современныхъ мыслителей родственны

шу его еще разъ прочесть указанные отрывки въ означенномъ порядкѣ въ увѣренности, что, при пикантномъ стилѣ Шопенгауера, читатель, еще незнакомый съ нимъ самъ, поблагодаритъ меня за мою просьбу. Насколько я уклоняюсь отъ высказанныхъ тамъ воззрѣній, по большей части уже ясно изъ ранѣе сказаннаго. Попытка Шопенгауера (W. als W. und V. 3 Aufl. Bd. II S. 667 — 668) доказать, что этотъ міръ есть худшій изъ всѣхъ возможныхъ, есть очевидный софизмъ; впрочемъ въ другихъ мѣстахъ самъ Шопенгауеръ не имѣетъ въ виду утверждать и доказывать что либо иное, какъ только то, что бытіе этого міра хуже, чѣмъ его небытіе; а это положеніе я считаю вѣрнымъ. Слѣдователь-

---

по духу въ его цѣломъ, т. е. и по умственному, и по нравственному настроенію. Если же взглянуть на міросозерцаніе обоихъ пошире, то можно высказать такое положеніе: Шопенгауеръ и Контъ могутъ быть слиты въ органическое единство, чего не договорилъ одинъ, можно найти у другого (разумѣется, я при этомъ не дѣлю, по примѣру французскихъ позитивистовъ, Конта на двое, а принимаю и Конта — автора Philosophie positive, и Конта-автора Politique positive). Впрочемъ, объ этомъ надѣюсь, со временемъ бесѣдовать съ читателемъ. По поводу указаній Гартмана считаю нужнымъ сказать, чтобы любопытный читатель не очень спѣшилъ прочитывать указанные Гартманомъ отрывки изъ сочиненій Шопенгауера, если онъ вообще съ ними не знакомъ и если у него таковыя случайно подъ рукою. Эти отрывки не только пикантны, по выраженію Гартмана, но оригинальны и глубоки, а все таки познакомиться съ *такъ называемымъ пессимизмомъ Шопенгауера* изъ нихъ только нельзя. Шопенгауеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которыхъ надобно изучать вполне для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, понять какую либо одну сторону ихъ воззрѣній. Знакомымъ съ нѣмецкимъ языкомъ и желающимъ получить о Шопенгауерѣ довольно обстоятельное понятіе я позволю себѣ дать совѣтъ — лучше не читать его въ отрывкахъ, а прочесть, напр., Фрауенштедтовскія: Briefe über die Schopenhauerische Philosophie. А. К.

но, слово — пессимизмъ есть только *неправомѣрное* преобразование слова — оптимизмъ. — Я уже указывалъ на бесполезность попытки Лейбница отрицать зло въ мірѣ для того, что бы спасти его мудрое устройство, а теперь не могу не упрекнуть Шопенгауера въ томъ, что онъ изъ за этого зла, если и не отрицаетъ совсѣмъ премудрости въ устройствѣ міра, то все таки черезчуръ мало удѣляетъ ей вниманія и слишкомъ низко ее цѣнитъ. — Кроме того я протестую противъ понятія вины, которое Шопенгауеръ вноситъ въ созданіе міра. Я уже не разъ высказывался противъ трансцендентнаго употребленія этическихъ понятій, ибо они имѣютъ значеніе только для сознательныхъ индивидуумовъ въ ихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Изъ бѣдствій міра я могу выводить вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ только одно слѣдствіе, что міръ обязанъ своимъ происхожденіемъ *неразумному* акту, т. е., такому, въ которомъ разумъ не участвовалъ; слѣдовательно, акту *одной безумной воли*. — Наконецъ я долженъ указать на ошибочное предложеніе Шопенгауеромъ понятія отрицательности. Какъ Лейбницъ хочетъ приписать исключительно отрицательный характеръ недовольству, такъ Шопенгауеръ удовольствію, хотя и не совсѣмъ въ привативномъ смыслѣ, какъ Лейбницъ, однако такъ, что одно страданіе должно возникать прямо, а наслажденіе становится возможнымъ *только косвенно*, въ слѣдствіе устраненія или уменьшенія страданія. Правда, я нисколько не думаю оспаривать, что всякое устраненіе или уменьшеніе страданія есть наслажденіе; но не всякое наслажденіе есть устраненіе или уменьшеніе страданія и при томъ наоборотъ вѣрно также и то, что всякое прекращеніе или уменьшеніе наслажденія есть страданіе.

Конечно, есть при этомъ ограниченіе, перетягивающее вѣсы на сторону страданія. Дѣло въ томъ, что и наслажденіе, и страданіе затрогиваютъ нервную систе-

му и производятъ родъ утомленія, которое при высшихъ степеняхъ наслажденія можетъ дойти до смертельнаго изнеможенія. Вслѣдствіе этого появляется возрастающая съ продолжительностью или степенью чувства потребность, т. е., воля (сознательная или бессознательная), чтобы наступило прекращеніе или ослабленіе чувства. Эта потребность, корень которой въ нервномъ утомленіи, въ случаѣ чувства страданія *совпадаетъ* въ своемъ воздѣйствіи съ прямымъ отвращеніемъ къ перенесенію страданія, напротивъ въ случаѣ чувства наслажденія она дѣйствуетъ *противоположно* прямому желанію закрѣпить наслажденіе и всегда уменьшаетъ это послѣднее и даже наконецъ можетъ и совсѣмъ его перевѣситъ (вспомнимъ изнеможеніе въ половомъ наслажденіи). Отсюда страданіе (за исключеніемъ полного притупленія нерва отъ очень большихъ страданій) бываетъ тѣмъ больнѣе, чѣмъ долѣе оно продолжается, а наслажденіе, въ такомъ же случаѣ, вызываетъ равнодушіе и даже надоѣдаетъ.

Здѣсь уже скрывается первая причина того что, при равныхъ вѣсахъ для измѣренія прямыхъ страданія и наслажденія въ мірѣ, на сторонѣ страданія является перевѣсъ, привходящій отъ нервного раздраженія. Но эта привходящая потребность въ ослабленіи каждаго дляшагося чувства имѣетъ еще дальнѣйшія послѣдствія, а именно: въ слѣдствіе ея косвенное страданіе (т. е., происходящее отъ прекращенія наслажденія) сравнительно уменьшается, а косвенное наслажденіе (т. е., происходящее отъ прекращенія страданія) сравнительно увеличивается. Отсюда ясно уже *à priori*, что гораздо большая часть наслажденія сравнительно съ страданіемъ въ мірѣ имѣетъ *косвенное происхожденіе*, въ слѣдствіе ослабленія своей противоположности. Но такъ какъ достоверно, что въ общей сложности въ мірѣ гораздо болѣе страданій, чѣмъ наслажденій (что будетъ

ясно изъ всего этого изслѣдованія), то нисколько не удивительно, что гораздо большая часть наслажденія, встрѣчаемаго въ мірѣ, объясняется, именно, ослабленіемъ страданія, а на сторону прямого происхожденія наслажденія остается только очень незначительная часть его.

Отсюда на практикѣ выходитъ почти тоже, что утверждаетъ и Шопенгауеръ (именно, что наслажденіе имѣетъ косвенное происхожденіе, а страданіе прямое). Однако это не даетъ права извращать познаніе этихъ отношеній *въ принципъ*, ибо не подлежитъ никакому спору существованіе такихъ наслажденій, которыя происходятъ *не* изъ ослабленія страданій, а положительно выступаютъ надъ точкою безразличія въ ощущеніи. Таковы, напр., наслажденія гастрономическія или художественныя и научныя; эти послѣднія, какъ не подходившія къ его теоріи отрицательности наслажденія, Шопенгауеръ намѣренно изъ нея исключаетъ и разсматриваетъ какъ безболѣзненные радости свободнаго отъ воли интеллекта, — какъ будто *свободный отъ воли разумъ* еще можетъ *наслаждаться*, или какъ будто можетъ быть *ощущеніе наслажденія* безъ воли, въ *удовлетвореніи* которой оно состоитъ! И такъ, если мы должны наслажденія гастрономическія и половыя, взятыя съ чисто физической стороны и по мимо ихъ метафизическихъ отношеній, а также художественныя и научныя считать за *ощущенія удовольствія*; если мы должны согласиться, что они положительно выступаютъ надъ точкою безразличія или нулевою точкою ощущеній, не бывъ предварительно подъ нею, т. е., безъ предъидущаго страданія; если мы наконецъ станемъ твердо на нашемъ принципѣ, что наслажденіе состоитъ только въ *удовлетвореніи воли*: то неизбѣжно должны счесть ошибочнымъ Шопенгауеровское положеніе, что наслажденіе есть *только* прекращеніе или ослабленіе страданія.

Вотъ какъ онъ его доказываетъ: пока есть въ наличности воля, она неудовлетворена, ибо иначе ея бы и не было, а неудовлетворенная воля есть недостатокъ, потребность, недовольство; разъ воля удовлетворена, это недовольство прекращается, въ чёмъ и состоитъ удовлетвореніе или наслажденіе; другого же никакого нѣтъ. По видимому, этотъ аргументъ неопровержимъ, а между тѣмъ его слѣдствія, какъ показано, стоятъ въ противорѣчій съ опытомъ. Но примирить противорѣчіе не трудно, если мы всмотримся ближе въ гастрономическія или художественныя наслажденія и спросимъ себя, гдѣ же тутъ должна скрываться воля, которая, пока она неудовлетворена, есть недовольство. Но не найдется ни недовольства, ни неудовлетворенной еще наличной воли. Остается, слѣдовательно, принять, что воля вызывается въ тотъ же самый моментъ, въ который и удовлетворяется, такъ что для ея неудовлетвореннаго пребыванія нѣтъ времени. Это объясняется тѣмъ, что одно и то же и возбуждаетъ (мотивируетъ) волю и удовлетворяетъ её, въ чёмъ тотчасъ же можно убѣдиться, если съѣсть невкусный кусокъ между вкусными, или выслушать среди музыкальной пьесы ошибочныя диссонансы. Тогда воля будетъ возбуждена, но неудовлетворена, и тотчасъ же появится недовольство. Въ такихъ случаяхъ, когда воля при своемъ возникновеніи тотчасъ же и исчезаетъ въ слѣдствіе удовлетворенія, ясно обнаруживается, что наслажденіе удовлетворенія есть нѣчто вполне положительное, а не происходитъ исключительно изъ уменьшенія страданія, и что, пожалуй, даже появляющееся при уменьшеніи страданія *косвенное* наслажденіе должно быть понимаемо какъ прямое удовлетвореніе воли—освободиться отъ страданія. Если бы Шопенгауеръ не внесъ въ свою теорію предразсудка о свободномъ отъ воли наслажденіи разума, то онъ самъ призналъ бы изложенныя нами отношенія и не

остановился бы на своемъ принципѣ отрицательности наслажденія.

Впрочемъ есть еще одно обстоятельство, которое, оставшись неизвѣстнымъ Шопенгауеру, извиняетъ его въ ошибочности его теоріи. Мы видѣли, что неудовлетвореніе воли, по самой его природѣ, всегда должно быть сознаваемо, удовлетвореніе же *только тогда*, когда сознательный разумъ, *сравнивая его съ противоположными опытами* напоминаетъ себѣ, что удовлетвореніе *зависитъ отъ вѣншихъ обстоятельствъ* и нисколько не есть непосредственное и необходимое послѣдствіе воли (см. гл. II, стр. 24 и слѣд.)

Такъ какъ нельзя предполагать у растений и низшихъ животныхъ такой степени сознанія, которая нужна для сравненія опытовъ и для пониманія своей зависимости отъ вѣншихъ условій, то поэтому можно считать ихъ (растенія и низшихъ животныхъ) вовсе не способными сознавать удовлетвореніе воли, слѣдовательно, и ощущать удовольствіе, тогда какъ боль и недовольство съ неумолимою необходимостью вѣдряются въ самое тупое сознаніе. Даже высшія животныя вообще сознаютъ гораздо менѣе удовлетвореній воли, чѣмъ обыкновенно мы склонны думать по аналогіи съ человѣкомъ. Такъ какъ далѣе не каждый человѣкъ и не каждую минуту сравниваетъ какое либо незначительное удовлетвореніе воли съ противоположными опытами, то и людьми сознаются, т. е., ощущаются какъ удовольствія, только такія удовлетворенія воли, въ которыхъ, по сопровождающимъ ихъ обстоятельствамъ, безъ сравненій со стороны самого человѣка, рѣзко бросается ему въ глаза контрастъ съ противоположными опытами, таковы, напр.; необыкновенныя удовлетворенія, рѣдкія по степени или роду, или же путемъ ассоціаціи идей напоминающія человѣку о чужихъ или собственныхъ противоположныхъ опытахъ.

Всѣ привычныя и регулярныя удовлетворенія воли ощущаются какъ удовольствіе тѣмъ менѣе, чѣмъ блѣднѣе становится воспоминаніе о противоположныхъ опытахъ. Ясно, что вслѣдствіе того большая часть (не по степени, а по количеству) удовлетвореній воли теряется для сознанія, тогда какъ неудовлетворенія ощущаются сполна. Поэтому-то справедливо говоритъ Шопенгауеръ (W. a. W. и. V. 3 Aufl. B. II s. 657): „Мы чувствуемъ желаніе также, какъ голодъ и жажду: но при исполненіи его бываетъ тоже, что и съ проглоченнымъ кускомъ, который тотчасъ же послѣ того перестаетъ существовать для нашего чувства. Прекратившіяся наслажденія и радости воспоминаемъ мы съ болью, страданія же, хотя бы они прекратились послѣ долгаго присутствія, забываемъ мы не прямо, а развѣ только послѣ преднамѣренныхъ размышленій о нихъ. Когда прибавляются наслажденія, воспріимчивость къ нимъ убываетъ: обычное уже и не ощущается какъ наслажденіе. Но за то увеличивается воспріимчивость къ страданіямъ, *ибо отсутствіе обычнаго чувствуется горько.*“— Далѣе: (Parerga, 2 Aufl. B. II s. 312) „Какъ мы не чувствуемъ здоровья во всемъ нашемъ тѣлѣ, а чувствуемъ только маленькое мѣсто, гдѣ насъ башмакъ жметъ, точно также не думаемъ мы обо всѣхъ нашихъ благополучно идущихъ дѣлахъ, а только о какой либо мелочи, которая намъ досаждаеть“ но ошибочна его прибавка: „На этомъ то и основана столь часто указываемая мною отрицательность благосостоянія и счастья въ противоположность положительности страданія.“ Конечно, *въ сознаваемости* наслажденія и страданія *существуетъ* нѣкоторая аналогія съ этими понятіями, такъ какъ страданіе сознается одно само по себѣ, а наслажденіе только въ противоположеніи съ представленіемъ страданія; конечно, дѣйствительность нерѣдко такова, *какъ будто* шопенгауеровская теорія отрицательности нас-

лажденія вѣрна: тѣмъ не менѣе между его и нашею теоріею огромная разница. И такъ, наслажденіе и страданіе вообще различаются на подобіе математическихъ положительной и отрицательной величинъ, такъ что безразлично какой знакъ (+или—) придать одному и какой другому.

Здѣсь удобно замѣтить, какъ анализъ основаній, которыя привели великихъ людей къ ложнымъ гипотезамъ, плодотворнѣе одной критики. Разбирая гипотезу отрицательности наслажденія и найдя ее также ошибочною, какъ и гипотеза Лейбница о привативности зла, мы въ то же время узнали три момента, изъ которыхъ каждый на нашихъ вѣсахъ падаетъ на сторону страданія и которые всѣ вмѣстѣ даютъ тотъ же результатъ, что и шопенгауеровская теорія. Они суть: 1) возбужденіе и утомленіе нервовъ; и вытекающая отсюда потребность въ прекращеніи какъ наслажденія, такъ и страданія; 2) необходимость видѣть во всякомъ наслажденіи *непрямое* наслажденіе, которое возникаетъ только вслѣдствіе прекращенія или ослабленія страданія, а не вслѣдствіе моментальнаго удовлетворенія воли въ моментъ возбужденія ея; 3) затрудненія, предстоящія для сознаваемости удовлетворенія воли, между тѣмъ какъ страданіе *eo ipso* порождаетъ сознаніе. Наконецъ можно прибавить: 4) непродолжительность удовлетворенія, которое проносится какъ мгновеніе, между тѣмъ какъ неудовлетвореніе длится столько же, сколько времени заявляетъ о себѣ воля; а такъ какъ нѣтъ ни единого мгновенія, въ которое не существовало бы какой либо наличной воли, то неудовлетвореніе, такъ сказать, пребываетъ вѣчно, и развѣ только подкрашивается удовлетвореніемъ, которое доставляется надеждою.

На второмъ пунктѣ мы еще должны нѣсколько остановиться. Когда мы ищемъ примѣровъ для такихъ ощущеній наслажденія, которыя состоятъ только въ прек-

ращеніи или ослабленіи страданія, то нужно тщательно беречься, чтобы не включить въ число этихъ примѣровъ такіе случаи, гдѣ наслажденіе усиливается въ слѣдствіе привходящаго посторонняго удовлетворенія воли; такъ, напр., къ удовлетворенію голода и жажды привходитъ пріятный вкусъ кушаньевъ и прохлаждающее впечатлѣніе напитка, къ удовлетворенію вождельной любви физическое половое наслажденіе. Чистыми примѣрами въ чувственной области можно, напр., счесть прекратившуюся зубную боль, въ духовной выздоровленіе друга отъ смертной болѣзни. Разсматривая такіе чистые примѣры, никто болѣе не станетъ сомнѣваться, что удовольствіе, возникающее въ слѣдствіе прекращенія страданія, гораздо *слабѣе*, чѣмъ было это страданіе, тогда какъ наоборотъ страданіе, возникающее въ слѣдствіе прекращенія наслажденія, далеко не слабѣе этого наслажденія.

Это явленіе на первый взглядъ можетъ удивить, ибо силу чувства считаютъ зависящею только отъ степени переменны, а не отъ положенія исходнаго или конечнаго пункта переменны относительно точки безразличія въ ощущеніи: однако оно (явленіе), по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что, при прекращеніи страданія, въ ущербъ наслажденію вліяетъ досада на то, что такъ долго приходилось страдать. Мы, чувствуемъ себя, такъ сказать, менѣе обязанными благодарить судьбу за освобожденіе отъ страданія; напротивъ считаемъ себя въ правѣ роптать и упрекать ее за наложеніе его, ибо все движеніе протекло подъ точкою безразличія. Между тѣмъ при прекращеніи наслажденія является обратное отношеніе, къ которому еще присоединяется нервное утомленіе. Такому объясненію вполне соотвѣтствуетъ то, что это ограниченіе наслажденія, происходящаго отъ прекращенія страданія, сравнительно съ этимъ послѣднимъ появляется только тогда,

когда дѣйствительно попадаетъ въ сознаніе то обстоятельство, что все движеніе протекло подъ нулевою точкою ощущенія. Чѣмъ менѣе сознаніе заинтересованнаго лица переноситъ движеніе подъ нулевую точку ощущенія, тѣмъ болѣе наслажденіе оказывается равнымъ по степени тому страданію, отъ прекращенія котораго оно произошло. Это всего менѣе возможно при чувственной боли; поэтому-то никто не подвергнется пыткѣ, чтобы вкусить наслажденія отъ прекращенія боли. Совсѣмъ иное доказываетъ намъ въ духовной сферѣ борьба съ нуждою и радость при каждомъ приобрѣтенномъ успѣхѣ, обеспечивающемъ ближайшее будущее. Какъ скоро люди, уяснятъ себѣ, что эта радость относится къ предъидущей заботѣ не иначе, какъ прекращеніе боли къ мученіямъ пытки, и что это движеніе столь же вполне, какъ и то, падаетъ подъ нулевую точку ощущенія, то побѣдою надъ нуждою будутъ *наслаждаться* столько же, сколько *наслаждается* подвергнутый пыткѣ, когда прекратятъ ее.

Что въ наше время называется краснымъ призракомъ пролетаріата, есть ничто иное, какъ это появляющееся въ массахъ сознаніе, что борьба съ нуждой, заботы и ихъ облегченіе всецѣло находятся на отрицательной сторонѣ (сторонѣ страданія) нулевой точки ощущенія, тогда какъ прежде, хотя массы были въ десять разъ бѣднѣе, этого сознанія не было; и люди переносили свою бѣдность, какъ дѣло воли Божіей. Еще доказательство, что съ развитіемъ разума люди становятся несчастнѣе. Эта борьба съ нуждою одинъ изъ многихъ примѣровъ того, что изъ возможныхъ въ мірѣ радостей, за исключеніемъ физическо-чувственныхъ, эстетическихъ и научныхъ наслажденій, едва ли есть еще счастье, которое не основывалось бы на освобожденіи отъ предъидущаго страданія; въ особенности же это вѣрно для сильныхъ, живыхъ радостей. Вольтеръ

говорить: „*il n'est de vrais plaisirs qu'avec de vrais besoins*“ *).

Здѣсь намъ представляется интересный вопросъ, можетъ ли наслажденіе вообще уравновѣшивать страданіе и какой коэффициентъ нужно придать какой либо степени наслажденія для того, чтобы оно уравновѣживало для сознанія такую же степень страданія. Шопенгауеръ, при ссылкѣ на стихъ Петрарки: „*Mille piacer' non vagliono un tormento* (тысяча наслажденій не стоятъ одной муки)“, ставитъ эксцентрическое положеніе, что вообще никогда и никакая степень наслажденія не можетъ уравновѣсить страданіе, что, слѣдовательно, міръ, въ которомъ вообще было бы мѣсто страданію, во всякомъ случаѣ и при перевѣсѣ счастья, все таки былъ бы хуже, чѣмъ ничто. Такое мнѣніе едва ли можетъ найти для себя опору; но нѣтъ ли въ немъ зерна истины въ томъ отношеніи, что искомый коэффициентъ не можетъ быть = 1, какъ обыкновенно принимаютъ—это вопросъ, заслуживающій вниманія. — Если я могу выбирать или ничего не слушать, или же сперва въ теченіи пяти минутъ слушать дизгармоническіе звуки и потомъ въ теченіи пяти минутъ хорошую музыку; если я могу выбирать или ничего не нюхать, или же сперва нюхать вонь, а потомъ благовоніе; если я могу выбирать или ничего не вкушать, или же сперва отвѣдать что либо не вкусное, а потомъ вкусное: то я во всѣхъ случаяхъ рѣшусь ничего не слышать, не нюхать и не вкушать даже и тогда, когда мнѣ слѣдующія одни за другими ощущенія недовольства и удовольствія казались бы равными по степени, хотя, конечно, трудно было бы констатировать это равенство. Отсюда я заключаю, что удовольствіе по степени должно быть *замѣтно*

---

*) Безъ истинныхъ потребностей, нѣтъ истинныхъ удовольствій.

дѣйствіями, ибо это естественное состояніе и разумѣется само собою; но за то каждый болѣзненно чувствуетъ внѣшнее принужденіе; всякое вмѣшательство въ его самоопредѣленіе кажется ему какъ бы нарушеніемъ его первоначальнаго естественнаго права, которое принадлежитъ ему наравнѣ съ животнымъ, съ атомною силою. Молодость есть преимущественно тотъ возрастъ, въ которомъ только и можно пользоваться полнымъ здоровьемъ и безпрепятственнымъ употребленіемъ духа и тѣла, между тѣмъ какъ со старостью появляются и ея недуги, которые чувствуются очень горько. Далѣе только молодость обладаетъ *полною способностью къ наслажденіямъ*; что, конечно, зависитъ отъ безпрепятственнаго пользованія тѣломъ и духомъ, между тѣмъ какъ въ старости всѣ неудобства, заботы, огорченія и непріятности чувствуются вдвойнѣ, а способность къ наслажденію все болѣе и болѣе убываетъ. Но все таки эта способность къ наслажденію цѣнна только какъ фундаментъ, она есть только *способность*, т. е., *возможность* (не дѣйствительность) наслажденія, ибо что толку мнѣ, напр. въ самыхъ крѣпкихъ зубахъ, если кусать нечего! Наконецъ и достаточность, или обезпеченность отъ нужды и лишеній нельзя разсматривать какъ положительную выгоду или наслажденіе, это только *conditio sine qua non* жизни, жаждущей наполниться наслажденіями. Терпѣть голодъ, жажду, холодъ, жаръ или сырость горько; защиту отъ этихъ золъ, представляемую необходимыми жилищемъ, одеждою и пищею, вовсе еще нельзя назвать положительнымъ благомъ (наслажденіе вкуса при ѣдѣ здѣсь не входитъ въ расчетъ). Если бы обезпеченная этими условіями, но еще не наполненная жизнь была положительнымъ благомъ, то уже одно бытіе само по себѣ должно было бы насъ радовать и удовлетворять. Но на дѣлѣ совсѣмъ не такъ: обезпеченное существованіе есть мука, если оно не на-

полнено. Эта мука обнаруживается въ скукѣ и можетъ стать столь невыносимою, что мы рады даже страданіямъ, если они насъ отъ нея избавляютъ.

Обыкновенно жизнь наполняется *трудоу*; нѣтъ сомнѣнія, что трудъ для того, кто долженъ работать, есть зло, какъ бы ни были плодотворны его послѣдствія для самого работающаго или для человѣчества въ его прогрессивномъ развитіи: ибо никто не работаетъ, если его не принуждаетъ къ тому необходимость, т. е., если онъ не выбираетъ работу, какъ меньшее изъ двухъ золъ, причемъ большее зло представляется въ видѣ нужды, или муки стяжанія, или даже просто въ видѣ скуки. Все, что можно сказать въ похвалу труда, сводится или на полезныя экономическія результаты (о чемъ рѣчь впереди) или на устраненіе посредствомъ его большихъ золъ (праздность есть мать всѣхъ пороковъ); и самое большее, чего можетъ достигнуть человѣкъ въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что онъ не тяготится своимъ трудомъ и, на сколько то возможно, привыкъ къ нему. Во время труда мы утѣшаемся надеждою на отдыхъ, а, отдыхая, мы точно также развлекаемся мыслию о трудѣ. Обыкновенно трудомъ покупаемъ мы обезпеченное существованіе. Итакъ, обезпеченность не только не есть положительное благо и представляетъ нулевую точку ощущенія, но еще за это чисто привативное благо *нужно заплатиться неудовольствіемъ*, между тѣмъ какъ здоровье и молодость достаются даромъ. И какъ велико иногда это неудовольствіе, налагаемое трудомъ на бѣдныхъ! Не будемъ вспоминать о рабскомъ трудѣ, подумаемъ только о фабричной работѣ нашихъ большихъ городовъ. — Такими же большими жертвами, какъ и пріобрѣтеніе средствъ къ жизни, завоевывается и относительная свобода, ибо *полной* свободы мы никогда не достигаемъ. Но обезпеченіе средствъ къ жизни и пріобрѣтеніе достижимой

степени свободы, имѣютъ свою выгодную сторону въ томъ, что ихъ можно завоевать собственными усиліями, между тѣмъ какъ молодость и здоровье получаютъ совершенно пассивно.

Если у кого либо есть дѣйствительно эти четыре привативныя блага, то у него есть внѣшнія условія къ доволъству, а если присоединяется къ тому необходимое внутреннее условіе, *умѣренность, способность удовлетвориться* необходимымъ, то доволъство обезпечено до тѣхъ поръ, пока не случится съ нимъ какихъ либо важныхъ несчастій и бѣдствій. *Доволъство* не ищетъ положительнаго счастья, оно, именно, *отказывается* отъ него; оно желаетъ только свободы отъ большихъ бѣдствій и страданій, слѣдовательно, удовлетворяется почти нулевою точкою ощущеній. Положительныя блага и положительное счастье *ничего не могутъ прибавить* къ доволъству, скорѣе они для него опасны, ибо чѣмъ они больше, тѣмъ больше вѣроятность испытать великія страданія отъ ихъ потери, страданія, которыя временно прекращаютъ доволъство. Итакъ, доволъство нисколько не можетъ быть разсматриваемо какъ признакъ положительнаго счастья, ибо, пожалуй, его можетъ получить на долго самый бѣдный, но нетребовательный человѣкъ. Но если, не смотря на то, такъ часто восхваляютъ доволъство, какъ высочайшее достижимое счастье (Arist. Eth. Eud. VII, 2: *ἡ εὐδαιμονία τῶν ἀβταρχῶν ἐστὶ*, счастье принадлежитъ довольнымъ собою; Spinoza, Eth. Th. 4, Satz 52 Anm.: доволъство самимъ собою есть по истинѣ выше всего, на что мы можемъ надѣяться), то это можетъ быть вѣрно *только въ такомъ случаѣ*, если состояніе *безмятежности* и добровольнаго отреченія отъ всяческаго *положительнаго* счастья заслуживаетъ *предпочтенія* передъ *обладаніемъ положительнымъ счастьемъ*, которое, по самой своей природѣ, не можетъ быть продолжительно. Если вообще разумно, какъ я и думаю,

здоровье, молодость, свободу и беззаботное существование называть величайшими благами, а довольство величайшимъ счастьемъ: то изъ этого слѣдуетъ, что съ положительными благами и счастьемъ соединено столько горестныхъ обстоятельствъ, что этимъ благамъ и счастью основательно можно предпочесть привативныя, т. е., въ одной *свободѣ отъ страданій* состоящія блага и счастье. Но что же такое свобода отъ страданій? — Небытіе и только! Значитъ, если съ положительными благами и счастьемъ связаны такія преткновенія, что они въ цѣломъ стоятъ ниже довольства, т. е., ниже нулевой точки ощущенія, на которой постоянно стоитъ небытіе, то ясно, что они стоятъ также ниже небытія. Значитъ, *наравнѣ* съ небытіемъ стояла бы только *абсолютно* довольная жизнь, если бы таковая была: но ея нѣтъ, ибо и самый довольный не можетъ быть вполнѣ довольнымъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, *всякая* жизнь стоитъ ниже абсолютнаго довольства, т. е., небытія.

3. голодъ и любовь.

Эти два влеченія почти исключительно обуславливаютъ какъ поступательное движеніе животнаго царства, такъ и начало развитія человѣчества и періодъ его дикости. Если придется низко оцѣнить значеніе для индивидуума *этихъ* двухъ условій, то останется мало надежды спасти цѣнность индивидуальной жизни гдѣ либо въ другихъ сторонахъ ея.

Голодъ мучителенъ, что, конечно, знаетъ только тотъ, кто его испыталъ. Его удовлетвореніе, т. е., удовольствіе насыщенія, для головнаго мозга составляетъ только простое прекращеніе страданія, тогда какъ для подчиненныхъ нервныхъ центровъ ощущеніе пищеваренія можетъ, конечно, подняться надъ нулевою точ-

кою ощущенія. Ощущеніе пищеваренія для общаго чувства или общаго благосостоянія индивидуума имѣетъ тѣмъ менѣе значенія, чѣмъ болѣе подчиненные нервныя центры отступаютъ внутрь относительно головнаго мозга. Въ этомъ случаѣ послѣдній отъ пріятнаго ощущенія пищеваренія получаетъ только слабыя слѣды, напротивъ отъ насыщенія чувствуетъ стѣсненіе въ своемъ духовномъ настроеніи и способности къ работѣ. Кто столь счастливъ, что можетъ тотчасъ удовлетворить голодъ, какъ скоро онъ обнаружится, и у кого не ослабѣваетъ отъ насыщенія головной мозгъ, у того, конечно, голодъ въ силу ощущенія пищеваренія, можетъ произвести нѣкоторый излишекъ удовольствія; но сколь мало людей, которые находятся въ этомъ двояко завидномъ положеніи. Большая часть 1300 милліоновъ жителей земнаго шара имѣютъ или скудное, неудовлетворительное питаніе, дозволяющее только поддерживать жалкое существованіе, или же пользуются нѣкоторое время излишествомъ, которое не даетъ никакого перевѣшивающаго наслажденія, а затѣмъ терпятъ нужду и недостатокъ въ пищѣ. Такимъ образомъ большинство человѣчества должно переносить долгое время мучительный голодъ, между тѣмъ какъ удовольствіе насыщенія при полномъ удовлетвореніи голода длится только въ теченіи нѣсколькихъ часовъ дня. Но какое сравненіе между тупымъ удовольствіемъ насыщенія и пищеваренія съ столь яснымъ для сознанія головнаго мозга терзаніемъ голода, или адской мукой жажды! Еще недавно было время, когда въ Европѣ на семь лѣтъ насчитывали одинъ голодный годъ; и если это явленіе у насъ въ слѣдствіе современныхъ путей сообщенія превратилось въ простую дороговизну, т. е., въ голодъ для бѣднѣйшихъ классовъ только, то оно остается еще въ прежней силѣ для несравненно большей части обитаемаго земнаго шара.

Что касается до животныхъ, то ихъ стояніе часто въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ на границахъ голодной смерти, а также и частые случаи этой послѣдней слишкомъ извѣстны, что бы стоило о нихъ распространяться. (Такъ у птицъ и травоядныхъ зимою въ холодныхъ и умѣренныхъ поясахъ, и въ засуху подъ тропиками, у хищныхъ, въ періоды отсутствія добычи и т. п.)

Впрочемъ, мы все таки не перестаемъ читать извѣстія о случаяхъ буквальной голодной смерти въ нашихъ большихъ городахъ. Но спрашивается: можетъ ли роскошь тысячи гастрономовъ перевѣсить муки голодной смерти одного человѣка?

Конечно, прямая голодная смерть у насъ есть очень рѣдкое и сравнительно меньшее зло, происходящее отъ голода. Гораздо страшнѣе тѣлесное и умственное измельчаніе расы, смертность дѣтей и спеціальныя, ставшія обычными болѣзни: стоитъ только прочесть извѣстія изъ тѣхъ силезскихъ округовъ, гдѣ сосредоточена ткацкая промышленность, или рассказы о притонахъ пролетаріевъ въ Лондонѣ. Чѣмъ менѣе опустошительныя войны будутъ препятствовать увеличенію народонаселенія, чѣмъ болѣе съ успѣхами гигиены профилактическія мѣры будутъ ограничивать распространеніе эпидемій, тѣмъ болѣе средства продовольствія будутъ представлять *единственную* естественную границу для увеличенія народонаселенія, ибо число рожденій остается почти безъ перемѣны; и гипотеза Керри, что въ будущемъ способность къ дѣтороженію и увеличенію народонаселенія въ человѣчествѣ уменьшится, совершенно произвольна и не оправдывается никакими историческими аналогіями.

Какія большія успѣхи ни сдѣлали бы сельское хозяйство и химія, но все таки окажется точка, далѣе которой не можетъ идти производство питательныхъ

средствъ; а между тѣмъ увеличеніе народонаселенія черезъ дѣторожденіе не имѣетъ въ человѣчествѣ никакихъ другихъ границъ, кромѣ поставленныхъ невозможностью пропитанія. Она уже давно стала главною преградой для увеличенія народонаселенія и въ будущемъ станетъ ею исключительно. Но эта преграда не ставится рѣзко и быстро, а образуетъ отъ точки достаточнаго существованія до точки невозможности его безконечно много ступеней, изъ которыхъ каждая слѣдующая голоднѣе и бѣдственнѣе предъидущей. Чтобы обмануть инстинктъ, при недостаткѣ въ пищѣ, наполняютъ желудокъ веществами, которыя не имѣютъ ни вкуса, ни питательности, напр., бѣднѣйшій классъ въ Китаѣ, не имѣющій средствъ купить рису, ѣстъ родъ морскихъ водорослей, которыя почти не содержатъ никакихъ питательныхъ матеріаловъ. Если мы вспомнимъ о народныхъ массахъ, которые живутъ безвкусными питательными средствами (рисъ, картофель), то, конечно, не станемъ утверждать, что огромный излишекъ страданій, происходящій въ мірѣ отъ голода, можетъ быть до извѣстной степени уравновѣшенъ наслажденіями, соединенными съ ѣдою.

Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ, что одно только удовлетвореніе голода никогда не поднимается выше нулевой точки ощущенія и что если въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ это удовлетвореніе и связано съ положительнымъ наслажденіемъ, происходящимъ отъ удовлетворенія потребностей вкуса, то этимъ плюсомъ далеко не уравновѣшиваются муки голода и его послѣдствій въ цѣломъ человѣчествѣ (не говоря уже о животномъ царствѣ вообще). Слѣдовательно, потребность въ пищѣ, сама по себѣ, есть зло; и если оно можетъ получить оправданіе съ телеологической точки зрѣнія, то *вовсе не* по своей собственной цѣнности, а только какъ условіе дальнѣйшаго развитія, которому она способствуетъ путемъ борьбы за пищу.

Я не могу удержаться, что бы не привести здѣсь словъ Шопенгауера (Parerga II. 313) „Кто хочетъ безъ подробнаго анализа провѣрить утвержденіе, что въ мірѣ наслажденіе перевѣшиваетъ страданіе или что они, по крайней мѣрѣ, уравниваются другъ друга, тотъ пусть только сравнитъ ощущенія животнаго, пожирающаго другое животное, съ ощущеніями этого послѣдняго.“

Принципы другого естественнаго влеченія, *любви*, изложены раньше (т. I гл. V) У животныхъ активный половой выборъ самцомъ самки встрѣчается рѣдко, едва только у высшихъ птицъ и млекопитающихъ, пассивный выборъ самкою сильнѣйшаго изъ самцовъ существуетъ тоже у немногихъ изъ высшихъ животныхъ. У большинства же животныхъ половое влеченіе не имѣетъ ничего индивидуальнаго и есть число родовое. У огромнаго большинства животныхъ не существуетъ органовъ сладострастія, которые побуждали бы къ совокупленію, а потому оно безразлично для эгоизма индивидуума и выполняется только изъ за принудительной силы инстинкта, подобно тому какъ ткется паукомъ паутина или свивается птицею гнѣздо для будущихъ яицъ. На отсутствіе наслажденія въ дѣлѣ оплодотворенія у большей части животныхъ указываетъ также, за частую уклоняющаяся отъ непосредственнаго совокупленія, косвенная форма этого дѣла. Но гдѣ, по видимому, и появляется у позвоночныхъ животныхъ индивидуальное физическое наслажденіе, то оно на первыхъ ступеняхъ до послѣдней возможности тупо и не ясно: но за то тотчасъ же выступаетъ борьба самцовъ за самку, которая у многихъ видовъ ведется съ такимъ ожесточеніемъ, что нерѣдко имѣетъ своимъ послѣдствіемъ смерть. Кромѣ того у тѣхъ животныхъ, которыя во время течки образуютъ стада съ побѣдителемъ самцомъ во главѣ, холостые самцы по неволѣ при-

нуждены къ воздержанію, или потому что выдѣляются въ особое стадо, или же потому что, оставаясь при главномъ стадѣ, жестоко наказываются за всякую попытку къ нарушенію правъ главы семейства. Это принудительное воздержаніе большей части самцовъ вмѣстѣ съ болью и досадою, которую терпятъ побѣжденные въ борьбѣ, суммою страданій, кажется, во сто разъ перевѣшиваютъ сумму наслажденій, которая выпадаетъ на долю осчастливленнаго самца. Что касается до самокъ, то во первыхъ у большей части животныхъ онѣ совокупляются значительно рѣже, чѣмъ осчастливленные самцы, а во вторыхъ боли родовъ у нихъ, очевидно, перевѣшиваютъ наслажденіе, полученное при совокупленіи.

У людей особенно цивилизованныхъ роды болѣзненнѣе и труднѣе, чѣмъ у какихъ либо другихъ животныхъ, и большей частью влекутъ за собою даже довольно продолжительное болѣзненное состояніе, а потому я и не сомнѣваюсь счесть сумму страданій при дѣторожденіи у женщины за большую сравнительно съ суммою физическихъ удовольствій отъ совокупленія. Можно безошибочно сказать, что женщина представляетъ яркій примѣръ того, до чего влеченіе можетъ извратить сужденіе. Вспомнимъ о той женщинѣ, которую неоднократно кесарское сѣченіе не могло удержать отъ совокупленія и подивимся, до чего влеченіе могло извратить ея сужденіе о цѣнности половыхъ наслажденій. Мужчина въ этомъ отношеніи кажется въ болѣе благопріятномъ положеніи, но это только кажется.

Кантъ говоритъ въ своей антропологии (Werke VII. Abth. 2 S. 266): „По естественному своему развитію мужчина можетъ уже на 15-ти лѣтнемъ возрастѣ чувствовать влеченіе полового инстинкта и производить себѣ подобныхъ. Но по гражданскому своему развитію онъ едва ли можетъ осмѣлиться на это около двадцати-

лѣтняго (среднимъ числомъ) возраста. И такъ, какъ гражданинъ міра, юноша довольно рано можетъ удовлетворить стремленіямъ своимъ и своей подруги, но, какъ гражданинъ государства, онъ еще долго не имѣетъ возможности содержать жену и дѣтей.— Онъ долженъ изучить ремесло и приготовиться къ основанію хозяйства и семейной жизни; а эти подготовленія выполняются въ болѣе образованныхъ классахъ народа едва едва къ двадцатипятилѣтнему возрасту. Чѣмъ же наполняется этотъ промежутокъ вынужденнаго и противуестественнаго воздержанія? Конечно ничѣмъ инымъ, какъ пороками.“ Но эти пороки грязнятъ эстетическое чувство, притупляютъ въ душѣ нѣжныя чувства и не рѣдко ведутъ къ преступленіямъ; наконецъ вслѣдствіе отсутствія мѣры и въ слѣдствіе другихъ причинъ они разстроиваютъ здоровье и не рѣдко закладываютъ зародыши порчи уже въ слѣдующее поколѣніе. Но если бы кто либо, въ видѣ исключенія, и дѣйствительно воздержался отъ пороковъ, наполняющихъ вышеозначенный промежутокъ, и, благодаря умственному напряженію, вышелъ бы побѣдителемъ изъ вѣчно возобновляющейся борьбы съ муками возбужденной чувственности, то въ промежутокъ отъ юности до вступленія въ бракъ, характеризующійся если не настойчивою силою чувственности, то соблазняющею ея пылкостью, онъ перенесъ бы такую сумму страданій, что еѣ никогда не можетъ уравновѣситъ слѣдующая въ позднѣйшій періодъ сумма половыхъ наслажденій. При томъ же съ успѣхами культуры возрастъ вступленія въ бракъ у мужчинъ все болѣе и болѣе отодвигается, слѣдовательно, промежутокъ становится длиннѣе и всего длиннѣе именно у тѣхъ классовъ, гдѣ нервная впечатлительность и раздражительность, а слѣдовательно, и муки лишенія всего сильнѣе.

Но чисто физическая сторона половой любви у человѣка есть еще второстепенная, гораздо важнѣе индиви-

дуализированное половое влеченіе, которое обѣщаетъ непрерывное невыразимое блаженство отъ обладанія именно этимъ индивидуумомъ.

Посмотримъ на слѣдствія любви вообще. Обыкновенно одна сторона любитъ сильнѣе, чѣмъ другая; такъ какъ эта послѣдняя обыкновенно охлаждѣваетъ прежде, то первая чувствуетъ себя вѣроломно оставленною и преданною. Кто захотѣлъ бы въ данное время взвѣсить сумму существующихъ въ мірѣ страданій, переносимыхъ обманутыми сердцами въ слѣдствіе нарушенныхъ обѣтовъ любви, тотъ напелъ бы, что оно одно перевѣшиваетъ общую сумму наличнаго счастья любви въ то же время, перевѣшиваетъ уже въ силу того, что мука разочарованія и горечь страданій отъ измѣны держатся гораздо долѣе, чѣмъ иллюзія счастья. Наиболѣе жестоки страданія у женщины, которая во имя истинной, глубокой любви все принесла въ жертву возлюбленному, чтобы существовать подлѣ него подобно вьющемуся растенію; и когда брошена и оставлена такая женщина, то она, по истинѣ, представляетъ нѣчто безусловно безпомощное въ мірѣ. Вполнѣ разбитая въ своихъ силахъ, лишенная опоры любви должна она, поникшіи цвѣтокъ, завянуть и погибнуть—или же, рада самозабвенія, безстыдно окунуться въ грязь житейскую.

Какъ часто разрушаетъ супружескій и домашній миръ вкрадывающаяся туда любовь! Какія громадныя жертвы во всѣхъ родахъ индивидуальнаго счастья и благосостоянія не приносятся для несчастнаго полового влеченія. Передъ родительскимъ проклятіемъ, передъ изгнаніемъ изъ семейства и даже изъ круга жизни, въ которомъ пущены корни, не отступаютъ мужчина или дѣвушка, чтобы только соединиться съ возлюбленнымъ. Бѣдная швея или служанка, пріобрѣтающая свое безрадостное существованіе въ потѣ лица, и та однажды вечеромъ падаетъ жертвою необоримаго полового влеченія. Ради рѣд-

кихъ, короткихъ радостей становится она матерью; и тогда предстоитъ ей выборъ или стать дѣтубійцею или большую часть своего едва достаточнаго для нея одной заработка обратить на содержаніе ребенка. Такимъ образомъ должна она цѣлые годы съ утроенною горечью выносить заботы и нужду, если не хочетъ броситься въ порочную жизнь, которая обезпечиваетъ ей легкое пріобрѣтеніе въ періодъ молодости, что бы потомъ ввергнуть въ тѣмъ болѣе страшную нищету. И все это за крохотку любви!

Жаль, что у насъ нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ, сколько процентовъ отношеній любви въ каждомъ сословіи доходятъ до брака. Мы ужаснулись бы ничтожному проценту. Не говоря уже о старыхъ холостякахъ и дѣвахъ, въ средѣ самыхъ брачующихся паръ найдется весьма малый процентъ такихъ индивидуумовъ, которые бы не имѣли какого либо любовнаго отношенія до брака; и напротивъ многіе имѣли ихъ нѣсколько. Слѣдовательно, въ большинствѣ этихъ случаевъ любовь не достигла своей цѣли; а если въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта цѣль достигнута и безъ брака, то едва ли участвовавшіе въ томъ люди сдѣлались счастливѣе сравнительно съ тѣми, у которыхъ она вовсе не достигнута. Изъ заключенныхъ браковъ только весьма малая часть суть браки по любви, прочіе же заключены изъ другихъ соображеній: значить, весьма незначительная часть любовныхъ отношеній входятъ въ гавань брака. Изъ этой малой части опять таки только очень немногія представляютъ такъ называемый счастливый бракъ: ибо счастливые браки гораздо рѣже, чѣмъ то можно подумать въ слѣдствіе притворства людей и ихъ желанія казаться счастливыми: на дѣлѣ же счастливые браки суть всего менѣе тѣ, которые заключены по любви. Большая часть любовныхъ отношеній, приведшихъ въ гавань брака, кончаются хуже, чѣмъ еслибы они вовсе

не привели къ браку. Наконецъ не многіе истинно счастливые браки по любви становятся таковыми *не въ силу самой любви*, а только въ силу случайнаго совпаденія характеровъ и лицъ, которое устраняетъ столкновенія и разрѣшаетъ любовь въ дружбу. Эти случаи, гдѣ счастье любви тихо и незамѣтно переходитъ въ счастье дружбы, чѣмъ и устраняется всякое горькое разочарованіе, столь рѣдки, что они значительно перевѣшиваютъ неудачными браками по любви.

Послѣ этихъ соображеній нельзя сомнѣваться, что любовь даетъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій заинтересованнымъ въ ней индивидуумамъ. Конечно, подъ вліяніемъ влеченія, этотъ результатъ люди будутъ отвергать упорнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ отношеніи; и, пожалуй, соглашенія съ нимъ можно ждать только отъ тѣхъ, у кого влеченіе отъ возраста уже потеряло свою силу.

Теперь разсмотримъ теченіе удовлетворенной любви въ отдѣльныхъ случаяхъ, чтобы убѣдиться, что здѣсь наслажденіе основано въ сущности на иллюзіи. Вообще величина наслажденія пропорціональна силѣ удовлетворенной воли, предполагая, что удовлетвореніе входитъ въ сознаніе во всей полнотѣ своего объема, хотя это предположеніе, строго говоря, можно допустить тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе ясно переходитъ воля и ея содержаніе изъ области бессознательной въ сознательную.

Но оставимъ это безъ вниманія и допустимъ, что какимъ бы то ни было образомъ возникшая, очень сильная воля обладать любимымъ существомъ оказывается въ сознаніи. Тогда, конечно, удовлетвореніе этой воли должно быть почувствовано какъ сильное наслажденіе и почувствовано тѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе заинтересованное лицо сознавало, что выполненіе его желаній зависѣло отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, слѣдовательно, чѣмъ больше контрастъ между этимъ выполненіемъ и

предшествовавшимъ знаніемъ затрудненій и препятствій. Калифъ, напр., который сознаетъ, что ему стоитъ только повелѣть, чтобы обладать Любою подданною, которая ему нравится, почти не будетъ сознавать удовольствія своей воли, какъ бы сильна она ни была въ какомъ либо частномъ случаѣ. Отсюда слѣдуетъ, что наслажденіе удовольствія покупается только предыдущимъ страданіемъ отъ предполагаемой невозможности достигнуть обладанія: ибо затрудненія, преодоленіе которыхъ предвидится какъ несомнѣнное, уже перестаютъ быть затрудненіями.

Но по нашимъ выше приведеннымъ общимъ соображеніямъ предыдущее страданіе отъ достовѣрности или вѣроятности неудачи бываетъ больше, чѣмъ соответствующее наслажденіе при удачѣ. Но какъ несомнѣнно то, что окончательное наслажденіе при удачѣ есть реальное, ибо оно основано на дѣйствительно существующей волѣ, такъ несомнѣнно и то, что представленіе, служащее основою наслажденія, есть иллюзія. Сознаніе, именно, находитъ въ себѣ страстное желаніе обладать любимымъ предметомъ, силою и страстностью превосходящее всякое иное знакомое проявленіе воли. Но такъ какъ оно въ то же время не подозреваетъ безсознательнаго мотива этой воли (свойства будущаго новорожденнаго), то подставляетъ на мѣсто этого мотива надежду на невыразимое блаженство. Инстинктъ поддерживаетъ эту иллюзію, ибо, еслибъ человѣкъ замѣтилъ, что его эгоизмъ соблазняется ради чуждыхъ ему цѣлей, то онъ тотчасъ же постарался бы подавить инстинктъ страстной любви. Такъ возникаетъ иллюзія, съ которой любящій стремится къ акту обладанія: а что она есть дѣйствительно иллюзія, въ томъ можно было бы убѣдиться опытомъ, если бы удалось незамѣтно подсунуть любящему подложное лицо, къ обладанію которымъ его воля обнаруживала бы отвращеніе; тогда оказалось бы, что

удовлетвореніе воли воспослѣдовало бы въ той же мѣрѣ, какъ и съ настоящимъ любимымъ существомъ.

Тѣмъ не менѣе наслажденіе въ удовлетвореніи настойчивой воли вполнѣ реально—но не на это наслажденіе мѣтитъ любящій, а на то невыразимое блаженство, *которымъ*, по его мнѣнію, главнымъ образомъ мотивирована его воля!

Но такого блаженства или наслажденія никогда не бывало, а есть только наслажденіе, слагающееся изъ удовлетворенія той уже мотивированной сильной воли—обладать и изъ обыкновеннаго физическаго полового наслажденія. Когда сознание, такъ сказать, отдохнетъ отъ подавляющей силы влеченія и придетъ въ ясность, то оно почувствуетъ разочарованіе въ своихъ ожиданіяхъ. Но всякое разочарованіе въ ожидаемомъ наслажденіи есть страданіе и тѣмъ большее, чѣмъ больше было ожидаемое наслажденіе и чѣмъ съ большею увѣренностью оно ожидалось. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ съ безусловною увѣренностью ожидали невыразимаго блаженства, но въ которомъ совершенно обманулись (ибо два дѣйствительные момента ожидались сами собою сверхъ этого блаженства), тамъ страданіе разочарованія должно достигать такой высокой степени, что оно вполнѣ уравниваетъ, если не превѣшиваетъ реально существующее наслажденіе. Что это разочарованіе не постигается сознаниемъ тотчасъ же и въ полной мѣрѣ, тому, конечно, мѣшаетъ не прекращающееся сразу, но нѣкоторое время постоянно возобновляющееся, хотя и съ постоянно убывающей силой, влеченіе. Снова жаждущее удовлетворенія стремленіе извращаетъ сужденіе и мѣшаетъ оцѣнкѣ качества испытаннаго наслажденія и тѣмъ поддерживааетъ иллюзію и на будущее время. Но не можетъ же влеченіе вѣчно ослѣплять сознательный разумъ. Приобрѣтенное обладаніе скоро становится обычнымъ, представленіе контраста съ труднос-

тями пріобрѣтенія все болѣе и болѣе исчезаетъ, воля — обладать становится скрытою, ибо ничто не угрожаетъ обладанію, и удовлетвореніе этой воли всё менѣе и менѣе ощущается какъ наслажденіе. Тутъ то разочарованіе все болѣе и болѣе пробиваетъ себѣ путь въ сознаніе.

Но не только это разочарованіе приходитъ къ сознанію, но и еще многія другія. Любящій мечталъ войти въ новую эру жизни; ему мнилось, что обладаніе перенесетъ его съ земли на небо; а между тѣмъ онъ находитъ, что онъ въ своемъ новомъ положеніи остался тѣмъ же, что и прежде, и что заботы дня остались тѣ же. Онъ мечталъ въ любимомъ существѣ пріобрѣсти ангела, но теперь, когда влеченіе не искажаетъ по прежнему его сужденія, онъ находитъ въ немъ человѣка со всѣми человѣческими недостатками и слабостями. Онъ мечталъ, что состояніе невыразимаго блаженства будетъ вѣчнымъ, а теперь онъ начинаетъ сомнѣваться, ужь не слишкомъ ли онъ обманулся въ блаженствѣ, которое ожидалъ отъ момента обладанія. Однимъ словомъ, онъ находитъ, что все идетъ по старому и что онъ въ своихъ ожиданіяхъ былъ большимъ глупцомъ. Единственное реальное наслажденіе въ первое время обладанія, т. е., удовлетвореніе настоящей воли, исчезло, а со всѣхъ сторонъ наступило разочарованіе въ мнимомъ вѣчномъ блаженствѣ. Это разочарованіе ведетъ за собою продолжительное недовольство, которое затихаетъ очень медленно только путемъ привычнаго погруженія въ злобу дня.

Очень не рѣдко при заключеніи брака приносятся жертвы по крайней мѣрѣ одною изъ сторонъ, хотя бы жертва состояла только изъ свободы. Эти жертвы усиливаютъ недовольство разочарованія, падая въ сознаніе какъ нѣчто не соответствующее ожидаемой цѣли. Если люди изъ тщеславія скрываютъ недовольство и

несчастіе и хвастаются не существующимъ наслажденіемъ и счастіемъ, то къ разочарованію, приписываемо-му собственной глупости, присоединяется еще стыдъ. Бывшіе любовники стараются недовольство разочарованія скрыть не только отъ свѣта и другъ отъ друга, но, на сколько возможно, и отъ самихъ себя, что опять таки увеличиваетъ итогъ непріятностей положенія. Такимъ образомъ за реальное наслажденіе при соединеніи любовники должны заплатить прежде страхомъ, тоскою и сомнѣніемъ, не рѣдко временнымъ отчаяніемъ, а потомъ еще недовольствомъ разочарованія.

Мы до сихъ поръ мало обратили вниманія на состояніе любовниковъ передъ соединеніемъ, а тогда-то, именно, и имѣютъ мѣсто самыя нѣжныя, особенно воодушевляющія ощущенія, — въ эту-то эпоху и плаваютъ они въ утренней зарѣ открывшагося неба. На чемъ основано это несомнѣнно реальное наслажденіе? *На надеждѣ*, на одной надеждѣ, которая только еще предчувствуетъ свой будущій предметъ и знаетъ, что онъ долженъ оказаться невыразимымъ блаженствомъ, на надеждѣ, которая сперва едва ли сознаваема, какъ такая, но далѣе съ каждою минутою сама для себя уясняется. Величайшія затрудненія, препятствующія соединенію, не могутъ убить этой надежды съ ея счастіемъ: но что она дѣйствительно есть не болѣе, какъ надежда, доказывается тѣмъ, что любовники отчаяваются и даже кончаютъ самоубійствомъ, если невозможность соединенія станетъ для нихъ вполне достовѣрною. Если это предшествующее соединенію любовное счастье есть только надежда на ожидающее ихъ послѣ соединенія счастье, то и она есть иллюзія, какъ скоро само это счастье признано за иллюзію.

Вотъ причина, почему только первая любовь есть истинная любовь; при второй и слѣдующихъ влеченіе уже встрѣчаетъ для себя большое сопротивленіе въ созна-

ніи, что при первой любви обманчивая природа ея была узнана съ большею или меньшею ясностью.

Кто разъ понялъ иллюзію любовнаго счастья послѣ соединенія, а также и до него, кто понялъ, что въ цѣломъ теченіи любви страданіе перевѣшиваетъ наслажденіе, то любовь въ немъ и для него не представляетъ ничего здороваго, ибо его сознаніе противится согласиться на средства для цѣлей, которыя не *его* цѣли: наслажденіе любви для него подкопано и разрушено, только ея страданія остаются во всей полнотѣ. Но если бы онъ и не могъ вполне отстоять себя отъ влеченія, то все таки стремленіе къ тому стало бы задачей его разума: по крайней мѣрѣ, ему удалось бы въ томъ или другомъ случаѣ понизить степень любви, въ которую онъ впалъ бы еще не искушенный, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умѣрить степень страданія и мѣру его *излишка* противъ наслажденія. Онъ все таки *сознавалъ бы*, что запутался въ страсть, которая ему даетъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій, вопреки своей сознательной волѣ; а съ этимъ знаніемъ надъ любовью подписанъ приговоръ *съ точки зрѣнія индивидуума* (ср. т. I, гл. V).

Последнія соображенія относятся только къ счастливой любви, которая достигаетъ своей цѣли. Но если мы еще разъ подведемъ общій итогъ всему, то онъ будетъ весьма неблагоприятенъ для оцѣнки любви. Вотъ общій результатъ, который мы нашли: наслажденіе, въ основѣ котораго лежитъ иллюзія, и все таки съ перевѣсомъ страданія въ самомъ счастливомъ случаѣ, а въ большинствѣ случаевъ—преграды для воли съ горемъ и отчаяніемъ, но безъ достиженія цѣли; разбитое будущее для многихъ женскихъ индивидуумовъ въ слѣдствіе потери женской чести, составляющей для женщины единственную общественную точку опоры.

Нѣтъ сомнѣнія, что разумъ долженъ бы посовѣтовать только полное *воздержаніе* отъ любви, еслибы мука неуничтожимаго влеченія, алчущаго наполнить свою пустоту, не было *еще большимъ* зломъ, чѣмъ любовь. Наконецъ разумъ можетъ предложить еще средство избѣжать этихъ двухъ золъ, если только имъ можетъ быть достигнута цѣль, т. е., *искорененіе влеченія*—это оскотленіе *). Таковы единственно возможные выводы,

---

*) Назадъ тому года два въ фельетонѣ С. Петербургскихъ Вѣдомостей г. Незнакомецъ, по поводу трагическаго, но всетаки пошлаго поступка одной легкомысленной барышни, привелъ изъ книги Гартмана отрывки, касающіеся его воззрѣній на любовь. При этомъ г. Незнакомецъ, вѣроятно, для сообщенія большей пикантности своему фельетону, взвалилъ на Гартмана небылицу, что будто онъ совѣтуетъ оскотленіе для избѣжанія страданій, соединенныхъ съ любовью. Выше приведенный у меня текстъ, если не представляетъ *точныхъ словъ* Гартмана (они не могли быть приведены по достаточно уважительнымъ причинамъ), то выражаетъ вполне его мысль. Она заключается, именно, только въ томъ, что разумъ логически можетъ прийти и къ этому средству, если оно дѣйствительно для достиженія цѣли. Но 1) Гартманъ не рѣшаетъ вопроса о достижимости цѣли (за нимъ, значить, остается возможность признать ея недостижимость), и 2) Гартманъ положительно требуетъ отъ сознательнаго эгоизма, чтобы онъ приносилъ себя въ жертву высшимъ цѣлямъ, къ которымъ идетъ міровой процессъ, а слѣдовательно не избѣгалъ не только посредствомъ оскотленія, но даже и посредствомъ другихъ болѣе эстетическихъ средствъ процесса любви и бралъ на себя соединенныя съ нимъ страданія. Если современная цивилизація, къ сожалѣнію, приняла такую складку, что терпитъ, когда болѣе серьезныя вещи становятся предметомъ фельетонной болтовни, то все таки не слѣдуетъ, ради краснаго словца, искажать мысли писателя серьезнаго и обнаруживающаго рѣдкое, въ наше время пустыхъ фразъ, нравственное мужество—не отступать передъ логическими выводами изъ основныхъ началъ своего міросозерцанія, какъ бы эти выводы ни шокировали рутинные взгляды толпы.

А. К.

къ которымъ приходишь, по моему, съ точки зрѣнія благополучія *индивидуума*. Если противъ нихъ могутъ быть приведены серьезныя возраженія, то они должны состоять изъ такихъ соображеній, въ силу которыхъ можно потребовать отъ индивидуума, чтобы онъ сошелъ съ точки зрѣнія своего эгоизма. И такъ, любовь также, какъ и голодъ, *сама по себѣ и для индивидуума* есть зло и можетъ быть оправдана только на томъ основаніи, что составляетъ условіе для дальнѣйшаго прогресса въ развитіи (ср. Т. I, гл. V).

4. СОСТРАДАНИЕ, ДРУЖБА И СЕМЕЙНОЕ СЧАСТІЕ.

Состраданіе, на которомъ основано по Аристотелю наслажденіе трагедіею, а по Шопенгауеру вся нравственность, есть, какъ извѣстно всякому, ощущеніе смѣшанное изъ удовольствія и недовольства. Причина недовольства понятна: она есть *со-страданіе* въ чужомъ чувственно воспріемлемомъ страданіи. Это состраданіе можетъ быть настолько сильно, что въ этомъ чувствѣ не окажется ни малѣйшаго слѣда удовольствія, напротивъ оно можетъ превратиться въ такое раздирающее сердце горе, что на него нельзя смотрѣть безъ ужаса. Вообразимъ себѣ, напр., видъ поля битвы тотчасъ послѣ нея или человѣка въ корчахъ.

Но откуда идетъ обыкновенно ощущаемое чувство удовольствія при умѣренномъ состраданіи, трудно понять. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ удовлетвореніи, получаемомъ отъ поданія какой либо помощи предмету состраданія, ибо это удовлетвореніе лежитъ внѣ самого состраданія. Злорадство въ слѣдствіе злобы есть единственное ощущеніе удовольствія, которое можетъ быть возбуждено прямымъ путемъ при видѣ чужого бѣдствія; но это чувство каждый весьма хорошо

отличаетъ отъ кроткаго удовольствія собственно состраданія.

Не встрѣчая нигдѣ малѣйшей попытки какого либо другаго объясненія для удовольствія въ состраданіи, я вижу только одну возможность объяснить его тѣмъ, что контрастъ чужого бѣдствія съ отсутствіемъ его у себя *возбуждаетъ* скрытое отвращеніе (т. е. отрицательную волю) къ перенесенію такого же бѣдствія; эта воля тутъ же *удовлетворяется*; и удовлетвореніе приходитъ *къ сознанию*. При такомъ объясненіи удовольствіе въ состраданіи, конечно, оказывается чистымъ эгоизмомъ; впрочемъ, я не вижу, до какой степени отъ этого теряютъ цѣну достоинство или благородныя слѣдствія состраданія. Это объясненіе вполне подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что состраданіе для самоотверженныхъ душъ съ тонкими чувствами представляетъ въ высокой степени тяжелое возбужденіе, истинную муку, которой они всячески стараются избѣжать, между тѣмъ какъ чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ онъ носитъ съ своимъ состраданіемъ. Далѣе, при видѣ очень большого страданія, даже грубая душа до того забываетъ о себѣ изъ за чужого благосостоянія, что оказывается тоже явленіе, что въ нѣжныхъ людяхъ при видѣ незначительнаго страданія, т. е., что и для грубыхъ людей состраданіе становится ощущеніемъ недовольства. Впрочемъ, не должно забывать, что грубая толпа имѣетъ на столько звѣрства, что къ удовольствію состраданія, возбужденнаго чужимъ горемъ, у ней примѣшивается сладострастіе жестокости, которое услаждается чужою мукою, какъ такую: по этому нужно осмотрительно пользоваться явленіями состраданія у грубыхъ массъ для рѣшенія вопроса, удовольствіе или недовольство имѣетъ перевѣсъ въ состраданіи, какъ такомъ. По моему субъективному мнѣнію, перевѣсъ рѣшительно на сторонѣ недоволь-

ства; но какъ бы ни думали о томъ другіе, несомнѣнно то, что грубость чувствъ въ человѣчествѣ среднимъ числомъ все уменьшается и уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство въ состраданіи все болѣе и болѣе увеличивается на счетъ удовольствія.

Еще неблагопріятнѣе для послѣдняго оказывается отношеніе, если мы возьмемъ въ расчетъ прямыя *послѣдствія* состраданія. Именно, состраданіе тотчасъ же возбуждаетъ желаніе прекратить чужое страданіе, что и составляетъ цѣль этого инстинкта. Но это желаніе только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ частичное, а еще рѣже полное удовлетвореніе, а слѣдовательно гораздо чаще возбуждаетъ недовольство, чѣмъ удовольствіе.

И такъ, если мы взглянемъ на состраданіе, какъ на инстинктъ, имѣющій въ виду ограничить и поправить вредъ, исходящій отъ эгоизма и несправедливости, то нельзя не оправдать его какъ меньшее изъ двухъ золъ: тѣмъ не менѣе разсматриваемое само по себѣ оно все таки есть зло, ибо приноситъ болѣе недовольства, чѣмъ удовольствія.

Нельзя того же утверждать объ *общительности и дружбѣ*, хотя многократно высказывались объ нихъ неблагопріятныя мнѣнія и даже не безъ основанія для людей съ особаго рода настроеніемъ. Напр., la Bruyère говоритъ: „Tout notre mal vient de ne pouvoir être seuls.“ *) (ср. также Шопенгауера. Parerga I, 445—458).

Конечно, можно утверждать, что влеченіе къ общительности есть инстинктивная потребность, вытекающая изъ слабости и безсилія отдѣльнаго лица. Удовлетвореніе этой потребности, подобно здоровью и свободѣ, ставитъ человѣка только на фундаментъ, съ котораго онъ можетъ достигнуть до нѣкоторыхъ

---

*) Все наше несчастіе происходитъ отъ того, что мы не можемъ быть одни.

положительныхъ наслажденій. Что касается до дружескихъ отношеній, то только незначительная часть ихъ, именно, столь рѣдкая истинная дружба представляетъ положительную величину, выступающую надъ нулевою точкою ощущенія.

Подобно стаднымъ животнымъ человѣкъ есть общественное животное; безсильный и беззащитный противъ силъ природы и всякаго врага, онъ, по инстинкту, обращается къ общей жизни съ себѣ подобными. Здѣсь это дѣйствительно чувствуемое лишеніе создаетъ потребность; а удовольствіе отъ этой общности есть только прекращеніе недовольства отъ чувствуемой потребности.

Общественная жизнь, обезпечивая защиту отъ нужды и нападеній враговъ, способствуетъ кромѣ того и положительнымъ дѣйствіямъ, напр., хозяйственному труду, экономическому и художественному производству, половой любви, накопленію образованія или знаній путемъ обмѣна мыслей и полезныхъ новостей. Всему этому общественная жизнь *способствуетъ*, но не *реализуетъ*; она даетъ только фундаментъ, которымъ можно воспользоваться разнообразнѣйшими способами, но также можно и не воспользоваться. Значитъ, въ этомъ отношеніи она есть только возможность наслажденія, но не самое наслажденіе. Что съ другой стороны общность, ставя индивидуумъ въ отношенія къ другимъ и налагая на него стѣсненія, даетъ ему вполнѣ реальныя непріятности, которыя иногда принимаютъ видъ страданія, доводящаго до отчаянія, въ томъ убѣждаютъ насъ наши „общества“.

Общественной жизнью обусловливается довольно большой взаимный интересъ, т. е., повышенное сочувствіе. Если бы для каждаго индивидуума сумма наслажденій превѣшивала сумму страданій, то и сумма сорадованія, обращеннаго на него, могла бы превѣшивать сумму

состраданія, еслибъ сорадованіе не ослаблялось завистью, которая неизбѣжна даже у лучшаго друга. Но такъ какъ сумма страданій перевѣшиваетъ сумму наслажденій въ жизни индивидуума, то и сочувствіе къ нему представляетъ перевѣсъ въ сторону недовольства; и это отношеніе нисколько не можетъ выравниться тѣмъ, что мы увѣрены найти сочувствіе для нашихъ собственныхъ радостей и горестей въ дружеской груди. Конечно, мы желаемъ утѣшенія; но вдумавшись хорошенько въ дѣло, можно спросить себя: что за утѣшеніе въ томъ, что своими печалями и непріятностями испортишь еще и хорошее расположеніе духа у друга?

Тѣмъ не менѣе переносить горе или тоску въ одиночку до того тяжело, что мы чувствуемъ себя сравнительно счастливыми, если можемъ излить ихъ передъ другомъ, хотя за то должны, *vice versa*, соболѣзновать его горю. И здѣсь дѣло сводится къ тому, что повышение взаимнаго сочувствія въ дружбѣ есть меньшее изъ двухъ золъ, изъ коихъ другое оказывается большимъ только въ слѣдствіе нашей слабости.

Но если вѣрно оцѣнивается столь громко восхваляемое счастье дружбы, то это основано отчасти на человѣческой слабости въ перенесеніи страданій, такъ какъ очень сильные характеры всего менѣе нуждаются въ дружбѣ, отчасти же на преслѣдованіи общей цѣли, однимъ словомъ, на тождествѣ интересовъ: оттого-то разрывается, по видимому, самая прочная дружба, какъ скоро у одной стороны главные интересы перемѣняются въ такомъ направленіи, что далѣе они уже не могутъ идти объ руку съ интересами другой стороны. Но наслажденіе, получаемое въ слѣдствіе сообща преслѣдуемыхъ интересовъ, должно быть отнесено на счетъ этихъ интересовъ, а не прямо на счетъ дружбы. Самая сильная общность интересовъ находится *въ бракѣ*: общность имущества, приобрѣтенія, половыхъ отношеній и

воспитанія дѣтей суть крѣпкія связи; къ тому же присоединяется мощная власть привычки. Какъ собака сохраняетъ высокую и трогательнѣйшую дружбу и вѣрность хозяину, съ которымъ ее связалъ не собственный выборъ, а случай и привычка, точно также и супружескія отношенія главнымъ образомъ связаны привычкою; а потому браки по расчету и по склонности послѣ нѣсколькихъ лѣтъ представляютъ, въ средней сложности, одну и ту же физиономію. Дюрингъ въ своей книгѣ: „Цѣнность жизни (Werth des Lebens)“, говоритъ въ пользу любви, что она не исчезаетъ въ бракѣ, и даже стр. 113—114 высказываетъ слѣдующее: „Отсюда супружеская любовь въ силѣ своихъ воздѣйствій, пожалуй, и не отстанетъ отъ страстной любви. Ощущеніе только какъ бы связано, но выступаетъ со всей своей силой, когда дѣло идетъ о встрѣчѣ съ какимъ либо враждебнымъ случаемъ. Силы, которыя нѣкогда вызывали живую игру ощущенія, теперь въ установившихся отношеніяхъ уравниваютъ другъ друга, чтобы при каждомъ нарушеніи равновѣсія снова стать *замѣтными* для ощущенія“. Если ощущеніе связано, то оно и не существуетъ для сознанія, и если входитъ въ сознаніе только при помѣхѣхъ, то ощущается оно только какъ недовольство и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ не говоритъ за цѣнность жизни; а объ этомъ только и идетъ рѣчь. Величина же воздѣйствій достаточно понятна и изъ дружбы съ привычкою.

Тѣмъ не менѣе въ большей части браковъ есть столько безпокойствъ и огорченій, что, если взглянуть на нихъ не предубѣжденными глазами и не давать себя въ обманъ притворству человѣческому изъ тщеславія, на сотню браковъ едва ли найдется одинъ, которому бы можно было позавидовать. Это зависитъ отъ глупости людей, которые не умѣютъ въ мелочахъ поступиться своими взаимными слабостями, отъ случайно-

сти, которая сводитъ въ бракъ разные характеры, отъ обоюднаго указанія на права тамъ, гдѣ нужно брать въ посредники только снисхожденіе и дружбу, отъ удобства изливать всяческое неудовольствіе, досаду и дурное расположеніе духа передъ близкимъ человѣкомъ, который долженъ терпѣливо выносить это, отъ взаимной раздражительности и огорченій, которыя усиливаются отъ всякаго новаго случая мнимаго нарушенія правъ, отъ тяжелаго сознанія въ неразрывности брачныхъ цѣпей, безъ которыхъ масса не деликатностей и противорѣчій подавлялись бы въ самомъ зародышѣ изъ страха передъ послѣдствіями. Вотъ путь, которымъ доходятъ до тяжелаго креста, выпадающаго на долю множества браковъ; исключенія же столь рѣдки, что Лессингъ не былъ не правъ, сказавъ:

„Ein einzig böses Weib giebt's höchstens in der Welt, Nur schade, dass ein Jeder es für das seine hält.“
(На свѣтѣ есть хоть одна злая жена: только жаль, что каждый считаетъ ее за свою).

Но тѣмъ не менѣе все это нисколько не противорѣчитъ тому факту, что, какъ скоро извнѣ грозитъ браку помѣха или разрывъ, то сила привычки тотчасъ же вступаетъ въ свои права и сопротивляется тому наисильнѣйшимъ образомъ. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ проникаетъ въ сознаніе только болѣзненная сторона дѣла. Разрывъ самаго несчастнаго брака, который составлялъ истинный адъ для участниковъ, даетъ переживающему его еще такое большое страданіе, что я слышалъ отъ одного искушеннаго опытомъ человѣка, что если бракъ долженъ быть разорванъ, то чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; чѣмъ долѣе и тѣснѣе привычка, тѣмъ невыносимѣе разлука. Послѣднимъ выводомъ изъ этого справедливаго сужденія будетъ, что разлука всего выгоднѣе до связи.

Благоразумные люди, которыхъ сужденіе не отуманено влеченіемъ, обыкновенно съ полною ясностью знаютъ, что съ разумной точки зрѣнія для индивидуальнаго благоденствія безбрачіе лучше брака. Если не влекутъ къ нему любовь или внѣшнія цѣли (положеніе, богатство), то есть еще одно основаніе избрать бракъ какъ мнимо-меньшее изъ двухъ золъ, именно, чтобы избѣжать отъ страха старогодѣвства для дѣвушки, неудобствъ холостой жизни для мужчины, мученій неудовлетвореннаго инстинкта и послѣдствій виѣбрачнаго его удовлетворенія для обоихъ. Но обыкновенно они узнаютъ на опытѣ, что горько ошиблись относительно большаго изъ двухъ золъ; и только стыдъ и осторожное чувство деликатности мѣшаютъ имъ въ томъ признаться (ср. Т. I, гл. V).

Когда люди вступаютъ въ бракъ, то хотятъ имѣть дѣтей—опять инстинктъ, ибо разсудку не изъ чего желать этого. Инстинктъ этотъ доходитъ до того, что, за недостаткомъ своихъ, берутъ чужихъ и воспитываютъ вмѣсто собственныхъ. Что это вовсе не есть дѣло соображенія, видно изъ примѣра обезьянъ, кошекъ и многихъ другихъ млекопитающихъ и птицъ, которыя, по инстинкту, дѣлаютъ тоже самое.

„Представимъ себѣ только“, говоритъ Шопенгауеръ (Parerga II. S. 321—322), „что актъ рожденія не былъ бы потребностью и не сопровождался бы наслажденіемъ, а былъ бы дѣломъ чисто разумныхъ соображеній и спросимъ себя: долго ли существовалъ бы тогда родъ человѣческій? Неужели тогда каждый не имѣлъ бы на столько состраданія къ будущему поколѣнію, что бы избавить его отъ бремени бытія, или, по крайней мѣрѣ, рѣшился бы взять на себя отвѣтственность хладнокровно возложить на него это бремя?“

Кромѣ прямого инстинкта, стремящагося къ воспитанію, у тѣхъ людей, которыхъ жизнь состоитъ въ при-

умноженіи благосостоянія или богатства, стремленіе къ дѣтямъ имѣемъ еще другое основаніе. Въ извѣстномъ возрастѣ жизни они начинаютъ замѣчать, что сами они не имѣютъ никакого наслажденія отъ излишка богатства; если бы они въ слѣдствіе этого захотѣли отказаться отъ дальнѣйшаго пріобрѣтенія, то главная струя ихъ жизни была бы перевязана; и они впади бы въ ужаснѣйшую пустоту жизни и скуку. Чтобы избѣжать этого зла хотятъ они меньшаго зла, обладать дѣтьми; расширенный такимъ образомъ эгоизмъ становится для нихъ снова мотивомъ къ продолженію дѣятельности пріобрѣтенія.

Но если сравнить объективно съ одной стороны радости, а съ другой заботу, досаду, огорченія и непріятности, доставляемыя дѣтьми родителямъ, то едва ли можетъ быть сомнительнымъ перевѣсъ на сторону недовольства. Конечно, сужденіе подѣ влияніемъ инстинкта противится этому выводу, особенно у женщинъ, у которыхъ инстинктъ воспитанія дѣтей гораздо сильнѣе.

Сперва нужно сравнить сумму радостей, которыя вызываются рожденіемъ, съ суммою страданій и горя, которыя вызываются смертью дѣтей въ душахъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Принявъ въ соображеніе получающійся при этомъ въ итогѣ излишекъ страданій, можно перейти къ анализу самой жизни дѣтей. (Здѣсь я рекомендую прочесть главу „Mütterwahnsinn“ изъ Vogumil Goltz: „zur Charakteristik und Naturgeschichte der Frauen“.)

Въ первое время преобладаютъ неудобства и хлопоты первоначальнаго воспитанія, далѣе досада съ своими спутниками и опасеніе за здоровье, потомъ заботы о выдачѣ дочерей замужъ и огорченія отъ глупыхъ шалостей и проступковъ сыновей. Ко всему этому присоединяются заботы о добычѣ нужныхъ средствъ, эти заботы у бѣдныхъ всего больше въ первое время, у образо-

ванныхъ классовъ въ позднѣйшее. И за весь этотъ трудъ и тяготы, за всѣ огорченія, заботы и постоянный страхъ потерять дѣтей, какое реальное счастье доставляютъ послѣдніе своимъ родителямъ, и воспитателямъ? Если не принимать въ расчетъ развлеченія, которое доставляютъ дѣти, какъ игрушки, а также случайнаго удовлетворенія тщеславія въ слѣдствіе притворной лести какой либо любезной знакомой дамы, не принимая этого въ расчетъ, одно реальное счастье, надежду, ничего кромѣ *надежды на будущее..*

И когда придетъ время исполниться этимъ надеждамъ, то дѣти, если они прежде не умерли и не испортились, оставляютъ родительскій домъ и идутъ своей дорогой. И такъ, если эта надежда *эгоистична*, то *всегда* обманываетъ, но если она указываетъ не на *дитя*, а существуетъ только *для* него, то какъ тогда?

Въ старости, какъ мы увидимъ, люди отказываются отъ всѣхъ иллюзій, но иллюзіи единственнаго остающагося у нихъ инстинкта не покидаютъ: извѣдавъ на самихъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ все ничтожество печальнаго существованія, они все таки на нѣмъ основываютъ надежды за своихъ дѣтей. Если они на столько становятся стары, что видятъ своихъ дѣтей уже людьми старыми, то, конечно, отказываются отъ этихъ надеждъ, но снова и снова начинаютъ надѣяться за внуковъ, правнуковъ.

Вполнѣ человѣкъ никогда не научается!

5. Тщеславіе, чувство собственнаго достоинства, честолюбіе, славолюбіе и властолюбіе.

Любовь, честолюбіе и корыстолюбіе суть три могущественнѣйшія влеченія въ духовной сферѣ: теперь займемся вторымъ. Честь можно раздѣлить на объективную и субъективную. Объективную честь человѣка, говоря

вообще, составляет оцѣнка его другими. Объективную честь можно раздѣлить на:

Положительную честь.	{	A. Честь по оцѣнкѣ съ <i>внѣшней стороны</i> :	
		a	по владѣнію
		b	„ положенію,
		c	„ рангу,
	d	„ красотѣ	
	{	B. Честь по оцѣнкѣ съ <i>внутренней стороны</i> :	
		a.	честь по труду
b.		„ уму или образованію	
c.		„ нравственности:	
Отрицательную честь.	{	α)	за любовь къ ближнему
		β)	за справедливость,
		d.	честь гражданская,
		e.	женская (половая).

Отрицательною честью обладаетъ всякій само собою, пока не потеряетъ ея, положительная честь пріобрѣтается въ силу обстоятельствъ (рожденіе, заслуги, труды). Первая означаетъ нулевую точку достоинства, послѣдняя повышается надъ нею положительно. Честь по владѣнію зависитъ отъ власти, по положенію отъ власти и заслугъ, но легко окостѣнѣваетъ въ формахъ, оставшихся отъ прежнихъ временъ, честь по рангу, по скольку она идетъ далѣе соединенныхъ съ рангомъ власти и труда, искусственно создана государствомъ въ видѣ прибавки къ недостаточнымъ окладамъ; чести по красотѣ нужно искать не у насъ, а у народовъ, которые имѣютъ чувство красоты (древніе греки); честь по труду пропорціональна экономической цѣнности труда; честь по уму и образованію замѣняетъ собою честь по труду особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ умственный трудъ не понимается какъ трудъ (уваженіе крестьянъ къ учености); честь по нравственности положительна

только при дѣятельной любви, честь по справедливости чисто отрицательная, точно также какъ гражданская и половая, при томъ послѣдняя существуетъ только для женщины.

Субъективная честь, по своей природѣ, двойка: *пря-*
мая субъективная честь человѣка состоитъ въ его соб-
ственной оцѣнкѣ самого себя, *косвенная* въ значеніи,
которое онъ придаетъ оцѣнкѣ его другими или иначе
въ его оцѣнкѣ объективной чести.

Первая называется самооцѣнкою, самоуваженіемъ, чув-
ствомъ собственнаго достоинства, гордостью; если соб-
ственная оцѣнка *ниже* настоящей цѣнности, тогда она
называется скромностью, смиреніемъ; если *выше*, то
высокомѣріемъ, чванствомъ, надменностью. Вторая же
называется тщеславіемъ. Какъ бы люди ни противи-
лись употреблять это слово при болѣе благородныхъ
стремленіяхъ, а по существу дѣла, это одно и то же:
тщеславится ли дѣвушка своей извѣстностью по красо-
тѣ или поэтъ извѣстностью по произведеніямъ. Итакъ,
гордость и тщеславіе вмѣстѣ составляютъ субъектив-
ную честь, которая, смотря по предметамъ оцѣнки, мо-
жетъ быть подраздѣлена также, какъ и объективная
честь. Отрицательная сторона субъективной чести вооб-
ще называется чувствомъ собственнаго достоинства, по-
ложительная честолюбіемъ. Прямая и косвенная часть
субъективной чести могутъ находиться въ весьма раз-
личныхъ отношеніяхъ другъ къ другу по силѣ, обык-
новенно послѣдняя преобладаетъ и даже на столько
преобладаетъ, что нерѣдко встрѣчается такое мнѣніе,
что будто субъективная честь *только* и состоитъ въ
томъ значеніи, которое человѣкъ придаетъ чужой оцѣн-
кѣ самого себя. Но на самомъ то дѣлѣ придавать цѣну
только чужому сужденію о себѣ и въ то же время само-
му отказывать себѣ въ какой либо цѣнности, т. е.,

значить, считать чужое мнѣніе ложнымъ, есть чистое тщеславіе.

Гордость, собственная высокая оцѣнка самого себя, есть завидное свойство, не смотря на то, вѣрна или нѣтъ собственная оцѣнка, лишь бы только считать ее за вѣрную.

Конечно, непоколебимая гордость есть рѣдкое явленіе; по большей части при ней встрѣчается возобновляющаяся борьба съ сомнѣніемъ, или даже съ отчаяніемъ въ самомъ себѣ, борьба, которая даетъ болѣе страданій, чѣмъ сама гордость наслажденій. Кромѣ того гордость повышаетъ впечатлительность къ внѣшнимъ отношеніямъ и даже вынуждаетъ, для избѣжанія неприятностей, надѣвать лицемѣрную маску скромности. Это обстоятельство можетъ наносить не малый ущербъ наслажденію отъ чувства собственного достоинства. — Что же касается до чувства собственного достоинства и честолюбія, которыя въ большей своей части или исключительно основаны на тщеславіи, то для нашей стадіи развитія они могутъ имѣть значеніе практическаго инстинкта; но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ первыхъ они пусты, т. е., основаны на иллюзіи, а во вторыхъ что имѣющему ихъ они даютъ въ тысячу разъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій.

Что касается до женскаго полового чувства чести, то оно единственно предохраняетъ общественныя отношенія отъ полнаго разстройства; гражданское чувство чести удерживаетъ еще невиннаго человѣка отъ преступленій или проступковъ, отъ которыхъ его не могъ бы удержать страхъ ни временнаго, ни вѣчнаго наказанія; честолюбіе образованности поощряетъ мальчика или юношу при трудномъ изученіи имъ требуемаго въ наше время научнаго матеріала; честолюбіе труда, которое въ отношеніи къ рѣдкимъ и важнымъ дѣяніямъ и подвигамъ называется славолюбіемъ, поддерживаетъ

голодающаго художника и ученаго, которыхъ дѣятельность была бы парализована, еслибъ имъ могла быть доказана невозможность когда либо хоть немного удовлетворить свое честолюбіе или славолюбіе. Такимъ образомъ чувство собственнаго достоинства устраняетъ довольно большое зло; честолюбіе же способствуетъ процессу развитія человѣчества. При высокомъ развитіи и силѣ разума можно обойтись безъ субъективной чести, ибо ея хорошія послѣдствія могутъ привзойти и съ другихъ сторонъ (вспомнимъ о различіи храбрости французовъ изъ *point d'honneur* и нѣмцевъ изъ чувства долга). Во всякомъ случаѣ индивидуумъ долженъ страдать, какъ скоро онъ становится орудіемъ влеченій субъективной чести. Обладаніе отрицательною честью не можетъ дать никакого наслажденія, развѣ когда она опять возстановляется послѣ кажущейся потери (напр., черезъ клевету): она соотвѣтствуетъ только нулевой точкѣ ощущенія и представляетъ нулевую цѣнность. Слѣдовательно, какъ и другія подобныя ей условія, она есть обильный источникъ только страданій, а не наслажденій, тѣмъ болѣе, что здѣсь особенно рѣдко бываетъ удаленіе страданія.

Но честолюбіе, конечно, есть положительное влеченіе и притомъ по своему дѣйствию похоже „на соленую воду, которой чѣмъ больше пьешь, тѣмъ болѣе пить хочется.“

Гдѣ ни послышишь, вездѣ раздаются жалобы чиновниковъ и офицеровъ на пренебреженіе и плохое повышеніе, жалобы художниковъ и ученыхъ на притѣсненія отъ зависти и интригъ; всюду негодованіе на незаслуженное предпочтеніе недостойныхъ. На сто ударовъ для честолюбія едва ли приходится одно удовлетвореніе; первые ощущаются съ горечью, послѣднее принимается какъ давно заслуженный долгъ справедливости и даже,

гдѣ возможно, съ досадою, что этотъ долгъ не уплаченъ раяѣ. Всеобщая чрезмѣрная самооцѣнка дозволяетъ каждому выставить слишкомъ высокія притязанія; всеобщее взаимное недоброжелательство и униженіе заслугъ побуждаетъ къ отрицанію даже справедливыхъ притязаній. Всякое удовлетвореніе честолюбія ведетъ только къ повышенію притязаній; въ слѣдствіе этого каждое новое торжество должно превосходить предъидущее, чтобы произвести новое удовлетвореніе, тогда какъ всякій успѣхъ, не могущій стать на одну доску съ прежнимъ, пробуждаетъ, въ силу этого дефицита, недовольство.

Кромѣ всего этого честолюбіе оказывается *пустымъ* т.е. основаннымъ на иллюзіи. Даже оцѣнка, заключающаяся въ объективной чести, отчасти уже основана на иллюзіи, напр., искусственно вздутая честь по рангу, а также перешедшая къ намъ отъ среднихъ вѣковъ, но у насъ почти потерявшая всякое значеніе честь дворянства. Но и тамъ, гдѣ оцѣнка съ точки зрѣнія объективной чести не заключаетъ иллюзіи, она очень часто ложна. Vox populi vox Dei имѣетъ значеніе только въ тѣхъ вопросахъ, которые суть вопросы жизни въ дѣлѣ развитія народа и въ которыхъ, въ силу этого, Безсознательное руководитъ инстинктивными мнѣніями массъ. Но во всѣмъ другомъ vox populi столь слѣпъ, отуманенъ призраками, совращенъ клакѣрами, приверженъ къ пошлости и неспособенъ понимать хорошее, истинное и прекрасное, что, пожалуй, всегда можно считать, что онъ стоитъ на ложной дорогѣ. (Ср. Шопенгауера Parerga II. Cap. XX). Во всѣхъ вопросахъ, которые не суть вопросы жизни въ дѣлѣ развитія, или не разрѣшены окончательно наукою, можно á priori поручиться, что большинство не право, а меньшинство право; да и вообще судить сообща до того трудно, что отъ соединенія нѣсколькихъ умныхъ людей для постановки сужденія сообща въ результатѣ является только глупость.

И въ руки такого-то общественнаго мнѣнія отдаеть счастье своей жизни тотъ, кто честолюбіе ставитъ свою путеводной звѣздой. Если бы кому либо можно было хоть разъ передать всѣ клеветы и неосновательныя мнѣнія, которыя произносятся о немъ за глаза его друзьями и знакомыми, то, конечно, онъ съ тѣхъ поръ даже въ мелочахъ не беспокоился бы о мнѣніи людей. Что же теперь сказать о честолюбіи, которое гонится за орденами, чинами и титулами. Кому не извѣстно, что только въ лучшихъ случаяхъ ими награждается счастливая случайность или старшинство по службѣ, а что за тѣмъ они достаются имѣющему родство и протекцію, ползуну и льстецу и даже служатъ наградою за нечистыя послуги; а все-таки—невѣроятное дѣло—люди ихъ жаждутъ!

Но положимъ, что предметъ объективной чести *имъ* бы цѣнность и что приговоръ тѣхъ, на мнѣніи которыхъ зиждется объективная честь, *былъ бы* вѣренъ, а все-таки честолюбіе было бы тщетнымъ. Ибо что за польза для человѣка въ томъ, что думаютъ и говорятъ о немъ другіе. Польза есть только въ той мѣрѣ, въ какой это мнѣніе людей о человѣкѣ опредѣляетъ ихъ образъ *дѣйствій* по отношенію къ нему. Но въ этомъ отношеніи само мнѣніе, какъ такое, есть вещь безразличная и разсматривается только какъ средство, вызывающее со стороны людей извѣстный образъ дѣйствій. Это во все не есть честолюбіе въ обыкновенномъ смыслѣ, точно также какъ нельзя назвать корыстолюбивымъ того, кто стремится пріобрѣсти много денегъ, но тратитъ все, что пріобрѣтаетъ. Честолюбіе и чувство чести состоятъ въ томъ, что мы придаемъ цѣну объективной чести, *какъ такой*; а что для обладателя объективной чести *отчасти* становятся выгоднѣйшими и дѣйствія людей, это есть только привходящее, случайное послѣдствіе.

Въ большинствѣ случаевъ это видоизмѣненіе дѣйствій ограничивается *болѣе почтительнымъ* обращеніемъ, что для благоразумнаго человѣка также безразлично, какъ и самое мнѣніе людей. Истинной пользы отъ положительной объективной чести почти нѣтъ никакой, а есть только вредъ отъ оскорбленной отрицательной чести, такъ что въ концѣ концовъ все реальное значеніе объективной чести состоитъ въ томъ, что мы должны охранять отъ ущербовъ свою отрицательную честь. Очевидно, что субъективная оцѣнка объективной чести, какъ таковой, основана на воображеніи, ибо поприще моихъ страданій и радостей есть все таки *моя* голова, а не *другихъ* людей, а потому мнѣніе ихъ обо мнѣ ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить въ моихъ радостяхъ и горѣ, слѣдовательно, честолюбіе, само по себѣ, вполнѣ суетно. Чувство собственнаго достоинства, относящееся болѣе къ отрицательной чести, хотя, само по себѣ, также ничтожно, но, по крайней мѣрѣ, можетъ съ основаніемъ выставить за себя тотъ аргументъ, что, если разъ живешь между людьми, то нужно вести себя такъ, какъ будто придаешь значеніе объективной отрицательной чести, ибо иначе другіе накинута на тебя, какъ воронье днемъ на сову.

Считая чувство собственнаго достоинство и честолюбіе тщетными и основанными на иллюзіи, я тѣмъ вовсе не отнимаю цѣны у *предметовъ* чести; я даже нѣкоторые изъ нихъ ставлю очень высоко, напр., нравственность. Но если эти предметы имѣютъ цѣну, то не потому что они суть предметы чести, какъ думаютъ обыкновенно, но потому что они прямо даютъ счастье. Всего яснѣе это выступаетъ относительно славы въ потомствѣ. Конечно, напр., Спинозѣ ничего отъ того не прибудеть, что какой либо N. скажетъ: „это была умная голова“, но то, что Спиноза былъ въ состояніи

имѣть высказанныя имъ мысли—это могло быть для него источникомъ счастья.

Вообще влеченіе къ почести оказывается хотя и полезнымъ, но все таки основаннымъ на иллюзіи инстинктомъ, который причиняетъ болѣе недовольства, чѣмъ удовольствія. (Ср. Шопенгауера: Parerga I, Aphorismen zur Lebensweisheit. Cap. I, II, и особенно IV.) Тѣ же заключенія можно сдѣлать и относительно *властолюбія*. На сколько оно есть простое стремленіе къ свободѣ, на столько оно не есть положительное влеченіе; пока стремятся къ власти чтобы посредствомъ ея получить другія наслажденія, до тѣхъ поръ она есть только средство для другихъ цѣлей и должна быть оцѣниваема сообразно съ этими послѣдними. Но есть и специальная страсть къ власти и господству. Ясно, что оно можетъ быть удовлетворено только на счетъ таковыхъ же страстей, а также и на счетъ стремленія къ свободѣ у другихъ людей; кромѣ того для нея имѣетъ силу тоже, что для честолюбія и славолубія: чѣмъ болѣе она удовлетворена, тѣмъ ненасытнѣе становится. *Привычная* власть уже не даетъ наслажденій, но за то всякое сопротивленіе противъ нея ощущается до послѣдней степени горько и для его устраненія приносятся величайшія жертвы въ другихъ отношеніяхъ. Взятое въ цѣломъ и съ послѣдствіями для другихъ, властолюбіе есть гораздо болѣе вредная страсть, чѣмъ честолюбіе.

6. Мистическое настроеніе.

Мы уже упоминали, (Т. I, гл. XI) что подъемъ чувства въ религіозномъ созерцаніи и благоговѣніи всегда болѣе или менѣе связанъ съ мистикою и что можетъ дойти до такого высокаго воодушевленія, что передъ нимъ исчезаютъ всѣ земныя бѣдствія. Но въ первыхъ такія высокія степени воодушевленія рѣдки, ибо, по сво-

ей мистической природѣ, онѣ не пріобрѣтаются усиленіемъ и прилежаніемъ: онѣ суть слѣдствіе особаго дарованія, подобно художественному наслажденію, а во вторыхъ онѣ, какъ и всякое наслажденіе, соединены съ особаго рода страданіями. Всего яснѣе это видно изъ жизни отшельниковъ и аскетовъ. Высокія степени религіознаго вдохновенія едва ли мыслимы безъ продолжительнаго умерщвленія „плоти“, т. е., не только чувственныхъ пожеланій, но и вообще всѣхъ мірскихъ удовольствій. Но такое отреченіе рѣдко сопровождается сознаніемъ суетности мірскихъ наслажденій и перевѣса въ нихъ страданій, ибо для такого сознанія нужно философское развитіе: по большей части отреченіе отъ земнаго счастья ощущается какъ *истинная* жертва, путемъ которой можно *пріобрѣсти* высшее блаженство, а потому отрекающійся никогда волюнѣ не освобождается отъ сожалѣнія о потерѣ мірскаго счастья. Но, какъ бы то ни было, долго подавляемыя естественныя влеченія по временамъ возникаютъ съ ужасною силой, которая даетъ себя знать въ мукахъ той отчаянной борьбы, какую ведетъ съ ними отречшійся отъ міра ради высокаго блаженства. Конечно, этотъ возвратъ со временемъ становится все рѣже и рѣже, пока наконецъ привычка и ослабленіе тѣла постепенно не устанавливаютъ равномернаго состоянія.— О тѣлесныхъ страданіяхъ и лишеніяхъ я умалчиваю, ибо они составляютъ хотя весьма дѣйствительное, но все таки не необходимое средство для подъема мистическаго чувства. Если же мы взглянемъ на низшія ступени мистическаго настроенія, соединенныя съ мірскою жизнію, то къ нимъ присовокупляется особенно важное условіе для страданій: оно происходитъ здѣсь, именно, отъ неполноты отреченія отъ міра. Страхъ за свое несовершенство и сомнѣніе въ достиженіи высшаго блаженства составляютъ на этихъ ступеняхъ постоянный источникъ мукъ, особенно при совершеніи какаго либо незначительнаго грѣха.

Если въ концѣ концовъ мистическое настроеніе и да-
 етъ перевѣсъ восторгу и наслажденію надъ страданіями,
 то мы уже видѣли раньше (Т. I, гл. XI), что въ ос-
 новѣ мистическаго порыва лежитъ иллюзія. Это есть по-
 рывъ, стремленіе прямо постичь въ сознательномъ ощу-
 щеніи тождество все-единого Безсознательнаго съ субъ-
 ектомъ сознанія и насладиться ощущеніемъ этого тож-
 дества. Но цѣль этого стремленія, по самой его приро-
 дѣ, не достижима: ибо сознаніе не можетъ выйти изъ
 своихъ предѣловъ и не можетъ постичь Безсознатель-
 ное, какъ такое, а слѣдовательно и единство Безсозна-
 тельнаго съ сознательнымъ индивидуумомъ. Впрочемъ,
 въ области мистики болѣе, чѣмъ въ какой либо иной,
 прогрессирующее человѣчество усматриваетъ иллюзію
 и освобождается отъ нея. Нельзя сказать, чтобы послѣ
 нашего времени просвѣщенія могли повториться сред-
 ніе вѣка съ ихъ мистикою. Средніе вѣка только пото-
 му и были возможны, что классическое образованіе бы-
 ло погребено подъ развалинами древняго міра: но для
 насъ немислимо бояться того же. Чѣмъ болѣе народы
 культивируютъ свои умственные способности, чѣмъ бо-
 лѣе они становятся и выучиваются ходить на своихъ
 ногахъ, т. е., на своемъ сознаніи, тѣмъ болѣе пропа-
 дають у нихъ мистическія дарованія. Изъ постепенно
 прогрессирующаго разрушенія мистическихъ иллюзій
 можно по аналогіи заключить, что несомнѣнно совер-
 шится въ исторіи разрушеніе и другихъ иллюзій, какъ
 скоро онѣ станутъ бесполезны какъ влеченія, споспѣ-
 шествующія прогрессу—произойдетъ ли это послѣднее
 въ силу того, что на мѣсто ихъ станутъ усилившіяся
 другія условія (разумъ), или же въ силу того, что до-
 стигнута будетъ цѣль въ направленіи ихъ спеціальной
 дѣятельности.

7. БЕЗПРАВСТВЕННОСТЬ.

Безправственное дѣяніе или несправедливость происходитъ отъ эгоизма, который есть необходимое послѣдствіе индивидуализаціи и первоначально состоитъ въ томъ, что я, для пріобрѣтенія себѣ удовольствія или для охраненія себя отъ страданія, словомъ, для удовлетворенія своей индивидуальной воли, заставляю страдать одного или нѣсколькихъ другихъ индивидуумовъ. Изъ этой первоначальной формы безправственныхъ дѣяній можно вывести всѣ прочія. Такъ какъ страданіе терпящаго отъ безправственнаго дѣянія больше, чѣмъ наслажденіе (или удаленное страданіе) совершающаго это дѣяніе: то ясно, что безправственность измѣняетъ существующее въ мірѣ отношеніе наслажденія къ страданію въ ущербъ первому. Отсюда слѣдуетъ: чѣмъ больше безправственности въ мірѣ, тѣмъ болѣе и страданій. (Уже было указано, что понятіе справедливости неприложимо въ этомъ отношеніи). Слѣдовательно, если предположить, что вообще отношеніе наслажденія къ страданію въ мірѣ было бы равно единицѣ (конечно, этотъ случай, какъ одно изъ безконечно многихъ возможныхъ отношеній, представляетъ á priori безконечно малую вѣроятность), то уже одно существованіе безправственности давало бы перевѣсъ страданію. Но въ мірѣ, скорбномъ и помимо безправственности, она переполняетъ черезъ край чашу бѣдствій тѣмъ болѣе, что никакое страданіе, налагаемое на человѣка судьбою, не можетъ быть такъ горько, какъ страданія, налагаемая на него его ближними. Живыя и вѣрныя описанія безчестности, подлости, злобы и пошлости людей можно найти у Шопенгауера. Я прибавлю только, что глупость человѣческая не рѣдко дѣлаетъ тоже, что и злая воля, и притомъ даетъ другимъ жесточайшія мученія безъ всякаго удоволь-

ствія или пользы для себя, тогда какъ злая воля, очевидно, ихъ получаетъ.

Но если несправедливость увеличиваетъ страданія въ мірѣ, то напротивъ справедливость не можетъ ихъ уменьшить, ибо она есть ничто иное, какъ возстановленіе status quo передъ первымъ нарушеніемъ права, слѣдовательно, не даетъ повода къ положительному выступленію надъ фундаментомъ. Никто не станетъ радоваться, что не нарушаютъ его ясно сознаннаго права, если онъ не боялся прежде этого нарушенія; тотъ же, кто поступаетъ съ другимъ справедливо, не имѣетъ никакого повода тѣмъ наслаждаться, ибо онъ дѣлаетъ это въ ущербъ своей индивидуальной волѣ и всетаки выполняетъ только свой долгъ. Истинное наслажденіе получается только отъ дѣлъ положительной нравственности, отъ дѣятельной любви къ ближнему, хотя это наслажденіе для совершающаго благодѣянія соединено съ страданіемъ отъ приносимыхъ жертвъ, у пользующаго благодѣянiami съ страданіемъ отъ стыда, возбуждаемаго полученнымъ благодѣянiемъ. Но это повышеніе наслажденія въ слѣдствіе дѣятельной любви къ ближнему ничтожно въ сравненіи съ массой безнравственности. Во всякомъ случаѣ положительную нравственность, выражающуюся въ дѣятельной любви, нужно разсматривать только какъ необходимое зло для смягченія *очень большого зла*. Въ существованіи нищихъ гораздо больше зла, чѣмъ добра въ существованіи благотворителей; и только Талмудъ считаетъ разумнымъ существованіе нужды и бѣдности, ибо безъ нихъ-де богатые не имѣли бы случая совершать благодѣянія. Итакъ, всѣ дѣла любви къ ближнему только облегчаютъ большія или меньшія бѣдствія, происходяшія отъ нуждъ человѣческихъ. Будь человѣкъ свободенъ отъ потребностей, нуждъ и страданій, не нужны были бы и дѣла любви къ ближнему.

8. Научныя и художественныя наслажденія.

Наконецъ-то темная ночь борьбы и страданія должна освѣтиться ласкающимъ лучемъ солнца, когда мы вступимъ въ область науки и искусства! Если Шопенгауеръ утверждалъ, что состояніе духа при художественномъ или научномъ воспріятіи или творествѣ есть просто отсутствіе страданія, то нужно думать, что онъ никогда не зналъ состоянія экстаза или восторга, въ который впадаютъ отъ художественнаго произведенія, или отъ вновь разрабатываемой области науки. Знай онъ высокое наслажденіе этого состоянія, онъ увидѣлъ бы, что это есть состояніе полного положительнаго *удовлетворенія* — и, конечно, удовлетворенія воли. Правда, здѣсь удовлетворяется не какой либо повседневный интересъ, или практическая воля, но стремленіе къ познанію, а также къ тому нѣчто, которое составляетъ красоту, въ чѣмъ бы она ни состояла. Конечно, этотъ экстатическій восторгъ (отъ музыкальной піесы, картины, поэтическаго произведенія или философскаго сочиненія) есть весьма рѣдкое явленіе, ибо способность къ нему есть только у избранныхъ натуръ, да и у нихъ такіе восторженные моменты бывають не часто въ теченіи жизни. Эти моменты суть какъ бы нѣкоторое вознагражденіе для тѣхъ избранныхъ существъ, которыя должны ощущать страданія жизни гораздо сильнѣе, чѣмъ другіе люди, ибо большинству легче живется въ слѣдствіе его тупости. Что это вознагражденіе незначительно, видно изъ того, что нѣжно чувствующіе и высокостоящіе въ духовномъ отношеніи люди вообще не придаютъ большой цѣны жизни. Что касается до тупыхъ и мало-впечатлительныхъ людей, то, ощущая слабѣе многочисленныя жизненныя страданія, они съ одной стороны выигрываютъ много, а съ другой, лишаясь весь-

марѣдкаго, по своей природѣ, наслажденія, проигрываютъ очень мало. При этомъ нужно замѣтить, что равнодушіе къ одному какому либо искусству вовсе не говорить за тупость ощущенія вообще.

Если же изъ всѣхъ жителей земнаго шара найдется только весьма незначительный процентъ людей способныхъ къ наслаженію отъ занятій наукою или искусствомъ вообще, а изъ нихъ еще незначительнѣйшій процентъ способныхъ создать себѣ еще высшее наслаженіе собственнымъ творчествомъ въ этихъ областяхъ: то значеніе науки и искусства для счастія міра вообще не можетъ быть оцѣнено очень высоко.

Но при измѣреніи воспріимчивости къ искусству народной толпы нужно необходимо выключить тѣ явленія, которыя основаны на интересахъ, чуждыхъ самому искусству, напр., любопытство или страсть къ ужасамъ или жестокостямъ въ охотѣ простого народа къ народнымъ рассказамъ, или страсть къ пляскѣ въ охотѣ къ народной музыкѣ, или соображенія практической пользы въ интересѣ къ научнымъ сообщеніямъ и т. д. Точно также и среди образованныхъ классовъ многіе только показываютъ интересъ къ наукѣ и искусству и способность наслаждаться ими, а на самомъ дѣлѣ этого интереса и способности у нихъ вовсе нѣтъ. Сколь многіе становятся учеными и художниками, не имѣя настоящаго къ тому призванія и увлекаясь только заманчивостью карьеры, которая имъ, можетъ быть, нравится по большей свободѣ! Да, если выключить всѣхъ непризванныхъ и лишенныхъ таланта, то сильно сократились бы ряды ученыхъ и художниковъ! Вспомнимъ далѣе о множествѣ несчастныхъ дѣвушекъ, которыя избираютъ карьеру учительницъ музыки! Наконецъ вычтемъ всѣхъ тѣхъ, которые привлекаются къ наукѣ и искусству не изъ любви только къ нимъ, а также изъ надежды на болѣе легкій заработокъ, или изъ че-

столюбія и тщеславія. Если бы можно было иному художнику или ученому доказать достоверно, что никто и никогда не спроситъ объ его имени при знакомствѣ съ его произведеніями,—хотя этимъ вполнѣ не устраняется честолюбіе, ибо имя человѣка есть нѣчто случайное и безразличное, особенно для будущаго—то у него отняли бы большую половину наслажденія отъ его трудовъ. Если бы было средство дѣйствительно лишить одновременно всѣхъ художниковъ и ученыхъ всяческаго честолюбія и тщеславія, то навѣрное творчество значительно остановилось бы, или пошло далѣе только механически, ради хлѣба насущнаго.

Но что сказать о толпѣ диллетантовъ? Любви къ дѣлу очень мало, непониманіе его ужасное, полная зависимость отъ господствующей моды—а между тѣмъ ряды диллетантовъ въ наукѣ и искусствѣ переполнены. Загадка разрѣшается просто: накидываются на искусство не ради его самаго, а видятъ въ немъ мишуру, которою можно украсить свою дорогую особу. Если эта особа нравится безтолковымъ цѣнителямъ, то они восхищаются и мишурой, если имъ не изъ за чего льстить особѣ, то презираютъ и мишуру; и въ такомъ случаѣ они презираютъ диллетанскія труды тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе послѣдніе имѣютъ внутренней цѣнности. Тогда эти цѣнители считаютъ какъ бы дѣломъ своего собственнаго достоинства съ достоюльнымъ негодованіемъ отдѣлать диллетанта за наглую претензію. Конечно, при этихъ условіяхъ, задача диллетантизма сводится къ тому, что бы каждому болвану пустить пыль въ глаза тѣмъ изъ многихъ способовъ, который для сего наиболее сподрученъ!

И это составляетъ основу новѣйшаго воспитанія, особенно для дѣвушекъ: пара салонныхъ піесъ на фортепіано, нѣсколько романсовъ, умѣнье нарисовать деревцо и цвѣточекъ, болтовня на нѣкоторыхъ изъ новыхъ

языковъ и чтеніе моднаго литературнаго пачканья; и воспитаніе вполнѣ закончено! Что это такое, какъ не систематическая школа тщеславія во всѣхъ смыслахъ этого слова? И отъ этого-то фокусничества должно ожидать художественнаго наслажденія?! Нѣтъ, во всѣмъ этомъ кроется скорѣе отвращеніе къ искусству, которое и оказывается тотчасъ же послѣ свадьбы, если только тщеславіе не поддержитъ на нѣкоторое время личину художественныхъ поползновеній. Съ мальчиками дѣло идетъ не лучше; и они, ради тщеславія родителей, должны дилетантствовать. И для этого въ музыкѣ есть универсальное средство: это несчастное, энциклопедическое, бездушное фортепіано! Въ наукѣ тоже должны оказать помощь честолюбіе и тщеславіе. Только честолюбивые мальчики въ состояніи охотно ходить въ школу: изученіе нашихъ главныхъ школьныхъ предметовъ, при господствующемъ способѣ нашего школьнаго преподаванія, невысказано безъ самой упорной лѣни, которая только и можетъ найти себѣ противовѣсъ въ честолюбіи.

При томъ же въ наукѣ совсѣмъ иное, чѣмъ въ искусствѣ, отношеніе пассивнаго (рецептивнаго) наслажденія къ творческому, ибо кто же станетъ страстно стремиться къ такому познанію, въ легкомъ и вѣрномъ достиженіи котораго онъ убѣжденъ заранѣе? Кто теперь въ состояніи, пріобрѣтя познаніе фотографіи или телеграфнаго дѣла, ощутить хотя бы приблизительно то большое наслажденіе, которое чувствовали ихъ изобрѣтатели, или даже тѣ, которые во время изобрѣтенія страстно ожидали всякаго новаго успѣха въ этомъ дѣлѣ?

Итакъ, если мы выключимъ впечатлѣнія и наслажденія, которыя не идутъ прямо отъ науки и искусства, а основаны на честолюбіи, тщеславіи, доходности или другихъ мотивахъ, которыя, слѣдовательно, суть толь-

ко аффектаціи: то изъ существующихъ, по видимому, въ мірѣ наслажденій наукою и искусствомъ скинется со счетовъ, по моему, весьма значительная доля. Но и оставшая подлинная доля ихъ покупается не даромъ, хотя я не стану оспаривать того, что перевѣсъ окажется на сторонѣ наслажденій. Въ наслажденіи творчествомъ это всего яснѣе. Извѣстно, что мастера не съ неба падаютъ и что моменту зрѣлаго творчества предшествуетъ необходимая, но непріятная и трудная подготовка, которая даетъ мало радостей, происходящихъ отъ преодоленія трудностей и отъ надежды на будущее. Во всякомъ искусствѣ нужно преодолѣть технику, а въ наукѣ нужно сперва стать на уровень пробитаго направленія, чтобы не созидать того, что уже существуетъ. Сколько скучныхъ книгъ нужно прочесть только для того, чтобы добросовѣстно убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ ничего годнаго и сколько нужно прочесть другихъ книгъ для того, чтобы изъ кучи мусора выбрать крупинку золота?! По истинѣ, это не малая жертва! Наконецъ вы покончили съ предварительной подготовкой; но и въ самомъ творествѣ сладкіе моменты суть только моменты самаго творчества, за ними же слѣдуютъ длинныя промежутки механическо-технической обработки. Да не всегда мы и расположены къ творчеству: если бы не было понуждающаго желанія окончить трудъ въ опредѣленный, не слишкомъ отдаленный срокъ, если бы не подстрекало честолюбіе или славолюбіе, если бы не влекли къ окончанію дѣла внѣшнія отношенія, наконецъ если бы изъ за лѣни не угрожалъ зѣвающій призракъ скуки, то ожидаемое отъ творчества наслажденіе весьма рѣдко могло бы пересилить комфортъ бездѣлья. Впрочемъ и, не смотря на всѣ эти побужденія, не рѣдко начатый трудъ, требующій значительныхъ усилій, не подвигается впередъ довольно долгое время. Сравнительно меньшія ощущенія недовольства сопро-

вождаютъ пассивное наслажденіе въ наукѣ, хотя они все таки больше, чѣмъ въ искусствѣ, такъ, напр., пророчество строго научную книгу есть самъ по себѣ такой трудъ, преодолѣть который ради наслажденія, ожидаемаго независимо отъ другихъ стороннихъ наукъ побужденій, большая часть людей никогда не была бы способна. Всего легче дается пассивное *художественное* наслажденіе: но все таки сопряженные съ нимъ непріятности (особенно въ старости, при большемъ влеченіи къ покою) достаточно велики, чтобы перевѣшивать побужденіе къ нему. Эти непріятности суть: необходимость посѣщать художественныя галлерей, жара и тѣснота театровъ и концертныхъ залъ, опасность простудиться, утомленіе зрѣнія и слуха; притомъ же эти наслажденія должны быть оплачены.

Итакъ, въ результатѣ оказывается, что изъ малаго числа обитателей земного шара, которые *кажутся* призванными къ наслажденію наукой и искусствомъ, еще меньшее число на самомъ дѣлѣ *призвано* къ тому; большинство же аффектируетъ это призваніе изъ честолюбія, тщеславія, жажды къ наживѣ и другихъ причинъ. Что же касается до тѣхъ, которые дѣйствительно призваны къ этому наслажденію, то все таки они платятъ за него большими или меньшими жертвами, такъ что излишекъ въ наслажденіи, которое вносится въ міръ наукою и искусствомъ, какъ такими, ничтоженъ сравнительно съ суммою наличнаго зла изъ всѣхъ другихъ областей жизни. При томъ же нужно замѣтить, что этотъ излишекъ наслажденія распределенъ между такими индивидуумами, которые несравненно больнѣе, чѣмъ другіе, чувствуютъ скорби бытія, на столько больнѣе, что этотъ излишекъ боли рѣшительно не вознаграждается тѣмъ наслажденіемъ. Наконецъ этотъ родъ наслажденія болѣе, чѣмъ всякій другой родъ духовнаго наслажденія, ограничивается настоящимъ временемъ, тогда какъ другія пред-

вкушаются въ надеждѣ. Въ этомъ наслажденіи и встрѣчается вышеупомянутая особенность, что одно и тоже чувственное воспріятіе и служитъ удовлетвореніемъ воли, и вызываетъ эту волю.

9. Сонъ и сновидѣніе.

Сонъ безъ сновидѣній есть полная недѣятельность головного мозга и его сознанія, ибо мозгъ, ставшій дѣятельнымъ, тотчасъ же начинаетъ играть образами. Итакъ, бессознательный сонъ по отношенію къ собственно человѣческому сознанію (т. е. сознанію головного мозга) стоитъ на нулевой точкѣ ощущенія, ибо въ нёмъ невозможны ощущенія ни удовольствія, ни недовольства. Конечно, во время такого сна можетъ продолжаться сознаніе низшихъ нервныхъ центровъ, но это тупое сознаніе, стоящее на ступени сознанія рыбы или червя, не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ *человѣческаго* счастья. При томъ же если это животное сознаніе и можетъ получать ощущеніе удовольствія, то не иначе какъ при нормальномъ теченіи растительныхъ функцій; если же нормальное теченіе ихъ нарушено, то слѣдующее въ слѣдствіе того недовольство достигаетъ скоро такой степени, что становится ощутительнымъ и для головного сознанія.

Здѣсь возможно ошибиться и приписать самому сну то пріятное чувство, которое не рѣдко уловляется при переходахъ отъ бодрствованія въ сну и обратно, т. е., при засыпаніи и пробужденіи. Но въ этомъ случаѣ головное сознаніе еще дѣйствуетъ; и то чувство, очевидно, принадлежитъ ему: ибо оно исчезаетъ въ снѣ безъ сновидѣній. Что же касается до удовольствія, которое ощущаютъ мои низшіе нервные центры, то объ нёмъ я не могу имѣть никакого представленія, ибо я только и состоить въ сознаніи моего головного мозга. Во вся-

комъ случаѣ безсознательный сонъ есть относительно счастливѣйшее состояніе, ибо, при здоровой жизни головного мозга, только оно одно, сколько намъ извѣстно, *вполнѣ безъ страданій*.

Съ сновидѣніями и во снѣ появляются всѣ дразги настоящей жизни. Одного только явленія не встрѣчается въ сновидѣніяхъ—научнаго и художественнаго наслажденія: оно, по крайней мѣрѣ, дало бы нѣчто хорошее развитымъ людямъ. При томъ наслажденіе во снѣ выражается почти не иначе какъ въ видѣ общаго, радостнаго *настроенія*, напр., какъ состояніе безтѣлесности, какъ пареніе, летаніе и т. п., между тѣмъ какъ страданіе выражается не только въ видѣ общаго *настроенія*, но также и во всяческихъ *опредѣленныхъ не-пріятностяхъ*: досадѣ, огорченіяхъ, брани, ссорѣ, не постижимыхъ невозможностяхъ достигнутьжелаемаго и разныхъ другихъ препятствій. Отсюда въ среднемъ выводѣ оцѣнка сна должна не разниться отъ оцѣнки настоящей жизни, а, пожалуй, въ значительной части выйдетъ и хуже.

Засыпаніе, если можно скоро заснуть, есть удовольствіе, но только потому что усталость дѣлаетъ мучительнымъ бодрствованіе, засыпаніе же освобождаетъ отъ этой муки. Нѣкоторые люди находятъ удовольствіе въ пробужденіи; я этого никогда не испытывалъ и думаю, что другіе здѣсь ошибаются и принимаютъ за удовольствіе въ пробужденіи удовольствіе, состоящее въ томъ, что, при наличной еще усталости, мы не обязаны вставать, но можемъ подремать въ полуснѣ. Но очень немного людей, которые могутъ насладиться этимъ удовольствіемъ! Я не думаю, чтобы для кого либо могло быть удовольствіе въ быстромъ переходѣ отъ пробужденія къ полной бодрости и считаю этотъ переходъ скорѣе за неудовольствіе, потому что здѣсь комфортъ покоя и сна приходится промѣнять на дневныя заботы.

Если послѣ достаточной для полнаго освѣженія продолжительности сна исчезаетъ утомленіе предъидущаго вечера и снова восстанавливается *status quo* способности къ труду и наслажденію, то это нельзя считать за положительное удовольствіе, ибо въ слѣдствіе этого освѣженія становишься только на фундаментъ ощущенія. Но за то ощущеніе еще оставшейся усталости, когда не выспался, есть рѣшительно неудовольствіе, а между тѣмъ большая часть бѣдныхъ классовъ у всѣхъ народовъ не имѣетъ времени для достаточнаго сна передъ работою.

10. Влеченіе къ наживѣ и комфорту.

Влеченіе къ наживѣ, по моему, есть стремленіе имѣть болѣе того, что необходимо для обезпеченія себѣ и своему семейству жилища, одежды и пропитанія. Удовлетворить этому влеченію, какъ ясно указываетъ статистика, можетъ только малый процентъ народонаселенія даже въ цивилизованныхъ государствахъ. Во всякомъ случаѣ польза отъ владѣнія богатствомъ, превышающимъ необходимое, главнымъ образомъ состоитъ въ обезпеченіи отъ будущей нужды и отъ страха передъ нею: но это обезпеченіе само по себѣ еще не составляетъ положительнаго наслажденія. Далѣе богатство даетъ силу пріобрѣсти эти наслажденія, напр., почести отъ тѣхъ, которые ожидаютъ отъ владѣющаго богатствомъ выгодъ для себя и господство надъ ними, наслажденія гастрономическія и даже радости любви; словомъ, богатство, или его символъ, деньги, есть волшебный жезлъ, открывающій доступъ ко всѣмъ наслажденіямъ жизни. Но мы уже знаемъ, что не только всѣ эти наслажденія основаны на иллюзіи, но что въ концѣ концовъ они даютъ болѣе недовольства, чѣмъ удовольствія, слѣдовательно, стремленіе къ нимъ *безумно по двумъ*

причинамъ: исключенія существуютъ только для наслажденій гастрономическихъ, научныхъ и художественныхъ. Но въ наслажденіяхъ вкуса есть та невыгода, что, въ случаѣ лишенія ихъ, страданія перевѣшиваютъ прежде полученныя удовольствія. Гораздо болѣе цѣны имѣютъ деньги для полученія наслажденій научныхъ и художественныхъ, ибо для этого не требуется ихъ особенно много. Наконецъ что касается до покупной любви женщинъ, то она менѣе удовлетворяетъ, чѣмъ настоящая и притомъ даетъ женщинѣ гораздо болѣе страданій, чѣмъ когда либо можетъ получить наслажденій купившій любовь мужчина. Итакъ, на сколько богатство усиливаетъ склонность къ женщинамъ, честолюбіе и властолюбіе, на столько оно вредитъ счастію жизни. Еще пагубнѣе становится влеченіе къ наживѣ, когда богатство изъ средства становится цѣлью, т. е., когда влеченіе къ наживѣ переходитъ въ корыстолюбіе и скупость. Тогда оно, подобно честолюбію и любви, становится на почву *иллюзии* и даетъ охваченному имъ нескончаемую муку, ибо тогда влеченіе, по безпредѣльной ненасытности, ни чѣмъ не можетъ удовлетвориться, а при малѣйшемъ для себя препятствіи производитъ страданіе.

Кромѣ сей часъ изложеннаго значенія для индивидуума, влеченіе къ наживѣ можетъ быть рассматриваемо какъ инстинктъ, работающій для будущаго развитія человѣчества, ибо, благодаря ему, накапливаются капиталы, имѣющіе важное значеніе съ политико-экономической точки зрѣнія.

Наконецъ влеченіе къ наживѣ имѣетъ значеніе, давая въ результатъ *комфортную жизнь* (слуги, экипажи, удобныя жилища въ городѣ и деревнѣ, дворецкіе, управляющіе и пр.) Спрашивается: есть ли комфортъ положительное наслажденіе, или его пріятность состоитъ только въ уничтоженіи неудобствъ и въ постановкѣ инди-

видуума на фундаментъ ощущенія? Активное движеніе, дѣятельность, напряженіе и трудъ непріятны; пассивное движеніе и покой напротивъ пріятны. Если понятно, что въ первомъ случаѣ недовольство происходитъ въ слѣдствіе потраченной на приведеніе тѣла въ движеніе и напряженіе силы, то само собою ясно, что покой, неизмѣняющееся *status quo* не можетъ произвести положительнаго наслажденія и, очевидно, представляетъ только нулевую точку ощущенія.

Итакъ, и по отношенію къ богатству, возбуждающему такую сильную зависть, мы удивительнымъ образомъ приходимъ къ тѣмъ же отрицательнымъ результатамъ, какіе оказались ранѣе при оцѣнкѣ простой обеспеченности жизни: это весьма характеристически освѣщаетъ вопросъ о цѣнности жизни.

Итакъ, въ концѣ концовъ, влеченіе къ наживѣ есть всегда только средство для другихъ цѣлей; и цѣнность его должна измѣряться цѣнностью этихъ послѣднихъ. Но имѣть притязанія на какую либо цѣнность въ самомъ себѣ оно не можетъ ни въ какомъ случаѣ; а если оно позволитъ себѣ такое притязаніе, то тотчасъ же входитъ въ разрядъ иллюзорныхъ влеченій, производящихъ перевѣсъ въ страданіяхъ.

11. Зависть, недоброжелательство, досада, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, ненависть, месть, гнѣвъ, чувствительность (раздражительность)

И прочія подобныя свойства и аффекты мы разбирать не станемъ, ибо и для самаго обыкновеннаго ума ясно, что они даютъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій. Можно надѣяться, что со временемъ они все болѣе и болѣе будутъ подавляться разумомъ, но на вѣсахъ современнаго состоянія міра, они тяжело ложатся на чашу страданій.

12. НАДЕЖДА.

Какъ бы ни было скверно человѣку—но пока въ немъ еще глѣветъ искра жизни, онъ цѣпляется за надежду на будущее счастье. Если бы не было въ мѣрѣ надежды, то отчаяніе стало бы повседневнымъ явленіемъ и мы, вопреки чувству самосохраненія и страху смерти, заносили бы въ текущую хронику безсчетныя самоубійства.

Такимъ образомъ надежда есть вспомогательный инстинктъ къ инстинкту самосохраненія; черезъ нее только становится возможною для насъ, бѣдныхъ глупцовъ, любовь къ жизни, вопреки нашему разуму.

Надежда есть *черта характера*. Есть люди, которые будущее видятъ постоянно въ черномъ цвѣтѣ, есть другіе, которые видятъ въ розовомъ. Это послѣднее происходитъ отъ нѣкоторой эластичности духа, отъ полноты жизненной силы и влеченія къ жизни, полноты, которая не убываетъ отъ самаго очевиднаго опыта и которая послѣ самыхъ тяжелыхъ ударовъ судьбы поднимаетъ голову съ прежнимъ мужествомъ. Ни одно свойство характера не зависитъ такъ, какъ это, отъ общаго строенія тѣла и отъ вліяній жизни крови на жизнь нервовъ и головного мозга. Никакое другое свойство характера не производитъ такого субъективнаго вліянія на мышленіе въ рѣшеніи вопроса о цѣнности жизни, какъ это, а потому и должно особенно беречься отъ этого вліянія. Нѣтъ сомнѣнія, что надежда есть *вполнѣ реальное наслажденіе*. Но на что же надѣются? Конечно, на то, что поймаютъ и сохраняютъ счастье въ жизни. Но если этого счастья нельзя найтти, если, сколько ни живи, а все страданіе перевѣшиваетъ наслажденіе, то отсюда слѣдуетъ, что надежда есть, *ложь и пустота*, что она есть, именно, *иллюзія κατ'ἔξοχην* (по преимуществу), что она на то только и существуетъ, что бы, *обморо-*

чивая и одурачивая насъ, удерживать насъ отъ рѣшенія нашихъ другихъ, еще не понятыхъ нами задачъ. Но кто разъ пришелъ къ убѣжденію, что сама надежда столь же ничтожна и призрачна, какъ и предметъ ея, у того очень скоро, подъ вліяніемъ этого познанія разума, инстинктъ надежды будетъ обезсиленъ и подавленъ: для него останется только одинъ предметъ надежды — это не получить возможно больше счастіе, а напротивъ претерпѣть возможно меньшее несчастіе. Съ этимъ моментомъ надежда теряетъ всякое *положительное* значеніе.

Но даже и тотъ, кто не можетъ вполнѣ отдѣлаться отъ призрачнаго значенія надежды, и тотъ, по крайней мѣрѣ, относительно своего прошедшаго (ибо въ отношеніи будущаго его обманываетъ инстинктъ) долженъ сознаться, что девять десятыхъ и даже болѣе всѣхъ его надеждъ были обмануты и что въ большинствѣ случаевъ горечь разочарованія была больше сладости надежды. Вѣрность этого заключенія подтверждается правилами обыкновенной житейской мудрости, требующими, чтобы мы относились ко всѣмъ вещамъ съ возможно *меньшими* ожиданіями, ибо только тогда и можно насладиться хорошею стороною вещей, а иначе непосредственное наслажденіе ими въ настоящемъ отравляется обманутыми ожиданіями. Такимъ образомъ и въ инстинктѣ надежды оказывается знакомый прежде результатъ, а именно: а) инстинктъ этотъ призраченъ и, б) двигаясь *среди* своихъ иллюзій, онъ даетъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій.

13. Resumé первой стадіи иллюзии.

Если даже допустить, что воля, по своей природѣ, могла бы произвести равную мѣру страданій и наслажденій *in brutto*, то слѣдующіе четыре момента сильно видоизмѣняютъ отношеніе страданій къ наслажденіямъ на сторону первыхъ *in netto*:

а) Нервное утомленіе усиливаетъ отвращеніе къ страданію и уменьшаетъ стремленіе закрѣпить наслажденіе, слѣдовательно, прибавляетъ страданіе въ страданіи и ослабляетъ наслажденіе въ наслажденіи.

б) Наслажденіе, которое возникаетъ въ слѣдствіе прекращенія или ослабленія страданія, не можетъ приблизительно поравняться съ этимъ страданіемъ; а наибольшая часть наличнаго наслажденія происходитъ изъ этого источника.

в) Страданіе вынуждаетъ для себя сознаніе, въ которомъ оно должно быть почувствовано, наслажденіе же напротивъ должно быть, такъ сказать, открыто и отыскано сознаніемъ, а потому, гдѣ нѣтъ мотива къ такому отыскиванію, тамъ не рѣдко наслажденіе потеряно для сознанія.

г) Удовлетвореніе скоротечно и затихаетъ быстро, страданіе же, по скольку оно не можетъ быть ослаблено надеждою, длится долго, пока есть въ наличности неудовлетворенное желаніе (а когда же таковыхъ не бываетъ?).

Эти четыре момента во взаимодействіи даютъ на практикѣ почти тотъ же результатъ, какой вышелъ бы, еслибъ наслажденіе было нѣчто отрицательное, не реальное, а только страданіе было бы положительно, реально, какъ думаетъ Шопенгауеръ.

Если мы рассмотримъ отдѣльныя направленія жизни, т. е., различныя желанія, влеченія, аффекты, страсти и состоянія духа, то, по ихъ эвдемонологическому значенію, они распадаются на слѣдующія группы:

а) Такія, которыя приносятъ *только* страданіе или почти никакого наслажденія (№. 11.).

б) Такія, которыя представляютъ только нулевую точку ощущенія, или фундаментъ жизни, т. е., отсутствіе нѣкоторыхъ видовъ страданія (здоровье, моло-

дость, свобода, обеспеченность, комфортъ и въ значительной степени общественность).

с) Такія, которыя имѣютъ реальное значеніе какъ средство для другихъ цѣлей, отъ цѣнности которыхъ зависитъ и ихъ цѣнность; рассматриваемыя же сами, какъ цѣли, они призрачны, напр., влеченіе къ богатству, власти и почести, отчасти общественность и дружба.

d) Такія, которыя хотя активному участнику въ оныхъ и приносятъ нѣкоторое наслажденіе, но за то пассивному даютъ значительно большее страданіе, такъ что общій эффектъ, предполагая притомъ и воздѣйствіе обратной стороны медали для каждаго участника, есть страданіе; — напр. несправедливость, властолюбіе, гнѣвъ, ненависть и месть (по скольку она держится въ предѣлахъ права), взаимное обольщеніе половъ и потребность въ пищѣ у плотоядныхъ.

e) Такія, которыя ощущающему приносятъ среднимъ числомъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій, напр., голодъ, половая любовь, любовь къ дѣтямъ, состраданіе, тщеславіе, честолюбіе, славолюбіе, властолюбіе, надежда.

f) Такія, которыя основаны на такихъ иллюзіяхъ, какія съ успѣхами умственного развитія должны быть поняты, а потому какъ страданіе, такъ и наслажденіе отъ нихъ будетъ уменьшаться, но послѣднее въ болѣе скоромъ размѣрѣ, напр., индивидуализированная любовь, тщеславіе, честолюбіе, славолюбіе, мистическое настроеніе, надежда.

g) Такія, которыя признаны сознаниемъ за зло, а все таки принимаются добровольно для избѣжанія другихъ золъ, считаемыхъ за большія (вѣрно или нѣтъ — это все равно), напр., трудъ (вмѣсто нужды и скуки), бракъ, пріемныя дѣти и пр.

h) Такія, которыя хотя и оплачиваются большими или меньшими неудовольствіями, но все таки даютъ перевѣсъ въ наслажденіи: но они доступны на самомъ дѣлѣ немногимъ индивидуумамъ, которые при томъ сильнѣе ощущаютъ всѣ житейскія страданія вообще (наслажденія научныя и художественныя).

Если сопоставить вмѣстѣ и общій выводъ, и спеціальныя изслѣдованія, то въ результатъ несомнѣнно окажется, что въ настоящее время страданіе имѣетъ большой перевѣсъ не только въ мірѣ вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, хотя бы онъ стоялъ въ самыхъ благоприятныхъ, на сколько то мыслимо, условіяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что менѣе впечатлительнымъ, одареннымъ тупою нервною системою индивидуумамъ живется легче, чѣмъ чувствительнымъ натурамъ, ибо какъ страданіе, такъ и наслажденіе до маловпечатлительныхъ доходятъ въ одно и тоже время въ меньшихъ степеняхъ напряженности, а потому и разница на сторону страданія для нихъ меньше. Эмпирически это явленіе констатировано для человѣка и можетъ быть распространено, по аналогіи, на животныхъ и растений.

Опытъ указываетъ, что индивидуумы низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ и вообще дикари счастливѣе, чѣмъ индивидуумы образованныхъ и богатыхъ классовъ и культурные народы и, конечно, не потому что они бѣднѣе и должны переносить болѣе нужды и лишеній, но потому что они грубѣе и тупѣе: вспомнимъ о „Рубашкѣ счастливаго“, въ этой повѣсти заключается глубокая истина. Итакъ, я думаю, что животныя счастливѣе (т. е. менѣе страдаютъ) людей, ибо излишекъ страданій, который нужно перенести животному меньше того, который приходится перенести человѣку. Вспомнимъ, какъ привольно живутъ волъ или свинья; какъ будто они учились у Аристотеля искать беззаботнаго и безмятежнаго довольства вмѣсто охоты (какъ у человѣка)

за счастьемъ. Жизнь впечатлительнѣйшей лошади уже гораздо бѣдственнѣе сравнительно съ жизнью тупой свиньи, или съ жизнью рыбы въ водѣ, жизнью, обратившеюся въ пословицу. Конечно, это зависитъ отъ разницы въ нервной системѣ. Если жизнь рыбы завиднѣе, чѣмъ лошади, то жизнь устрицы завиднѣе, чѣмъ рыбы, жизнь растенія завиднѣе, чѣмъ устрицы и т. д., пока, спустившись подъ порогъ сознанія, мы не встрѣтимъ уже болѣе индивидуальнаго недовольства. Съ другой стороны высшею чувствительностью совершенно объясняется то, что гении чувствуютъ себя гораздо несчастнѣе въ жизни, чѣмъ обыкновенные люди. Кромѣ того гении (по крайней мѣрѣ, мыслители) прозрѣваютъ большую часть иллюзій. Изъ всего вышесказаннаго несомнѣнно, что индивидууму тѣмъ легче живется, чѣмъ болѣе онъ охваченъ иллюзіей, лежащею въ основѣ инстинктивнаго влеченія: ибо во первыхъ его оцѣнка настоящаго отношенія между прошедшими страданіемъ и наслажденіемъ извращена, а потому скорбность бытія его не подавляетъ, во вторыхъ у него остается во всѣхъ направленіяхъ жизни счастье надежды, которая послѣ cadaго разочарованія, тотчасъ же замѣняется новою въ томъ же или другомъ направленіи. И живетъ онъ, такъ сказать, перескакивая съ мечты на мечту, утѣшаемый въ настоящемъ бѣдствіи иллюзіей, которая манитъ его золотымъ будущимъ.

Въ особенности же это счастье призрачной мечты составляетъ характерную черту юности. Каждый юноша, каждая дѣвушка видятъ въ себѣ болѣе или менѣе героя и героиню романа и, какъ при чтеніи романа, утѣшаются въ настоящихъ несчастіяхъ или неприяностяхъ ожиданіемъ блестящей развязки. Разница только въ томъ, что эта развязка не приходитъ и что они забываютъ, какъ изъ за, по видимому, блестящей развязки романа выглядываютъ только повседневные *misères* (дрязги) жизни.

Но съ возрастомъ и опытомъ богатый запасъ юношескихъ надеждъ, одна за другою, признаются призрачными; мужъ становится гораздо бѣднѣе юноши иллюзіями и обыкновенно держится только за честолюбіе и влеченіе къ наживѣ.

Но старикъ и оба послѣднія признаетъ призрачными, если только у него честолюбіе не превращается въ ребяческое тщеславіе, а влеченіе къ наживѣ въ скупость. И дѣйствительно, у умныхъ стариковъ уже не встрѣчается болѣе иллюзій относительно индивидуальной жизни, конечно, за исключеніемъ инстинктивной любви къ ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Итакъ, вотъ результатъ индивидуальной жизни: мы отъ всего отказываемся и, какъ сказано въ Экклезіастѣ, убѣждаемся, что „все есть суета“, т. е., призрачно, ничтожно.

Въ жизни человѣчества эта первая стадія иллюзіи и отчаяніе въ ней представляется древнимъ міромъ (іудейско-греко-римскимъ). Въ раннихъ азіатскихъ государствахъ обособившіяся позднѣе направленія жизни и міросозерцанія смѣшаны, а потому и не обозначаются ясно. Іудейство, при своемъ вообще оптимистическомъ міросозерцаніи, заявляетъ свою вѣру въ достижимость индивидуальнаго земнаго блаженства самымъ откровеннымъ образомъ. Въ элленизмѣ выражается тоже стремленіе, но въ благороднѣйшей формѣ: въ научномъ и художественномъ наслажденіи, въ эстетическомъ пониманіи жизни и наконецъ въ желаніи наполнить ее утонченными удовольствіями. Римская республика присоединяетъ къ тому еще стремленіе получить счастье въ повышеніи (и черезъ него) блеска и могущества отечества. Послѣ того какъ, съ достиженіемъ всемірнаго владычества, это стремленіе оказалось призрачнымъ для цѣлей счастья, въ римскомъ мірѣ стало господствовать уже опошлившееся греческое міросозерцаніе, при-

нявшее форму самого поверхностнаго эпикуреизма; и древній міръ дожилъ до самаго крайняго отвращенія къ жизни.

ВТОРАЯ СТАДІЯ ИЛЛЮЗИИ,

когда счастье считается достижимымъ для индивидуума въ трансцендентной жизни.

(Подъ этою рубрикою Гартманомъ развивается та мысль, что эгоизмъ человѣческой, разбитый въ своихъ надеждахъ въ текущей индивидуальной жизни, переноситъ ихъ въ иную, трансцендентную жизнь. Эти надежды и составляютъ въ жизни человѣчества вторую стадію иллюзіи, которая господствуетъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и переходитъ въ новое время. Въ послѣднемъ періодѣ постепенно иллюзія все болѣе и болѣе признается сознаниемъ, какъ такая. Гартманъ подвергаетъ критикѣ и вскрываетъ несостоятельность этой иллюзіи съ точки зрѣнія „философіи Безсознательнаго“. Въ силу затрудненій, о которыхъ я упоминалъ въ предисловіи къ I тому, я рѣшительно считаю невозможнымъ не только перевести это мѣсто (стр. 700—714 по 4 изданію) сочиненія Гартмана, но даже и сдѣлать извлеченіе. Конечно, нѣкоторыя отдѣльныя мѣста можно было бы, пожалуй, представить цѣликомъ; но не освѣщенные основной мыслью эти безсвязные отрывки составили бы только ненужный балластъ для нашей книги. Впрочемъ, для читателя потеря не большая: вторая стадія иллюзіи въ наше время ist ein schon längst überwundener Standpunct, сказалъ бы нѣмецъ. Къ сожалѣнію, *въ наше время у насъ*, это Überwindung дается уже черезъ чуръ легко. Иной только что вчера пересталъ играть въ лошадки (одна изъ низшихъ для человѣка ступеней первой стадіи иллюзіи) и еще рѣшительно не можетъ выдержать экзамена изъ

извѣстныхъ „Начатковъ“, составляющихъ фундаментъ курса приходскаго училища.... а, гляди, ужь выскочилъ изъ второй стадіи иллюзіи. Но этого мало: онъ уже мнитъ себя взобравшимся на самыя вершины третьей стадіи иллюзіи; онъ уже начинаетъ работать для счастья будущаго человѣчества, для того золотого времени, когда въ лабораторіяхъ будутъ приготовляться не просто протеины, а, безъ дальнихъ околичностей, сотнями тысячъ вполне готовые жареные рябчики.... Итакъ, мы переходимъ прямо къ третьей стадіи иллюзіи: она есть современный грозный Молохъ, который пожираетъ человѣческія жертвы не гекатомбами, а тысячами, который наконецъ простираетъ свою желѣзную руку за дѣтскими жертвами обоихъ половъ).

А. К.

ТРЕТЬЯ СТАДІЯ ИЛЛЮЗИИ,

когда счастье считается достижимымъ въ будущемъ мірового процесса.

Основу этой стадіи составляютъ понятіе имманентнаго развитія въ приложеніи его къ міру, какъ къ цѣлому, и вѣра въ развитіе міра. Въ философіи древнихъ, за исключеніемъ Аристотеля, мы ни находимъ ни малѣйшаго слѣда этого понятія: но и у самого Аристотеля оно приложено только къ естественному развитію индивидуума и не имѣло никакого вліянія ни на современниковъ Аристотеля, ни на слѣдующія за нимъ поколѣнія.

Римъ знаетъ только развитіе государственной власти Рима. Неподвижному еврейству до того чуждо и противно понятіе развитія, что уже Мендельсонъ оспариваетъ противъ Лессинга возможность поступательнаго движенія міра. Католичество тоже закончено и замкнуто въ себѣ: оно стремится только къ *разширенію*

царствія Божія, но не углубляется въ содержаніе его идеи. Реформація тоже нисколько не имѣетъ въ виду развивать далѣе христіанство, а только очистить его отъ вкравшихся злоупотребленій и возстановить въ первоначальной формѣ.

Даже неподвижная необходимость Спинозы не даетъ мѣста понятію развитія. Мертвая и безцѣльная она смотритъ на смѣняющееся разнообразіе формъ бытія, какъ на безразличную, капризную игру случая. Только Лейбницъ какъ бы вновь открываетъ понятіе развитія и тотчасъ же указываетъ на его глубокое значеніе и разнообразную приложимость. Лессингъ превосходно прилагаетъ его въ своемъ воспитаніи человѣческаго рода; всѣ произведенія Шиллера проникнуты имъ, Гердеръ даетъ ему мѣсто въ своихъ „Идеяхъ“ а также и Кантъ во многихъ статьяхъ по философіи исторіи (Werke Bd. VII Nr. XII. XV. XIX). Глубже всего живетъ и проникаетъ это понятіе Гегеля, для котораго весь міръ есть ничто иное, какъ само себя реализирующее развитіе идеи.

Результаты новѣйшаго естествовѣденія все яснѣе и яснѣе указываютъ на то, что все теченіе міра есть единый величественный процессъ развитія. Астрономія уже не ограничивается болѣе однимъ генезисомъ планетной системы; съ помощію спектральнаго анализа она проникаетъ все далѣе въ космосъ чтобы, сравнивая теперешнія состоянія отдаленныхъ солнць и туманныхъ пятенъ, понять ихъ (состоянія) какъ различныя стадіи процесса развитія, въ которомъ одна часть прогрессируетъ быстрѣе, другая медленнѣе, между тѣмъ какъ сумма ихъ можетъ быть мыслима какъ космическое развитіе, взятое въ цѣломъ. Фотометрія и спектральный анализъ вмѣстѣ стараются путемъ сравненій подмѣтить продолженіе этого общаго развитія въ исторіи развитія отдѣльныхъ планетъ. Химія и Минерало-

гія соединяють свои усилія для ближайшаго опредѣленія фазъ развитія нашей планеты, фазъ, которыя, начинаясь съ періода охладенія и до настоящаго времени, выражаются въ каменныхъ памятникахъ, которыхъ гіероглифическій языкъ все болѣе и болѣе разбираетъ для насъ геологія. Біологія изъ окаменѣлыхъ остатковъ первобытнаго міра возстановляетъ нынѣ исторію развитія растительнаго и животнаго царствъ; археологія, при помощи сравнительнаго языковѣденія и антропологіи, раскрываетъ намъ доисторическіе періоды развитія человѣческаго рода, а исторія воспроизводитъ его величественное культурное развитіе и открываетъ намъ новыя перспективы. Наконецъ философія должна обзрѣть всеобъемлющимъ взглядомъ все то, что отдѣльныя науки предлагаютъ по частямъ, и познать развитіе цѣлаго міра, руководимое къ спасительнымъ цѣлямъ по плану, предначертанному премудрымъ Безсознательнымъ.

На индивидуумѣ не трудно убѣдиться въ существованіи развитія: здѣсь оно представляетъ повседневное явленіе. За то несравненно труднѣе мысли о развитіи цѣлаго, состоящаго изъ многихъ индивидуумовъ, проникнуть въ плоть и кровь человѣка на столько, чтобы она для него получила *интересъ, господствующій* надъ эгоизмомъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ отрѣшиться отъ инстинкта эгоизма.

Весьма поучительна въ этомъ отношеніи книга Макса Штирнера: „Индивидуумъ и его собственность“; всякій, интересующійся практическою философіею, не долженъ оставить ее непрочтенною. Эта книга подвергается убійственной критикѣ всѣ идеи, имѣющія вліяніе на практическую жизнь, и показываетъ, что онѣ суть идолы, имѣющіе власть надъ я только въ той мѣрѣ, въ какой это я, по признаваемой имъ самимъ своей слабости, имъ ее уступаетъ. Въ остроумной и пикантной

формѣ Штирнеръ вѣскими доводами сокрушаетъ идеальныя стремленія политическаго, соціальнаго и гуманнаго либерализма и показываетъ, какъ на развалинахъ всѣхъ этихъ идей, низвергнутыхъ въ ничтожество своего безсилія, можетъ остаться наслѣдникомъ только одно смѣющееся я. Если бы это сочиненіе имѣло только одну цѣль доказать теоретическое положеніе, что я столь же мало можетъ выйти изъ рамки моего эгоизма (ячества — Ichheit), сколь мало изъ моей кожи, то къ нему прибавить было бы нечего. Но когда Штирнеръ въ идеѣ я думаетъ найти абсолютную исходную точку для дѣйствій: то или онъ впадаетъ въ ту же ошибку, которую онъ опровергалъ относительно другихъ идей, напр., чести, свободы, права и т. д. и, значитъ, признаетъ надъ собою власть и господство идеи, но только признаетъ эту власть не ради тѣхъ или другихъ основаній, а слѣпо и инстинктивно; или же Штирнеръ понимаетъ я не какъ идею, но какъ реальность; и тогда въ результатѣ оказывается только пустая и ничего не говорящая тавтологія, что я могу хотѣть только мою волю, мыслить только мои мысли и что только мои мысли могутъ стать мотивами моихъ дѣйствій. Но этого факта не отрицаютъ и оспариваемые имъ противники. Если же онъ думаетъ (а его выводы только этотъ смыслъ и имѣютъ), что должно признать идею я, какъ исключительно господствующую, и допустить другія идеи только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ имѣютъ значеніе для первой, то онъ долженъ бы былъ прежде всего изслѣдовать идею я. Тогда онъ тотчасъ же нашелъ бы, что какъ всѣ другія идеи суть значащи инстинктовъ, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли, такъ и идея я есть значокъ всеобщаго инстинкта, эгоизма, который только тогда удовлетворенъ, когда удовлетворены послѣдніе, но который все таки постоянно сопровождаетъ жизнь.

Конечно, извинительнѣе признать безусловное господство за этимъ инстинктомъ, чѣмъ за какимъ либо другимъ, но не говоря уже о томъ, что въ обоихъ случаяхъ ошибка будетъ одна и таже, послѣдствія исключительнаго потворства эгоизму будутъ еще пагубнѣе. Другіе инстинкты, если они достаточно сильны, часто могутъ быть удовлетворены, хотя обыкновенно съ жертвами въ общемъ счастья, которыя этимъ удовлетвореніемъ не оплачиваются: но эгоизмъ, какъ видно изъ нашихъ изслѣдованій, никогда нельзя удовлетворить, ибо онъ постоянно даетъ излишекъ въ недовольствѣ. Штирнеръ вполне чуждъ той мысли, что, исходя отъ я, *единственно разумный* путь заключается въ отрицаніи воли или отреченіи отъ міра и жизни: а между тѣмъ эта мысль есть самое вѣрное *средство* подшибить крылья притязаніямъ я. Кто разъ понялъ, что въ жизни каждый индивидуумъ, зная или не зная о томъ, долженъ перенести большой излишекъ страданія, тотъ скоро отвергнется и станетъ презирать точку зрѣнія хотящаго самосохраниться и наслаждаться, словомъ, *утверждающаго* свое бытіе я; кто не высоко цѣнитъ свой эгоизмъ и свое я, тотъ едвали станетъ чваниться имъ какъ абсолютнымъ исходнымъ пунктомъ, къ которому все должно тяготѣть, тотъ легко признаетъ, что я есть только *явленіе* сущности, которая для всѣхъ индивидуумовъ *одна и таже*.

Презрѣніе къ міру и жизни есть легчайшій путь къ самоотверженію: *только на этомъ* пути стала возможною въ исторіи нравственность самоотверженія (напр. буддизмъ и пр.). На этомъ-то пути, столь облегчающемъ безконечно трудное дѣло самоотверженія, и обнаруживается громадная, неизмѣримо высокая *нравственная цѣнность пессимизма*.

Если бы Штирнеръ обратился къ прямому философскому изслѣдованію идеи я, то увидалъ бы, что эта

идея есть столь же несущественный, возникающій въ мозгу призракъ, какъ и идея чести, что единственное *существо*, которое соотвѣтствуетъ идеѣ внутренней причины для моей дѣятельности, есть существо *не индивидуальное*, именно, все-единое Безсознательное, и что, слѣдовательно, оно одинаково хорошо соотвѣтствуетъ какъ идеѣ Петра о своемъ я, такъ и идеѣ Павла о своемъ я. На этомъ глубочайшемъ основаніи стоитъ только одна этика буддизма. Кто твердо и глубоко усвоилъ познаніе, что *одно и то же существо* чувствуетъ мое и твое страданіе, мое и твое наслажденіе и что только случайно это отражается въ разныхъ мозгахъ, только у того и вырванъ съ корнемъ исключительный эгоизмъ, между тѣмъ какъ путемъ презрѣнія къ міру и жизни этотъ эгоизмъ, хотя и *глубоко*, но только *потрясенъ*. Съ этимъ познаніемъ и становится вполнѣ и окончательно невозможною Штирнеровская точка зрѣнія.

Необходимымъ послѣдствіемъ эпохи, въ которую совершается переходъ изъ предыдущей стадіи иллюзіи въ слѣдующую, обыкновенно появляется добровольное прекращеніе индивидуальнаго бытія, *самоубійство*. Христіанинъ, у котораго его вѣра разбита сомнѣніемъ, можетъ также легко рѣшиться на самоубійство, какъ и язычникъ, которому надоѣла жизнь. Если же они, подобно Шопенгауеру, думаютъ, что этимъ средствомъ не достигается цѣль прекращенія индивидуальнаго существованія, то они должны, по крайней мѣрѣ, направить свою волю отъ жизни къ квіетизму и воздержанію, или даже аскетизму. Но видѣть въ такомъ спасеніи любезнаго я изъ скорбей бытія что либо иное, кромѣ самаго грубаго самоутвержденія или черезъ-чуръ утонченнаго эпикуреизма, есть верхъ самообольщенія: ибо здѣсь эпикуреизмъ только принимаетъ противу-инстинктивное направленіе въ слѣдствіе противу-инстинктивнаго возрѣнія на жизнь. Всякій квіетизмъ ведетъ къ тому, чтобы,

подобно коснымъ животнымъ, находятъ удовольствіе только въ ѣдѣ и питьѣ или же найти исходъ въ идиллическихъ наслажденіяхъ природою, или посредствомъ естественнаго или искусственнаго (посредствомъ наркотическихъ средствъ) полусна утопать въ картинахъ охотно несущейся фантазіи, или же въ утонченной роскошной жизни пассивно прогонять скуку самыми изысканными предметами изъ сферы искусствъ и науки. Въ основѣ таковаго квіетизма, очевидно, лежатъ эпикурейскія черты: этотъ квіетизмъ есть ничто иное, какъ желаніе провести жизнь самымъ пріятнымъ для индивидуума образомъ при *minimum*'ѣ напряженія и недовольства, не беспокоясь, что тѣмъ нарушаются обязанности къ сочеловѣкамъ и обществу. Но и самый аскетизмъ, столь, повидимому, противоположный эгоизму, всетаки эгоистиченъ, даже и въ томъ случаѣ, гдѣ онъ надѣется не на вознагражденіе въ трансцендентной жизни, а только на сокращеніе жизненной муки путемъ временнаго перенесенія нѣкоторыхъ страданій и на индивидуальное освобожденіе отъ всяческаго продолженія жизни послѣ смерти (перерожденіе и т. д.). У самоубійцы и аскета самоотверженія ровно на столько же, на сколько его въ больномъ, который, въ надеждѣ избѣжать безконечной зубной боли, благоразумно рѣшается на болѣзненное извлеченіе зуба. Въ обоихъ случаяхъ есть только благоразумно рассчитанный эгоизмъ безъ всякой нравственной цѣны: скорѣе всего этотъ эгоизмъ *безнравственъ* во всѣхъ тѣхъ положеніяхъ жизни, гдѣ чловѣку еще не отрѣзана всякая возможность выполнять свои обязанности относительно своихъ ближнихъ и общества.

Совсѣмъ иное дѣло, когда въ сердцѣ особи пуститъ корни интересъ *къ развитію цѣлаго* и она чувствуетъ себя членомъ его, членомъ, который никогда не занимаетъ бесполезнаго мѣста въ процессѣ цѣлаго, но всегда болѣе или менѣе цѣнное. При такомъ убѣжденіи

жизнь, которая съ точки зрѣнія я отбрасывается какъ подлинная мука, должна быть принята какъ жертва съ истиннымъ самоотверженіемъ, ибо самоубійство еще способнаго къ дѣятельности индивидуума не только не освобождаетъ цѣлое отъ какого либо страданія, но даже приготовляетъ для него лишнее страданіе потратить трудъ и время на замѣну ампутированнаго члена новымъ. Далѣе появляется само собою разумѣющееся требованіе наполнить жизнь, сохраненную изъ самоотверженію къ цѣлому, не индивидуальными удовольствіями, а служеніемъ благу цѣлаго. Конечно, эта цѣль достигается не пассивною воспріимчивостью, не коснымъ покоемъ, не робкимъ отстраненіемъ отъ борьбы за существованіе, но активной производительностью, неустаннымъ творчествомъ, самоотверженнымъ погруженіемъ въ водоворотъ жизни и участіемъ въ экономическихъ и духовныхъ культурныхъ трудахъ цѣлаго народа. Уже одно то дѣлаетъ изъ квіетизма смертный грѣхъ, если онъ овладѣваетъ многими умами, что снова становятся вопросомъ всѣхъ пріобрѣтенія, которыя человѣчество завоевало съ такими усиліями въ теченіи тысячелѣтій, и исторія быстро принимаетъ регрессивный ходъ. Но изъ историческаго опыта мы знаемъ, какъ безграничны бѣдствія народа, регрессирующаго въ культурѣ, и какъ тяжело ложится на него простой застой, или задержанный прогрессъ. Какъ жизнь индивидуальнаго организма есть сумма непрерывающихся актовъ цѣлительной силы природы, такъ и жизнь государственнаго и общественнаго организма возможна только при постоянномъ напряженіи всѣхъ имѣющихся въ его распоряженіи силъ для защиты себя отъ разрушительныхъ и вредныхъ вліяній, которыя со всѣхъ сторонъ и всегда подстерегаютъ пункты, съ которыхъ можно напасть на него.

Итакъ, *инстинктъ* эгоизма или индивидуальнаго влеченія къ жизни до извѣстной степени снова восстанов-

ляется *сознаніемъ*, но теперь уже возстановляется не какъ абсолютная и верховная власть, но только въ той мѣрѣ, въ какой онъ служитъ для *цѣлей цѣлаго*; кромѣ того онъ *ограниченъ* признаніемъ и уваженіемъ стремленій и другихъ индивидуумовъ, стремленій, необходимыхъ для процесса цѣлаго. — Вмѣстѣ съ эгоизмомъ въ его цѣломъ, сознаніемъ возстановляются также и тѣ влеченія, которыя, подобно состраданію, чувству справедливости, цѣнны для цѣлаго, или, подобно любви и честолюбію, важны для дальнѣйшаго теченія процесса: теперь эти инстинкты, съ сознаніемъ индивидуальной *жертвы* добровольно выполняются ради цѣлаго и ради процесса. Эта индивидуальная жертва находитъ теперь свою *награду въ надеждѣ* на будущее процесса, на *становящіяся*, по мѣрѣ его дальнѣйшаго теченія, *благопріятнѣйшими* формы жизненныхъ отношеній, которыя манятъ *счастіемъ* міровую сущность, живущую и въ индивидуумѣ. Эта *надежда* на будущее положительное счастье человечества и на *участіе ради его* въ процессѣ цѣлаго и составляетъ *третью стадію иллюзіи*, къ обзрѣнію которой мы и обратимся. Вѣроятно, многіе изъ читателей, до сихъ поръ сочувственно относившихся къ нашимъ изслѣдованіямъ, на этомъ пунктѣ разойдутся съ нами. Наше время представляетъ самое начало третьей стадіи иллюзіи; и читатели, конечно, захотятъ остаться дѣтьми своего времени и съ надеждою идти на встрѣчу обѣтованіямъ золотого времени. Провидѣніе заботится о томъ, чтобы антиципаціи мирнаго мыслителя не затруднили теченія исторіи тѣмъ, что онъ преждевременно пріобрѣтетъ очень много приверженцевъ. При томъ же мой метафизическій пессимизмъ не исключаетъ политическаго, социальнаго и пр. оптимизма, но скорѣе включаетъ его.

Уже въ критикѣ первой стадіи иллюзіи внимательный читатель встрѣтилъ многое такое, что годится и для

критики третьей. Такъ, напр., доказательство положенія, что страданіе неудовлетворенія ощущается всегда и вполнѣ, а наслажденіе удовлетворенія только при благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ значительною скидкою, имѣетъ силу не только для настоящаго, но вообще для всякаго времени.

Сколько бы ни прогрессировало человѣчество, оно никогда не освободится отъ самыхъ величайшихъ изъ бѣдствій и даже не уменьшитъ ихъ. Эти бѣдствія суть: болѣзнь, старость, зависимость отъ воли и власти другихъ, нужда и недовольство своимъ положеніемъ. Сколько бы ни находили средствъ противъ болѣзней, а все таки болѣзни, въ особенности же болѣе легкія, но мучительныя хроническія болѣзни растутъ въ быстрой прогрессіи, чѣмъ медицинское искусство. Веселая молодежь всегда будетъ составлять только часть чело- вѣчества, а другая будетъ подлежать угрюмой старости. Всегда голодъ будетъ полагать предѣлъ стремленію чело- вѣческаго рода увеличиться до безконечности, т. е., всегда будетъ большой слой народонаселенія, который не можетъ удовлетворить вполнѣ своего голода, а потому представляетъ большій коэффициентъ смертности, словомъ, изъ котораго постоянно большій процентъ погибаетъ въ тяжелой борьбѣ съ нуждою. Самые довольные своимъ положеніемъ народы суть дикари, а у культурныхъ народовъ необразованные классы; по опыту извѣстно, что съ образованностью народа растетъ и его недовольство. Прежде этотъ живущій на границѣ голода слой народонаселенія чувствовалъ, а отчасти еще и теперь чувствуетъ свою бѣдность только тогда, когда ворчалъ голодный желудокъ, но чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ грознѣе становится при- зракъ бѣдности массъ, тѣмъ страшнѣе и полнѣе бѣд- няки проникаются сознаніемъ своей бѣдности. Соці- альный вопросъ нашего времени зависитъ въ концѣ

концовъ только отъ повисившагося у рабочихъ массъ сознанія бѣдственности ихъ положенія, между тѣмъ какъ фактически оно можетъ назваться золотымъ вѣкомъ сравнительно съ положеніемъ ихъ 200 лѣтъ тому назадъ, когда и рѣчи не было о социальномъ вопросѣ.

Безнравственность, если измѣрять её по масштабу настроенія, нисколько не уменьшилась въ мірѣ отъ основанія перваго человѣческаго общества и до сихъ поръ: перемѣнилась только форма, въ которой обнаруживается злая воля. Вездѣ осталось то же отношеніе эгоизма къ любви къ ближнему; и когда указываютъ на жестокости и грубость прошедшихъ временъ, то пусть не забываютъ принимать въ расчетъ съ одной стороны встрѣчаемыя нами у древнихъ первобытныхъ народовъ прямодушіе и честность, ясное чувство справедливости и почтеніе передъ освященными обычаями нравами, а съ другой растущія вмѣстѣ съ культурою ложь, обманъ, лесть, мошенничество, неуваженіе къ собственности и узаконенные, но уже болѣе ничего не говорящіе для инстинкта, обычай. (Ср. описаніе почти райской чистоты нравовъ и простоты у Уоллеса: „Малайскій архипелагъ“.) Воровство, обманъ и мошенничество, не смотря на положенныя за нихъ наказанія, увеличиваются въ болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ уменьшаются грубыя и тяжкія преступленія (напр., грабежъ, убійство, насиліе и т. д.); самое подлое своекорыстіе безстыдно разрываетъ священнѣйшія узы семьи и дружбы, какъ скоро приходитъ съ ними въ столкновеніе, и звѣрская жестокость дивихъ временъ сдерживается только страхомъ передъ несомнѣннымъ возмездіемъ со стороны постановленныхъ государствомъ и обществомъ законовъ. Но какъ скоро узы закона и порядка ослаблены или порваны, то *тотчасъ же* даютъ себя знать жестокость и звѣрство человѣческія во всѣмъ ихъ ужасѣ, какъ это оказалось въ польской революціи, въ послѣдній годъ аме-

рикванской гражданской войны, въ парижской коммунѣ весною 1871 года. Нѣтъ, до сихъ поръ ни сколько *не улучшились* злоба и топчущій все чужое эгоизмъ человѣческій; они только искусственно *приперты* плотинами законовъ и гражданскаго общества и, не имѣя возможности произвести открытаго наводненія, все таки просачиваются сквозь эти плотины въ тысячи щелей! Степень безнравственныхъ *стремленій* осталась таже, только они сняли лохмотья и ходятъ во фракѣ; самое дѣло и его результаты остаются тѣже, только форма становится еlegantнѣе.

Уже наступаетъ время, когда ловкій воръ предоставляетъ глупому и пошлomu простонародью кражу и противозаконное мошенничество, а самъ умѣетъ овладѣвать чужою собственностью, нисколько не нарушая буквы закона. По истинѣ, я гораздо охотнѣе подвергся бы опасности быть случайно убитымъ, живя между древними германцами, чѣмъ, живя между новѣйшими германцами, считать всѣхъ и cadaго за подлеца и мошенника до тѣхъ поръ, пока не имѣешь вполне убѣдительныхъ доказательствъ въ его честности. Вообще страданія у терпящаго отъ безнравственныхъ дѣяній нисколько не ослабляются отъ того, что эти дѣянія совершены въ утонченной формѣ. Конечно, при постоянно расширяющейся замѣнѣ патріархальной безсознательной нравственности сознательною соціальною, далѣе, при смягченіи чувствъ путемъ воспитанія, одна и таже мѣра нравственныхъ стремленій значительно расширила бы свои благодѣтельные результаты (въ учрежденіяхъ благотворительности, больницахъ, благотворительныхъ обществахъ и т. п. и вообще въ смягченіи нравовъ). Но эта выгода перевѣшивается болѣе изощренною чувствительностью у тѣхъ, которыя терпятъ отъ безнравственныхъ дѣяній: грубый человекъ съ юморомъ отнесется къ удару, которымъ у него проломаютъ черепъ,

между тѣмъ какъ образованный глубоко огорчится отъ самаго незначительнаго оскорбленія. Кромѣ того съ повышеніемъ культуры вырастаетъ и нравственный масштабъ: одно и тоже дѣйствіе теперь считается болѣе безнравственнымъ, чѣмъ прежде. Это обстоятельство тоже служитъ въ перевѣсу страданій отъ безнравственныхъ дѣяній. Но если мы даже предположимъ, что нравственность расширилась бы до *идеальнаго* состоянія, то и тогда она ставила бы только на фундаментъ жизни: ибо устраненіе всяческой несправедливости не есть еще счастье. Что же касается до положительной нравственности (любви къ ближнему), то она есть только средство смягчить нужды человѣческія. Это послѣднее видно уже изъ того, что въ будущемъ частная благотворительность и произвольныя дѣла любви къ ближнему должны замѣниться крѣпкою организаціею различныхъ формъ общественной солидарности.

Что касается до наслажденій изъ сферы мистическаго настроенія, то мы уже видѣли, что иллюзія, лежащая въ основѣ ихъ, все болѣе и болѣе признается сознаниемъ. Отсюда должно ожидать, что эти наслажденія въ третьей стадіи иллюзіи возможны будутъ только до тѣхъ поръ, пока еще къ ней будетъ примѣшиваться вторая стадія. При полномъ же господствѣ третьей вмѣстѣ съ мистикою исчезнутъ и основанныя на ней наслажденія и страданія.

Измѣнится также въ будущемъ и положеніе науки съ искусствомъ. Чѣмъ далѣе мы смотримъ въ прошедшее, тѣмъ болѣе научный прогрессъ оказывается дѣломъ отдѣльныхъ выдающихся геніевъ, которыхъ созидаетъ Безсознательное для выполненія такихъ задачъ, какія не по силамъ сознательному уму средняго человѣка. Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нашему времени, тѣмъ болѣе наука разрабатывается общимъ трудомъ многочисленныхъ работниковъ. Если геніи прежнихъ временъ походятъ на волшебниковъ, которые

воздвигаютъ зданіе, такъ сказать, изъ ничего, то духовные дѣятели новаго времени походятъ на трудолюбивую плотничью артель, гдѣ каждый, по мѣрѣ своихъ силъ, тащитъ большій или меньшій камень для постройки большого зданія. Индукція будетъ все исключительно дѣлаться научнымъ методомъ будущаго; и въ научномъ трудѣ будутъ все болѣе и болѣе преобладать экстенсивное направленіе надъ интенсивнымъ. Потребности въ геніяхъ все будутъ уменьшаться, а потому они будутъ создаваемы Безсознательнымъ все рѣже и рѣже. Какъ люди въ обществѣ нивеллируются чернымъ сюртукомъ, точно также и въ умственномъ отношеніи мы все приближаемся къ сплошной посредственности. Отсюда и наслажденіе научнымъ творчествомъ въ мѣръ все будетъ слабѣе и замѣнится преимущественно пассивнымъ научнымъ наслажденіемъ. Но это послѣднее значительно только тогда, когда соединено съ борьбою за пріобрѣтеніе истины, но не тогда, когда истину подносятъ намъ въ видѣ совсѣмъ испеченнаго паштета на блюдѣ. Тогда нерѣдко наслажденіе знаніемъ не перевѣшиваетъ труда изученія; и настоящимъ мотивомъ для послѣдняго должны стать практическая полезность знанія и честолюбіе.

Тоже и въ искусствѣ, хотя его положеніе въ будущемъ все таки благопріятнѣе, чѣмъ положеніе науки. По мѣрѣ того какъ человечество оставляетъ за собою трансцендентные идеалы своей мечтательной юности, по мѣрѣ того какъ въ зрѣломъ его возрастѣ начинаютъ преобладать практическіе соціальные и научные интересы, все рѣже и рѣже появляются творческіе геніи. Искусство уже перестаетъ быть священной вдохновляющею богинею, какъ было прежде: оно становится развлеченіемъ отъ серьезныхъ дневныхъ трудовъ, или отъ скуки: а потому въ искусство все болѣе и болѣе проникаетъ диллетантская поверхностность, довольству-

ющаяся преимущественно техникой; серьезное направление въ немъ, дающее наслажденіе только при упорной внимательности, все болѣе пренебрегается. Конечно, эта характеристика относится главнымъ образомъ къ будущему времени: наше переходное время представляетъ намъ только нѣкоторое предвкушеніе этого будущаго. Для будущаго человѣчества въ его зрѣломъ возрастѣ искусство будетъ играть роль водевиля, который слушаетъ въ вечернемъ спектаклѣ берлинскій биржевикъ. Эти возрѣнія, конечно, можно подтвердить только аналогіею въ развитіи человѣчества съ различными возрастами въ жизни индивидуума: проведенная до настоящаго періода эта аналогія указываетъ на довольно ясно очерчивающіяся стремленія и ближайшаго періода.

Относительно практическихъ инстинктовъ, которые, подобно любви и честолюбію, основаны на иллюзіи, возможны три случая: или человѣчество *вовсе* не отрѣшится отъ нихъ, тогда навсегда останется происходящее отъ нихъ недовольство; или люди отрѣшатся отъ нихъ *вполнѣ*, тогда, конечно, не будутъ получать отъ нихъ ни удовольствія, ни недовольства и станутъ сравнительно много счастливѣе. Это сводится на то, что жизнь людей станетъ много *бѣднѣе* и ближе къ нулевой точкѣ или фундаменту ощущенія, но при этомъ появится и сознание этой бѣдности и безцвѣтности жизни. Третій возможный случай есть *наивѣроятнѣйшій*. Люди отрѣшаются отъ этихъ инстинктовъ только *отчасти*, т. е., они *вполнѣ* усмотрятъ призрачныя свойства этихъ инстинктовъ: но разумъ не будетъ въ состояніи *вполнѣ* уничтожить проистекающія изъ нихъ влеченія, хотя и уменьшитъ нѣсколько силу послѣднихъ. Этотъ случай соединяетъ въ себѣ всѣ страданія двухъ первыхъ: ибо здѣсь человѣкъ имѣетъ разомъ съ одной стороны разумное сознание въ безцвѣтности своей жизни и въ при-

зрачности своихъ наслажденій и страданій, вытекающихъ изъ инстинктивныхъ влеченій, а съ другой сознание въ большомъ излишкѣ страданій. Такимъ образомъ онъ здѣсь имѣетъ и полное сознание въ мукахъ, на которыя онъ осужденъ, и разумное стремление подавить инстинктивныя влеченія, и горькое чувство безсилія своей сознательной воли надъ этими послѣдними. По этому совершенно справедливо говоритъ Гёте: „кто разрушаетъ иллюзію въ себѣ и другихъ, того наказываетъ природа самымъ строгимъ образомъ,“ (Vd. 40, S. 386); а между тѣмъ человечество не можетъ избѣжать этого разрушенія иллюзіи. Безжалостно и жестоко это дѣло разрушенія иллюзіи, какъ грубый толчокъ руки, которая пробуждаетъ сладко грезящаго къ мукамъ действительности: но міръ долженъ идти впередъ; цѣль процесса не можетъ оставаться только въ воображеніи, она должна быть достигнута путемъ борьбы; и путь къ спасенію лежитъ только среди страданій! *Индивидуумъ* справедливо видитъ для себя примиреніе этого раздвоенія въ полномъ отказѣ отъ эгоизма и въ самоотверженной мысли, что инстинкты любви и домохозяйства работаютъ для *будущаго*, ибо они создаютъ новыя поколѣнія на службу цѣлямъ процесса. Но это было бы явнымъ противорѣчіемъ, что бы *каждое* поколѣніе, бѣдствуя для себя, существовало въ мірѣ только для *слѣдующаго*. Уже одно это вѣчное указаніе впередъ пробуждаетъ невольную мысль, что процессъ существуетъ не ради только процесса, а ради лежащей за процессомъ цѣли. Возраженіе, что иллюзорныя инстинкты, каковы любовь, честолюбіе, стремленіе къ наживѣ, вспомошествоуютъ *повышенію развитія*, совершенно вѣрно: но тѣмъ не менѣе этимъ инстинктамъ нельзя приписывать никакой эвдемонологической цѣнности, пока мы не можемъ приписать ее самому *повышенію развитія*. При этихъ возраженіяхъ забываютъ, что про-

цессъ, какъ таковой, есть *только сумма своихъ моментовъ*.

Бросимъ теперь взглядъ на восхваляемый прогрессъ міра. Въ чемъ состоитъ онъ, чѣмъ осчастлививаетъ? Успѣхи въ *искусствѣ* нельзя ставить слишкомъ высоко: на сколько содержаніе новаго искусства богаче идеями, на столько древнее искусство совершеннѣе *по формѣ*; и воскресшіе греки назвали бы съ *полнымъ правомъ варварскими* наши художественныя произведенія во *всѣхъ* областяхъ. (Вспомнимъ о нашихъ романахъ и театральныхъ піесахъ, статуяхъ и картинахъ, нашихъ архитектурныхъ произведеніяхъ и однообразной темперираціи въ музыкѣ!), Чѣмъ болѣе богатое идеальное содержаніе нашихъ художественныхъ произведеній угрожаетъ разорвать стѣснительную форму, тѣмъ далѣе удаляются они отъ *чистаго* понятія искусства, понятія, состоящаго въ абсолютной гармоніи формы и содержанія.

Научные успѣхи, въ теоретическомъ отношеніи, очень мало, или почти ничего не прибавляютъ къ счастью міра, за то, въ практическомъ отношеніи, споспѣшествуетъ прогрессу политическому, соціальному, нравственному и техническому. Вліяніе науки на нравственность я считаю весьма малымъ, да нельзя его очень высоко цѣнить и въ области политико-соціальной, ибо здѣсь теорія по большей части только ковыляетъ вслѣдъ за инстинктивно идущей впередъ практикою. Неоцѣнимыя услуги напротивъ оказываетъ наука въ прогрессѣ *техники*. Но что же сдѣлалъ этотъ прогрессъ для счастья человѣческаго? Очевидно ничего кромѣ обезпеченія возможности идти впередъ въ соціально-политическомъ отношеніи и кромѣ повышенія комфорта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излишней роскоши! Въ этомъ отношеніи техническій прогрессъ отчасти вліяетъ прямо, отчасти путемъ облегченія и усовершенствованія торговыхъ сношеній. Фабрики, пароходы, же-

лѣзные дороги и телеграфы еще не сдѣлали ничего *положительнаго* для счастья человѣческаго; они только устранили одну часть препятствій и неудобствъ, которыми человекъ до нихъ былъ стѣсненъ и подавленъ. Если болѣе разумная эксплуатація почвы и болѣе легкой ввозъ питательныхъ средствъ изъ рѣдко населенныхъ странъ къ культурнымъ народамъ дали въ результатъ значительное повышеніе народонаселенія у этихъ народовъ, то неужели оттого измѣнилось *счастіе* или *бѣдствіе* какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлаго человечества? При томъ же съ увеличеніемъ народонаселенія Земли возрасло и число милліоновъ, живущихъ на границахъ голоданья. Единственная *положительная* польза отъ возрастанія общаго богатства на земномъ шарѣ состоитъ въ томъ, что *освобождаются для духовнаго труда силы*, которыя прежде были связаны въ борьбѣ съ нуждою, и что черезъ это *ускоряется міровой процессъ*. Но *этотъ* результатъ полезенъ только для процесса, какъ такого, а вовсе не участвующимъ въ процессѣ индивидуумамъ или народамъ, которые при увеличеніи своего народнаго богатства мечтаютъ работать *для себя*.

Теперь взглянемъ на прогрессъ *политическій* и *соціальный*. Предположимъ, что будетъ осуществлено совершеннѣйшее государство и что населеніе земнаго шара вполне разрѣшило свои политическія задачи. Но что же получилось бы въ результатъ? Раковина улитки безъ самой улитки, пустая форма, ожидающая наполненія! Вѣдь, человечество живетъ не для того чтобы быть управляемымъ, а управляется для того, чтобы *жить* (въ высшемъ смыслѣ слова). Всѣ столь извѣстныя задачи государства, суть, по своей природѣ, отрицательныя; какъ-то: *защита* противъ, *обезпеченіе* отъ и т. д. Гдѣ государство выполняетъ положительные задачи (напр. образованіе), тамъ оно входитъ въ

область общества: но это можетъ быть необходимо только на время въ слѣдствіе незрѣлости послѣдняго. Слѣдовательно, самое совершенное государство ставитъ человѣка только на ту точку, на которой онъ, не боясь не правомѣрныхъ вмѣшательствъ, можетъ начать жить, т. е. развернуть свои силы и способности во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, гдѣ своими притязаніями онъ не можетъ нарушать гражданскихъ правъ другихъ людей.

Тоже и съ *соціальными идеалами*. Они указываютъ на нѣкоторыя облегченія въ борьбѣ съ нуждами жизни, облегченія, обусловливаемые принципомъ солидарности и другими вспомогательными средствами; они учатъ, какъ посредствомъ возможно-лучшаго учрежденія семейныхъ отношеній смягчить заботы и страданія, возникающія изъ удовлетворенія инстинкта-основать семью, какъ съ возможно меньшимъ стѣсненіемъ выполнить обязанности воспитанія дѣтей и т. п. — Всегда дѣло идетъ только о смягченіи насущныхъ бѣдствій, а вовсе не о полученіи положительнаго счастья. Единственнымъ кажущимся исключеніемъ было бы увеличеніе общественнаго богатства, но объ этомъ уже было сказано выше.

Итакъ, вотъ главныя направленія міроваго прогресса. По скольку они основаны на *реальностяхъ*, сводятся они на то, чтобы болѣе и болѣе поднять человѣка изъ глубины его бѣдственнаго состоянія на фундаментъ ощущенія. Если бы и были достигнуты идеальныя цѣли, то, относительно всѣхъ этихъ направленій жизни, достигнута была бы только нулевая точка, или точка безразличія ощущенія. Но такъ какъ идеалы вѣчно остаются идеалами, и прогрессъ дѣйствительности хотя и можетъ къ нимъ приближаться, но никогда не можетъ до нихъ достигнуть: то, слѣдовательно, во всѣхъ этихъ направленіяхъ никогда не можетъ быть достиг-

нута нулевая точка, но всегда только состояніе ниже ея съ перевѣсомъ недовольства.

Но можно составить себѣ ясное понятіе объ *эвдемо-нологической цѣнности міроваго прогресса* и безъ особыхъ изслѣдованій о томъ, *въ чѣмъ онъ состоитъ*: стоитъ только взглянуть на дѣло по аналогіи съ индивидуумомъ. Кто переходитъ отъ худа къ лучшему, тотъ, конечно, ощущаетъ наслажденіе: но оно исчезаетъ съ удивительною быстротою, новыя обстоятельства принимаются какъ нѣчто вполне натуральное; и человекъ ни на волосъ не чувствуетъ себя счастливѣе противъ прежняго положенія. (Но переходъ отъ лучшаго къ худшему производитъ довольно долго остающееся недовольство). Точно тоже и относительно націи, тоже и относительно человечества. Кто чувствуетъ себя лучше теперь, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ, оттого, что теперь есть желѣзныя дороги, а тогда не было? Если люди по старше и почувствовали въ то время разницу, то, конечно, никакой не чувствуютъ тѣ, которые родились послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ. Отъ увеличенія *средствъ* происходитъ только увеличеніе *желаній и потребностей*, а за ними идетъ слѣдомъ *недовольство*. Но еслибъ даже человечеству и удалось отъ заразныхъ болѣзней освободиться профилактическими мѣрами, отъ наследственныхъ болѣе раціональнымъ воспитаніемъ, а отъ остальныхъ успѣхами въ гигиенѣ и медицинѣ; еслибъ удалось производить питательныя средства изъ неорганическихъ веществъ на химическихъ заводахъ, а увеличеніе народонаселенія произвольно регулировать сообразно съ имѣющеюся на Землѣ пищею, однако безъ ограниченія влеченія къ воспроизведенію рода;—если бы все это удалось, то и такой прогрессъ не далъ бы ничего положительнаго, но только устранилъ бы или ослабилъ самыя горькія и отчасти неестественныя бѣдствія нынѣшнихъ физиче-

скихъ или социальныхъ отношеній. Но вмѣстѣ съ этимъ еще жгуче захватилъ бы сознание вопросъ, чѣмъ начать такую болѣе свободную жизнь, какимъ идеаломъ абсолютной внутренней цѣнности *наполнить* ее? Вѣдь, въ этомъ случаѣ скорбность существованія вообще, которая прежде сваливалась на внѣшнія неудобства жизни, должна будетъ выступить яснѣе передъ сознаниемъ. По мѣрѣ устраненія внѣшнихъ золъ путемъ мірового прогресса, все болѣе и болѣе будетъ расти познание, что страданіе *имманентно* волѣ, что скорбь бытія лежитъ въ самомъ бытіи и что она только по видимому зависитъ отъ внѣшнихъ условій. Итакъ, всякое приближеніе къ идеалу наилучшей достижимой на Землѣ жизни дѣлаетъ *все болѣе жгучимъ* вопросъ объ абсолютной цѣнности этой жизни. Это происходитъ съ одной стороны въ слѣдствіе постепенно возрастающаго прозрѣванія въ призрачность большей части положительнаго наслажденія, съ другой въ слѣдствіе все яснѣе становящагося пониманія, что зло и страданіе, подобно нечистому духу, вѣчно измѣняющія свой видъ, подстерегаютъ каждаго въ его собственной груди. Такимъ образомъ *возможно высшій міровой прогрессъ повлечетъ за собою пессимистическое сознание въ человечествѣ*, въ чемъ и заключается телеологическое значеніе этого прогресса. Въ томъ обстоятельстве, что люди желаютъ прогресса только въ надеждѣ стать *счастливые*, мы видимъ *практически спасительное ослѣпленіе* въ теченіи третьей стадіи иллюзіи, ослѣпленіе, посредствомъ котораго Безсознательное подстрекаетъ людей къ подвигамъ, совершить которые они въ большинствѣ случаевъ были бы не способны, если бы прозрѣвали настоящія цѣли Безсознательнаго. Итакъ, если дѣйствительно цѣль Безсознательнаго, непосредственно предшествующая конечной цѣли, заключается въ томъ (какъ мы увидимъ въ ближайшей главѣ), чтобы сдѣлать об-

ще-человѣческое сознаніе пессимистическимъ, то міровой прогрессъ съ нашей точки зрѣнія оказывается такимъ неизбѣжнымъ требованіемъ только потому, что онъ именно ведетъ къ этой предпоследней цѣли.

Уже въ *Resumé* первой стадіи иллюзіи мы видѣли, что *первобытные народы счастливые культурныхъ, что бѣдные низшія и невѣжественныя сословія счастливые богатыхъ, знатныхъ и образованныхъ, что глупые люди счастливые умныхъ*, что вообще существо тѣмъ счастливѣе, чѣмъ тупѣе его нервная система, ибо тѣмъ менѣе излишекъ страданія надъ наслажденіемъ и тѣмъ больше ослѣпленіе иллюзіею. Но съ успѣхами развитія человѣчества растутъ не только богатство и потребности, но также впечатлительность нервной системы; и кромѣ того въ силу образованности расширяются способности духовныя; а вмѣстѣ съ тѣмъ выростаетъ излишекъ ощущаемаго страданія сравнительно съ удовольствіемъ съ одной стороны и, въ слѣдствіе разрушенія иллюзій, растутъ сознаніе въ бѣдности жизни и суетности большинства наслажденій съ другой. Итакъ, какъ учить опытъ, растутъ и бѣдствія, и сознаніе ихъ, и столь часто и столь многими подтверждаемый расчетъ на повышение счастья въ мірѣ въ слѣдствіе мірового прогресса зиждется на призрачныхъ основаніяхъ. Какъ вырастало страданіе въ мірѣ съ развитіемъ организаціи отъ первоначальной клѣточки до возникновенія человѣка, такъ будетъ расти оно вмѣстѣ съ поступательнымъ развитіемъ человѣческаго духа до тѣхъ поръ, пока цѣль не будетъ достигнута. Это была ребяческая близорукость, когда Руссо изъ факта возрастающаго зла вывелъ заключеніе, что міръ долженъ возвратиться, если возможно, къ состоянію дикарей. Но какъ будто этотъ періодъ дѣтства не зналъ бѣдствій? Нѣтъ, ужь если назадъ, то гораздо далѣе, ко времени передъ сотвореніемъ міра. Но мы не имѣемъ выбора, мы должны идти *впередъ*,

хотя бы и по неволѣ. Передъ нами же лежитъ не золотой, а желѣзный вѣкъ; и мечты о золотомъ вѣкѣ въ будущемъ еще нелѣпы, чѣмъ предположеніе его въ прошедшемъ. Какъ ноша для носильщика становится тѣмъ тяжеле, чѣмъ болѣе пути онъ ее несетъ, такъ и страданія человѣческія и сознаніе ихъ горечи все растутъ и растутъ и станутъ невыносимыми. Какъ индивидуумъ сперва въ дѣтствѣ живетъ съ минуты на минуту, потомъ въ юности бредитъ трансцендентными идеалами, потомъ въ возрастѣ мужа стремится къ славѣ и позднеѣ къ богатству и практическому знанію, наконецъ въ старости, познавши тщету всяческаго стремленія, склоняетъ на покой свою усталую, жаждущую отдыха голову: точно такъ и человѣчество. Вѣдь, видимъ же мы, какъ возникаютъ, зрѣютъ и исчезаютъ народы; точно также находимъ мы и въ человѣчествѣ явственнѣйшіе симптомы перемѣны возрастовъ: почему же мы должны сомнѣваться, что послѣ спльнаго и дѣятельнаго мужества не придетъ когда либо и для него старость, когда оно, снѣдая практическія и теоретическія плоды прошедшаго, вступитъ въ зрѣлый періодъ безмятежнаго созерцанія. Тогда то, подведя итогъ всѣмъ бурно пронесшимся черезъ весь его жизненный путь страданіямъ, оно посмотритъ на этотъ путь съ унылою грустью и пойметъ всю пустоту призранныхъ цѣлей, къ которымъ направлялись его стремленія.

Но между человѣчествомъ и индивидуумомъ есть только одно различіе: у престарѣлаго человѣчества не будетъ *никакого наследника*, которому бы оно могло оставить свои накопленныя богатства, не будетъ ни дѣтей, ни внуковъ, любовь къ которымъ могла бы нарушить ясность его мышленія. Тогда оно проникнется той высокой меланхоліей, какая обыкновенно встрѣчается у геніевъ и высоко развитыхъ духовно стариковъ и, подобно Эдипу въ Колонѣ, предвкушая безмятежность небытія, будетъ чув-

ствовать скорби бытія, какъ *ничто чуждое* себѣ, такъ что для него уже перестанетъ существовать *страданіе*, но только *состраданіе* къ самому себѣ. Это походить на ту небесную ясность, то божественное спокойствіе, которое вѣдетъ отъ Этики Спинозы, гдѣ страсти поглощены бездною разума, ибо они ясно и понятно переведены въ идеи. Но если бы мы и предположили, что это состояніе чистаго безстрастія достижимо и что страданіе преобразилось бы въ состраданіе къ самому себѣ, то все таки такое состояніе было бы еще *грустью*, т. е., *недовольствомъ*. Иллюзіи исчезли; надежда догорѣла: уставшее до изнеможенія человѣчество вяло со дня на день влачило бы свое брренное земное тѣло. *Безболѣзненность* стала бы *высшимъ* пунктомъ, до котораго нужно было бы достигнуть, ибо какого еще искать другаго положительнаго счастья? Не можетъ же оно состоять въ самодовольномъ познаніи, что все есть суета или что въ борьбѣ съ суетными влеченіями разумъ въ концѣ концовъ остается побѣдителемъ?! О нѣтъ, такое пустѣйшее изъ тщеславій, такое *высокомѣріе ума* въ то время уже давно будетъ преодолено! Но и безболѣзненности не *достигнетъ* старое человѣчество, ибо оно, вѣдь, не чистый духъ: оно слабо и брренно и кромѣ того должно *работать чтобы жить*, хотя и не знаетъ, *къ чему* ему жить. Подобно всякому престарѣлому и обладающему яснымъ сознаніемъ старцу, оно имѣетъ только одно желаніе: желаніе покоя, безмятежности, вѣчнаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ оно могло бы утолить свою усталость. Послѣ трехъ стадій иллюзіи, надежды на положительное счастье *человѣчество* наконецъ увидало *безуміе* своихъ стремленій и, отказавшись отъ *положительнаго* счастья, порывается только къ *абсолютной безболѣзненности*, къ Нирванѣ, къ ничто. Таковъ долженъ быть единственный конецъ третьей и послѣдней стадіи иллюзіи.

Мы начали эту главу вопросомъ, бытіе или небытіе этого міра заслуживаетъ предпочтеніе, и послѣ добросовѣстнаго изслѣдованія должны были отвѣтить на этотъ вопросъ, что бытіе міра въ цѣломъ заключаетъ въ себѣ болѣе *недовольства*, чѣмъ *удовольствія*, слѣдовательно, небытіе міра предпочтительнѣе его бытія. Если читателю, который терпѣливо шелъ съ нами до сихъ поръ, этотъ результатъ *кажется* неутѣшительнымъ, то я долженъ ему сказать, что онъ ошибался, если думалъ въ философіи искать утѣшенія и надеждъ. Для этой цѣли есть другія назидательныя книги. Но философія неустанно ищетъ истины, не заботясь о томъ, пріятно или нѣтъ то, что она находитъ, *для чувства и ума, находящихся подъ вліяніемъ призрачныхъ влеченій*. Философія холодна и безчувственна, какъ камень: плавая въ эфирѣ чистой мысли, стремится она къ холодному познанію того, что есть, его причины и сущности. Если у *человѣка*, не хватаетъ силъ вынести результаты мысли; если содрогнувшееся сердце оцѣпенѣетъ отъ ужаса, разобьется отъ отчаянія или женственно разольется въ міровую скорбь; если въ силу этого познанія, разшатается психологическій механизмъ, — то философія только замѣтитъ эти факты, какъ драгоценный, психологическій матеріалъ для своихъ изслѣдованій. Но она отмѣтитъ также, если, въ слѣдствіе этого познанія, въ иной человѣчески чувствующей душѣ богато одареннаго индивидуума можетъ пробудиться высокое негодованіе, мужественный и серьезно выраженный гнѣвъ на безумный карнавалъ бытія. Отмѣтитъ она также, если это негодованіе переходитъ въ напоминающій Мефистофеля отчаянный юморъ, который на половину съ состраданіемъ, на половину съ насмѣшкою одинаково иронически смотритъ какъ на охваченныхъ иллюзіей счастья, такъ и на изливающихъ въ грустныхъ чувствахъ. Не уйдетъ отъ ея вниманія и борющаяся съ судьбою душа, когда она

стережетъ минуту послѣдняго освобожденія отъ этого ада. Для самой же философіи несказанная скорбь бытія— такъ какъ ею выступаетъ въ явленіе безуміе воли— есть *только* посредствующій моментъ *въ теоретическомъ развитіи системы.*

ГЛАВА XII.

Цѣль мірового процесса и значеніе сознанія.

(ПЕРЕХОДЪ КЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ).

Ближайшею цѣлью природы и исторіи представляется сознаніе и его постоянное повышеніе. Но сознаніе не можетъ быть послѣднею цѣлью мірового процесса, оно есть средство для нея. Послѣднюю цѣль процесса нужно искать въ высшемъ достижимомъ состояніи счастья. Это состояніе есть безболѣзненность, (безмятежность) равняющая небытію. Оно достигается сознательнымъ отрицаніемъ воли, но не индивидуальнымъ, а всеобщимъ, космическимъ. Можетъ ли служить человѣчество орудіемъ этого отрицанія? Условія, которыя необходимы для рѣшенія задачи—отрицанія воли, если человѣчество будетъ орудіемъ его. Какъ можно представить себѣ при этихъ условіяхъ прекращеніе мірового процесса посредствомъ сознанія.

Уже въ главѣ X мы видѣли, что финальная цѣль не можетъ быть мыслима, подобно причинной, безконечною, а потому она должна имѣть *послѣднюю* или *конечную цѣль*, для которой всѣ посредствующія цѣли служатъ средствами. Далѣе недѣло было бы думать, что міровой процессъ есть *самъ для себя цѣль*, ибо процессъ есть только сумма своихъ моментовъ, а если эти моменты въ отдѣльности не имѣютъ никакой цѣны и значенія, то и сумма ихъ, т. е., процессъ, теряетъ всякое значеніе. Гдѣ же намъ искать цѣли мірового про-

цесса? Если гдѣ либо можно ее отыскивать, то, конечно, только тамъ, гдѣ во всемъ теченіи процесса, на сколько это теченіе можно обозрѣть, замѣчаемъ рѣшительный и постоянный *прогрессъ*, постепенное *повышеніе*.

Таковой случай представляется намъ единственно въ *развитіи сознанія*, сознательнаго разума: здѣсь видимъ мы непрерывное повышеніе, начиная съ возникновенія первоначальной клѣточки до настоящей точки, на которой стоитъ человѣчество; есть большая вѣроятность, что это повышеніе пойдетъ и далѣе, пока будетъ стоять міръ. Только ради происхожденія сознанія существуетъ индивидуализація съ своими спутниками: эгоизмомъ и несправедливостью; для его повышенія служатъ всѣ осмотрѣнные нами инстинкты, дающіе индивидууму такой большой перевѣсъ въ страданіяхъ надъ наслажденіями. Итакъ, *на пути развитія сознанія* должна быть отыскиваема цѣль мірового процесса; и сознаніе есть, безъ сомнѣнія, ближайшая цѣль природы, міра. Остается открытымъ только одинъ вопросъ, есть ли въ самомъ дѣлѣ сознаніе *конечная цѣль*, или и оно также служитъ для *другихъ* цѣлей?

Сознаніе само для себя, конечно, не можетъ быть цѣлью. Съ страданіями оно произошло, съ страданіями влачитъ оно свое существованіе, страданіями покупаетъ оно свое повышеніе, и что же за все это предлагаетъ оно въ вознагражденіе? *Пустое самоотраженіе!* (Selbstbespiegelung). Если бы міръ былъ хорошъ и цѣненъ во всемъ остальномъ, то еще можно было бы *считать за хорошее*, что ему нравится смотрѣть на себя въ зеркалѣ сознанія, хотя все таки это было бы суетностью: но мыслимо ли, что бы насквозь скорбный міръ, которому не только нечего радоваться на себя, но который долженъ засудить свое существованіе, какъ скоро онъ пойметъ себя, мыслимо ли, чтобы разумною конечною

цѣлью такого міра могло быть идеально-призрачное самоповтореніе въ зеркалѣ сознанія? Неужели еще мало реальныхъ страданій, чтобы нужно было повторить ихъ еще разъ въ волшебномъ фонарѣ сознанія? Нѣтъ, невозможно, чтобы конечною цѣлью процесса, руководимаго премудрымъ Безсознательнымъ, было сознаніе: это значило бы только удвоить *муку*, копаться въ своихъ собственныхъ внутренностяхъ. Еще менѣе можно думать, чтобы этою конечною цѣлью было чисто формальное *опредѣленіе дѣяній* по законамъ сознательнаго разума, ибо что выигрываетъ отъ того разумъ, что онъ опредѣляетъ дѣянія, или что выигрываютъ отъ того дѣянія, что они опредѣляются разумомъ, если не принимать въ расчетъ, что этимъ можно уменьшить недовольство? Если бы не было мучительнаго бытія и хотѣнія, то не изъ чего было бы хлопотать и разуму съ его опредѣленіями. Итакъ, сознаніе и постоянное повышение его въ процессѣ міроваго развитія ни коимъ образомъ не можетъ быть *целью для себя*; оно можетъ быть только *средствомъ для другихъ цѣлей*, если оно не должно *безцельно* висѣть на воздухѣ, ибо въ такомъ случаѣ обратно и весь процессъ пересталъ бы быть *развитіемъ* и кромѣ того сталъ бы бессмысленнымъ, чего нельзя допустить въ силу премудрости Безсознательнаго. Итакъ для какой цѣли можетъ служить сознаніе?

Такъ какъ мы еще раньше устранили нравственность и справедливость, какъ цѣли міроваго процесса, то ничего не остается принять за эту цѣль, *кроме счастья*, ибо оно только можетъ наиглубочайшимъ образомъ затронуть міровую сущность, а потому ему только мы можемъ придавать абсолютное значеніе. Къ счастью стремится все живущее, счастье имѣютъ въ виду мотивы, сознательно или безсознательно направляющіе наши дѣйствія; на счастья такъ или иначе основаны всѣ системы практической философіи, хотя онѣ

не рѣдко, по видимому, и отрицаютъ свой принципъ: стремленіе къ счастію есть глубоко коренящееся влеченіе, есть *самая сущность ищущей удовлетворенія воли*. А между тѣмъ изъ предъидущихъ изслѣдованій мы видѣли, что это стремленіе неразумно, что надежда на его исполненіе есть иллюзія, что его послѣдствіе есть страданіе разочарованія, что его истина есть бѣдственность бытія; мы видѣли, что прогрессирующее развитіе сознанія приходитъ къ отрицательному результату, къ постепенному познанію призрачности этой надежды и безумія этого стремленія. Итакъ, нельзя не признать *глубокаго антагонизма* между волею, стремящеюся къ абсолютному удовлетворенію и счастію, и умомъ, все болѣе и болѣе эманципирующимся отъ влеченія посредствомъ сознанія: чѣмъ выше и совершеннѣе развивается въ теченіи процесса сознаніе, тѣмъ болѣе *эманципируется* оно отъ слѣпой покорности, съ какой оно сначала шло за неразумною волею, тѣмъ болѣе *прозрѣваетъ* оно иллюзіи, возбуждаемыя въ немъ влеченіемъ для прикрытія этого неразумія, тѣмъ враждебнѣе становится оно противъ воли, рвущейся къ положительному счастію, и борется съ нею во все теченіе исторіи. Эта борьба состоитъ въ обнаруженіи иллюзій, за которыми скрывается воля, и должна окончиться полнымъ ихъ разрушеніемъ и познаніемъ, что только *полное отреченіе* отъ желаній приводитъ къ *наилучшему изъ достижимыхъ* состояній, именно, къ *безболъзненности*. Эта побѣдоносная борьба сознанія съ волею, результаты которой въ мировомъ процессѣ обнаруживаются для насъ эмпирически, не есть нѣчто случайное, но заложена въ самой сущности сознанія, которая, какъ мы видѣли (гл. II), есть *эманципация* интеллекта отъ воли. Итакъ, если сознаніе *есть* только ближайшая цѣль природы или міра, если мы всетаки необходимо ищемъ дальнѣйшей цѣли для самого сознанія и не можемъ

придумать никакой иной, кромѣ возможно большаго счастья; если далѣе всяческое стремленіе къ *положительному* счастью приноситъ только страданіе и если самое *большое достижимое* счастье есть безболѣзненность; если наконецъ въ самомъ понятіи сознанія заключается эманципація интеллекта отъ воли, побѣда надъ нею и окончательное ея уничтоженіе: то можно ли еще сомнѣваться, что всевѣдущее Безсознательное, заразъ мыслящее и средства и цѣль, создало сознаніе *только для того, чтобы спасти волю отъ горечи ея жотънй*, чего она сама для себя сдѣлать не можетъ, и что *конечная цѣль* мірового процесса, для которой сознаніе служитъ послѣднимъ средствомъ, *состоитъ въ томъ, чтобы осуществитъ наивозможно большее достижимое счастье, именно состояніе безболѣзненности (безмятежности)*.

Мы видѣли, что въ существующемъ мірѣ все учреждено самымъ лучшимъ и разумнѣйшимъ образомъ и что онъ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ, хотя все-таки преисполненъ скорбей и хуже, чѣмъ еслибъ во-все не было міра. Это нужно понимать такъ, что хотя содержаніе—„Was und Wie“ міра (его *essentia*)—опредѣлено безусловнымъ разумомъ, тѣмъ не менѣе его существованіе—Dass (его *existentia*)—положено чѣмъ-то вполне неразумнымъ. Съ этимъ соображеніемъ, теперь прилагаемымъ къ цѣлому міру, мы уже давно познакомились въ приложеніи къ индивидууму. Тѣлесный атомъ есть притягательная сила; его содержаніе, т. е., притяженіе по такому-то и такому-то закону есть представленіе, его существованіе, его реальность, его сила есть воля. Такимъ образомъ міръ въ томъ, *что онъ есть и каковъ онъ есть*, есть представленіе Безсознательнаго, а безсознательное представленіе, какъ слуга воли, которой оно только и обязано своимъ дѣятельнымъ существованіемъ и противъ которой оно не имѣетъ никакой самостоятельности, не имѣетъ никакого участія и голо-

са въ существованіи міра. Воля же, по своей сущности, прежде всего *неразумна* (безразумна, алогична), а когда она дѣйствуетъ, то, по результатамъ своего воленія, она становится *противоразумною* (антилогична), ибо она достигаетъ страданія, прямой противоположности своему воленію. Измѣнить это противоразумное воленіе, которому обязанъ міръ своимъ существованіемъ, въ неволеніе и привести къ безболѣзненности небытія—составляетъ задачу разума Безсознательнаго, задачу, которая должна быть рѣшена въ опредѣленіи содержанія міра. Не имѣя никакой власти надъ слѣпою волею, разумъ долженъ былъ употребить уловку для эксплуатаціи ея, именно, дать ей такое содержаніе, чтобы въ индивидуализаціи она обратилась противъ самой себя и вступила въ борьбу сама съ собою. Эта уловка и выразилась въ сознаніи, т. е., въ созданіи такой самостоятельной силы, которая могла бы вступить въ борьбу съ волею. Такимъ образомъ міровой процессъ является *постоянною борьбою логическаго элемента съ антилогическимъ*, борьбою, которая оканчивается полною побѣдою перваго надъ послѣднимъ. Если бы эта побѣда была невозможною, если бы этотъ процессъ не былъ развитіемъ, идущимъ къ мирной цѣли; если бы онъ былъ безконеченъ и исчерпывался бы слѣпою необходимостью и случайностью, не представляя никакой возможности къ благополучному завершенію, то, конечно, тогда и только тогда міръ представлялъ бы нѣчто абсолютно безнадежное, онъ былъ бы адомъ безъ исхода; и тупое самоотверженіе было бы единственно-возможною философіею. Но мы, которые признаемъ въ природѣ и исторіи только одинъ величественный и чудесный процессъ развитія, мы вѣримъ въ конечную побѣду все ярче и ярче свѣтящаго разума надъ неразуміемъ слѣпаго воленія, мы вѣримъ въ *конецъ* процесса, несущій намъ спасеніе отъ муки бытія, *конецъ*, для

ускоренія котораго и мы можемъ привести свою лепту, если будемъ руководиться разумомъ.

Главное затрудненіе заключается въ томъ, *какъ* представить себѣ послѣдній конецъ этой борьбы, заключительный исходъ изъ бѣдствій воленія и бытія къ безболѣзненности неволенія и небытія, словомъ, прекращеніе желаній посредствомъ сознанія. Мы извѣстна только одна попытка разрѣшить эту проблему, именно попытка Шопенгауера въ §§ 68—71 I-го тома „die Welt als Wille und Vorstellung“. Это рѣшеніе, какъ заявляетъ и самъ Шопенгауеръ, въ существенныхъ чертахъ сходится съ имѣющими въ виду ту же задачу, хотя и въ неясномъ видѣ, возрѣніями аскетовъ всѣхъ временъ, а также и съ возрѣніями буддизма (ср. W. a. W. u. V. II Cap. 48)—

Сущность этой теоретической попытки заключается въ предположеніи, что индивидуумъ, въ силу индивидуальнаго познанія о скорбности бытія и безумія желаній, въ состояніи прекратить свое индивидуальное хотѣніе и тѣмъ *подпасть индивидуальному уничтоженію* послѣ смерти, или, какъ выражается о томъ буддизмъ, болѣе не перерождаться. Очевидно, что такое предположеніе не совмѣстимо съ основными началами Шопенгауера; и, только благодаря своей всюду проглядывающей неспособности овладѣть понятіемъ развитія, онъ могъ допустить въ свою систему такую явную непоследовательность, на которую мы вкратцѣ и укажемъ.— Воля для него есть *Ἐν καὶ πᾶν*, *) всеединая сущность міра, а индивидуумъ только субъективный призракъ, строго говоря, никоимъ образомъ не объективное, дѣйствительное явленіе этой сущности. Но еслибъ даже индивидуумъ былъ и объективнымъ явленіемъ сущности, то откуда взялась бы у него возможность

---

*) Единое и все.

отрицать не теоретически только, но и практически свою индивидуальную волю, какъ цѣлое, ибо его индивидуальное воленіе есть только одинъ лучъ той всеединой сущности? Шопенгауеръ самъ справедливо говоритъ, что въ *самоубійствѣ* не достигается отрицаніе воли; ему представляется мыслимымъ, что это отрицаніе въ самой высшей степени достигается путемъ *добровольной голодной смерти*. Это уже кажется смѣшнымъ, если при этомъ вспомнить его слова: „что тѣло есть сама воля, созерцаемая объективно какъ пространственное явленіе“. Отсюда прямо слѣдуетъ, что съ уничтоженіемъ индивидуальной воли должно *исчезнуть* и ея пространственное явленіе, тѣло. По нашимъ воззрѣніямъ, съ прекращеніемъ индивидуальной воли, должны мгновенно прекратиться, по крайней мѣрѣ, всѣ органическія функціи, зависящія отъ безсознательной воли, напр., біеніе сердца, дыханіе и т. д. и тѣло превратится въ *трупъ*. Что это эмпирически невозможно, въ томъ никто не станетъ сомнѣваться: но если кому либо нужно *умертвить* свое тѣло не иначе, какъ *путемъ воздержанія отъ пищи*, то этимъ онъ только доказалъ бы, что онъ *не въ состояніи* отрицать и *прекратить* свою безсознательную волю жить.

Но если бы мы и предположили возможнымъ невозможное, то какой вышелъ бы изъ того результатъ? Тотъ, что одинъ изъ многихъ лучей единой воли, относящійся къ этому индивидууму, былъ бы выведенъ изъ своей дѣятельности и что умеръ бы этотъ человекъ. Но *ни больше, ни меньше*, какъ тоже самое случается при *каждомъ* смертномъ случаѣ, отъ какой бы причины онъ ни происходилъ, а между тѣмъ это нисколько не измѣняетъ состоянія всеединой воли, какъ мало измѣняетъ его смерть человека отъ упавшей съ кровли черепицы. Эта воля, по прежнему, зажигаетъ жизнь, гдѣ только можетъ, ибо она не можетъ научиться изъ

опыта и становится благоразумнѣе въ слѣдствіе опыта. Поэтому стремленіе къ *индивидуальному* отрицанію воли *столь же нелпо и безцѣльно*, даже нелѣпѣе, чѣмъ *самоубійство*, ибо первое медленнѣе и мучительнѣе достигаетъ только того же, чего достигаетъ и послѣднее: именно, прекращенія *этого* явленія, нисколько не затрогивая сущности. Этими соображеніями и доказывається, что всякій аскетизмъ и всякое стремленіе къ индивидуальному отрицанію воли есть *заблужденіе*, конечно, заблужденіе только относительно *пути*, но не относительно *цѣли*. Такъ какъ цѣль, къ которой оно стремится, истинна, то по этому индивидуальное отрицаніе воли имѣетъ высокое значеніе, когда оно появляется въ видѣ рѣдкаго примѣра и, какъ бы восклицая къ міру: *memento mori*, даетъ ему предчувствовать исходъ изъ всѣхъ его стремленій. Но оно дѣлается вреднымъ, если, охватывая цѣлые народы, приводитъ процессъ къ застою и угрожаетъ продлить безъ конца бѣдствія существованія. Какой прокъ, напр., былъ бы отъ того, что человѣчество вымерло бы въ слѣдствіе полового воздержанія, а несчастный міръ продолжалъ бы свое бытіе: въ результатѣ оказалось бы, что Безсознательное должно было бы воспользоваться первымъ случаемъ *создать новаго челоѣка или ему подобный типъ*, и вся исторія стона и скорбей пошла бы съизнова. Для того, кто овладѣлъ понятіемъ развитія, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что окончаніе борьбы между сознаніемъ и волею, между логическимъ и нелогическимъ элементами можетъ лежать только *въ концѣ* развитія, *въ исходѣ* міроваго процесса. Для того, кто крѣпко стоитъ на *всеединствѣ* Безсознательнаго, спасеніе, переходъ воленія въ неволеніе мыслимо только какъ *всеединный актъ*, не какъ *индивидуальное*, но какъ *космически-универсальное* отрицаніе воли, какъ *послѣднее мгновеніе*, *послѣ* котораго не будетъ никакого воле-

нія, никакой дѣятельности; и „время перестанетъ быть“. Что же касается до безконечности процесса, то она не совмѣстима съ понятіемъ развитія и не возможна ни въ ту, ни въ другую сторону. Безконечность міроваго процесса *въ прошедшемъ* невозможна, потому что въ такомъ случаѣ все развитіе давно бы уже закончилось, а между тѣмъ этого нѣтъ; о невозможности безконечнаго теченія процесса *въ будущемъ* уже было говорено. И та и другая безконечность уничтожали бы понятіе развитія къ одной цѣли и отождествляли бы міровой процессъ съ бочкою Данаидъ. Итакъ, полная побѣда логическаго элемента надъ алогическимъ должна совпасть съ концомъ міроваго процесса во времени, съ послѣднимъ днемъ его.

Будетъ ли *человѣчество* способно къ такому подъему сознанія, что бы достигнуть цѣли, или же возникнетъ для того другой высшій видъ на Землѣ, или же цѣль достигнется при благопріятныхъ условіяхъ на другомъ небесномъ тѣлѣ, трудно сказать. Какъ бы то ни было, въ извѣстномъ намъ мірѣ мы первенцы духа и должны честно бороться. Не удастся побѣда, вина не наша: но если именно мы способны къ побѣдѣ и не одержимъ ее по собственной косности, то тѣмъ долѣе будемъ переносить муки бытія или, лучше сказать, будетъ переносить міровая сущность, которая есть одно съ нами. Итакъ, немедленно впередъ, въ міровой процессъ, ибо только въ немъ спасеніе.

Здѣсь философія Безсознательнаго пріобрѣтаетъ принципъ, который единственно можетъ стать базисомъ практической философіи. Этотъ *положительный* принципъ заключается въ томъ, чтобы *личность* *вполнѣ* *предала* себя процессу ради его цѣли, ради міроспасенія, или, иными словами, *личность* *должна* *цѣли* *Безсознательнаго* *сдѣлать* *своими* *цѣлями*. Этимъ принципомъ *снова* *возстановляется* *инстинктъ* *въ* *своихъ* *правахъ* *еще* *сильнѣе*,

чѣмъ простымъ отрицаніемъ индивидуализма и эгоизма и на время единственною нормою провозглашается утверждение воли: *ибо способствовать мировому процессу можно только полною отдачею себя на жизнь и ея страданія, а не трусливымъ личнымъ отреченіемъ и бѣгствомъ отъ нея.* Мыслящій читатель безъ дальнѣйшихъ объясненій самъ пойметъ, какой видъ должна принять практическая философія, основанная на этихъ началахъ. *Она ведетъ не къ раздвоенію, а къ полному примиренію съ жизнью.* Теперь ясно, что развитое здѣсь единство оптимизма и пессимизма, котораго неясный отблескъ носить въ себѣ всякій человѣкъ, какъ руководство для своихъ дѣяній, можетъ дать энергичекій и, сколько возможно, сильнѣйшій импульсъ къ неустанной дѣятельности, между тѣмъ какъ односторонній пессимизмъ въ слѣдствіе нигилистическаго отчаянія, а односторонній и въ самомъ дѣлѣ послѣдовательный оптимизмъ въ слѣдствіе пріятной беззаботности должны вести къ квіетизму.

Въ заключеніе остается заняться вопросомъ, *какъ* нужно представлять себѣ конецъ міроваго процесса, переходъ всяческаго воленія въ абсолютное неволеніе, переходъ, съ которымъ *eo ipso* исчезаетъ и прекращается все такъ называемое бытіе (организация, матерія и т. д.) Наши познанія слишкомъ несовершенны, наша опытность слишкомъ кратковременна, мы чувствуемъ большой недостатокъ въ возможныхъ аналогіяхъ, чтобы съ *нѣкоторою* увѣренностью представить себя этотъ конецъ міроваго процесса. По этому я прошу благосклоннаго читателя слѣдующее принять *вовсе не* за апокалипсисъ прекращенія міра, а только за *намекъ*, имѣющіе въ виду показать, что дѣло *вовсе не такъ немыслимо*, какъ это можетъ кому либо показаться съ перваго взгляда. Конечно, наши намеки имѣютъ смыслъ при томъ предположеніи, что человѣчество, а не какой

либо другой родъ неизвѣстныхъ существъ, призвано къ разрѣшенію задачи.

Первымъ условіемъ для успѣха дѣла должно быть то, чтобы значительно *большая часть* проявляющагося въ существующемъ мірѣ духа сосредоточилась въ человѣчествѣ, ибо только отрицаніе воли со стороны его можетъ уничтожить *безъ остатка совокупность дѣятельной міровой воли*—а въ этомъ-то все и дѣло. Это предположеніе не представляетъ никакихъ важныхъ затрудненій. Мы видимъ, что на Землѣ люди все болѣе и болѣе вытѣсняють всѣхъ другихъ животныхъ и растенія за исключеніемъ тѣхъ, которыми они пользуются. Въ будущемъ еще невообразимые успѣхи химіи и земледѣлія могутъ чрезвычайно поднять народонаселеніе Земли, доходящее теперь до 1300 милліоновъ, когда еще только незначительная часть твердой земли имѣетъ такое густое народонаселеніе, какое возможно уже при извѣстныхъ нашей культурѣ средствахъ пропитанія. Изъ небесныхъ тѣлъ только ничтожная часть находится въ томъ короткомъ періодѣ охлажденія, который допускаетъ существованіе организмовъ: но, не говоря уже о томъ, что для возникновенія роскошной организаціи кромѣ нормальной температуры потребны еще другія условія (освѣщеніе посредствомъ лучей свѣта, соответственное атмосферное давленіе, присутствіе воды, соответственная смѣсь составныхъ частей атмосферы и т. д.), не говоря уже объ этомъ, изъ того ничтожнаго числа небесныхъ тѣлъ, допускающихъ организмы, еще ничтожнѣйшая часть способна произвести существа, приближающіяся по степени организаціи къ человѣку. Развитие неподвижныхъ звѣздъ измѣряется такими громадными промежутками времени, что уже а priori весьма невѣроятно, чтобы существованіе высокоорганизованной породы совпало съ временемъ жизни человѣчества на Землѣ.—Но подумаемъ только, на сколько больше

проявляется духа въ одномъ образованномъ человѣкѣ сравнительно съ количествомъ его въ животномъ или растеніи, или наконецъ въ неорганизованномъ комплексѣ атомовъ! Было бы ошибкою оцѣнивать силу дѣятельной воли *только по механическому эффекту*, т. е., по количеству преодоленнаго сопротивленія *атомныхъ силъ*; это было бы односторонне, ибо проявленіе воли въ атомныхъ силахъ есть только самый низшій видъ *). Но воля имѣетъ еще и другія цѣли; такъ борьба самыхъ сильныхъ желаній можетъ имѣть мѣсто безъ всякаго замѣтнаго вліянія на расположеніе атомовъ. Поэтому, кажется мнѣ, ничто не мѣшаетъ предположенію, что въ далекомъ будущемъ человѣчество можетъ совокупить въ себѣ такое количество духа и воли, какое значительно перевѣситъ дѣятельный духъ и волю въ остальномъ мірѣ.

Второе условіе возможности побѣды заключается въ томъ, чтобы человѣчество *вполнѣ прониклось* сознаниемъ безумія воли и бѣдственности бытія и исполнилось такою *неутолимою жаждою* покоя и безболѣзненности небытія, что стремленіе къ уничтоженію воли и бытія, какъ практической мотивъ, достигло бы неборимой силы. Можно съ очень большою вѣроятностью ожидать выполненія этого условія въ старческомъ возрастѣ человѣчества: ибо, когда понята будетъ истина познанія о бѣдственности бытія, то это познаніе мало по малу преодолѣетъ противодѣйствующее возрѣніе, слагающееся подъ вліяніемъ чувства и инстинкта. Наконецъ это познаніе само можетъ превратиться въ практически дѣятельное чувство, которое, объединяя въ себѣ настоящее недовольство, прошедшее воспоминаемое недовольство и предчувствуемая забота и страхъ, въ каждомъ индивидуумѣ охватитъ и жизнь особи и, черезъ сост-

---

*) Чего? А К.

раданіе, цѣлый міръ и наконецъ получить неограниченное господство. Нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы эта идея, сообщаемая въ болѣе или менѣе абстрактной формѣ, не была способна мотивировать волю, ибо въ историческомъ ходѣ руководящихъ идей, которыя появляются сперва въ головѣ одного лица, мы вездѣ наблюдаемъ, что онѣ, хотя сообщаются и въ абстрактной формѣ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вѣдряются *въ чувство* массъ и наконецъ возбуждаютъ волю послѣднихъ до страстности, не рѣдко граничащей съ фанатизмомъ. Если, какъ извѣстно по опыту, стоящее *въ противорѣчій* съ цѣлями Безсознательнаго, индивидуальное отрицаніе воли много разъ было достаточнымъ мотивомъ для преодоленія инстинктивной воли жить путемъ квіетистическо-аскетическаго самоумерщвленія (хотя безъ всякаго метафизическаго результата): то почему бы не допустить, что, *выполняющее* въ концѣ процесса послѣднюю цѣль Безсознательнаго, всеобщее отрицаніе воли будетъ достаточнымъ мотивомъ для преодоленія той же инстинктивной воли тѣмъ болѣе, что всякое трудное дѣло легче выполняется соединенными силами цѣлаго общества. Кромѣ того нужно взять въ расчетъ и то, что человѣчество въ ряду многихъ поколѣній будетъ имѣть достаточно времени для того, чтобы постепенно усмирить страсти, противорѣчащія пессимистическому чувству и жадѣ безмятежности, усмирить и ослабить путемъ привычки и наслѣдственности; эта послѣдняя даже можетъ привить пессимистическое настроеніе. Уже теперь можемъ мы замѣтить, что демоническая сила страстей уступаетъ нивеллирующимъ и ослабляющимъ ее вліяніямъ новѣйшей жизни; и этотъ процессъ ослабленія можетъ достигнуть тѣмъ значительнѣйшихъ результатовъ, чѣмъ болѣе прочно установленные законы и обычаи будутъ съуживать личный произволь и чѣмъ благоразумнѣе жизнь съ дѣтства

будеть руководиться правилами тривіальной житейской мудрости. Одинъ изъ признаковъ *перехода изъ возраста въ возрастъ* человѣчества заключается въ томъ, что возрастанію ясности умственной соотвѣтствуетъ не возрастаніе, а ослабленіе энергіи въ чувствахъ и страстяхъ, такъ что несомнѣнно существующее на каждой ступени въ видѣ мотива вліяніе сознательнаго разума на область чувства и воли постоянно усиливается отъ двухъ причинъ, а въ старческомъ возрастѣ станетъ рѣшительно господствующимъ. Съ этой точки зрѣнія становится яснѣе возможность того, что когда либо пессимистическое сознаніе станетъ господствующимъ мотивомъ для направленія воли. — Впрочемъ относительно второго условія можно замѣтить, что для него достаточно, чтобы не *все* человѣчество, а только такая большая часть его была проникнута этимъ сознаніемъ, чтобы дѣйствующій въ ней духъ составлялъ большую половину дѣйствующаго въ цѣломъ мірѣ духа.

Третье условіе состоитъ въ достаточныхъ средствахъ сообщенія между населеніемъ земнаго шара для того, чтобы возможно было *общее одновременное рѣшеніе*. На этомъ пунктѣ, зависящемъ только отъ усовершенствованія и искуснаго приложенія техническихъ изобрѣтеній, можно предоставить полную волю фантазіи каждаго.

Если мы предположимъ эти условія данными, то въ возможности рѣшенія со стороны большей части дѣйствующаго въ мірѣ духа уничтожить хотѣніе сомнѣваться нельзя; и остается только одинъ вопросъ: *приведетъ ли это рѣшеніе къ желаемому результату?* Для рѣшенія этого вопроса остановимся нѣсколько на природѣ хотѣнія и мотиваціи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ человѣкѣ какое либо особое хотѣніе, желаніе, аффектъ или страсть, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, въ какомъ либо част-

номъ случаѣ можетъ быть уничтожено посредствомъ вліянія сознательнаго разума. Если я, напр. стремлюсь къ почести посредствомъ какого либо дѣянія или труда, а разумъ мнѣ говоритъ, что, тѣ, у которыхъ я ищу признанія, дураки и невѣжды, то такое убѣжденіе, если оно только достаточно выработано и сильно, можетъ уничтожить мое честолюбіе, по крайней мѣрѣ, въ данномъ частномъ случаѣ. Но теперь всѣ психологи согласны въ томъ, что такое уничтоженіе не мыслимо *посредствомъ прямого* вліянія разума на подлежащее уничтоженію желаніе, но только косвенно, именно, путемъ мотиваціи или *возбужденія противоположно направляющагося желанія*, которое тогда сталкивается съ первымъ; и въ результатѣ оказывается что оба парализируютъ другъ друга до нуля. Только такимъ образомъ можно представлять себѣ уничтоженіе положительной мировой воли, которую Шопенгауеръ называетъ волею жить. Сознательное познаніе можетъ не прямо уменьшить или уничтожить волю, но оно можетъ только возбудить противоположно направленную, слѣдовательно, отрицательную волю, которая уменьшаетъ положительную волю на всю степень своей силы. По этому совершенно несостоятельно ученіе Шопенгауера о состоящемъ изъ особаго рода познанія *успокоительномъ „моментъ“* (Quietiv — квіетивѣ) для воли, при которомъ мотивы должны стать недѣйствительными и который представляетъ единственный случай вмѣшательства трансцендентной свободы воли въ міръ явленій. Такія не понятныя, ничѣмъ не оправдываемыя чудеса, при нашемъ возрѣніи, излишни.

Если часто борьба двухъ желаній не производитъ взаимнаго ихъ уничтоженія, то это происходитъ или оттого, что они только отчасти противоположны, отчасти же преслѣдуютъ различныя стороннія цѣли, слѣдовательно, ихъ направленія образуютъ, такъ сказать,

уголъ; или же оттого, что, хотя одно желаніе на самомъ дѣлѣ непрерывно и уничтожается, но также непрерывно по инстинкту изъ *наличнаго* фонда Безсозна- тельнаго *рождается* вновь такъ, что *по видимому* оно какъ бы остается вовсе не тронутымъ. При оппозиціи же утвержденія и отрицанія воли противоположность строга столь математически, что первый случай несо- мнѣнно невозможенъ, а для второго, т. е., для мгно- веннаго всплыванія міровой воли послѣ ея всецѣлаго уничтоженія, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ нѣтъ аналогіи съ отдѣльнымъ желаніемъ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается запасный фондъ дѣятельной міровой воли, а въ первомъ не остается ничего дѣятельнаго. (Впрочемъ, объ этой возможности новаго всплыванія міровой воли будетъ сказано далѣе). Итакъ, пока мо- тивированная сознаниемъ противодѣйствующая воля еще не сравняется силою съ подлежащею уничтоженію мі- ровой волей, до тѣхъ поръ постоянно уничтожаемая часть будетъ также постоянно возобновляться, подврѣ- пляясь остававшеюся частью, которая еще обеспечи- ваетъ положительное направленіе воли: но какъ скоро противодѣйствующая воля получитъ равную силу съ положительной, то я не вижу причины, почему бы онѣ обѣ не парализовали себя вполне и не превратились бы въ нуль, т. е., не уничтожились бы безъ остатка. Отрицательный излишекъ немыслимъ уже потому, что *цль* отрицательной воли есть *нулевая точка*, за кото- рую переступать она *не хочетъ*.

Мотивація или возбужденіе отрицательной воли пос- редствомъ сознательнаго познанія, по аналогіи съ воз- бужденіемъ спеціальнаго отрицательнаго желанія въ си- лу сознательнаго убѣжденія, *не только мыслимо, но должно слѣдовать необходимо*, ибо и здѣсь въ цѣломъ точно также, какъ и въ частности, одно и то же осно- ваніе, которымъ разумъ мотивируетъ сознательную

противодѣйствующую волю, а именно, евидеомонологическое основаніе, т. е., *вопросъ о счастливѣйшемъ достижимомъ общемъ состояніи*. Таже самая цѣль была преслѣдуема и положительно направленной безсознательной волей; но преслѣдуемая слѣпо эта цѣль приводила къ страданію.

Послѣднія соображенія годятся и *въ томъ случаѣ*, если бы всеобщее отрицаніе воли реализировалось и не человечествомъ, ибо воля и представленіе суть всеобщія космическія начала, слѣдовательно, дѣятельность ихъ въ процессъ всегда и вездѣ привела бы къ одному и тому же результату.

ГЛАВА XIII.

Послѣднія начала.

Вершина пирамиды познания. Согласно началу философіи Безсознательнаго съ началами великихъ философовъ Платона, Шопенгауера, Гегеля и Шеллинга. Воля что такое воленіе или хотѣніе, вѣчность хотѣніе и какъ актъ, вѣроятность новаго воленія по прекращеніи процесса. Представленіе или идея отношеніе къ Платоновой идеѣ; идея, какъ чистосущее или actus purus, идея, какъ содержаніе процесса; отношеніе причинности къ цѣлеположенности. Тождественная субстанція обоимъ атрибутовъ воля и представленіе не суть отдѣльныя субстанціи, но атрибуты единой субстанціи—Бессознательнаго, неразрѣшимая проблема о безсознательнаго, возможность метафизическаго познания съ основнымъ-сущемъ. Возмoжность метафизическаго познания съ точки зрѣнія философіи Безсознательнаго

Итакъ, переходя отъ однихъ явленій природы и жизни къ другимъ, мы вездѣ встрѣчались съ двумя принципами: волею и представленіемъ. Такъ какъ они только служили намъ для объясненія явленій, то ими и должна закончиться вершина теоретической пирамиды, которая построена нами путемъ индуктивнаго изслѣдованія. Если научные результаты оцѣниваются только по степени ихъ достовѣрности, то несомнѣнно ихъ цѣнность уменьшается тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе отстоятъ они отъ почвы, на которой стоятъ самые факты, требующіе объясненія, ибо тогда вѣроятность результатовъ становится все меньше и меньше. Значитъ, вер-

шина пирамиды познанія можетъ имѣть притязаніе на наименьшую цѣнность. Но при опредѣленіи этой цѣнности должны быть взяты въ сосбраженіе, помимо одной степени вѣроятности, еще другіе элементы, а именно, степень важности, какую имѣютъ эти результаты сравнительно съ другими предметами познанія. Что касается до этого фактора оцѣнки, то, очевидно, возвышается цѣнность пирамиды надъ всѣми другими возможными предметами познанія; а потому для болѣе крѣпкой установки послѣднихъ метафизическихъ принциповъ, я хочу внести свою лепту въ надеждѣ, что скоро появится другой, который поведетъ дѣло далѣе. Съ другой стороны я надѣюсь, что преемники дѣла найдутъ, что мною достаточно крѣпко и прочно выведенъ *фундаментъ* пирамиды, чтобы можно было смѣло продолжать на немъ дальнѣйшую работу.

1. Взглядъ на предшествовавшихъ философовъ.

Изъ великихъ философовъ согласны съ нашими началами преимущественно Платонъ и Шеллингъ, Гегель и Шопенгауеръ. Двое послѣднихъ представляютъ одностороннія крайности (Гегель разумъ, Шопенгауеръ волю); Платонъ и Шеллингъ занимаютъ посредствующее положеніе, при чемъ у Платона изъ двухъ началъ преобладаетъ въ значеніи идея, а въ послѣдней системѣ Шеллинга воля.

У Платона важнѣйшій принципъ есть *идея*. Царство многихъ идей обнимается единой высшей идеей, или просто идеей, которая ближе опредѣляется какъ идея блага, т. е., какъ абсолютная цѣль, и отождествляется съ божественнымъ разумомъ. Идея преисполнена мѣры и заключена въ самой себѣ, въ вѣчномъ покоѣ неизмѣннаго бытія для себя. По этому для объясненія процесса Платонъ вводитъ другое начало; это есть начало абсо-

лютной переменны, вѣчно становящееся и исчезающее, никогда на самомъ дѣлѣ не сущее, а потому оно есть относительное ничто ($\mu\eta\ \delta\upsilon$): оно то и беретъ своимъ содержаніемъ идею и несетъ ее въ водоворотъ процесса. Оно лишено мѣры и само по себѣ безграничное ($\alpha\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$), будучи слѣпо, оно есть причина зла и бѣдствія въ мірѣ. Въ явленіи идеѣ принадлежатъ качественныя опредѣленія, а ему количественныя. Къ нему относится „все, что способно быть большимъ или меньшимъ, сильнѣйшимъ или слабѣйшимъ, а также чрезмернымъ“.

Изъ соединенія обоихъ началъ возникаетъ міръ, познаваемый черезъ чувственное воспріятіе. Оба начала имѣютъ то общее, что не затрогиваются переменною явленій и стоятъ надъ ними, какъ трансцендентныя сущности. Очевидно, что въ нашей системѣ Платоновымъ началамъ соотвѣтствуютъ представленіе и воля. Замѣчательно, что у Платона, его $\alpha\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$ также, какъ у насъ воля, недоступно сознанию и не познаваемо никакимъ образомъ: ни мышленіемъ, ни воспріятіемъ.

Философія *Шопенгауера* заключается въ положеніи: только воля есть вещь сама въ себѣ, сущность міра. Отсюда представленіе есть — очевидно, случайный — продуктъ мозга; и въ цѣломъ мірѣ есть только тотъ разумъ, который заключается въ случайно возникшихъ мозгахъ. Итакъ, если въ бессмысленномъ и неразумномъ мірѣ, возникшемъ изъ абсолютно слѣпаго начала, есть какой либо *смыслъ*, то этимъ міръ обязанъ *случаю*! Надобно удивляться премудрости Безсознательнаго, которое создало въ Шопенгауерѣ особаго, хотя односторонняго, генія для разработки такого бѣднаго начала, какъ абсолютное безуміе, въ его изолированности.

Замѣчательно, что появленіе главныхъ сочиненій Шопенгауера и Гегеля совпадаютъ въ 1818 году. При этомъ нельзя не припомнить замѣчанія Гегеля: „когда выступа-

ють въ одно время нѣсколько философовъ, то они выражаютъ собою различныя стороны, составляющія одно цѣлое“.

Какъ у Шопенгауера воля, такъ у Гегеля одна идея есть сущность міра, а потому логика есть онтологія, діалектическое самодвиженіе понятія есть міровой процессъ. Въ своей логикѣ Гегель старался прослѣдить идею въ процессѣ ея вѣчнаго самопорожденія изъ чистаго бытія. Но когда пройдено было по всѣмъ направленіямъ царство въ себѣ сущей идеи, то это начало пришло къ своей границѣ, ибо идея все можетъ исчерпать собою, но только одно остается для нея недоступнымъ, это *res, реальность*: „ибо реально, говоритъ Шеллингъ, (I. 3. S. 364) то, что не можетъ быть создано однимъ мышленіемъ.“

Итакъ, когда идея, логическій элементъ былъ изчерпанъ, то пришлось выходить въ его отрицаніе, т. е., въ нелогическое. Но это послѣднее было отрицательнымъ только съ точки зрѣнія логическаго, идеи; на самомъ же дѣлѣ оно само по себѣ *положительное*. Имъ только и могло логическое реализироваться, а безъ него оно со всѣмъ своимъ богатствомъ идей *равняется нулю*.

Гегель самъ имѣлъ темное чувство, что надобно обратить болѣе вниманія на это отрицательное, которымъ только и овозможивалась дѣйствительность, но онъ задушилъ это чувство въ самомъ началѣ, ибо послѣдствіемъ его вліянія была бы необходимость отказаться отъ идеи, какъ единственной субстанціи, и поставить съ нею рядомъ ея противоположность, нелогическое. Этимъ и объясняется то, что Гегель, говоря о переходѣ идеи въ природу, каждый разъ (напр. Феноменологія стр. 610, Логика т. 2 стр. 399—400, Энциклопедія Т. I, § 43 и § 244) отдѣляется необычно афористическимъ изложеніемъ, которое въ новыхъ изда-

ніяхъ часто измѣняетъ, и притомъ въ фигуральныхъ и не точныхъ выраженіяхъ (жертвоприношеніе, само развертываніе, обнаруженіе, выходъ, самоотраженіе идеи и т. д.).

Шеллингъ въ своей послѣдней системѣ (Единство положительной и отрицательной философіи) совмѣстилъ начала Гегеля и Шопенгауера (идею и волю) и понималъ ихъ, какъ координированныя, равноправныя и равно необходимыя стороны единого первоначала. Шеллингъ въ „*нелогичной* природѣ существованія“ (II. 3, 95), въ „непонятной основѣ реальности“ (I. 7), рѣшительно признаетъ волю. *Что* нѣчто есть, узнается только по оказываемому имъ сопротивленію, а только одна воля и способна къ сопротивленію (II. 3, 206). Въ своемъ сочиненіи о сущности человѣческой свободы Шеллингъ говоритъ (Werke I. 7. S 350). „въ высшей и послѣдней инстанціи нѣтъ никакого иного бытія, какъ хотѣніе. Хотѣніе есть перво-бытіе и только къ нему относятся всѣ предикаты бытія: безосновность, вѣчность, независимость отъ времени, самоутвержденіе. Вся философія только къ тому и стремится, чтобы найти его высшее выраженіе“. Въ его „антропологической схемѣ“ находимъ: „I. Воля существенно духовная субстанція чловѣка, основа всего, первоначальный производитель вещества, единичное въ чловѣкѣ, есть причина бытія“.

Въ противоположность этому тамъ же онъ говоритъ, что *умъ* есть „не созидающее, но правящее, ограничивающее, дающее мѣру безконечной, безграничной волѣ“ Если идеальное начало есть умъ, въ которомъ нѣтъ воли (II. 2, 112; II. 1, 375 Z. 14—16), то реальное начало есть воля, въ которой нѣтъ ума (I. 7, 359).

„Но всякое хотѣніе должно хотѣть чего либо“ (II. 1, 462); безпредметное хотѣніе есть только *исканіе*, „жажда породить себѣ самого себя, которую ощущаетъ вѣчно-единое“, (I, 7, 359). Но слово утоляющее эту жажду,

есть *представленіе*—то представленіе, которое и есть умъ (I. 7, 361), или „идеальное начало“ (I. 7, 395). Какъ скоро „высказано это слово“, то и найдено соединеніе идеальнаго и реальнаго начала, а изъ этого соединенія исходить объясненіе бытія.

Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Шеллингъ старается вывести эти начала изъ понятія сущаго, какъ неопредѣленные моменты послѣдняго; но эта попытка должна быть бесплодна, потому что всякое дѣйствительное явленіе можетъ быть добыто только опять таки возстановленіемъ конкретныхъ опредѣленій. Въ этой попыткѣ воля соотвѣтствуетъ могущее-быть (*potentia existendi*), идеѣ чисто—(т. е., не потенциально, *idealiter*) сущее. О могущемъ-быть говоритъ онъ (II. 3, S. 205—206): „но могущее-быть, о которомъ идетъ рѣчь, не есть какая либо обусловленная, но безусловная *potentia existendi*; оно есть то, что безусловно и безъ всякаго посредства можетъ перейти а *potentia ad actum*. Но мы не знаемъ никакого другаго перехода а *potentia ad actum*, какъ въ хотѣніи. Воля въ себѣ есть потенція *κατ'ἐξοχήν*, хотѣніе актъ *κατ'ἐξοχήν*. Переходъ а *potentia ad actum* есть вездѣ только переходъ изъ нехотѣнія къ хотѣнію. Непосредственно могущее-быть есть, слѣдовательно, то, что ни въ чемъ не нуждается для того, чтобы быть, чтобы перейти отъ нехотѣнія къ хотѣнію. Бытіе же могущаго-быть состоитъ ни въ чемъ *иномъ*, какъ въ хотѣніи. Никакое дѣйствительное бытіе не мыслимо безъ дѣйствительнаго, хотя всегда опредѣлено модифицированнаго хотѣнія.“—Могущее-быть есть само въ себѣ воля, но еще не предметная, а только первобытная воля, которая, хотя и *можетъ хотѣть* (иначе она не была бы волею), но еще не *хочетъ*, т. е., воля передъ своимъ обнаруженіемъ (II. 3, S. 212—213) Когда эта воля возгараетъ хотѣніемъ, становится дѣятельною, то отрекается отъ своей свободы,

отъ возможности не быть и предается слѣпому бытію, какъ субстанція Спинозы. Какъ такая, становится она „зловѣщею“, „источникомъ всяческаго недовольства и скорби“ (II. 3, 226).

Чисто-сущее или идея есть ни потенція, ни актъ, ибо актъ есть только то, что выходитъ изъ потенціи. Шеллингъ обозначаетъ состояніе этого чисто-сущаго, какъ *actus purus*.

Существенное согласіе нашихъ началъ съ началами величайшихъ метафизическихъ системъ укрѣпляетъ насъ въ убѣжденіи, что мы находимся на вѣрной дорогѣ. Теперь взглянемъ поближе на каждое изъ началъ.

2. Воля.

Хотѣніе есть то, что составляетъ преимущество реального надъ идеальнымъ: идеальное само по себѣ есть представленіе, реальное есть пожеланное представленіе, или представленіе какъ содержаніе воли.

Сколько вѣра въ вещество, столько же распространено возрѣніе, что *реальное не есть проявляющаяся дѣятельность воли самой мировой сущности*, а есть мертвый, неподвижный продуктъ, *carut mortuum* прежней давно угасшей дѣятельности воли, творческаго акта, и что настоящій представитель этого *carut mortuum* есть *вещество*. Пока не покончено съ этимъ предразсудкомъ мертваго вещества, можно понимать его только двояко: или, подобно матеріализму, какъ несозданную вѣчную субстанцію, или какъ *carut mortuum* акта творенія, если только можно соединять съ такимъ мертвымъ продуктомъ какое либо ясное понятіе. Но такъ какъ мы узнали, что вещество есть химера, матерія есть система атомныхъ силъ, а матеріальный міръ есть постоянно измѣняющееся состояніе равновѣсія очень многихъ *перекрещивающихся дѣятельностей воли*,

то и падаетъ всякое основаніе принимать мертвые остатки прежней дѣятельности; такимъ образомъ за реальное въ каждый моментъ процесса, мы признаемъ *настоящую* дѣятельность воли, слѣдовательно, признаемъ *насущенный міръ за непрерывный творческій актъ*.

Такое возрѣніе можетъ съ перваго взгляда показаться противорѣчащимъ физическому основному положенію, что дѣйствіе разъ дѣйствовавшей причины не исчезаетъ. Конечно, вновь произведенное состояніе, которое и составляетъ физическое дѣйствіе (напр. движеніе такого-то направленія и такой-то скорости), не исчезаетъ, но только *при предположеніи*, что остается пребывающимъ и предметъ, котораго состояніе есть это дѣйствіе, т. е., при предположеніи, что этотъ предметъ постоянно полагается вновь.

Въ связи съ возрѣніемъ на міръ, какъ на постоянный творческій актъ, стоитъ и тотъ взглядъ, что волю нельзя отдѣлить отъ дѣянія: *воля есть самое дѣяніе*.

Всего яснѣе эта истина является въ атомной волѣ: но если въ психологіи дѣло представляется иначе, то это можно объяснить слѣдующими обстоятельствами:

1) Нужно дѣяніе (дѣло) понимать въ широкомъ смыслѣ какъ внѣшнее проявленіе воли; если же мы напротивъ поймемъ его какъ только *преднамыренный* видъ проявленія, то, конечно, съ дѣяніемъ тождественно будетъ только то хотѣніе, *которое проведетъ* (проявитъ) *свою волю*, но не то, которое хотя и дѣйствуетъ, но встрѣчаетъ непреодолимая препятствія въ выполненіи *такъ-то и такъ-то* *преднамыреннаго* дѣянія;

2) только хотѣніе, направленное на *настоящее*, тождественно съ дѣяніемъ; но хотѣніе, направленное на будущее, вовсе не есть собственно категорическое *хотѣніе*, но только гипотетическое, *предположеніе* или *намырѣніе*;

3) въ психологіи разумѣютъ подъ дѣяніемъ только дѣйствіе цѣлой особи, но не тѣ произведенныя волею движенія мозговыхъ молекулъ, которые сами по себѣ не достаточно сильны, чтобы вызвать внѣшнее дѣйствіе тѣла, или не могутъ преодолѣть другихъ противоположно направленныхъ мозговыхъ колебаній.

По этому-то въ психологіи, конечно, только настоящее хотѣніе индивидуума *въ цѣломъ* т. е., результаты всѣхъ одновременныхъ отдѣльныхъ волей, или желаній его, тождественно съ дѣяніемъ, между тѣмъ какъ одновременныя составныя (этого цѣлаго), по скольку онѣ не перешли въ дѣяніе равнодѣйствующей, исчерпываютъ свою дѣятельность *другъ на другъ*. Но, строго говоря, и движеніе молекулъ мозга есть выступленіе воли во внѣшнюю дѣятельность, т. е., дѣяніе; и въ этомъ смыслѣ всякое отдѣльное желаніе въ индивидуумѣ есть также дѣяніе, хотя осуществиться во всей возможной широтѣ ему могутъ помѣшать иныя колебанія мозга. Напр. голодъ производитъ въ нищемъ колебанія мозга, которыя побуждаютъ его протянуть руку за хлѣбомъ въ булочной, но страхъ передъ воровствомъ производитъ другія колебанія, которыя останавливаютъ дѣяніе, имѣющее выразиться въ этомъ движеніи членовъ; значитъ, и то, и другое, отрицательное и положительное желаніе на самомъ дѣлѣ обнаруживаются въ видѣ колебаній мозга. —

„Воля сама въ себѣ есть потенція *κατ'εξοχήν*, хотѣніе актъ *κατ'εξοχήν*“ — подъ этимъ выраженіемъ Шеллинга, конечно, слѣдуетъ только подписаться. Что хотѣніе есть актъ, въ основаніи котораго лежитъ потенція, и что эту потенцію, это могущее-хотѣть, о которомъ мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что оно можетъ хотѣть, мы называемъ волею — это, по крайней мѣрѣ, можно счесть общепризнаннымъ. Но для могущаго — хотѣть открыта *возможность* при какихъ либо обстоятельствахъ быть

и не хотѣющимъ, т. е., мочь хотѣть заключаетъ въ своемъ понятіи и мочь не хотѣть, или: имя могущаго—хотѣть приличествуетъ только тому, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть и могущее—не хотѣть. Иначе его слѣдовало бы называть долженствующимъ-хотѣть и не условно только, или при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но вѣчно и безпремѣнно долженствующимъ—хотѣть. Но это опрокинуло бы понятіе могущаго—хотѣть или потенціи; и на мѣсто его стало бы понятіе абсолютнаго, безосновнаго воленія, которое хочетъ вѣчно. Какъ излишне было бы понятіе силы при вѣчномъ движеніи, такъ же *излишне* понятіе воли (какъ потенціи хотѣнія) при вѣчномъ хотѣніи; хотѣніе было бы тогда безъпотенціальный *actus purus*. При такомъ предположеніи отрѣзана была бы всякая возможность не только индивидуальнаго, но и всеобщаго спасенія; разрушена была бы всякая надежда на прекращеніе процесса (все равно—принимать ли это прекращеніе преднамѣреннымъ, или слѣпо-законообразнымъ или же случайнымъ). Конечно, изъ одной безнадежности такого предположенія мы не стали бы отвергать его; а потому мы подвергнемъ критикѣ его состоятельность съ другой стороны.

Вѣчность хотѣнія обусловливаетъ *безконечность процесса* какъ впередъ, такъ и назадъ. Въ безконечности процесса впередъ нѣтъ никакихъ затрудненій, ибо она въ каждый моментъ, въ каждое теперь есть только идеальная, постулированная, но не реальная, не данная. Она вѣчно остается только задачею, постановленнымъ поступаніемъ впередъ при отрицаніи конца, а потому никогда не впадаетъ въ противорѣчіе законченной (исполненной) безконечности. Но въ него постоянно впадаетъ напротивъ реализированная въ каждомъ моментѣ часть процесса. *Мышленіе* отъ даннаго теперь можетъ идти назадъ съ невыполнимымъ постулятомъ

безконечности точно также, какъ и впередъ; но это ничего не доказываетъ за *реальность* процесса, который подобно этому мышленію, поворотившемуся къ прошедшему, идетъ своей дорогой въ *обратномъ* направленіи. Безконечность, которая для мышленія, обратившагося назадъ, остается невыполнимымъ идеальнымъ постулатомъ, должна быть для процесса, идущаго впередъ, готовымъ оконченнымъ результатомъ; но здѣсь то и выступаетъ ясно противорѣчіе, что (хотя бы и въ одну сторону) безконечность должна быть дана, какъ *законченная* реализація. Но *реальность* процесса требуетъ конечности его назадъ, т. е., его начала передъ отсчитаннымъ отъ настоящаго времени конечнымъ временемъ. Начальный пунктъ процесса (съ которымъ только и начинается время) есть, слѣдовательно, пограничный пунктъ между временемъ и *безвременною* вѣчностью. Только въ первомъ была воля хотящею, въ послѣдней же она была не хотящею. Этимъ и доказывается, что хотящее, при обстоятельствахъ, можетъ быть и не хотящимъ; а съ этимъ тотчасъ же ставится необходимость предположить за дѣйствительнымъ хотѣніемъ могущее хотѣть (и не хотѣть), потенцію хотѣнія, волю. Такъ какъ по ту сторону начала процесса эта потенція была безъ актуальности, то открывается возможность, что снова могутъ наступить обстоятельства, когда она снова станетъ не актуальною потенціею, т. е., значить, *возможно*, что реальный процессъ конеченъ и впередъ. (Вообще *необходимость* будущаго конца процесса выводится не изъ понятія процесса или времени, но, какъ было уже указано, изъ понятія *развитія*.)

Кажется, мы вполне уяснили отношеніе потенціи къ акту, хотѣнія къ волѣ: теперь обратимся къ переходу потенціи въ актъ хотѣнія.

Съ одной стороны хотѣніе тогда только (гл. I. т. I.) можетъ существовать на самомъ дѣлѣ, когда оно есть

опредѣленное хотѣніе, т. е., имѣетъ своимъ содержаніемъ представленіе; съ другой стороны (гл. XIV. Т. I) представленіе само по себѣ не можетъ перейти изъ небытія въ бытіе и можетъ это только черезъ волю; слѣдовательно, мы заключены въ кругу: хотѣніе должно стать существующимъ только черезъ представленіе, а оно только черезъ волю. Воля сама по себѣ, т. е., по скольку она есть только потенція и не актуальна, конечно, не можетъ воздѣйствовать на представленіе: дѣйствовать она, очевидно, можетъ только тогда, когда она уже не есть только потенція. Слѣдовательно, намъ остается только принять, что воля дѣйствуетъ на представленіе въ состояніи, стоящемъ какъ бы въ серединѣ между чистою потенціею и настоящимъ актомъ. Въ этомъ состояніи она хотя уже вышла изъ скрытаго покоя чистой потенціальности, слѣдовательно, кажется сравнительно съ нею уже актуальной, но еще не достигла реального существованія, насыщенной актуальности, значить, рассматриваемая съ точки зрѣнія этой послѣдней еще принадлежитъ къ потенціальности. Не то, что бы это среднее состояніе втиралось, какъ временный промежутокъ между предмірнымъ покоемъ и реальнымъ міровымъ процессомъ—это, какъ мы увидимъ позднѣе, невозможно, но оно представляетъ только моментъ *иниціативы*. Кто привыкъ разумѣть подъ волею собственно инициативу, тотъ могъ бы сказать, что среди міроваго процесса вовсе нѣтъ воли въ его смыслѣ, ибо здѣсь хотѣніе стало постояннымъ, превратившимся въ роковое состояніемъ, въ которомъ измѣняется только идеальное содержаніе такъ, что истинный актъ воли есть только тотъ моментъ инициативы, опредѣляющій рѣшеніе воли для всего теченія міроваго процесса. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что инициатива можетъ быть приписана только волѣ и что состояніе ея въ моментъ инициативы иное, чѣмъ оно было

прежде, и иное, чѣмъ будетъ тогда, когда оно станетъ, при содѣйствіи представленія, полнымъ актомъ. Это состояніе мы обозначимъ выраженіемъ: „пустое (т. е., лишенное содержанія) хотѣніе“.

Но пустое хотѣніе еще не *есть*, ибо оно находится еще передъ актуальностью и реальностью, а только имъ мы и привыкли придавать предикатъ бытія: но оно уже не просто *сущность*, какъ чистая потенція воли, ибо оно есть уже *слѣдствие* этой послѣдней и, значитъ, относится къ ней, какъ актъ. Если мы хотимъ приложить здѣсь настоящій предикатъ, то можемъ только сказать: пустое хотѣніе *становится*—употребляя становленіе въ томъ высшемъ смыслѣ, гдѣ оно означаетъ не переходъ изъ одной формы въ другую, но *изъ абсолютнаго небытія (чистой сущности) въ бытіе*. Пустое хотѣніе есть *борьба за бытіе*, которая тогда только можетъ достигъ бытія, когда наступитъ извѣстное внѣшнее условіе. Если воля сама по себѣ есть могущая—хотѣть (слѣдовательно, и могущая—не хотѣть или *velle et nolle potens*) воля, то пустое хотѣніе есть воля, рѣшившаяся хотѣть (значитъ, болѣе уже не можетъ не хотѣть), хотящая хотѣть, но не могущая (только) хотѣть воля (*velle volens, sed velle non potens*) до тѣхъ поръ, пока не привзойдетъ представленіе, которое она можетъ хотѣть.

Пустое хотѣніе, борясь за свое осуществленіе и ища *наполниться*, есть *только форма* и болѣе ничего. Какъ скоро и по скольку эта форма наполняется содержаніемъ, она перестаетъ быть *пустымъ хотѣніемъ*, но становится *опредѣленнымъ хотѣніемъ*, хотѣніемъ *чего либо*. Итакъ, состояніе пустаго хотѣнія есть вѣчное *томленіе* по наполненію, которое ему можетъ быть дано только представленіемъ, т. е. оно есть абсолютное *страданіе*, мука безъ удовольствія и даже безъ перерыва. Но такъ какъ пустое хотѣніе есть только мгновенный порывъ, который тотчасъ же схватываетъ идею, какъ содержаніе, то

оно и не подпадаетъ этому *предзміровому* страданію. Но все таки это пустое хотѣніе не уходитъ отъ *внѣміроваго* страданія уже *по* наполненіи его міровою волею. Воля, вѣдь, потенціально *безконечна*; въ томъ же смыслѣ безконечна и ея инициатива, пустое хотѣніе: но идея по своему понятію *конечна* (хотя и способна къ безконечному развитію въ *себѣ*), такъ что ею можетъ быть наполнена только конечная часть пустого хотѣнія (а потому возникнуть можетъ только конечный міръ). И такъ, при и внѣ наполненной міровой воли остается безконечный избытокъ алчущаго пустого хотѣнія, который безпомощно подпадаетъ страданію до возвращенія всей воли къ чистой потенціальности. Но мы знаемъ, что всякое неудовлетвореніе воли *eo ipso* производитъ сознаніе. Это сознаніе, принять которое мы имѣемъ основаніе, есть *единственное внѣміровое* сознаніе: его *единственное* содержаніе состоитъ, конечно, не изъ представленія, но изъ абсолютнаго недовольства и страданія, тогда какъ въ мірѣ (въ наполненномъ хотѣніи) есть только относительное недовольство, т. е., излишекъ недовольства надъ удовольствіемъ.

Воля и представленіе, которые передъ началомъ реального процесса были предсуществующими, соединяются другъ съ другомъ въ (частномъ) наполненіи пустого хотѣнія (цѣлою) идеею; и этимъ наполненнымъ хотѣніемъ, соизволенною идеею достигается актъ, какъ реальное существованіе. Это соединеніе воли и идеи для существованія наполненнаго хотѣнія можно назвать со стороны воли *овладѣніемъ, схватываніемъ* идеи, со стороны этой послѣдней *отдачею* себя волѣ, отдачею, которая совершается *пассивно* и *исключаетъ* какое либо *сопротивленіе*. Говоря образно, воля есть *мужское* начало, идея *женственное*: идея какъ бы приноситъ *въ жертву* свое состояніе *блаженной невинности* и *вступаетъ* въ *водворотъ бытія* и *муку процесса* ради спасенія *единосущ-*

ной съ нею воли, вышедшей изъ чистой потенціи въ состояніе пустого хотѣнія, т. е., страданія. Въ силу единосущности воли и представленія, отношеніе которыхъ другъ къ другу ни въ какомъ случаѣ не можетъ измѣняться, они не могли не идти вмѣстѣ при разѣ данномъ импульсѣ: значитъ, фактъ отдаванія себя со стороны идеи былъ необходимостью. Въ этомъ и заключается доказательство для вышеприведеннаго утвержденія, что промежутокъ пустого хотѣнія, т. е., между моментомъ инициативы и реальнымъ процессомъ былъ невозможенъ, потому что идея въ самый первый моментъ инициативы была увлечена въ процессъ: начало поставленнаго пустымъ хотѣніемъ *неопредѣленнаго* времени есть также и начало поставленнаго идеею *опредѣленнаго* времени. Изъ этого соединенія обоихъ предсущихъ началъ, рѣшившагося на бытіе могущаго-быть и чисто-сущаго, и *произошло бытіе*: отъ воли оно получило свою реальность, отъ представленія свое содержаніе.

Мы видѣли, что воля *ненасытна*, ибо она по потенціи *безконечна*; а между тѣмъ ея наполненіе не можетъ быть *безконечнымъ*, ибо наполненная или законченная *бѣзконечность* была бы противорѣчіемъ. Итакъ, въ сущности все равно, велика или мала та доля пустого хотѣнія, которая нашла для себя наполненіе въ представленіи, ибо наполненное хотѣніе всегда будетъ относиться къ пустому хотѣнію, какъ конечное къ безконечному; а потому для безконечнаго абсолютнаго страданія этого пустого хотѣнія совершенно все равно, существуетъ ли или нѣтъ подлѣ него міръ муки и наслажденія. Конечно, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ того внѣміроваго страданія пустого хотѣнія, ибо мы принадлежимъ *къ міру*, къ *наполненному* хотѣнію. Кромѣ того и наполненная представленіемъ воля должна переносить значительное неудовлетвореніе и недовольство (напр. атомныя силы), ибо *передъ* возникновеніемъ органическаго

сознанія она никакое удовлетвореніе не могла ощущать какъ *удовольствіе*. Въ слѣдствіе всего этого продолжалось бы безконечное страданіе, еслибъ не была дана возможность радикальнаго спасенія.

Но, какъ мы внаемъ, эта возможность заключается въ эманципаціи представленія отъ воли путемъ сознанія, которое хотя и вноситъ съ своей стороны, какъ мы видѣли, въ процессъ условія для усиленія недовольства въ мірѣ, но вознаграждаетъ за всѣ эти временныя страданія конечнымъ спасеніемъ отъ нихъ. Это окончательное спасеніе вполнѣ согласимо съ нашими началами, ибо, еслибы въ концѣ міра пришла къ уничтоженію непосредственно только *наполненная* воля, то все таки она, вѣдь, только существующая и дѣятельная, а слѣдовательно, *по своей реальной силѣ*, относится къ просто борющемуся за бытіе пустому хотѣнію, какъ *дѣйствительное* къ *недѣйствительному*, какъ *нѣчто* къ *ничто*, хотя они и однородны по своей природѣ. Если, слѣдовательно, сущее хотѣніе въ слѣдствіе сущаго хотѣнія-не хотѣть мгновенно превращается въ ничто, если все хотѣніе, расколовшись на два равныя и противоположныя направленія, такъ сказать, само себя пожираетъ, то, само собою разумѣется, прекращается и пустое хотѣніе-хотѣть; а тѣмъ самымъ и совершается возвратъ въ чистую саму въ себѣ сущую потенцію: воля становится опять тѣмъ же, чѣмъ она была передъ всяческимъ хотѣніемъ, т. е., волею, могущею хотѣть и не хотѣть.

Для Безсознательнаго нѣтъ ни опыта, ни воспоминаній; оно не можетъ ничего пріобрѣсти, чѣмъ прежде не владѣло, ни потерять того, что у него было, а потому опытъ пройденнаго процесса не можетъ быть для него урокомъ, который предохранялъ бы его отъ повторенія прежняго *faux pas* (ибо для того нужно было бы не только воспоминаніе, но и размышленіе), словомъ: оно ни

въ какомъ отношеніи не станетъ инымъ послѣ процесса, чѣмъ было до его начала. Если же это такъ, то должно отказаться, какъ отъ мечты, отъ всякой надежды на окончательный покой и безмятежность по прекращеніи процесса: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что потенція воли снова можетъ рѣшиться на хотѣніе, а отсюда слѣдуетъ возможность, что мировой процессъ можетъ, сколько угодно разъ, разыгратъ тѣмъ же порядкомъ. Постараемся теперь опредѣлить степень вѣроятности этого случая.

Воля, какъ потенція, т. е., какъ могущая рѣшиться на бытіе или нѣтъ, абсолютно свободна: до акта она ничѣмъ не опредѣляется и есть, говоря образно, бездна (Ungrund), которая однако даетъ основу всему остальному. Ни изъ внѣ, ни изъ внутри ея свобода ничѣмъ неограничена, ограничение изъ внутри начинается съ того момента, когда эта свобода уничтожена, когда потенція сама снимаетъ съ себя эту свободу. Очевидно, что нельзя ничего себѣ представить безсмысленнѣе этой свободы и что она можетъ принадлежать только полному безумію.

Если же нѣтъ ничего, что могло бы опредѣлять хотѣніе или нехотѣніе, то, говоря математически, это случай, хочетъ или не хочетъ потенція, т. е., вѣроятность $= \frac{1}{2}$. Абсолютная свобода мыслима только тамъ, гдѣ вѣроятность каждаго изъ возможныхъ случаевъ $= \frac{1}{2}$, гдѣ играетъ роль абсолютный случай. Свобода и случай, какъ абсолютныя, т. е., лишенныя своихъ отношеній, понятія, тождественны.

Если бы потенція была временною, то, по безконечности времени, вѣроятность была бы $= 1$, т. е., достоверности, что потенція снова со временемъ рѣшится на актъ. Но такъ какъ потенція стоитъ внѣ времени, которое впервые только и полагается тѣмъ актомъ, и такъ какъ эта внѣвременная вѣчность въ отношеніи къ вре-

мени ничѣмъ не отличается отъ момента, то вѣроятность, что потенція рѣшится на хотѣніе въ своей внѣвременной вѣчности, равна той же, что она рѣшается на то же и въ одинъ моментъ, т. е., $=\frac{1}{2}$. Отсюда ясно, что на окончательное спасеніе отъ хотѣнія рассчитывать нельзя, но что мука хотѣнія и бытія съ вѣроятности 1 (какою она была въ процессѣ) сводится на $-\frac{1}{2}$, чѣмъ все таки въ практикѣ пренебрегать нельзя.

Конечно, на вѣроятность будущаго событія не можетъ вліять прошедшее, значитъ, и коэффициентъ вѣроятности $\frac{1}{2}$ для слѣдующаго всплыванія хотѣнія изъ потенціи отъ того не уменьшится. Но если мы взглянемъ а priori на вѣроятность, что выходъ хотѣнія, а вмѣстѣ съ нимъ и мірового процесса изъ потенціи повторяется n разъ, то, очевидно, эта $=\frac{1}{2^n}$ вѣроятность будетъ похожа на априорную вѣроятность выкинуть монету орломъ n разъ къ ряду.

Такъ какъ съ концомъ мірового процесса прекращается и время, то до начала слѣдующаго не должно проходить *никакого промежутка времени*: дѣло нужно представлять себѣ такъ, что потенція въ моментъ уничтоженія своего предъидущаго акта какъ бы рѣшается снова на актъ. Ясно, что вѣроятность $\frac{1}{2^n}$ при возрастающемъ n становится столь малою, что практически достаточна для успокоенія.

3. ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ИЛИ ИДЕЯ.

Теперь перейдемъ къ другому сверхсущему, *представленію* и взглянемъ сперва на его отношеніе къ идеѣ Платона. Платонъ придавалъ идеямъ объективное существованіе и никакъ не считалъ ихъ только за явленія въ душѣ, за простое знаніе личности. Не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе ихъ существа, онъ довольствовался тѣмъ, что противопоставлялъ ихъ преходящему те-

частью чувственного міра, какъ по истинѣ сущее (*ὄντως ὄν*), какъ въ себѣ и для себя сущее (*ὄν αὐτό καθ' αὐτό*) и неизмѣняющееся. Позднѣйшіе платоники и неоплатоники считали идеи *вѣчными мыслями божества*. Конечно, Платонъ не допустилъ бы, что онѣ суть *знаніе, сознательныя* мысли божества, ибо тогда онѣ вполнѣ лишены были бы объективности, что для него и составляло самое главное. Если Платонъ отождествляетъ идею съ божественнымъ разумомъ, то это нужно объяснить *фигуральностью* выраженія, въ которой отождествляется существо съ своей единственной вѣчною дѣятельностью.

Итакъ, платоновскія идеи суть *вѣчныя, безсознательныя мысли* (безличнаго существа), при чемъ, вѣчныя *высчитъ* не бесконечно-продолжающіяся, но *вневременныя*: ясно, что идеи соотвѣтствуютъ нашимъ *безсознательнымъ* представленіямъ. Главное различіе между нашимъ и платоновскимъ воззрѣніемъ заключается въ *вмаченіи*, которое онѣ придаетъ слову: „бытіе“. Тогда какъ онѣ, по примѣру Парменида, критеріумъ истиннаго бытія видитъ *въ неизмѣняемости*, мы *равнодушны* къ ней и напротивъ безусловнымъ требованіемъ отъ истиннаго бытія ставимъ *реальность*. Такимъ образомъ идея для Платона была въ самомъ прямомъ смыслѣ *сущою*, для насъ же, какъ увидимъ ниже, она есть *нѣчто* не сущее.

Для Платона въ сущемъ въ себѣ царствѣ идей между ними имѣло мѣсто такое взаимное сопроникновеніе, что всѣ онѣ содержались въ одной идеѣ, *благѣ*. Я также не разъ указывалъ на взаимное сопроникновеніе представлений въ *Безсознательномъ* и на сосредоточенность ихъ въ одно цѣлое (напр., *цѣль* и *средства*): конечно, это прямо вытекаетъ изъ *безвременности* безсознательнаго представленія. Но въ *дискурсивномъ* мышленіи во времени эти представленія должны быть необходимо найдены, какъ *отдѣльныя* его моменты. Отсюда *нѣтъ* ничего

удивительнаго, что при этомъ полномъ взаимномъ сопро-
никновеніи мы должны для этого міра идей дать, такъ
сказать, суммарный значокъ, который съ своей стороны
опредѣляетъ всѣ идеи или представленія, вмѣстѣ взятые.
Но этимъ имманентнымъ формальнымъ обозначеніемъ
идеи не можетъ быть какое либо иное понятіе, какъ
логическое начало (das Logische). Логическое начало
(просто логическое?) отрицательно выражается *въ поло-*
женіи о противорѣчій въ разныхъ его видахъ, а поло-
жительно, какъ обратная сторона этой отрицательной
стороны, оно есть абсолютная *цѣль*. Абсолютная цѣль,
именно, есть нѣчто такое, чего не поставить, какъ та-
кую, было бы бессмысленно (что мы уже видѣли въ
цѣли счастья), слѣдовательно, абсолютная цѣлеположная
дѣятельность есть выполненіе того, что *не можетъ быть*
отклонено безъ противорѣчія. Итакъ, если противорѣчіе
есть отрицательная, то цѣль есть дважды отрицатель-
ная, т. е., положительная сторона логическаго начала.
Простая формальность логическаго, какъ такового, обна-
руживается также и въ томъ, что оно можетъ стать
сущимъ только въ иномъ для себя, именно, въ нелогичес-
комъ началѣ. Постановка цѣли въ цѣлеположеніи не
только предполагаетъ нѣчто большее, чѣмъ просто ло-
гическо-идеальное, именно желаніе цѣли, но уже и то,
послѣдствіемъ чего является содержаніе, чисто логиче-
ская сторона цѣлеположенія, предполагается, именно,
то, что само въ себѣ полно противорѣчія и что въ цѣли,
которая есть логическое, поставлено, какъ не должен-
ствующее быть и подлежащее уничтоженію. Это пред-
полагаемое рядомъ съ логическимъ и есть нелогическое,
которое только въ признаніи противорѣчія и констати-
руется какъ нелогическое (или лучше антилогическое).
Итакъ, идея, какъ чисто-сущее, есть *primo loco* просто
формальный принципъ, формально логическое, и только
прикладная міро-логика (Welt-Logik), или иначе, при-

ложеніе его къ найденному антилогическому, при чѣмъ формальный принципъ и одѣйствовворяется ради прекращенія того исполненнаго противорѣчія самому себѣ, только это приложеніе наполняетъ идею содержаніемъ цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ *implicite* и всѣмъ идеальнымъ аппаратомъ средствъ для этой цѣли (т. е., идеальнымъ содержаніемъ міра во всѣхъ стадіяхъ его процесса).

Это логически положительное, абсолютную цѣль и разумѣетъ Платонъ подъ своею идеею блага: мы же соединяемъ въ понятіи логическаго начала и отрицательную, и положительную стороны. Это начало въ сущности тождественно съ абсолютной идеей Гегеля, ибо она есть ничто иное, какъ то, къ чему бѣднѣйшее понятіе чистаго бытія, въ силу своего имманентнаго логическаго формальнаго начала, само опредѣлило себя въ прогрессѣ развитія. Разница только въ томъ, что слово—„абсолютная идея“ есть пустой знакъ, который наполняется только тогда, когда протекло все развитіе, между тѣмъ какъ „логическое начало“ для всякаго ясно обозначаетъ формальный моментъ самоопредѣленія въ идеальномъ внѣвременномъ процессѣ. Процессъ въ себѣ сущей идеи есть, какъ говоритъ самъ Гегель, *вѣчный* т. е., *внѣвременный*; а потому онъ вовсе и не процессъ, но вѣчный результатъ, вѣчное сліяніе во едино всѣхъ взаимно обуславливающихся моментовъ. Это вѣчное сліяніе во едино только намъ *представляется* какъ процессъ, когда мы искусственно разчленяемъ его въ дискурсивномъ мышленіи. Поэтому то я немогу допустить, чтобы логическое опредѣленіе того, что въ каждый моментъ выступаетъ въ дѣйствительность, происходило посредствомъ діалектики въ Гегелевскомъ смыслѣ, ибо въ области внѣвременной вѣчности, гдѣ мирно находятся подлѣ и другъ въ другъ противорѣчащія представленія, процессъ невозможенъ. Отсюда въ каждой части абсолютной идеи, выступающей въ данный мо-

ментъ въ дѣйствительность, не достаетъ главнаго условія Гегелевой діалектики, существованія противорѣчія, не говоря уже о томъ, что діалектическій процессъ въ гегелевскомъ смыслѣ долженъ совершаться только между понятіями, этими костылями дискурсивнаго мышленія, тогда какъ бессознательное мышленіе двигается въ конкретныхъ интуиціяхъ.

Если бы въ Бессознательномъ не было этого безвременнаго сопроникновенія идей другъ въ другъ, то не трудно было бы представить, какимъ образомъ оно можетъ, *не имѣя* сознанія, *мыслить* его, какъ посредствующую цѣль. Должно полагать, что *мышленіе о сознаніи* есть уже самосознаніе и даже высшая степень сознанія: но такъ какъ для него нѣтъ условій въ Бессознательномъ, то мыслить сознаніе для него и невозможно. Но мышленіе о сознаніи тогда только предполагаетъ высшее сознаніе, когда сознаніе мыслится какъ такое, т. е., въ *субъективномъ* родѣ и способѣ, подобно тому, какъ *субъектъ* сознанія *чувствуетъ* себя аффицированнымъ *своимъ* сознаніемъ. Конечно, Бессознательное совсѣмъ не такъ мыслить сознаніе, ибо его мышленіе прямо противоположно нашему субъективному мышленію. Его мышленіе слѣдовало бы назвать объективнымъ, если бы это обозначеніе не было также исключительно одностороннимъ, а потому и не подходящимъ.

Мы уже видѣли (гл. XIV, Т. I), что относительно представленія Бессознательнаго мы можемъ сказать только одно, что оно *не* такъ представляетъ, какъ *мы*. Если же мы должны сказать положительно, что мыслить Бессознательное, когда мыслить сознаніе, какъ посредствующую цѣль, то ничего не остается, какъ принять, что во первыхъ оно мыслить объективный процессъ, котораго субъективное явленіе есть сознаніе, и во вторыхъ дѣйствіе эманципаціи представленія отъ воли, кото-

рое слѣдуетъ изъ этого процесса и которое только и важно для Безсознательнаго. Этимъ и устраняется вышеозначенное затрудненіе.—Но можно поставить еще болѣе общее возраженіе и, напр., сказать: ставить цѣли значить заботиться о своемъ будущемъ; какимъ же образомъ Безсознательное, т. е., нѣчто, несознающее себя настоящимъ, можетъ сознавать себя будущимъ? На это я могу отвѣтить, что вся эта цѣлеположная дѣятельность, относясь къ чисто отрицательной конечной цѣли, есть также только отрицательная, слѣдовательно, имѣетъ въ виду только *уничтожить настоящее* состояніе, а не привести какое либо положительное будущее. Вѣдь, въ такомъ случаѣ съ одной стороны эта цѣлеположная дѣятельность представляла бы будущее привативное состояніе, какъ границу настоящаго долженствующаго быть прекращеннымъ, а съ другой стороны невозможность для Безсознательнаго представлять будущее состояніе, какъ цѣль процесса, была бы не согласима съ его ясновидѣніемъ, которое мы повсюду встрѣчали. Но даже нѣтъ надобности и въ этомъ отвѣтѣ, ибо есть ошибка въ умозаключеніи самого возраженія. Кто заботится о будущемъ тотъ, именно, заботится о какомъ либо будущемъ состояніи, но ему вовсе нѣтъ надобности знать, что это *его* состояніе, о которомъ онъ заботится. Въ царствѣ индивидуализаціи это не рѣдкій случай, ибо состояніе, которое составляетъ цѣль инстинкта, есть очень часто состояніе другаго животнаго, напр., дѣтеныша. Но въ царствѣ всеединого прекращается всяческое различеніе различнаго; здѣсь состояніе есть состояніе, и вопросъ о носителѣ его точно также не имѣетъ значенія, какъ невозможно и его возникновеніе въ силу отсутствія всяческой рефлексіи въ Безсознательномъ. Значитъ, въ этомъ возраженіи состоятельно только то, что Безсознательное должно знать *состояніе*, которое оно должно положить подлежащимъ отрицанію

и о которомъ оно можетъ знать только тогда, когда находитъ его въ себѣ, ощущаетъ, ибо это состояніе не постановлено самимъ атрибутомъ представленія, подобно всѣмъ позднѣйшимъ интуиціямъ. Здѣсь мы, слѣдовательно, à posteriori, въ силу потребности объяснить цѣлеположную дѣятельность Безсознательнаго, должны необходимо принять предміровое сознаніе, которое ощущаетъ свое состояніе какъ подлежащее отрицанію, т. е., какъ страданіе. Къ необходимости принять это сознаніе мы выше пришли à priori изъ природы воли и изъ законовъ происхожденія сознанія. Несостоятельна же напротивъ попытка изъ цѣлеположности міроваго процесса вообще вывести сознаніе или даже самосознаніе міровой сущности. Напротивъ безсознательная цѣлеположность образуетъ истинную философскую средину между раціональнымъ деизмомъ и личнымъ пантеизмомъ съ одной стороны и системами слѣпой и безцѣльной необходимости (спинозизмъ и матеріализмъ) съ другой, ибо оно соединяетъ въ себѣ истину и раскрываетъ ошибки обѣихъ сторонъ.

Когда Платонъ, который собственно не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія о законахъ природы, принималъ трансцендентныя идеи для всего того, отъ чего онъ могъ отвлечь общія понятія, то это была только дѣтская точка зрѣнія, которая, какъ рассказываетъ Аристотель, позднѣе возбудила у самого Платона справедливыя сомнѣнія. Мы знаемъ теперь, что вся неорганическая природа есть слѣдствіе атомныхъ силъ, дѣйствующихъ по своимъ *имманентнымъ законамъ* (которыя принадлежатъ къ идеѣ этихъ силъ), и что только съ происхожденіемъ организмовъ привходятъ въ самомъ дѣлѣ новыя идеи. Мы знаемъ также, что всѣ идеи опредѣлены логическимъ началомъ и что онѣ вмѣстѣ и порознь суть въ сущности ничто иное, какъ приложеніе этого начала къ даннымъ случаямъ: точно также и идея

міроваго процесса есть *приложеніе логическаго начала къ пустому хотѣнію*. И такъ, говоря о *принципѣ*, мы можемъ не касаться царства идей или безсознательныхъ представленій, а говорить о логическомъ началѣ или идеѣ просто.

Мы видѣли, что идея становится существующею только тогда, когда станетъ содержаніемъ воли; но что же она до этого? Во всякомъ случаѣ *еще не существуетъ*: тогда она есть только сверхсущее, подобно волѣ или пустому хотѣнію. Какъ воля въ хотѣніи выходитъ *внѣ себя* (какъ потенція), такъ и идея ставится *внѣ себя* (какъ сверхсущее). Въ этомъ заключается радикальное различіе между обоими: воля выходитъ *сама* изъ себя, идея *выводится* изъ себя въ бытіе волею.

Еслибы идея могла перейти въ бытіе сама собою, то она была бы *потенціей бытія*, т. е., была бы сама волею. Но съ другой стороны еще не введенная въ бытіе идея не можетъ же *просто не быть*, ибо иначе воля не могла бы ничего изъ нея подѣлать: она только можетъ быть еще не въ высшемъ смыслѣ сущее. Если же она не есть ни дѣйствительное бытіе, ни потенція бытія, но въ то же время не есть просто ничто, то что же она? Она есть *чисто-сущее*, *purus actus* безъ предшествующей потенціи: а потому-то онъ и не есть дѣйствительное бытіе, что *не вышелъ изъ какой либо потенціи*. Въ языкъ *нѣтъ* надлежащаго слова для обозначенія этого понятія: при словѣ — *actus* невольно думаютъ о предшествовавшей потенціи, которой здѣсь *нѣтъ*, съ одной стороны, а съ другой о *дѣйствительномъ* бытіи, о дѣйствительной дѣятельности, противоположность которой и составляетъ именно это мирное, вполне заключенное въ себѣ и никогда изъ себя не выходящее чисто-сущее. Слово — (*purus*) *actus* идетъ къ дѣлу на столько, на сколько это состояніе, также, какъ и *actus*, составляетъ *противоположность потенціи*; хотя

оно составляет противоположность совсѣмъ *иного* рода, чѣмъ противоположность, представляемая словомъ *actus*. Пожалуй, можно бы это состояніе обозначить словомъ: *скрытое бытіе*.

Здѣсь мы нашли необходимое основаніе опредѣлить идею, какъ чисто-сущее, подобно Шеллингу, пришедшему къ тому же опредѣленію. Гегель также долженъ былъ опредѣлить первоначально идею, какъ чистое бытіе, которое, сравнительно съ позднѣйшимъ наполненнымъ бытіемъ, тоже, что и ничто. Если мы волю передъ ея актуальностью назвали чистою потенціею или *мощью*, то идею передъ ея выводомъ въ бытіе мы можемъ назвать царствомъ чистой *возможности*. Оба выраженія сходятся въ томъ, что обозначаютъ свой предметъ по отношенію къ чему-то будущему. Разница же только въ томъ, что это отношеніе въ „*мощи*“ есть *активное*, въ „*возможности*“ *пассивное*. Воля, какъ простое въ себѣ, не допускаетъ никакихъ внутреннихъ различій; ея состояніе, какъ чистая мощь, будетъ всегда состояніемъ „сущности“ (*wesens*). Состояніе же логической идеи, какъ возможность, которое мы назвали „чистымъ бытіемъ“, должно относиться къ идеѣ только, какъ къ *началу*, или формальному моменту самоопредѣленія, но никакъ не можетъ быть распространено на безконечное богатство формъ возможнаго развитія, которыя оно скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ. По скольку всѣ эти формы вмѣстѣ на возможный случай ихъ порожденія предустановлены „чисто-сущимъ“ формальнымъ моментомъ логическаго начала, по стольку онѣ, какъ голыя идеальныя возможности, стоятъ вѣчно въ точно томъ же логическомъ отношеніи, которое оказывается въ нихъ при ихъ выходѣ въ бытіе. Но по скольку онѣ въ высшемъ смыслѣ слова образуютъ царство простой возможности въ совсѣмъ другомъ смыслѣ, чѣмъ чисто-сущее начало логической идеи, изъ

второго онѣ, когда придетъ ихъ пора, разовьются, по стольку нельзя приложить къ нимъ предикатъ „чистаго бытія“.

Что касается до наполненія воли идею, то послѣдняя опредѣляетъ сама себя и развивается въ силу своего логическаго формальнаго момента съ той самой минуты, когда пустое хотѣніе беретъ ее своимъ содержаніемъ и ставитъ внѣ себя, до той минуты, когда бытіе погасаетъ вмѣстѣ съ превращеніемъ воли изъ акта въ потенцію. Каждую минуту сумма представленій, образующихъ содержаніе воли опредѣлена и притомъ опредѣлена, какъ ступень процесса развитія единой идеи міра, которой внутреннее разнообразіе и выражается въ этой суммѣ представленій. Такъ какъ процессъ развитія идеи міра есть чисто логическій, то и эта сумма представленій опредѣлена вполнѣ и исключительно *логически*, или, иначе говоря, въ своемъ содержаніи *поставлена съ логическою необходимостью*. Но такъ какъ мы знаемъ, что содержаніе міра въ каждую минуту есть реализированное содержаніе воли, то, значитъ, и содержаніе міра въ каждую минуту міроваго процесса опредѣлено логическою необходимостью. Такъ какъ логически необходимо (для конечной цѣли), чтобы было развитіе (ради происхожденія и повышенія сознанія), такъ какъ необходимость развитія включаетъ необходимость времени, слѣдовательно, время и перемѣна содержанія во времени принадлежатъ къ логически необходимому содержанію самой идеи, то и осуществленіе этого содержанія представляется какъ опредѣленный временный процессъ.

Все это имѣетъ силу столько же для каждаго отдѣльнаго событія, какъ и для всего процесса, ибо это отдѣльное событіе, образуетъ интегрируемую часть цѣлаго и, какъ такое, *опредѣляется* цѣлымъ, ибо каждое отдѣльное бытіе и событіе, по своему содержанію, есть и тель-

ко идея, и вполне идея, слѣдовательно, есть членъ во внутреннемъ органическомъ разнообразіи всегда единой и цѣлой идеи міра. Но если *полное содержаніе* идеи міра въ каждый моментъ насквозь опредѣлено *логически* (именно, неподвижною конечною цѣлью съ одной стороны и съ другой достигнутою въ послѣдній моментъ ступенью развитія процесса) и если далѣе каждая отдѣльная *часть* опредѣлена *цѣлымъ*, то, слѣдовательно, и *каждое отдѣльное* бытіе и событіе въ каждый моментъ опредѣлено и обусловлено *логически*. Слѣдовательно, если, напр., падаетъ этотъ пущенный камень, то паденіе съ такою-то и такою-то скоростью происходитъ не почему другому, какъ потому что это при данныхъ обстоятельствахъ *логически* необходимо, потому что было бы нелогично, если бы въ эту минуту съ камнемъ происходило бы что либо иное. То, *что* камень вообще въ этотъ моментъ еще можетъ падать, что онъ еще здѣсь, чтобы упасть, что есть еще земля для того, чтобы его къ себѣ притягивать — это, конечно, заключается въ продолжающейся актуальности (Fortdauer) воли: ибо, если бы воля въ это мгновеніе перестала бы хотѣть, слѣдовательно, міръ пересталъ бы быть, то *не стало бы болѣе логичнымъ*, чтобы камень падалъ.

Здѣсь мы видимъ оба момента, изъ которыхъ слагается причинность. *Что* камень, который я теперь пускаю, падаетъ, это заключается въ продолжающемся на эту минуту хотѣніи; но что онъ *падаетъ* и именно съ такою-то скоростью, это зависитъ отъ того, что *логично*, чтобы это было такъ, а было бы не логично, если бы было иначе. Что вообще нѣчто еще происходитъ, что *бываетъ* дѣйствіе, это зависитъ отъ воли, а что дѣйствіе, *если* оно бываетъ, бываетъ *необходимо такимъ*, а не какимъ другимъ, это зависитъ отъ логическаго начала. Что косвенно причина опредѣляетъ дѣйствіе, это совершенно ясно, ибо *только при этихъ обстоятель-*

ствахъ, которыя считаютъ за „причину“, логично, чтобы вослѣдовало это дѣйствіе. Такимъ образомъ здѣсь мы поняли причинность какъ логическую необходимость, которая черезъ волю получаетъ дѣйствительность.

Если же мы теперь признали цѣль за положительную сторону логическаго начала, то мы должны бы подписаться подъ положеніемъ Лейбница: „*causae efficientes pendent a causis finalibus*“ *); но мы знаемъ, что оно выражаетъ только одну часть истины, что *цѣлый* мировой процессъ по своему содержанію только есть логическій процессъ, а по своему существованію есть непрерывный актъ воли. Въ сущности всеобщее телеологическое пониманіе мирового процесса стало возможнымъ только потому, что причинность понята, подобно цѣлеположности, какъ логическая необходимость, только потому, что логическая необходимость процесса во всѣхъ своихъ моментахъ, т. е., какъ взятая вообще, такъ въ частности, какъ причинность и цѣлеположность (можно бы прибавить и третье, „мотивация“), признаны только за различныя проэкціи, въ которыхъ выражаетъ себя обще-опредѣляющее, разсматриваемое съ различныхъ точекъ зрѣнія. Если каждый моментъ процесса вполнѣ и безъ остатка долженъ быть членомъ какъ причинной, такъ въ то же время и финальной цѣпи, то это возможно только при одномъ изъ слѣдующихъ трехъ условій: или причинность и цѣлеположность имѣютъ свое тождество въ *высшемъ единствѣ* и представляютъ только различныя стороны этого единства, при пониманіи его посредствомъ человѣческаго дискурсивнаго мышленія, или обѣ цѣпи стоятъ въ *предустановленной гармоніи*, или же настоящій членъ въ причинной цѣпи только *случайно* совпадаетъ съ настоящимъ членомъ въ

---

*) Дѣйствующія причины зависятъ отъ причинъ конечныхъ (т. е. цѣлей)

финальной цѣпи (какъ одно и тоже явленіе). Случай былъ бы возможенъ иногда, но не возможно, чтобы онъ повторялся постоянно; предустановленная гармонія есть чудо или отказъ отъ пониманія; значить, остается только первый случай, если не хотятъ вмѣстѣ съ Спинозою вовсе отвергать цѣлеположность.

Понятіе логической необходимости есть высшее понятіе для причинности, цѣлеположности и мотиваціи; всякая причинная, финальная и мотиваціонно-детерминистическая необходимость есть необходимость только *потому*, что она есть *логическая* необходимость. Было бы *ошибочно* утверждать вмѣстѣ съ Кантомъ и столь многими новыми мыслителями, что нѣтъ никакого другаго понятія необходимости, кромѣ *субъективнаго*; но *справедливо* то, что всяческое событіе и бытіе, какъ такое, было бы чистою *фактичностью* безъ всякой необходимости, если бы *формально-логическій моментъ* не принуждалъ *вносить* необходимость въ объективную реальность *совершенно точно также*, какъ мы сознаемъ ее и въ субъективномъ мышленіи. Если же кто разъ допускаетъ объективную реальность міра (независимую отъ сознанія субъекта), тотъ не можетъ болѣе отрицать необходимость въ дѣйствіяхъ законовъ природы; и если онъ не хочетъ при этомъ принять нелѣпость, объясняя случайнымъ совпаденіемъ то свойство фактовъ, которое дозволяетъ намъ сдѣлать отвлеченіе *правилъ*, не имѣющихъ исключенія въ эмпириі.

Такъ какъ вѣроятность такого постоянно возвращающагося совпаденія, которое побуждаетъ насъ къ постановкѣ отвлеченныхъ правилъ безконечно мала, то вѣроятность того, что субъективно отвлеченному правилу соответствуетъ и въ основѣ его лежитъ объективная необходимость, граничитъ съ достоверностью.

Но какъ достоверно существованіе объективной необходимости въ мірѣ, точно также достоверно и то,

что всякое событіе въ мірѣ опредѣлено и обусловлено логически, ибо понятіе необходимости состоятельно только какъ *логическая* необходимость. Такимъ образомъ и только такимъ образомъ разрѣшаются затрудненія, которыя отъ Юма до Кирхмана *) произведены понятіемъ причинности.

4. ТОЖДЕСТВЕННАЯ СУБСТАНЦІЯ ОБОИХЪ АТТРИБУТОВЪ.

Теперь мы переходимъ къ вопросу, есть ли идея атрибутъ или субстанція, есть ли она мысль передъ, за, или надъ нею сущаго, или же съ другой стороны она сама есть *последнее*.

До момента, когда воля овладѣваетъ идеею, мы признали ее за чисто и непотенціально сущее. Но даже это „чисто-сущее“ мы не можемъ мыслить, не различая въ немъ *сущности* (въ значеніи субстанціи) и состоянія, не различая „того, что есть чистое“ и состоянія „чистаго бытѣ“, или функционирующаго и самой функціи (если еще можно назвать функціею „чистое бытіе“). Нельзя оспаривать необходимости этого раздѣленія въ нашемъ мышленіи; вопросъ только въ томъ, игнорировать ли ее какъ *только* субъективную, или же принимать ее за трансцендентно-объективную.

Въ первую сторону долженъ былъ бы рѣшить этотъ вопросъ Гегель, еслибъ ему предложили эту альтернативу; на второй точкѣ зрѣнія стоитъ Шеллингъ. Въ первомъ случаѣ полагаютъ цѣлое чисто-сущее за субстанцію, не обращая вниманія на это раздѣленіе, во второмъ полагаютъ сущность или функционирующее какъ субстанцію, а состояніе или функцію какъ атрибутъ. Въ первомъ случаѣ *идея* или представленіе есть *всѣ*, слѣдовательно, *субстанція*, во второмъ она есть

---

*) Одинъ изъ современныхъ, пользующихся извѣстностью дѣятелей въ философіи. А. К.

въ тѣсномъ смыслѣ только состояніе, значитъ, *аттрибутъ*. Ясно, что пока дѣло идетъ болѣе объ опредѣленіи слова, чѣмъ самой вещи.

Важнымъ это различіе становится только тогда, когда рѣчь идетъ объ *отношеніи* идеи къ волѣ, чистосущаго къ могущему—быть. Для Гегеля, который зналъ только одно начало, идею, это раздѣленіе не имѣло значенія: но оно становится нужнымъ, какъ скоро есть *потребность въ единствѣ* воли и представленія. Если, именно, состоянія мощи быть и чистаго бытія различны, то это не мѣшаетъ намъ принять, что субстанція обоихъ началъ, что *то, что* можетъ быть, и *то, что* есть чисто, есть *одно и тоже*. Но какъ скоро признано субстанціальное тождество обоихъ началъ, а разница отнесена только къ состояніямъ, то мы *приходимъ къ единой субстанціи Спинозы съ двумя атрибутами*.

Потребность въ субстанціальномъ тождествѣ воли и представленія, по моему мнѣнію, неотвратима. Если бы они были разныя субстанціи, то возможность вліянія ихъ другъ на друга столь же не мыслима, какъ и возможность реального взаимнаго воздѣйствія раздѣльныхъ индивидуумовъ въ послѣдовательномъ плюрализмѣ. Въ этомъ случаѣ не понятно, какъ одно входитъ въ отношеніе съ другимъ, какъ воля беретъ логическое начало своимъ содержаніемъ, непонятенъ поводъ для этого начала реагировать на неразумное дѣяніе совершенно чуждаго ему нелогическаго начала. Если же напротивъ оба составляютъ одно существо и суть его атрибуты, то внутреннее соприкосновеніе ихъ понятно само собою такъ, что иначе и быть не можетъ. Одно есть тоже, что и другое; хотящее есть представляющее и представляющее есть хотящее: различны только хотѣніе и представленіе (мышленіе), но не хотящее и представляющее. Хотѣніе безразумно, но разумъ хотящаго есть именно идея; представленіе лишено энергіи, но сила

представляющаго есть именно хотѣніе. Въ Безсознательномъ нѣтъ двухъ ящиковъ, въ одномъ изъ которыхъ лежала бы безразумная воля, въ другомъ безсильная идея — но это суть два полюса одного магнита съ противоположными свойствами; на единствѣ этихъ противоположностей и основанъ міръ. Если бы воля и представление были раздѣльныя субстанціи, то непреодолимый дуализмъ прошелъ бы черезъ міръ и оказался бы въ душѣ индивидуума; но въ *такомъ* смыслѣ этотъ дуализмъ нигдѣ не замѣчается. Монизмъ, къ которому, какъ мы видѣли, все стремится, былъ бы абсолютно уничтоженъ и на его мѣсто долженъ бы стать чистый дуализмъ. Но дуализмъ имѣетъ мѣсто только при объясненіи процесса, ибо процессъ требуетъ съ одной стороны того, что не должно быть, а съ другой того, что борется съ этимъ не долженствующимъ быть: но съ признаніемъ этихъ *аттрибутами* не нарушается единство сущности.

Эту тождественную волю и представленію субстанцію, это индивидуальное единое существо, служащее только носителемъ для тѣхъ абстрактныхъ всеобщностей, можно бы было назвать „абсолютнымъ субъектомъ“, т. е., такимъ, „который ни къ чему иному не можетъ относиться, но къ которому все прочее относится только какъ атрибутъ“ (Шеллингъ II. 1, 318). Но, къ сожалѣнію, слово субъектъ такъ многосмысленно, что легко вызываетъ недоразумѣнія. Напротивъ, если мы имѣемъ право называть что либо первоначальное *абсолютнымъ духомъ*, то, конечно, онъ есть это единство воли и представленія, эта единая субстанція, которая вездѣ и хочетъ, и представляетъ, или — какъ мы называли ее до сихъ поръ — Безсознательное. Этотъ безсознательный духъ есть „сверхсущее, которое и есть всесущее“. Конечно, здѣсь не должно разумѣть слово: духъ въ томъ

произвольномъ ограниченіи, которое сдѣлалъ Гегель, относя его къ одному изъ его явленій въ формѣ сознанія.

Было бы большою ошибкою, если бы отношеніе нашей субстанціи къ нашимъ атрибутамъ хотѣли понимать такъ, что будто она есть *потенція* атрибутовъ, а эти послѣдніе суть ея акты или дѣятельности. О понятіи потенціи мы уже говорили: потенція бытія или хотѣнія есть сама *одна* изъ атрибутовъ; другой же мы точно опредѣлили, какъ чисто-сущее, ни изъ *какой* потенціи уже не исходящее. Итакъ, субстанція не можетъ стоять въ отношеніи потенціи ни къ одному изъ обоихъ; а также ни одинъ изъ обоихъ не есть *actus*, который истекалъ бы изъ потенціи. Въ этомъ заключается главное отличіе отъ Спинозы, у котораго, очевидно, субстанція является потенціей атрибутовъ. Но съ Спинозой можно согласиться въ томъ, что *существованіе* можно находить только въ поставленномъ во внѣ модусѣ; субстанціи же, какъ такой, вмѣстѣ съ ея атрибутами приличествуетъ только *предсуществованіе* (*substantia* или то, что лежитъ въ основаніи поставленнаго во внѣ, *subsistit*).

Второе отличіе заключается въ опредѣленіи одного изъ атрибутовъ, который Спиноза по примѣру Декарта называетъ *протяженіемъ*. Но мышленіе и протяженіе вовсе не противоположности, ибо протяженіе есть *также и въ мышленіи*. Противоположны только мышленіе и *реальное* протяженіе, которое именно и разумѣлъ Спиноза. Но опять таки въ понятіяхъ мышленія и *реального* протяженія противоположность существуетъ не между „мышленіемъ“ и „протяженіемъ“, а между „мышленіемъ“ и „реальнымъ“, или между „идеальнымъ и реальнымъ“. Не протяженіе производитъ реальность, но оно само должно сперва сдѣлаться реальнымъ, чтобы образовать противоположность съ мышленіемъ. Значитъ,

вторымъ атрибутомъ Спинозы должно быть то, что *дѣлаетъ реальнымъ* не только одно протяженіе, но и все прочее идеальное; а это-то и есть ничто иное, какъ воля. Только съ замѣною протяженія волею становится метафизика Спинозы тѣмъ, чѣмъ она должна быть: но тогда съ постулированной мистически единою субстанціею Спинозы совпадаетъ вершина нашей пирамиды.

О томъ, что такое предсуществующее (*subsistens*) всякаго существованія, ничего не можетъ сказать ни одна философія: эта *первоначальная проблема* неразрѣшима по своей природѣ. Земля стоитъ на слонѣ, а слонъ на черепахѣ, а черепаха?? Способность оцѣпенѣть передъ проблеммою безосновнаго предсуществующаго (субсистенціи), какъ передъ головой медузы, есть настоящій пробный камень дарованія къ метафизическому познанію. Попытка діалектическаго самопорожденія перваго начала была вершиною убійственной для разума софистики. Для понятія ничто и что-то, по меньшей мѣрѣ, равноправны, но только для понятія, которое всегда уже предполагаетъ субсистенцію (основу) мышленія. Но откудаже эта предшествующая понятію субсистенція? Если бы не было ничего, ни міра, ни процесса, ни субстанціи, то и не было бы никого, кто философски изумляется; тогда не было бы ничего удивительнаго, все было бы вполне и безгранично натурально и не стояло бы никакой проблемы для разрѣшенія. Но что есть нѣчто предсуществующее, послѣднее, съ которымъ все связано (будь то хоть само гегелевское понятіе), вотъ это-то и есть столь безгранично удивительно, столь, говоря короче, нелогично и бессмысленно, что слабый и ничтожный человѣкъ, разъ понявъ эту проблему и попробовавъ нѣкоторое время своимъ безсильнымъ разумомъ потрясти рѣшетки этой темницы *небытія*, послѣ того уже совсѣмъ перестаетъ удивляться частностямъ міроустройства.

Для этой метафизической проблемы безусловно всё равно, что не принять за послѣднее, спинозовскую субстанцію, понятіе ли, или волю, или субъективное сновидѣніе, или матерію; это совершенно все равно; во всякомъ случаѣ остаётся нѣчто предсуществующее опредѣленнаго свойства, какъ послѣднее. Но какъ это нѣчто вмѣстѣ съ своимъ свойствомъ приходитъ къ тому, чтобы предсуществовать и предсуществовать какъ такое — такъ какъ изъ ничего ничто и не можетъ быть — вотъ вопросъ? Человѣческій духъ, по своей природѣ, стоитъ слишкомъ низко, а потому достаточно тупъ, чтобы скоро привыкнуть къ высочайшему изъ окружающихъ его чудесъ и наконецъ остановиться только на точномъ *формулированіи*, а не *разрѣшеніи* проблемы. Впрочемъ, оно и хорошо, что философскій пафосъ блистаетъ только въ краткіе моменты, для того, чтобы снова вступило въ свои права изумленіе передъ второстепенными проблемами.

5. ВОЗМОЖНОСТЬ МЕТАФИЗИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

Путь нашъ оконченъ; въ заключеніе остановимся нѣсколько на послѣднемъ вопросѣ: *возможно ли и какъ возможно метафизическое познаніе съ точки зрѣнія философіи Безсознательнаго?*

Конечно, здѣсь нельзя ожидать цѣлой теоріи познанія, мы сдѣлаемъ только легкій очеркъ точки зрѣнія, съ которой мы относимся къ этому вопросу.

Греко-римскій міръ впалъ въ скептицизмъ, потому что ему не удалось найти критерій истины, и онъ послѣдовательно отчаялся въ возможности рѣшить вопросъ, какъ можетъ быть познаніе. Догматизмъ новѣйшей философіи точно также былъ разрушенъ Юмомъ, котораго беспощадную критику Кантъ провелъ еще далѣе и глубже.

Но съ другой стороны геній Канта поднялъ философію на слѣдующую ступень ея новѣйшаго развитія. Тогда какъ греческая философія тщетно мучилась надъ невозможнымъ требованіемъ, въ самомъ познаніи найти признакъ, которымъ бы свидѣтельствовалась его истина, Кантъ приступилъ къ дѣлу гипотетически и спросилъ: „не говоря о томъ, есть ли истинное познаніе, спрашивается, какого рода должны быть метафизическія условія для его возможности“?

Вся новѣйшая философія за исключеніемъ послѣдней системы Шеллинга стоитъ болѣе или менѣе сознательно на этой точкѣ зрѣнія: *условія возможности познанія образуютъ метафизику*. Первымъ и основнымъ условіемъ возможности всяческаго познанія нужно признать однородность мышленія и его трансцендентно-объективнаго предмета, ибо при *разнородности* мышленія и вещи просто невозможно никакое *соглашеніе* обоихъ, т. е., истина, и еще менѣе сознаніе этого соглашения, т. е., познаніе. Безъ этого предположенія возможны только двѣ точки зрѣнія: наивнаго реализма и субъективнаго идеализма. Первая не знаетъ, что все, что я могу выразить словами и достигнуть мыслию, есть всегда только мои собственныя мысли, но никогда не можетъ быть заложеною за этими мыслями реальностью, что мысль никогда не можетъ выйти изъ покрова мысли: въ слѣдствіе этой ошибки наивный реализмъ смѣшиваетъ свои мысли или мыслимое (*intelligibile*) съ немогущимъ быть мыслию трансцендентнымъ (*trans-intelligibile*), которое *разумѣется* мышленіемъ какъ, по истинѣ, воображаемая величина, когда оно *мыслитъ свои* мысли. Вторая точка зрѣнія поправляетъ эту ошибку, но впадаетъ въ другую, именно, отрицаетъ лежащее за границами мышленія, потому что оно *недостижимо* для мышленія, и тѣмъ уничтожаетъ возможность всяческаго познанія, такъ какъ мышленіе низ-

водится на степень безпредметнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ лишеннаго истины сновидѣнія. Противъ этой точки зрѣнія выступаетъ философія тождества, которая предполагаетъ, что трансцендентное, съ точки зрѣнія теоріи познания, по существу тождественно съ мышленіемъ, и справедливо заключаетъ. „что знаніе не мыслимо ни при какомъ другомъ предположеніи“ (Шеллингъ I, 6, 138), потому что при другомъ предположеніи невозможно согласіе мысли съ тѣмъ, что подъ нею разумѣется (трансцендентнымъ). Это совершенно косвенно обоснованное тождество бытія и мышленія (вещь, о которой древніе и не помышляли) есть съ тѣхъ поръ неизбежное основное положеніе для всякой философіи, хотя имъ пользуются различно. Въ Шеллинговой системѣ тождества есть нѣчто въ родѣ Лейбницевой предустановленной гармоніи, въ силу чего индивидуальное сознание развиваетъ свой субъективный міръ съ своей ограниченной точки зрѣнія по тѣмъ же формамъ, категоріямъ и конкретнымъ опредѣленіямъ, по какимъ развивается и міръ по ту сторону сознанія, хотя эта гармонія въ Шеллинговомъ монизмѣ единаго абсолютнаго разума лучше обоснована, чѣмъ въ Монадологіи Лейбница. Гегель отдѣляется отъ этого затрудненія тѣмъ, что все разрѣшаетъ въ единый діалектическій процессъ идеи, гдѣ ничто не стоитъ чуждымъ и отдѣльнымъ противъ другого (какъ то дѣлаютъ у Шеллинга и Лейбница „не имѣющія оконъ“ монады), но каждое становится къ каждому во всѣ возможные роды отношеній (подъ этими послѣдними разумѣются также причинность и взаимодѣйствіе). Если съ одной стороны Гегель дѣлаетъ столь большой шагъ впередъ сравнительно съ Шеллингомъ, то съ другой стороны онъ дѣлаетъ и шагъ назадъ, ибо въ страшной сумятицѣ общей діалектики онъ вполнѣ смѣшиваетъ различіе мысли съ тѣмъ, что подъ нею разумѣется, т. е., что лежитъ по ту сторону ея, и кро-

мѣ того онъ систематически сливаетъ точку зрѣнія индивидуальнаго и абсолютнаго, сознательнаго и безсознательнаго мышленія. Возстановить это различіе во всей его ясности, вновь и строго раздѣлить эти точки зрѣнія, поставилъ я себѣ задачею. Для меня безсознательное мышленіе есть то, что лежитъ по ту сторону сознательнаго мышленія; для сознанія эта сторона недосягаема, ибо оно не можетъ мыслить безсознательно. Когда оно мыслитъ „безсознательное мышленіе“, то оно *мыслитъ свои* сознательныя мысли и однако *разумѣетъ* нѣчто другое подобно тому, какъ оно мыслитъ „сущую вещь“. (Ср. Ding an sich und seine „Beschaffenheit“ стр. 74—76) *). Но, вѣдь, находящееся и по ту и по сю сторону сознанія есть все таки *мышленіе*; и на сколько далеко имѣетъ силу это тождество по существу, на столько и идетъ возможность согласія, истины, познанія. При этомъ нужно замѣтить: во первыхъ что находящееся по ту сторону сознательнаго мышленія лежитъ какъ *внѣ*, такъ и *внутри* нашей собственной индивидуальности, во вторыхъ что конкретное согласіе вещи съ сознательною о ней мыслию опосредствовано двойною причинностью — между вещью и безсознательною частью индивидуума (къ которой относится и тѣло) и между этою послѣднею и его сознаніемъ — и въ третьихъ что ощущаемое сознаніемъ причинное принужденіе съ стороны трансцендентной реальности и отличіе этого принужденія отъ логической необходимости чисто идеальныхъ отношеній понятно только при предположеніи, что съ обѣихъ сторонъ въ идеальное столкновеніе привходитъ *воля* и дѣлаетъ это столкновеніе *реальнымъ*.

Эта воля, все равно, своя ли, чужая ли, есть уже не просто лежащее по ту сторону *сознанія* (какъ без-

---

*) Это особое сочиненіе Гартмана, заключающее въ себѣ критику кантовской теории познанія. А К

сознательное мышление), но она есть лежащее по ту сторону *идеальною вообще*, какъ сознательнаго, такъ и безсознательнаго мышленія. Но что, не смотря на то, она не представляетъ столькихъ затрудненій, какъ безсознательное мышление, это происходитъ оттого, что она *вовсе не касается* идеальнаго содержанія, но только придаетъ ему значеніе реальности, ни сколько не измѣняя при томъ познаніе предмета.

Послѣ этихъ соображеній не можетъ быть уже никакого сомнѣнія, какъ относится философія Безсознательнаго къ слѣдующимъ противоположностямъ: мышленіе и вещь, *mens* и *ens*, *ratio* и *res*, духъ и природа, идеальное и реальное, субъективное и объективное.

Мы знаемъ, что бытіе есть продуктъ логическаго и нелогическаго началъ, идеи и воли, что его причина положена хотѣніемъ, что его содержаніе есть идея.

Такимъ образомъ духъ и природа уже болѣе не различаются, ибо *первоначальный* безсознательный духъ въ своемъ бытіи въ себѣ есть тоже, что и природа въ дѣйствительномъ соединеніи своихъ моментовъ и что, какъ *результатъ* процесса природы, онъ есть сознательный! духъ или духъ въ тѣсномъ (гегелевскомъ) смыслѣ слова. Что же касается субъективнаго и объективнаго, то это вполнѣ относительныя понятія, которыя появляются *только съ возникновеніемъ* сознанія, ибо они вовсе не имѣютъ мѣста въ безсознательномъ хотѣніи и безсознательномъ представленіи: Безсознательное выше этихъ противоположностей, такъ какъ его мышленіе вовсе не субъективное, а объективное *для насъ*, на самомъ же дѣлѣ оно есть трансцендентно-абсолютное. Слѣдовательно, нельзя сказать собственно, что Безсознательное *есть* абсолютный субъектъ; но только что оно есть одно, что можетъ *стать* субъектомъ, точно также, какъ оно есть одно, что можетъ *стать* объектомъ, ибо, вѣдь, нѣтъ ничего, кромѣ Безсознательнаго.

При такомъ пониманіи, конечно, можно назвать Безсознательное и абсолютнымъ субъектомъ, и абсолютнымъ объектомъ, не взирая на то, что, какъ Безсознательное, оно выше противоположностей субъективнаго и объективнаго.

Мы видѣли, что сознаніе является только при коллизіи различныхъ направленій воли: въ этомъ случаѣ каждое изъ нихъ есть объективное для другого и субъективное для себя въ противоположность къ другому для него объективному, конечно, при предположеніи, что для обоихъ направленій воли открыта возможность возникновенія сознанія, т. е., что они не лежатъ подъ порогомъ сознанія. Если мы предположимъ, что, напр., атомы находятся надъ порогомъ сознанія, то атомная сила А была бы объективною для атомной силы В и наоборотъ; напротивъ А для самой себя въ противоположность къ объективности В была бы субъективною и наоборотъ. Такимъ образомъ Безсознательное въ А и В сознавало бы себя двояко: и объективнымъ, и субъективнымъ.

Уяснивши изъ нашихъ началъ соединеніе всѣхъ вышеозначенныхъ противоположностей, обратимся опять къ вопросу о возможности познанія.

Новѣйшею философіею было доказано, что единственно вѣрная система есть система, основанная на снятіи тѣхъ противоположностей, *если* вообще существуетъ истинное познаніе. Но есть ли таковое, для этого у новѣйшей философіи не было доказательства также, какъ и у прежней. Принимая его, она была такъ же *догматична*, какъ и до кантовская; она даже и не думала, что кто либо могъ и долженъ былъ, имѣя на то право, отвергать возможность абсолютнаго познанія до полученія въ томъ доказательства (ср. Шеллинга II, 3, S. 74).

Всё ея философствованіе, слѣдовательно, было основано на предположеніи, которое висѣло на воздухѣ; это философствованіе въ своемъ цѣломъ было гипотетическое, истекавшее изъ недоказаннаго предположенія.

По этому и новѣйшая философія могла послѣдовательно разрѣшиться въ скептицизмъ. Что этотъ скептицизмъ преобладаетъ въ молодомъ, философски образованномъ мірѣ (на сколько они преодолѣли незрѣлый догматизмъ), въ томъ, конечно, не можетъ быть спора. Что этотъ скептицизмъ не получилъ еще научно послѣдовательнаго развитія (—только Аenesidemus стоитъ еще за *Кантомъ*—), это зависитъ только оттого, что очевидные результаты точныхъ наукъ и все поглощающіе въ настоящее время практическіе интересы неблагоприятны для философіи, ибо они слишкомъ развлекаютъ умы и не допускаютъ ихъ сосредоточиться на теоретическомъ мышленіи и на послѣдовательномъ его углубленіи. Чтобы идти далѣе, очевидно, предстоитъ только два пути: или должно, для твердой установки гипотетическаго результата философіи тождества, доказать *прямо*, что существуетъ истинное познаніе (а такое стремленіе, тщетное по своей природѣ, привело бы къ положенію Грековъ); или же должно дѣйствительно воспользоваться новѣйшими пріобрѣтеніями и отнестись къ дѣлу совершенно *противоложно* Грекамъ, т. е., должно совершенно иначе, чѣмъ пытались до сихъ поръ, для каждаго доступнымъ и очевиднымъ образомъ *прямо* доказать тождественность по содержанію мышленія и бытія. Но этотъ путь и есть пройденный нами, именно, послѣдовательно поднимающаяся вверхъ индукція изъ опыта.

Конечно, на этомъ пути приводимое доказательство должно быть само познаніемъ, если оно должно что либо доказать. Но кому либо покажется, что при этомъ дѣлается только мнимый шагъ впередъ, а что на самомъ

дѣлѣ мы также по прежнему стоимъ на воздухѣ. Однако это не такъ, а вотъ настоящее отношеніе:

Прежде говорили: „если есть познаніе, то есть и тождество по содержанію бытія и мышленія“; изъ этого условнаго положенія не выходили.

Теперь говорятъ: „1) если есть познаніе, то оно должно основываться на тождествѣ по содержанію мышленія и бытія, слѣдовательно, на непосредственномъ опытѣ (аффицированіи мышленія бытіемъ) и на логически вѣрныхъ выводахъ изъ него; 2) выводы изъ опыта констатируютъ тождество по содержанію бытія и мышленія; 3) изъ этого тождества слѣдуетъ возможность познанія“.

Здѣсь мы имѣемъ замкнутый кругъ, гдѣ каждый членъ обусловленъ другимъ, все равно, съ котораго бы мы ни начали; а между тѣмъ прежде мы имѣли только одно условное положеніе, такъ сказать, безъ задка и перилецъ. Конечно, и теперь есть *возможность*, что весь этотъ кругъ психологическихъ и метафизическихъ условій есть *только субъективный призракъ*, который сознание вынуждено производить въ силу необъяснимой необходимости, что, слѣдовательно, нѣтъ *ни познанія*, ни тождества мышленія и бытія и что построенный на обоихъ отношеніяхъ, дѣлающихъ себя взаимно вѣроятными, кругъ есть чистая химера. Конечно, трансцендентное, а не только субъективное, существованіе этого круга нельзя строго доказать, какъ абсолютную истину, ибо и само сознание заключено *въ* этотъ кругъ и никогда не можетъ стать на какую либо точку зрѣнія внѣ его, точку зрѣнія, съ которой бы можно было обсудить свойство этого круга, ибо оно, именно, не можетъ знать о возможности познанія безъ самаго познанія.

Но не смотря на эту невозможность устранить скептицизмъ, всетаки въ слѣдствіе этого круга значительно увеличилась вѣроятность, что есть и познаніе, и

тождество бытія и мышленія, увеличилась сравнительно съ прежнимъ условнымъ положеніемъ, не имѣвшимъ опоры ни впереди себя, ни позади. Эта вѣроятность стала такъ велика, что для практики можно и не принимать въ соображеніе возможность противоположнаго. И такъ, скептицизмъ не уничтоженъ и теоретически признанъ правомѣрнымъ, но его значеніе низведено къ такимъ ничтожнымъ размѣрамъ, что онъ исчезаетъ для практики не только жизни, но и науки.

Если мы взглянемъ на этотъ результатъ о возможности познанія вообще, то найдемъ, что онъ удивительно совпадаетъ съ тѣмъ, что должно быть принято для познанія каждой спеціальной истины (если только она не есть *формально* логическая), а именно: что для насъ нѣтъ истины, т. е., вѣроятности равной 1, а есть только большая или меньшая вѣроятность, никогда не достигающая 1. Значить, мы должны быть вполне довольны, если въ нашемъ познаніи достигаемъ такой степени вѣроятности, которая отнимаетъ у возможности противоположнаго практическое значеніе.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ

«Философіи Безсознательнаго».

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Предисловіе III

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЪ ЯВЛЕНІЯХЪ ТѢЛЕСНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

ЧАСТЬ II.

МЕТАФИЗИКА БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОГО.

Г л а в а I. Головной мозгъ и ганглии суть усло- вія сознанія у животныхъ.

Сознательная духовная дѣятельность зависть отъ функций мозга. Мозгъ предназначенъ болѣе для духовной жизни, чѣмъ для тѣлесной. Зависимость духовной жизни отъ состоянія мозга. Опроверженіе гипотезы безтѣлеснаго сознанія 1

Г л а в а II. Происхожденія сознанія.

Отличіе понятія. сознаніе отъ понятія самосознаніе. Матеріальное движеніе есть необходимое условіе сознанія. Сознаніе въ Безсознательномъ обязано своимъ происхожденіемъ волѣ. оно есть изумленіе воли передъ нежелаемымъ ею представленіемъ, а потому сознаніе всегда связано съ недовольствомъ. Процессъ становленія сознательнымъ представленія. Удовольствіе и недовольство, какъ объекты сознанія. Вѣчная несознаваемость воли. Объясненіе самообольщенія, будто мы о волѣ знаемъ непосредственно. Сознаніе не имѣетъ различій по степенямъ. Отличіе сознанія отъ вниманія. Что такое вниманіе. Смѣшеніе сознанія съ самосознаніемъ. Различіе въ сознаніи низшихъ и высшихъ животныхъ Единство сознанія. Оно обусловлено проводимостью нервной системы 12

Г л а в а III. Безсознательное и сознаніе въ расти- тельномъ царствѣ.

Безсознательная психическая дѣятельность растений органическое образованіе, цѣлительная сила, рефлексивныя движенія, инстинктъ и влеченіе къ прекрасному. Сознаніе у растений. Невозможность провести рѣзкую границу между животнымъ и растеніемъ, ибо они произошли отъ общаго корня — существъ, въ которыхъ свойства животныя и растительныя неразрывно связаны. Основанія, по которымъ можно приписать растеніямъ ощущеніе и сознаніе. Оно обусловлено въ растеніи протоплазмой Единство сознанія у растеніи невѣроятно 50

Глава IV. Матерія, какъ воля и представленіе.

Законы, силы и вещество, какъ предметы естествовѣденія. Анализъ понятія матеріи: молекулы, атомы, первоатомы (атомы тѣлесные и эфирные). Характеристика силъ атомовъ тѣлесныхъ и эфирныхъ и ихъ взаимное отношеніе. Что такое масса тѣла? Критика непосредственно-чувственного воззрѣнія на вещество. Вещество оказывается пустымъ словомъ безъ понятія и сводится къ понятію система силъ. Теорія атомистическаго динамизма. Атомная сила разрѣшается на волю и представленіе. Отношеніе атомной воли къ пространству. Вопросъ о сознаніи атомовъ. Атомы суть проявленія единой субстанции. 84

Глава V. Понятіе индивидуальности.

Что такое индивидуумъ? Многие индивидуумы низшаго порядка могутъ входить въ индивидуумъ высшаго. Предтвержденіе этого положенія на духовно-сознательныхъ индивидуумахъ. Подтвержденіе его въ матеріальныхъ индивидуумахъ. Что такое организмъ? Наинизшій органическій индивидуумъ. Индивидуальность простой вещи. Индивидуумы въ неорганической природѣ. Отношеніе сознательнаго индивидуума къ матеріальному. Познаніе объ относительности понятія индивидуума. Ученіе Лейбница о монадахъ, комплексъ монадъ и предустановленной гармоніи. Безсознательное привходитъ въ образованіи высшаго индивидуума изъ низшихъ 119

Глава VI. Все единство Безсознательнаго.

Единство Безсознательнаго въ явленіяхъ: организма и сознательныхъ индивидуумовъ. Одно ли Безсознательное является всюду или многа? Устраненіе предубѣжденій противъ монизма и различныя доказательства *à posteriori* и *à priori* въ пользу единаго Безсознательнаго. Всѣ важнѣйшія религіозныя и философскія системы стремятся къ монизму. Результаты монистическаго принципа въ воззрѣніи на міръ и личность . . . 147

Глава VII. Сущность рожденія съ точки зрѣнія все-единства Безсознательнаго.

Критика теорій креацианизма и традуцианизма (творенія новой души и передачи частицъ души). Душа происходитъ изъ общаго духа—Безсознательнаго и возрастаетъ постепенно, параллельно съ развитіемъ органическаго зародыша. Эмпирическое подтвержденіе этого воззрѣнія. Вообще Безсознательное воодушевляетъ организмъ по мѣрѣ его способности къ жизни.

Перворождение (самопроизвольное зарождение) Возникновение первоорганизма Рождение через родителей и значение его. 159

Глава VIII. Возрастающее развитие органической жизни на землѣ.

Вопросъ о процессѣ, посредствомъ котораго происходили послѣдовательно отъ низшихъ организмовъ все выше и выше. Въ этомъ вопросѣ, какъ и вездѣ, важно соблюдаемое Безсознательнымъ начало сбережение силы. Оно преобразовало яйцо индивидуума низшаго вида для получения индивидуума высшаго. «Разнородное рождение» Наслѣдственность и ея значение. Высшие виды происходили отъ наименѣ совершенныхъ формъ предъидущей ступени. Понятіе вида. Односторонность теории Дарвина о происхождении вида. Значение начала борьбы за существование. Вопросъ о переходныхъ посредствующихъ формахъ. Такъ какъ одно начало борьбы за существование недостаточно для объясненія поступательнаго развитія организмовъ отъ низшихъ къ высшимъ, то необходимо принять и другое начало. Это начало есть цѣлесообразная дѣятельность Безсознательнаго, проявляющаяся преимущественно въ морфологическихъ видоизмѣненіяхъ типа. Заключительные выводы этой главы 177

Глава IX. Индивидуализация.

1) Возможность и опосредствование индивидуализации: трудность съ монистической точки зрѣнія объяснить индивидуализацию; философія Безсознательнаго, при помощи понятія объективной феноменальности, примиряетъ реальный плюрализмъ съ монизмомъ, индивидуумы суть акты воли Безсознательнаго или комбинаціи оныхъ, *principium individuationis*. 2) Индивидуальный характеръ. теории приобретаемаго характера и врожденнаго характера, примирѣние обѣихъ теорій съ точки зрѣнія философіи Безсознательнаго, скрытыя предрасположенія мозга; относительныя величины частей врожденнаго и приобретаемаго характера, значение измѣняемости характера для прогрессивнаго развитія челоуѣка, сравнительно съ измѣняемостью духовныхъ способностей. Заключение. 216

Глава X. Безсознательное премудро; и миръ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ.

Всеобщность удивленія передъ премудростью природы. Согласіе съ Лейбницемъ въ положеніи что миръ наилучшій изъ всѣхъ воз-

возможныхъ. Косвенная обосновка этого положения. Ложность учения Лейбница о привативности зла. Анализъ выражения «совершенный», ведущаго къ смѣшенію понятій. Нравственность и справедливость сами по себѣ не могутъ быть цѣлями мирового процесса. Всего естественнѣе искать ее въ счастіи. Скрытое побужденіе, которое повело Лейбница къ его ученію о злѣ. Переходъ къ вопросу, о бытіи мира въ сравненіи съ его небытіемъ 240

Глава XI. Безуміе желаній и бѣдствія бытія.

Планъ изслѣдованія. возможность ошибокъ, проистекающихъ изъ разныхъ источниковъ, при оцѣнкѣ жизни, нужно сперва найти общую сумму наслажденій и страданій въ мирѣ на основаніи отдѣльныхъ оцѣнокъ различныхъ направленій жизни, далѣе нужно изслѣдовать на сколько чувствуемыя наслажденія основаны на иллюзии, въ предстоящемъ изслѣдованіи совпадаютъ двѣ точки зрѣнія. Первая стадія иллюзии. счастье кажется достижимымъ для индивидуума въ теченіе его жизни; критика Шопенгауеровской теоріи отрицательности наслажденія; она въ принципѣ ошибочна, но для дѣйствительной жизни ея положенія приложимы; причины этого Обзоръ главныхъ сторонъ жизни здоровье, молодость, свобода, достаточность, голодъ и любовь, состраданіе, дружба и семейное счастье; тщеславіе чувство чести, честолюбіе, славолубіе и властолюбіе, мистическое настроеніе, безнравственность; научныя и художественныя наслажденія, сонъ и сновидѣнія, влеченіе къ богатству и благосостоянію, зависть, недоброжелательство, досада, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, ненависть, месть, гнѣвъ, чувствительность, надежда. *Resumé* первой стадіи иллюзии. Вторая стадія иллюзия счастье кажется достижимымъ для индивидуума въ трансцендентной жизни. Третья стадія иллюзии счастье кажется достижимымъ въ будущіе періоды мирового процесса. понятіе имманентнаго развитія; «индивидуумъ и его собственность» Макса Штирнера, самоубійство, что можно ожидать въ будущемъ отъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя обозрѣвались въ первой стадіи иллюзии. Выводъ изъ этого обозрѣнія человѣчество въ старческомъ возрастѣ должно будетъ отказаться отъ всякой надежды на положительное счастье. Общее заключеніе небытіе мира предпочтительнѣе его бытія. 254

Глава XII. Цѣль міроваго процесса и значеніе сознанія.

Ближайшею цѣлью природы и исторіи представляется сознаніе и его постоянное повышеніе. Но сознаніе не можетъ быть послѣднею цѣлью міроваго процесса, оно есть средство для нея. Послѣднюю цѣль процесса нужно искать въ высшемъ достижимомъ состояніи счастья. Это состояніе есть безболѣзненность, (безмятежность) равняющая небытію. Оно достигается сознательнымъ отрицаніемъ воли, но не индивидуальнымъ, а всеобщимъ, космическимъ. Можетъ ли служить человѣчество орудіемъ этого отрицанія? Условія, которыя необходимы для рѣшенія задачи—отрицанія воли, если человѣчество будетъ орудіемъ его. Какъ можно представить себѣ при этихъ условіяхъ прекращеніе міроваго процесса посредствомъ сознанія. 364

Глава XIII. Послѣднія начала.

Вершина пирамиды познанія. Согласіе началъ философіи Безсознательнаго съ началами великихъ философовъ: Платона, Шопенгауера, Гегеля и Шеллинга. *Воля*: что такое воленіе или хотѣніе, вѣчность воленія; воля какъ потенція, какъ пустое хотѣніе и какъ актъ; вѣроятность новаго воленія по прекращеніи процесса. *Представленія или идея*: отношенія къ Платоновой идеѣ; идея, какъ чистосущее или *actus purus*; идея, какъ содержаніе процесса; отношеніе причинности къ цѣлеположности. *Тождественная субстанція обоихъ атрибутовъ*: воля и представленіе не суть отдѣльныя субстанции, но атрибуты единой субстанции—Безсознательнаго; неразрѣшимая проблема о безосновно-сущемъ. Возможность метафизическаго познанія съ точки зрѣнія философіи Безсознательнаго. 382

О П Е Ч А Т К И.

Ошибки въ прежде-изданномъ I томѣ, а именно:

<i>Напечатано:</i>		<i>Читай:</i>	
Стран. 45	строка 34	1— $\bar{x}$	$1-\frac{1}{x}$
< 71	< 12	посредственнаго	посредства
< 77	< 3	умственный	чувственный

Другие книги нашего издательства:

URSS

Философия. История философии

Асмус В. Ф. Платон.

Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике.

Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века.

Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта.

Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика.

Джохадзе Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики. Эпоха античности.

Донских О. А., Кочергин А. Н. Античная философия: Мифология в зеркале рефлексии.

Зубов В. П. Аристотель. Человек. Наука. Судьба наследия.

Могилевский Б. М. Платон и сицилийские тираны. Мудрец и власть.

Соколов В. В. От философии Античности к философии Нового Времени.

Соколов В. В. Средневековая философия.

Хвостов В. М. Теория исторического процесса.

Хвостов В. М. Очерк истории этических учений. Курс лекций.

Федоров П. П. Архаическое мышление: вчера, сегодня, завтра.

Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ).

Завалько Г. А. Проблема соотношения морали и религии в истории философии.

Бирюков Б. В. Трудные времена философии. В 7 кн.

Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век.

Юшкевич П. С. Столпы философской ортодоксии.

Койре А. Очерки истории философской мысли.

Оствальд В. Натур-философия. Лекции, читанные в Лейпцигском университете.

Альберт Х. Трактат о критическом разуме.

Шишков И. З. В поисках новой рациональности: философия критического разума.

Шишков И. З. Современная западная философия. Очерки истории.

Фулье А. Ницше и имморализм.

Бугера В. Е. Социальная сущность и роль философии Ницше.

Розин В. М. Традиционная и современная философия.

Розин В. М. Проникновение в мышление: История одного исследования М. Вадимова.

Розин В. М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Э. Сведенборга.

Розин В. М. (ред.) Приобщение к философии: Новый педагогический опыт.

Башкова Н. В. Преображение человека в философии русского космизма.

Кнорре Б. К. В поисках бессмертия: Федоровское религиозно-философское движение.

Корчак А. С. Философия Другого Я: история и современность.

Ефимова И. Я. Карл Густав Юнг и древнеиндийская философия сознания.

Гиндилис Н. Л. Научное знание и глубинная психология К.Г. Юнга.

Марсилио Фичино. Книга Меркурия Трисмегиста о мудрости и силе Бога: Пимандер.

Саврей В. Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли.

Серия «Bibliotheca Scholastica». Под общ. ред. *Апполонова А. В.* Билингва: параллельный текст на русском и латинском языках.

Вып. 1. *Бозций Дакийский. Сочинения.*

Вып. 2. *Фома Аквинский. Сочинения.*

Вып. 3. *Уильям Оккам. Избранное.*

Вып. 4. *Роберт Гроссетест. Сочинения.*

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Из наследия мировой философской мысли»

«Великие философы»

- Рибо Т. А.* Философия Шопенгауэра.
Паульсен Ф. Шопенгауэр как человек, философ и учитель.
Бутру Э. Паскаль.
Иодль Ф. Л. Фейербах: Его жизнь и учение.
Шюкэ А. М. Ж.-Ж. Руссо.
Зенгер С. Дж. Ст. Милль: Его жизнь и произведения.
Штраус Д. Ф. Вольтер: Шесть лекций.
Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения.
Горфункель А. Х. Джордано Бруно.
Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла.
Квитко Д. Ю. Философия Толстого.
Соколов В. В. Философский синтез Готфрида Лейбница.
Соколов В. В. Философская доктрина Томаса Гоббса.
Соколов В. В. Спиноза.

«Философия античности»

- Грот Н. Я.* Очерки философии Платона.
Арним Г. История античной философии.
Чернышев Б. С. Софисты.
Вундт М. Греческое мировоззрение.
Блонский П. П. Философия Плотина.
Гюйо Ж. М. Стоицизм и христианство: Эпиктет, Марк Аврелий и Паскаль.
Нахов И. М. Философия киников.

«Теория познания»

- Мессер А.* Введение в теорию познания.
Клейнпетер Г. Теория познания современного естествознания.
Щукарев А. И. Проблемы теории познания.
Ле Дантек Ф. Познание и сознание. Философия XX века.
Фолькман П. Теория познания естественных наук.
Дицген И. Сущность головной работы человека.
Дюбуа-Реймон Э. Г. О границах познания природы: Семь мировых загадок.

«Философия науки»

- Аристотель.* Физика.
Пуанкаре А. Наука и гипотеза.
Пуанкаре А., Кутюра Л. Математика и логика.
Ренан Э. Будущее науки.
Васильев С. Ф. Из истории научных мировоззрений: От Галилея до Больцмана.
Бутру Э. Наука и религия в современной философии.
Лесевич В. В. Письма о научной философии.
Раждо Г. Ученые и философия.
Лейбниц Г. В. Труды по философии науки.
Чудинов Э. М. Природа научной истины.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Из наследия мировой философской мысли»

«Социальная философия»

Новгородцев П. И. Об общественном идеале.

Писарев Д. И. Очерки из истории труда.

Богданов А. А. Новый мир; Вопросы социализма.

Ткачев П. Н. Анархия мысли.

Фулье А. Современная наука об обществе.

д'Эйхталь Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия.

Николаи Г. Ф. Биология войны. Мысли естествоведа.

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления.

Курчинский М. А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии.

Морлей Дж. О компромиссе.

«Этика»

Петрарка Ф. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру.

Гёффдинг Г. Философия религии.

Гёффдинг Г. Этика или наука о нравственности.

Спенсер Г. Научные основания нравственности. Кн. 1, 2.

Фулье А. Критика новейших систем морали.

Хвостов В. М. Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма.

Бутру Э. и др. Общество и мораль. Лекции по общественной этике.

Вышеславцев Б. П. Этика Фихте: Основы права и нравственности.

«Эстетика»

Мильталер Ю. Что такое красота? Введение в эстетику.

Мейман Э. Введение в современную эстетику.

Тард Г. Сущность искусства.

Рёскин Дж. Радость навеки и ее рыночная цена или политическая экономия искусства.

Рёскин Дж. Законы Фиезола. Истинные законы красоты.

Сизеран Р. Рёскин и религия красоты.

Сеайль Г. Леонардо да Винчи как художник и ученый (1452–1519).

Гольцев В. А. Об искусстве. Критические заметки.

Аничков Е. В. Очерк развития эстетических учений.

Розенталь М. М. Вопросы эстетики Плеханова.

Вагнер Р. Произведение искусства будущего.

Студничка А. Принципы прекрасного.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,
(499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)

«У Кентавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Из наследия мировой философской мысли»

«История философии»

- Гартман Э.* Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. В 2 кн.
Кант И. Антропология с прагматической точки зрения.
Кюльпе О. Введение в философию.
Кюльпе О. Очерки современной германской философии.
Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. В 2 кн.
Бюхнер Л. Сила и материя.
Риль А. Введение в современную философию.
Штенберген А. Интуитивная философия Анри Бергсона.
Авенариус Р. Философия как мышление о мире.
Авенариус Р. Человеческое понятие о мире.
Авенариус Р. Критика чистого опыта. В популярном изложении А. Луначарского.
Вебер А. История европейской философии.
Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы.
Беркли Дж. Трактат о началах человеческого знания.
Блонский П. П. Проблема реальности у Беркли.
Сёлли Дж. Пессимизм. История и критика.
Миль Д. С. Огюст Конт и позитивизм.
Спенсер Г. Неисповедимые тайны жизни. Факты и комментарии.
Юм Д. Диалоги о естественной религии.
Роговин С. М. Деизм и Давид Юм. Анализ «Диалогов о естественной религии».
Бальтазар Н., Дебольский Н. Г., Яковенко Б. В. Метафизика на рубеже эпох.
Гайденко П. П. Трагедия эстетизма: О мирозерцании Серена Киркегора.
Эбер М. Прагматизм.
Гёффдинг Г. Философские проблемы.
Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные надворным советником.
Челпанов Г. И. Введение в философию.
Лопатин Л. М. Лекции по истории новой философии.
Лопатин Л. М. Неотложные задачи современной мысли.
Скрынченко Д. В. Ценность жизни по философскому и христианскому учению.
Эрих В. Ф. Введение в изучение философии.
Квитко Д. Ю. Очерки современной англо-американской философии.
Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46
 или *электронной почтой* URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в *интернет-магазине*: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Эдуард фон ГАРТМАН

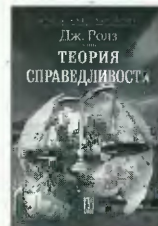
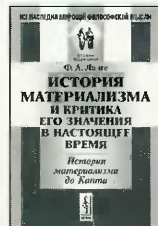
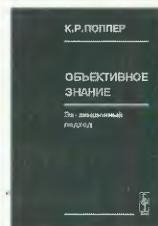
(1842-1906)

Выдающийся немецкий философ. Родился в Берлине, в семье прусского генерала. По окончании гимназии поступил на военную службу, но вскоре вышел в отставку по болезни. После безуспешных занятий художественной литературой сосредоточился на изучении философии. Получив докторскую степень, издал в 1869 г. свое главное произведение «Философия бессознательного», которое сразу доставило ему известность, выдержав много изданий (10-е вышло в 1890 г.). Помимо философских работ, Э. фон Гартман писал о спиритизме, о еврейском вопросе, о немецкой политике и т. д. Полное собрание его

сочинений насчитывает около 40 томов. Посмертно была издана его «Система философии» в 8 томах (1907–1909).

На формирование философских взглядов Гартмана существенное влияние оказали идеи Шопенгауэра и Шеллинга, которые он намеревался соединить с концепцией Гегеля. Однако если Шеллинг и Гегель при построении философских систем придавали второстепенное значение научным данным, то Гартман стремился достичь согласованности умозрительно полученных данных с научными знаниями, добытыми индуктивным путем. Как и Шопенгауэр, основой бытия он считал бессознательное духовное начало, идея которого пронизывает всю его этику. Кроме «Философии бессознательного», в число его важнейших философских работ вошли: «Неокантианство, шопенгауэрианство, гегельянство» (1877), «Феноменология нравственного сознания» (1878), «Религиозное сознание человечества в его последовательном развитии» (1881), «Религия духа» (1882), «Эстетика» (1886–1887; в 2 т.), «Основная проблема теории познания» (1890), «История метафизики» (1899–1900; в 2 т.), «Современная психология» (1901), «Мировоззрение современной физики» (1902), «Проблема жизни» (1906) и другие.

Наше издательство предлагает следующие книги:

9197 ID 115686

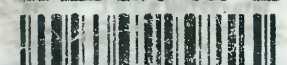
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-
Тел./факс: 7 (499) 135-

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

OZON.RU

38832384

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>